Касслер Клайв

"За борт!"

ПРЕЛЮДИЯ «САН-МАРИНО»

15 июля 1966 года Тихий океан

Девушка заслонила карие глаза от солнца и посмотрела на большого пеликана, проскользнувшего над стрелой кормового крана. Через несколько минут зрелище грациозного полета ей наскучило, она села, и стали видны ровные красные полоски от ремешков старомодного шезлонга на загорелой спине.

Девушка осмотрелась, нет ли поблизости палубных матросов, но никого не оказалось, и потому она стыдливо поправила чашечки узенького бикини.

От тропической жары по ней струился пот. Проведя ладонью по плоскому твердому животу, девушка почувствовала, как пот выступает сквозь поры кожи, успокоилась, расслабилась и снова легла: равномерный гул двигателей старого фрейтера и тягостная жара вызывали сонливость.

Страх, который жег ее изнутри, когда она села на этот корабль, постепенно рассеялся.

Теперь ей не приходилось лежать подолгу без сна, прислушиваясь к биению своего сердца, и она не поглядывала украдкой на лица членов экипажа, стараясь заметить в них подозрительность, не ждала каждую минуту, что капитан сурово объявит ей: «Вы арестованы». Постепенно ей удалось заставить себя забыть о преступлении и думать о будущем. И тогда она с облегчением обнаружила, что чувство вины может пройти.

На краю поля зрения появилось белое пятно на трапе — стюард, человек с Востока. Мужчина почтительно приблизился, не поднимая глаз от палубы, словно ему неловко было смотреть на ее тело.

— Прошу прощения, мисс Уоллес, — сказал он. — Капитан Мастерс почтительно просит вас отобедать с ним и его офицерами, если вам уже лучше.

Эстелла Уоллес мысленно возблагодарила загар, скрывший краску на ее щеках. С самого выхода из Сан-Франциско она притворялась больной и ела в своей каюте, чтобы избежать разговоров с офицерами. Теперь девушка решила, что надо прекратить разыгрывать отшельницу.

Пришло время попрактиковаться во лжи.

— Передайте капитану Мастерсу, что я с удовольствием пообедаю с ним.

— Он будет рад это слышать, — ответил стюард, и широкая улыбка обнажила просвет между его передними зубами. — Попрошу, чтобы кок приготовил для вас что-нибудь особенное.

Он повернулся и пошел. Его походка показалась Эстелле слишком подобострастной даже для азиата.

Уверившись в правильности своего решения, она оглядела надстройку «Сан-Марино», расположенную на три палубы выше. Небо над единственной черной трубой, изрыгающей черный дым, казалось удивительно голубым; черный цвет трубы резко контрастировал с белизной переборок.

— Надежный корабль, — хвастливо сказал капитан, вводя ее в кают-компанию. И принялся рассказывать историю корабля и описывать его устройство, как будто Эстелла — испуганная пассажирка, в первый раз сплавляющаяся на каноэ через пороги.

Построенный в 1943 году по типовому проекту «Либерти»,[1] «Сан-Марино» перевозил военные грузы через Атлантику в Европу и совершил шестнадцать таких путешествий туда и обратно. В одном из них, когда корабль удалился от конвоя, его торпедировали, однако он не затонул и своим ходом добрался до Ливерпуля.

После войны в числе тридцати судов, принадлежавших нью-йоркской «Мэнкс стимшип компани», он плавал под панамским флагом, заходя в самые отдаленные порты. Имея наклонную мачту и почти вертикальную корму, он развивал в Тихом океане скорость одиннадцать узлов. «Сан-Марино» предстояло еще несколько лет приносить прибыль владельцам, после чего судно сдадут на лом.

Ржавчина проела его стальной корпус, и теперь он походил на проститутку, но в глазах Эстеллы был прекрасен и непорочен.

Прошлое Эстеллы уже начало расплываться. Каждый оборот вала изношенных двигателей отдалял ее от скучной, полной самоотречений жизнью и приближал к сказочному будущему.

Первый шаг к превращению Арты Касилио в Эстеллу Уоллес был сделан, когда она нашла потерянный паспорт, лежавший за сиденьем лос-анджелесского автобуса, в котором Эстелла в вечерний час пик ехала по бульвару Уилшир. Сама не зная зачем, Арта сунула паспорт в сумочку и унесла домой.

Прошло несколько дней, но она не сдала паспорт водителю и не отправила его почтой законной владелице. Арта ежедневно по часу рассматривала страницы паспорта с заграничными штампами. Ее

заинтересовало лицо на фотографии. Гораздо более накрашенное, но поразительно схожее с ее собственным. Обе женщины почти ровесницы — их дни рождения разделяло восемь месяцев. Одинаковые — карие — глаза; если бы не разные прически и оттенки волос, они вполне могли бы сойти за сестер.

Арта начала подражать Эстелле Уоллес, создавать свое второе «я», которое — хотя бы в мечтах — могло отправиться в экзотические края, где нет места робкой, маленькой Арте Касилио.

Однажды вечером, по окончании рабочего дня, Арта обнаружила, что смотрит на пачки свежеотпечатанных банкнот, которые только что доставили в их банк в Лос-Анджелесе из Федерального резервного банка.

За четыре года работы она привыкла к крупным суммам и не обращала на них внимания — свойство, рано или поздно появляющееся у всех кассиров. Но в этот раз пачки зеленых купюр совершенно неожиданно околдовали ее. Ей вдруг представилось, что это ее деньги.

Этот уик-энд Арта потратила на то, чтобы укрепить решимость и спланировать преступление, которое задумала совершить; она отрабатывала каждый жест, каждое движение, пока не начала совершать их плавно, без запинки.

Девушка не спала всю воскресную ночь, а когда прозвенел будильник, встала вся в холодном поту, но полная решимости довести дело до конца.

По понедельникам деньги привозили в бронированной машине, обычно от шестидесяти до восьмидесяти тысяч долларов. Купюры пересчитывали и держали до среды, затем развозили по отделениям банка, разбросанным по всему Лос-Анджелесу.

Арта решила действовать вечером в понедельник, когда она укладывает свой ящик с деньгами в сейф.

Утром, приняв душ и накрасившись, Арта натянула панталоны. Обернула ноги от середины икры до бедер двусторонней липкой лентой, оставив верхний защитный слой ленты не тронутым. Это своеобразное дополнение к одежде она прикрыла длинной юбкой; юбка по щиколотку полностью скрыла ленту.

Затем она взяла пачки аккуратно нарезанной плотной бумаги и сложила к себе в сумку. Сверху и снизу в каждой пачке лежала новенькая пятидолларовая банкнота, а сама пачка была перевязана сине-белыми подлинными обертками Федерального резервного банка и внешне казалась абсолютно нормальной.

Арта стояла перед высоким, в рост человека, зеркалом и в тысячный раз репетировала свои действия. «Арта Касилио больше не существует. Ты теперь Эстелла Уоллес».

Эти уговоры как будто действовали. Арта чувствовала, как расслабляются ее мышцы, как дышится медленнее, ровнее. Сделав глубокий вдох, расправив плечи, она отправилась на работу.

Стараясь ничем не привлечь внимания, она нечаянно пришла на работу на десять минут раньше — поразительный факт для всех, кто ее знал, но было утро понедельника, и этого никто не заметил. Арта сидела за своей стойкой кассира, и каждая минута казалась ей часом, а каждый час — жизнью. Она испытывала странную отчужденность от привычного окружения, но тут же подавила мысль отказаться от опасного предприятия. Страх и паника, к счастью для нее, ушли в подсознание.

Когда пробило шесть и один из вице-президентов закрыл и запер массивные двери, Арта быстро подвела итог и выскользнула в женский туалет; здесь в кабинке она сняла верхний слой липкой ленты и спустила в унитаз. Потом взяла пачки поддельных денег и прикрепила их к ленте, несколько раз топнув, чтобы убедиться, что ни одна пачка не выпадет при ходьбе.

Убедившись, что все готово, она вышла и задержалась в вестибюле, пока все остальные кассиры не поместили свои денежные ящики в сейф и не вышли. Ей нужны были всего две минуты одиночества в огромном стальном кубе, и Арта эти две минуты получила.

Задрав юбку, девушка точными движениями поменяла поддельные пачки на настоящие.

Выйдя из сейфа и попрощавшись с вице-президентом, она не могла поверить, что ей действительно все удалось.

Придя домой, Арта тут же сбросила юбку, достала пачки купюр и пересчитала. 51 тысяча долларов.

Мало.

Она ощутила жгучее разочарование. Нужно по меньшей мере вдвое больше, чтобы покинуть страну и обеспечить себе минимальный уровень комфорта, увеличивая свое состояние разумными вложениями.

Легкость операции сделала Арту безрассудной. «Осмелюсь ли я повторить ее?» — подумала она. Деньги Федерального резервного банка уже сосчитаны, и до среды их не отправят в отделения. Завтра вторник. Есть возможность взять еще, пока кража не обнаружена.

Почему бы и нет?

Ее будоражила мысль о том, чтобы ограбить дважды один и тот же банк. Может, Арте Касилио для этого не хватило бы решимости, но Эстеллу Уоллес не нужно было уговаривать.

В тот же вечер она купила в лавке подержанных вещей большой старомодный саквояж и сделала в нем двойное дно. Уложила деньги и вещи, и на такси поехала в международный аэропорт Лос-Анджелеса, оставила саквояж в ячейке камеры хранения и купила билет на вечерний рейс в Сан-Франциско.

Неиспользованный билет на вечер понедельника девушка завернула в газету и выбросила в урну. Делать больше было нечего, поэтому она вернулась домой и заснула как убитая.

Вторая кража прошла так же гладко, как первая. Через три часа после того как Арта в последний раз вышла из Беверли-Уилширского банка, она уже пересчитывала деньги в отеле в Сан-Франциско. Общая сумма составила 128 тысяч. Не слишком много, учитывая нынешнюю инфляцию, но вполне достаточно для ее целей.

Следующий шаг был относительно прост. Арта посмотрела в газетах расписание отхода судов и нашла «Сан-Марино», фрейтер, отправляющийся в шесть тридцать на следующее утро в Окленд, в Новую Зеландию.

За час до отхода она поднялась по трапу. Капитан утверждал, что не берет пассажиров, но согласился за взаимно приемлемую сумму — Эстелла подозревала, что эта сумма пойдет капитану в карман, а не в казну компании.

Эстелла переступила порог офицерской столовой и на мгновение замерла в неуверенности, встретив оценивающие взгляды шестерых мужчин.

Медные волосы падали ей на плечи, почти сливаясь с медным загаром. Она надела длинное, обтягивающее розовое платье, которое выделяло все что нужно. Единственным украшением был браслет из белой кости. Ее простая элегантность потрясла поднявшихся ей навстречу офицеров.

Капитан Мастерс, высокий, седеющий, подошел к ней и взял за руку.

— Мисс Уоллес, — сказал он, тепло улыбаясь, — приятно видеть, что вы здоровы.

— Думаю, худшее позади, — заметила она.

— Должен признаться, я начинал тревожиться. Вы пять дней не выходили из каюты, и я опасался худшего. На борту нет врача, и мы оказались бы в трудном положении, если бы вы заболели.

— Спасибо, — тихо поблагодарила она.

Он чуть удивленно взглянул на нее.

— За что спасибо?

— За заботу. — Она пожала ему руку. — Обо мне очень давно никто не заботился.

Он улыбнулся и подмигнул.

— Для этого на судне и существует капитан.

Потом повернулся к офицерам.

— Господа, позвольте представить мисс Эстеллу Уоллес, которая оказала нам честь, согласившись своим присутствием скрасить плавание до Окленда.

Начались представления. Эстеллу позабавило, что почти у всех офицеров были номера. Первый помощник, второй помощник, даже четвертый помощник. Все пожимали ей руку так, словно та была из хрупкого фарфора, все, кроме старшего механика, низкорослого и широкоплечего, говорившего со славянским акцентом. Этот наклонился и поцеловал кончики ее пальцев. Первый помощник подозвал стюарда, который стоял за небольшой барной стойкой красного дерева.

— Мисс Уоллес, что желаете?

— А можно «Дайкири»? Хочется сладкого.

— Конечно, — ответил первый помощник. — «Сан-Марино», может, и не роскошный круизный лайнер, но у нас лучший бар на этой широте Тихого океана.

— Надо быть честным, — добродушно укорил его капитан. — Вы забыли упомянуть, что наше судно единственное на этой широте.

— Это всего лишь мелкая подробность, — пожал плечами первый помощник. — Ли, один из твоих знаменитых «дайкири» для молодой леди.

Эстелла с интересом наблюдала, как стюард искусно выжал лайм и смешал ингредиенты коктейля. Все его движения были театрально выразительными. Ледяной напиток оказался очень вкусным, и ей пришлось сдерживаться, чтобы не выпить все одним глотком.

— Ли, — сказала она, — вы чудо.

— Так и есть, — подтвердил Мастерс. — Нам повезло, что он у нас на борту.

Эстелла сделала еще глоток.

— Кажется, у вас много азиатов в команде.

— Замена, — объяснил Мастерс. — Когда мы пришли в Сан-Франциско, десять человек из команды списались на берег. К счастью, до нашего отхода явились наниматься Ли и еще девять корейцев.

— Все это очень странно, если хотите знать мое мнение, — заметил второй помощник.

Мастерс пожал плечами.

— Члены экипажа регулярно списываются на берег с тех пор, как кроманьонец построил первый плот. Ничего странного в этом нет.

Второй помощник с сомнением покачал головой.

— Один или два — возможно, но не десять! «Сан-Марино» отличный корабль, и у нас отличный и справедливый капитан. Для такого массового исхода не было причин.

— На море все возможно, — вздохнул Мастерс. — Корейцы хорошие моряки, аккуратные и работящие. Я бы не сменял их на половину груза в трюме.

— Не очень щедрая плата, — заметил главный механик.

— Можно спросить, — вмешалась Эстелла, — какой груз вы везете?

— Конечно, — с готовностью ответил молодой четвертый помощник. — В Сан-Франциско нам в трюмы поместили...

— Титановые слитки, — оборвал его капитан.

— Стоимостью восемь миллионов долларов, — добавил первый помощник, неодобрительно глядя на четвертого.

— Еще раз прошу прощения, — сказала Эстелла, протягивая пустой стакан стюарду. Она снова повернулась к Мастерсу. — Я слышала о титане, но не знаю, для чего он применяется.

— Правильно обработанный, чистый титан прочнее и легче стали. Это достоинство делает его необходимым при строительстве самолетов. Он также широко используется при изготовлении красок и пластиков. Подозреваю, что он есть даже в вашей косметике.

Кок, анемичного вида азиат в сверкающем белом переднике, высунул голову из боковой двери и кивнул Ли, который в ответ постучал по стакану ложкой-смесителем.

— Обед готов, — произнес он по-английски с сильным акцентом, сверкая щербатой улыбкой.

Обед был великолепный; Эстелла пообещала себе, что никогда его не забудет. Быть окруженной шестью привлекательными, умными и внимательными мужчинами — чего еще может требовать женское тщеславие?

После кофе капитан Мастерс извинился и отправился на мостик. Остальные офицеры один за другим тоже вернулись к своим обязанностям, а Эстелла прогулялась по палубе со старшим механиком. Он развлекал ее рассказами о морских суевериях, о загадочных чудовищах из пучин и забавными сплетнями о членах команды.

Наконец они подошли к двери ее каюты, и мужчина галантно поцеловал ей руку. Она приняла его приглашение вместе с ним прийти на завтрак.

Эстелла вошла в крохотную каюту, закрыла дверь на замок, опустила занавеску на единственном иллюминаторе, вытащила из-под кровати саквояж и открыла его.

Сверху лежали ее косметика и беззаботно скомканное белье. Под ними несколько аккуратно сложенных блузок и юбок. Она их отложила, чтобы позже расправить и отпарить. Пилочкой для ногтей осторожно приподняла фальшивое дно и заглянула под него.

Потом выпрямилась и облегченно вздохнула. Деньги на месте, по-прежнему в пачках и упаковке Федерального резервного банка.

Она почти ничего не истратила.

Эстелла встала, стянула через голову платье — под ним ничего не было — и легла на койку, заложив руки за голову.

Закрыла глаза и представила себе лица своих начальников, когда они обнаружат исчезновение денег, а вместе с ними — маленькой надежной Арты Касилио. Она их всех провела! Эстелла испытала необычное, почти сексуальное возбуждение при мысли, что ФБР внесет ее в список наиболее разыскиваемых преступников. Следователи допросят ее подруг и соседей, обыщут квартиру, проверят тысячи банков, не внес ли кто крупную сумму в пронумерованных банкнотах, — но ничего не найдут.

Арты, она же Эстелла, не будет там, где ее ждут.

Она открыла глаза и посмотрела на уже знакомые стены своей каюты. Но каюта почему-то начала удаляться от нее. Предметы то становились

отчетливо видны, то расплывались. Мочевой пузырь требовал похода в туалет, но тело отказывалось подчиняться приказу двигаться. Мышцы словно затекли. Тут открылась дверь, и вошел Ли с еще одним азиатом.

Ли не улыбался.

«Этого не может быть», — сказала себе Эстелла. Стюард не смеет войти в ее каюту, когда она без одежды лежит на койке.

Должно быть, все это кошмар, вызванный обильной едой и выпивкой, подстегнутый несварением.

Она чувствовала себя отделенной от тела, как будто наблюдала за происходящим из угла каюты. Ли вынес ее из каюты и понес по коридору на палубу.

Здесь было несколько корейцев, бортовые прожектора ярко освещали их овальные лица. Корейцы подносили большие свертки и бросали их за поручни. Неожиданно один из свертков посмотрел на нее. Это было пепельно-бледное лицо молодого четвертого помощника, в глазах смесь недоумения и ужаса. Но вот он тоже исчез за бортом.

Ли наклонился над ней, делая что-то с ее ногами. Она ничего не чувствовала, только летаргическое оцепенение. Он как будто привязывал к ее ногам кусок ржавой цепи.

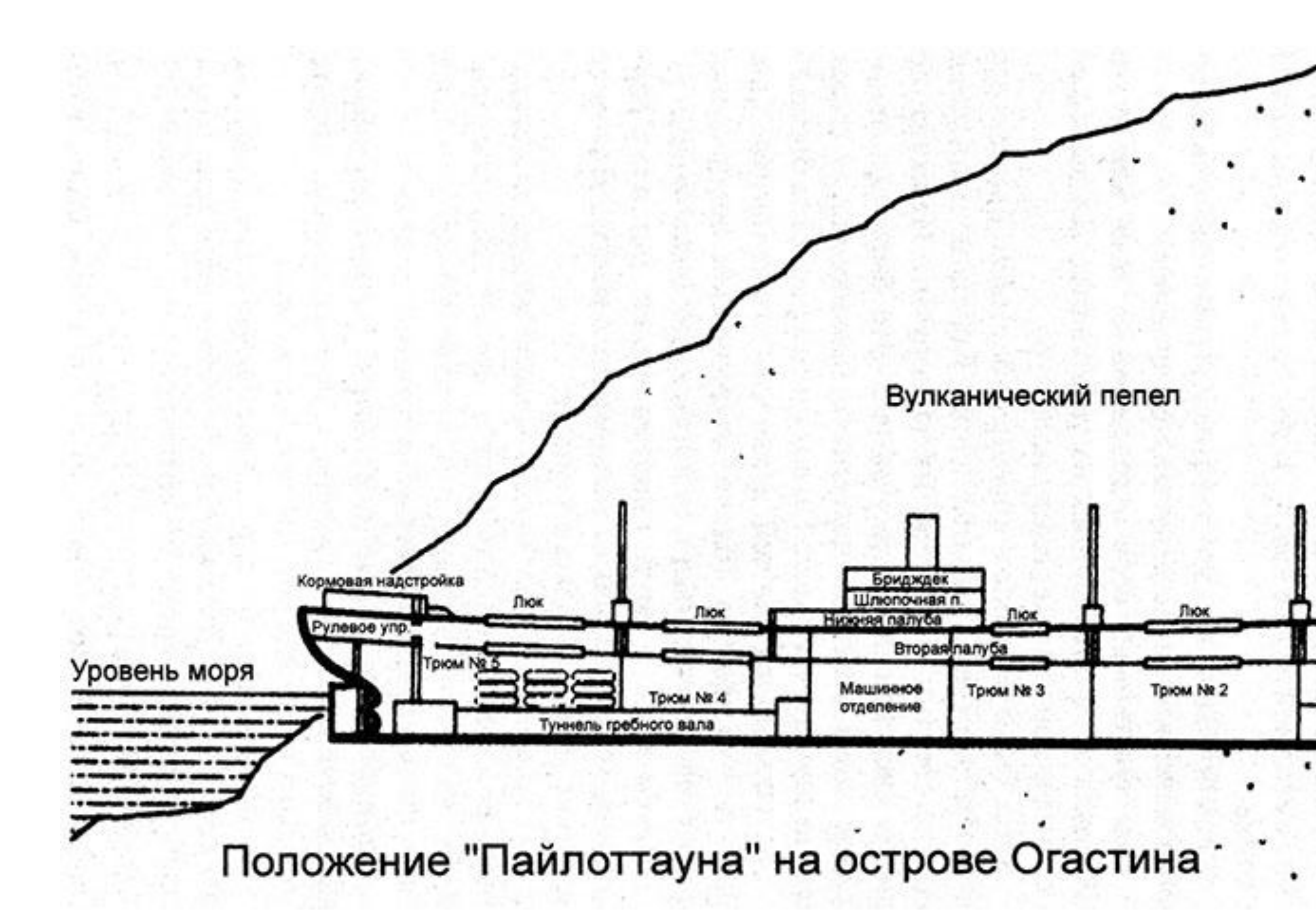
«Зачем это?» — смутно подумалось ей. Эстелла с равнодушием ощущала, как ее поднимают в воздух. Потом ее отпустили, и она поплыла в темноте.

Что-то сильно ударило ее, выдавив воздух из легких. Холодная властная сила окружила, сомкнулась над головой. Безжалостное давление стиснуло ее и потащило вниз, гигантскими клещами сдавив внутренние органы.

Лопнули барабанные перепонки, мгновение обжигающей боли очистило сознание, и Эстелла поняла, что это не сон. Она раскрыла рот, пытаясь закричать.

Но не раздалось ни звука. Увеличивающееся давление воды сжало ее грудную клетку. Безжизненное тело опустилось в распростертые объятия пропасти глубиной десять тысяч футов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «ПАЙЛОТТАУН»

Положение "Пайлоттауна" на острове Огастина

Глава 1

25 июля 1989 года Залив Кука, Аляска

Черные тучи угрожающе надвигались на море от острова Кадьяк, превратив поверхность глубокого сине-зеленого моря в свинец. Оранжевый блеск солнца исчез, словно задули огонек свечи. В отличие от большинства бурь в Аляскинском заливе, которые сопровождаются ветром в пятьдесят-сто миль в час, эта вызвала лишь легкий бриз. Пошел дождь, вначале редкий, но затем перешедший в такой ливень, что вода побелела.

Капитан-лейтенант Эймос Довер, стоя на крыле мостика катера береговой охраны «Катоба», пытался что-нибудь разглядеть в бинокль сквозь потоки воды. С тем же успехом он мог вглядываться в мерцающий театральный занавес. Видимость кончалась на четырехстах метрах. Холодный дождь падал на лицо и становился еще холоднее, когда лился за поднятый воротник плаща и стекал по шее. Наконец Довер выбросил промокшую сигарету за борт и вошел в теплую, сухую рубку.

— Радар! — хрипло окликнул он.

— Контакт шестьсот пятьдесят метров прямо впереди и приближается, — ответил оператор, не отрывая взгляда от экрана.

Довер расстегнул плащ и носовым платком вытер влажную шею. Меньше всего он ожидал неприятностей в умеренную погоду.

Рыболовные суда или дорогие яхты редко пропадают в середине лета. Вот зимой погода в заливе становится отвратительной и непредсказуемой. Холодный арктический воздух смешивается с теплым воздухом, нагретым Аляскинским течением, и порождает сильные ветры; палуба покрывается льдом, корабль становится слишком тяжелым, накреняется и тонет, как кирпич.

Был получен сигнал SOS от корабля под названием «Арни Мария». За сигналом последовали координаты и слова: «...думаю, все умирают».

Были отправлены неоднократные запросы на дополнительную информацию, но радио на борту «Арни Марии» молчало.

Поиски с воздуха исключались, пока не улучшится погода.

Все корабли в радиусе ста миль изменили курс и полным ходом двинулись к месту, откуда поступили сигналы тревоги. Довер рассчитал, что из-за своей большой скорости «Катоба» первой подойдет к терпящему бедствие кораблю. Мощные двигатели уже позволили ей оставить позади грузовой пароход и рыболовное судно, занимавшееся ловлей палтуса; эти суда остались позади, качаясь на кильватерном следе катера.

Довер, рослый здоровяк, не раз участвовал в спасении на море. Он двенадцать лет провел в северных водах, упрямо снося все садистские капризы Арктики. Крепкий, обветренный, медлительный и неуклюжий, он обладал умом, схожим со счетной машиной, чем неизменно приводил экипаж в восторг и благоговение. Быстрее корабельного компьютера он рассчитал курс с поправкой на ветер и течение и прибыл туда, где должен был находиться корабль, его обломки или уцелевшие моряки, — прибыл так быстро, что готов был столкнуться нос к носу.

Гул двигателей у него под ногами стал каким-то лихорадочным. Словно спущенная с поводка гончая, «Катоба» будто учуяла добычу. Всех на борту снедало нетерпение.

Не обращая внимания на дождь, команда выстроилась на палубе и на мостике капитанской рубки.

— Четыреста метров, — пропел оператор радара.

И тут моряк, стоявший на носу, принялся тыкать пальцем в дождь.

Довер высунул голову из рубки и крикнул в рупор:

— Корабль на плаву?

— Как резиновая уточка в ванне, — ответил моряк, сведя руки у рта.

Довер кивнул вахтенному лейтенанту.

— Сбросить ход.

— Тихий ход, — ответил лейтенант и передвинул несколько рычагов на панели автоматического управления кораблем.

Из дождя показалась «Арни Мария».

Все ожидали увидеть ее полупогруженной, тонущей.

Но корабль прямо сидел на воде и без малейших затруднений преодолевал легкое волнение. Тишина на его борту казалась необычной, почти сверхъестественной. Палубы были пусты, и на крики Довера в рупор никто не откликнулся.

— Судя по виду, краболов, — сказал Довер, ни к кому не обращаясь. — Стальной корпус, примерно сто десять футов. Вероятно, с верфи в Новом Орлеане.

Радист высунулся из рубки и поманил Довера.

— Из Регистра, сэр. Владелец и капитан «Арни Марии» — Карл Китинг, порт приписки — Кадьяк.

Довер снова окликнул необычно тихое судно-краболов, но теперь назвал капитана по имени. Ответа он по-прежнему не получил.

«Катоба» медленно обогнула корабль, в ста метрах от него застопорила машину и легла в дрейф.

Стальные решетчатые ловушки для крабов были аккуратно выложены на палубе, из трубы тянулся выхлопной дым: машины судна отрабатывали самый малый ход. В иллюминаторах и окнах рубки — никакого движения.

Группа высадки состояла из двух офицеров: энсина Пэта Мерфи и лейтенанта Марти Лоуренса. Без обычной для таких случаев пустой болтовни они надели спасательные костюмы, которые защитят их от ледяной воды при случайном падении в море. Они потеряли счет, сколько раз им приходилось проводить обычный досмотр кораблей в двухсотмильной аляскинской зоне, но в этом досмотре не было ничего обычного. Экипаж не выстроился у поручней, провожая их. Они спустились в маленький резиновый «Зодиак» с подвесным мотором и отошли.

До темноты оставалось всего несколько часов. Дождь перешел в морось, но ветер усилился, и на море началось волнение. Странная тишина

царила на «Катобе». Все молчали, словно опасались сказать слово — пока не будет разорвана завеса тайны.

Все видели, как Мерфи и Лоуренс привязали свою крошечную шлюпку к борту краболова, поднялись на палубу и исчезли в дверях кают-компании.

Прошло несколько минут. Изредка один из проверяющих показывался на палубе и снова исчезал в коридоре.

Единственным звуком в рубке «Катобы» был треск статического электричества: это радист настроил приемник на волну чрезвычайных сообщений.

Неожиданно — так неожиданно, что даже Довер вздрогнул, — в рубке громко прозвучал голос Мерфи:

— «Катоба», говорит «Арни Мария».

— Слушаем, «Арни Мария», — произнес в микрофон Довер.

— Они все мертвы.

Слова прозвучали так холодно, так напряженно, что сразу их никто не понял.

— Повторите.

— Ни следа пульса или иных признаков жизни. Даже кошка сдохла.

Группа высадки обнаружила корабль мертвецов. Тело капитана Китинга нашли на палубе, оно лежало головой к радиорубке. В камбузе, в кают-компании и в кубриках — тела остальных членов команды «Арни Марии». На их лицах застыла гримаса боли, руки и ноги в неестественных положениях, как будто в последние мгновения жизни люди от чего-то отбивались. Кожа странно почернела, из всех отверстий шла кровь. Корабельный сиамский кот лежал рядом с одеялом, которое изорвал когтями в предсмертных муках.

Рапорт Мерфи вызвал у Довера скорее изумление, чем потрясение.

— Можете определить причину смерти?

— Даже предположений никаких, — ответил Мерфи. — Никаких указаний на борьбу. Ни следа на телах, однако кровь у них текла, как у свиней на бойне. Похоже, погибли все разом.

— Подождите.

Довер повернулся и осмотрел собравшихся, потом увидел корабельного врача, капитан-лейтенанта Айзека Тайера.

Док Тайер был самым популярным человеком на корабле. Ветеран службы в береговой охране, он давно отказался от роскошного кабинета и высокого дохода от медицинской практики на берегу ради рискованных приключений на море.

— Что скажете, док? — спросил Довер.

Тайер пожал плечами и улыбнулся:

— Похоже, мне стоит принять вызов на дом.

Пока док Тайер спускался во второй «Зодиак» и преодолевал расстояние между кораблями, Довер нетерпеливо расхаживал по рубке.

Он приказал рулевому развернуть катер так, чтобы можно было взять краболов на буксир. Сосредоточился на этом маневре и не заметил, что радом с ним стоит радист.

— Сэр, только что получен сигнал от пилота, который перевозит припасы группе ученых на острове Огастин.

— Не сейчас, — резко сказал Довер.

— Это срочно, капитан, — настаивал радист.

— Ладно, читай самое главное.

— Все ученые группы мертвы. Потом что-то неразборчивое и что-то похожее на «Спасите».

Довер молча смотрел на радиста.

— Это все?

— Да, сэр. Я пытался снова вызвать его, но ответа нет.

Доверу не нужно было изучать карту, чтобы узнать, что Огастин, необитаемый вулканический остров, лежит всего в тридцати милях к северо-востоку от его нынешнего местонахождения. И в его сознании неожиданно возникла страшная мысль. Он схватил микрофон и закричал:

— Мерфи! Вы там?

Ничего.

— Мерфи… Лоуренс… вы меня слышите?

Опять никакого ответа.

Капитан взглянул в окно рубки и увидел, как док Тайер поднимается на палубу «Арни Марии». Человек такого сложения не может двигаться так стремительно, но Довер схватил рупор и выскочил наружу.

— Док! Вернитесь в шлюпку! — прогремел над водой его усиленный громкоговорителем голос.

Он опоздал. Тайер уже исчез в коридоре.

Люди на мостике недоуменно смотрели на капитана. Его лицо напряглось, и, когда он вернулся в рубку и снова взял микрофон, оно выражало отчаяние.

— Док, говорит Довер, вы меня слышите?

Прошло две минуты, две бесконечные минуты, пока Довер пытался вызвать людей на «Арни Марии». Но даже оглушительная сирена «Катобы» не возымела действия.

Потом послышался голос дока Тайера. Врач говорил с ледяным спокойствием.

— С сожалением сообщаю, что энсин Мерфи и лейтенант Лоуренс мертвы. Я не нашел у них никаких признаков жизни. То, что убило их, убьет и меня, я не успею уйти. Необходимо поставить корабль в карантин. Вы меня поняли, Эймос?

Довер не мог осознать, что вдруг теряет старого друга.

— Не понимаю, но покоряюсь.

— Хорошо. Буду описывать симптомы по мере их появления. Пульс учащается до ста пятидесяти. Возможно, заражение произошло через кожу. Пульс сто семьдесят.

Тайер помолчал. Дальше он говорил с трудом:

— Растущая тошнота. Ноги… не держат. Сильное жжение… в области носовых пазух. Внутренние органы словно взрываются.

На борту «Катобы» все как один подались к передатчику: невозможно было представить, что совсем рядом умирает человек, которого они давно знали и уважали.

— Пульс… свыше двухсот. Боль… ужасная. В глазах темно. — Раздался стон. — Скажите… скажите моей жене…

Наступило молчание.

Потрясение было почти осязаемым, о нем говорили округлившиеся глаза членов экипажа; всех охватил ужас.

Довер молча смотрел на могилу под названием «Арни Мария», в беспомощном отчаянии стискивал кулаки.

— Что произошло? — бесстрастно спросил он. — Что, во имя Господа, всех убивает?

Глава 2

— А я говорю: повесить ублюдка.

— Оскар, выбирай слова при девочках.

— Они слышали и похуже. Это безумие. Негодяй убивает четверых детей, а какой-то кретин-судья закрывает дело, потому что обвиняемый слишком обкурился, чтобы расслышать свои права. Боже, ты представляешь?

Кэролайн Лукас налила мужу первую чашку кофе за день и проводила двух дочерей к школьному автобусу. А он сделал угрожающий жест в сторону телевизора, как будто виноват был диктор, объявивший, что убийца теперь на свободе.

Жесты Оскара Лукаса мало напоминали язык глухонемых. Ссутулив плечи, он сидел за накрытым к завтраку столом в позе, которая скрадывала его долговязость. Голова у него была лысая, как яйцо, если не считать нескольких седых прядей за ушами, а густые брови нависали над карими глазами. Не собираясь перенимать обязательный для Вашингтона официальный стиль, Лукас был в спортивных брюках и футболке.

В свои сорок с небольшим лет Лукас мог бы сойти за зубного врача или бухгалтера, но никак не за специального агента секретной службы из охраны президента. За двадцать лет работы агентом он не раз обманывал людей своим видом простого парня и доброго соседа: от самих президентов, чью жизнь защищал, до потенциальных убийц, которых он обезоруживал раньше, чем они начнут действовать. На работе он был воинственно строг, а дома обычно шутил и дурачился, прерываясь, конечно, на время восьмичасового выпуска новостей.

Лукас сделал последний глоток кофе и встал из-за стола. Пальто он не застегивал; он был левшой и всегда имел при себе револьвер «Смит и Вессон» калибра.375, «Магнум» 19-й модели с двухдюймовым стволом. Стандартный пистолет ему предоставили на службе, когда он завершил обучение и начал работу в денверском отделе расследований случаев фальсификации и мошенничества. За время службы ему лишь дважды пришлось применять оружие, но в тире он стрелял регулярно.

Кэролайн сгружала тарелки в посудомоечную машину, он подошел к жене сзади, отвел светлые волосы и поцеловал в шею.

— Ухожу.

— Не забудь, сегодня вечером у Хардингов через улицу вечеринка у бассейна.

— Вернусь вовремя. Босс сегодня никуда не выезжает из Белого дома.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Позаботься, чтобы он не уезжал.

— Первым делом сообщу президенту, что моя жена недовольна, когда я работаю допоздна.

Она рассмеялась и на мгновение положила голову ему на плечо.

— В шесть.

— Твоя взяла, — с деланной покорностью сказал он и вышел.

Лукас вывел служебный «Бьюик»-седан на улицу и поехал в центр. Не проехав и квартала, он связался по радио с центральным командованием секретной службы.

— Кроун, говорит Лукас. Направляюсь в Белый дом.

— Приятной поездки, — ответил металлический голос.

Он уже начал потеть. Включил кондиционер.

Летняя жара в столице, казалось, никогда не ослабевает.

Влажность девяносто процентов, флаги у посольств на Массачусетс-авеню неподвижно обвисли.

Лукас сбавил скорость и остановился у КПП на Вест-Экзекьютив-авеню; караульный в форме кивнул ему и пропустил. Лукас припарковал машину и через западный служебный вход прошел на нижний уровень Белого дома.

У поста с кодовым названием W-16 он остановился и поболтал с людьми, присматривающими за многочисленным электронным оборудованием.

Потом по лестнице поднялся на второй этаж Восточного крыла в свой кабинет.

Как всегда, сев за стол, он прежде всего сверился с дневным расписанием президента и выслушал доклады агентов — планы обеспечения безопасности.

Лукас вторично просматривал папку с президентскими «передвижениями», и его лицо выражало растущий ужас.

Неожиданное изменение — и очень значительное. Он с досадой отбросил папку, повернул вращающееся кресло и уставился в стену.

Большинство президентов — рабы привычек, они составляют плотные расписания и строго их придерживаются. По времени прихода и ухода Никсона можно было проверять часы. Рейган и Картер редко отклонялись от намеченных планов.

Но не таков был новый хозяин Овального кабинета. Этот рассматривал агентов секретной службы как досадную помеху и, что гораздо хуже, был совершенно непредсказуем.

Для Лукаса и его агентов началась круглосуточная игра — на шаг опередить действия Босса, угадать, куда и когда ему вздумается пойти и каких гостей он может пригласить, не оставив ни минуты на должное обеспечение безопасности. И в этой игре Лукас часто проигрывал.

Менее чем за минуту он спустился по лестнице и встретился со вторым по значению человеком в исполнительной власти, главой президентского аппарата Дэном Фосеттом.

— Доброе утро, Оскар, — сказал Фосетт, благожелательно улыбаясь. — Я так и думал, что вы сейчас явитесь.

— Новое отклонение от расписания, — деловым тоном сказал Лукас.

— Сочувствую. Но предстоит решающее голосование по вопросу о помощи странам Восточного блока, и президент хочет испробовать свои чары на сенаторе Ларимере и спикере палаты Моране, чтобы обеспечить их поддержку своей программы.

— И потому берет их с собой на яхту.

— А почему бы и нет? Все президенты начиная с Герберта Гувера использовали президентскую яхту для тайных совещаний.

— Я не оспариваю причину, — твердо сказал Лукас. — Я возражаю против времени.

Фосетт бросил на него невинный взгляд.

— А чем плох вечер пятницы?

— Вы отлично знаете чем. Остается всего два дня.

— Ну и что?

— Моей группе нужно пять дней, чтобы обеспечить безопасное плавание по Потомаку с ночевкой у Маунт-Вернон. На территории следует

установить всю систему коммуникации и сигналов тревоги. Яхту следует обыскать на предмет взрывчатки и подслушивающих устройств, прочесать берега на всем протяжении рейса, а береговой охране нужно время, чтобы подготовить катер сопровождения. Мы не можем нормально выполнить эту работу за два дня.

Фосетт — энергичный, живой, с острым носом, квадратным красным лицом и проницательным взглядом — всегда напоминал эксперта-взрывника, разглядывающего покинутое здание.

— Не преувеличиваете ли вы, Оскар? Убийства совершают в толчее людных улиц или в театрах. Кто слышал о нападении на яхту главы государства?

— Это может произойти где угодно и когда угодно, — упрямо ответил Лукас. — Вы забыли, как мы остановили парня, который хотел угнать самолет и протаранить борт номер один? Дело в том, что большинство покушений происходит тогда, когда президент изменяет своим привычкам.

— Президент решительно настаивает на этой дате, — сказал Фосетт. — И, пока вы работаете на президента, вы выполняете его приказы. Как и я. Если он захочет в одиночестве грести до Майами, это его решение.

Фосетт задел за живое. Лукас покраснел и выпрямился, став одного роста с государственным секретарем.

— Прежде всего, согласно решению конгресса я работаю не на президента. Я на службе у министерства финансов. Поэтому президент не может приказать мне убраться куда глаза глядят. Мой долг — обеспечить его полную безопасность, но не в ущерб личной жизни. Когда он поднимается по лифту в жилые помещения наверху, я со своими людьми остаюсь внизу. Но с той минуты, как он спустился на первый этаж, и до возвращения обратно его задница — забота секретной службы.

Фосетт прекрасно разбирался в людях из окружения президента. Он понял, что с Лукасом перегнул палку, и благоразумно удержался от объявления войны. Он знал, что Лукас предан своей работе и, вне всяких сомнений, верен хозяину Овального кабинета.

Им никогда не быть друзьями, скорее они останутся коллегами-профессионалами, в сдержанных отношениях, и будут бдительно следить друг за другом. Но поскольку они не соперники в борьбе за власть, врагами они никогда не станут.

— Не надо расстраиваться, Оскар. Принимаю выговор. Я сообщу президенту о вашей озабоченности. Но сомневаюсь, что он передумает.

Лукас вздохнул.

— Мы сделаем за оставшееся время все, что сможем. Но он должен понять, что необходимо считаться с секретной службой.

— Что я могу сказать? Вы лучше меня знаете, что политики считают себя бессмертными. Для них власть больше, чем эротика, она как смесь спиртного с наркотиком. Никто так не вдохновляет их и не будоражит их эго, как толпа людей, радостно кричащих и рвущихся пожать им руку. Поэтому они так уязвимы для киллера, который окажется в нужное время в нужном месте.

— Вы мне это рассказываете, — сказал Лукас. — Я был нянькой у четверых президентов.

— И ни одного не потеряли, — добавил Фосетт.

— Дважды едва уберегли Форда и один раз — Рейгана.

— Точно предсказать их поведение невозможно.

— Может, и нет. Но после стольких лет работы в их охране возникает внутреннее чутье. Вот почему эта затея с яхтой так меня беспокоит.

Фосетт напрягся.

— Вы считаете, кто-то собирается убить президента?

— Кто-нибудь всегда готов его убить. Мы ежедневно проверяем двадцать возможных помешанных, а в нашей базе данных больше двух тысяч человек, опасных или способных на покушение.

Фосетт положил руку Лукасу на плечо.

— Не волнуйтесь, Оскар. Прессе о пятничной поездке сообщат в самую последнюю минуту. Это я могу вам обещать.

— Благодарю, Дэн.

— К тому же что может случиться на Потомаке?

— Может, ничего. А может, что-нибудь неожиданное, — ответил Лукас с необычной отстраненностью. — Именно из-за неожиданного меня мучают кошмары.

Меган Блейр, секретарь президента, увидела в дверях своего кабинета Дэна Фосетта и кивнула ему из-за пишущей машинки.

— Здравствуйте, Дэн, рада вас видеть.

— Как шеф сегодня утром? — спросил он, начиная ежедневный ритуал проверки воды, прежде чем зайти в Овальный кабинет.

— Устал, — ответила она. — Прием в честь звезд киноиндустрии затянулся до часу ночи.

Меган — красивая женщина сорока с небольшим лет, с дружелюбным лицом (такое выражение бывает у жителей небольших городков). Она коротко стрижет черные волосы, и ей стоило бы поправиться фунтов на десять. Настоящая динамо-машина, она больше жизни любит свою работу и шефа. Приходит рано, уходит поздно и работает по выходным. Незамужняя, всего с двумя короткими связями в прошлом, она высоко ценит свои независимость и одиночество. Фосетта всегда удивляло, как она может разговаривать и одновременно печатать.

— Я попытаюсь свести к минимуму его встречи, пусть не волнуется.

— Вы опоздали. Он уже разговаривает с адмиралом Сандекером.

— С кем?

— С адмиралом Джеймсом Сандекером. Это директор Национального агентства подводных и морских работ.

На лице Фосетта промелькнуло раздражение. Он серьезно относился к своим обязанностям стража президентского времени и не любил вторжений на свою территорию — любое из них становилось угрозой его влиянию.

«Как же этот Сандекер сумел меня обойти?» — удивился Фосетт.

Меган поняла его настроение.

— Президент сам послал за адмиралом, — объяснила она. — Думаю, он ждет, что вы присоединитесь к совещанию.

Отчасти умиротворенный, Фосетт кивнул и вошел в Овальный кабинет. Президент сидел на диване и изучал документы, разложенные на кофейном столике. Невысокий худой человек, рыжеволосый, с рыжей вандейковской бородкой, сидел перед ним.

Президент поднял голову.

— Дэн? Рад, что вы здесь. Вы знакомы с адмиралом Сандекером?

— Да.

Сандекер встал, и они обменялись рукопожатием. Адмирал пожимал руку крепко и быстро. Он молча кивнул Фосетту, признавая его присутствие. Это не было грубостью. Адмирал всегда играл открыто, окружал себя непроницаемой оболочкой и ни перед кем не склонялся. В

Вашингтоне многие его ненавидели, ему завидовали, но все его уважали, потому что он никогда не вставал ни на чью сторону и всегда делал то, о чем его просили.

Президент похлопал по подушке рядом с собой, приглашая Фосетта сесть на диван.

— Садитесь, Дэн. Я попросил адмирала просветить меня насчет кризиса, который назревает в водах Аляски.

— Я об этом не слышал.

— Не удивляюсь, — ответил президент. — Я сам получил сообщение всего час назад. — Он помолчал и карандашом указал район, обведенный на карте моря красным кольцом. — Вот здесь, в ста восьмидесяти милях на юго-запад от Анкориджа, в районе залива Кука неизвестный яд убивает все живое в море.

— Похоже на разлитие нефти.

— Гораздо хуже, — сказал Сандекер, откидываясь на спинку дивана. — То, с чем мы здесь имеем дело, убивает все живое, включая человека, меньше чем за минуту после контакта.

— Как это возможно?

— Большинство ядов проникают в организм при переваривании пищи или при дыхании, — объяснил Сандекер. — Вещество, с которым мы имеем дело, убивает, проникая через кожу.

— Необходима высокая концентрация на небольшом участке, чтобы яд действовал так сильно.

— Если можно тысячу квадратных миль моря назвать небольшим участком.

Президент, казалось, удивился.

— Не могу представить себе вещество такого ужасного действия.

Фосетт посмотрел на адмирала.

— Каковы данные?

— Катер береговой охраны обнаружил в заливе Кадьяк рыболовецкое судно; оно дрейфовало с мертвым экипажем. На борт для расследования поднялись два офицера и врач. Они тоже погибли. Пилот, подвозящий припасы группе геофизиков на острове в тридцати милях оттуда, обнаружил, что все мертвы. Он и сам умер, послав сигнал тревоги. Несколько часов спустя японский рыболовный траулер сообщил, что

видел, как стая серых китов, больше ста животных, внезапно перевернулась брюхом вверх. После этого траулер исчез.

Не нашли ни следа. Поселения крабов, колонии тюленей — все вымерло. И это только начало. Возможно, есть еще много жертв, о которых мы пока не знаем.

— Если пятно продолжит расширяться, каковы наихудшие последствия?

— Возможная гибель всей морской жизни в Аляскинском заливе. А если яд попадет в Японское течение и пойдет на юг, он может убить всех людей, рыб, птиц и животных на западном побережье вплоть до Мексики. Можно ожидать сотни тысяч человеческих жертв. Рыбаки, купальщики, все, кто гуляет по зараженному берегу, все, кто поест отравленной рыбы, — цепная реакция. Даже думать не хочу, что произойдет, если яд испарится, попадет в атмосферу и выпадет с дождем во внутренних штатах.

Фосетт обнаружил, что не может представить себе такую грандиозную катастрофу.

— Боже, но что это?

— Пока еще рано говорить, — ответил Сандекер. — В компьютерной базе данных Агентства по охране окружающей среды содержится подробная информация с указанием более двух тысяч отличительных свойств для тысячи ста с лишним химических веществ. За несколько секунд компьютеры определяют состав вещества, его торговое название, формулу, главных производителей, способы транспортировки и угрозу для окружающей среды. Аляскинский яд не определяется ни по одной из этих характеристик.

— Но у них должны быть какие-то соображения?

— Нет, сэр. Никаких. Есть одна небольшая возможность, но без отчетов о вскрытии это всего лишь предположение.

— Все равно я хотел бы его услышать, — сказал президент.

Сандекер глубоко вздохнул.

— Три самых ядовитых вещества, известных человеку, это плутоний, диоксин и один из боевых отравляющих газов. Первые два не соответствуют известным данным. С моей точки зрения, главный подозреваемый — третий.

Президент смотрел на Сандекера, и на его лице проступали понимание и ужас.

— Нейротоксический «агент С»? — медленно спросил он.

Сандекер молча кивнул.

— Поэтому-то Агентство по охране окружающей среды его и не определило, — размышлял президент. — Его формула сверхсекретна.

Фосетт повернулся к президенту.

— Боюсь, я не совсем...

— Нейротоксический «агент С» — ужасный газ, созданный лет двадцать назад учеными в Арсенале в Скалистых горах, — объяснил президент. — Я читал отчет о его испытаниях. Убивает через несколько секунд после прикосновения к коже. Казалось, это идеальный ответ на противогазы или защитную одежду противника. Молекулы газа цепляются за все, к чему он прикоснется. Но газ слишком нестабилен — и опасен для своих войск не менее, чем для противной стороны. Армия от него отказалась и похоронила все запасы в пустыне Невада.

— Не вижу связи между Невадой и Аляской, — сказал Фосетт.

— Во время перевозки по железной дороге из арсенала в районе Денвера, — объяснил Сандекер, — пропал контейнер с почти тысячью галлонов «агента С». И до сих пор о нем нет никаких известий.

— Но если действительно пролит этот нейротоксический агент, как его устранить?

Сандекер пожал плечами.

— К несчастью, в настоящее время наша технология очистки недостаточно развита, а характеристики «агента С» таковы, что, стоит ему попасть в воду, и почти невозможно нейтрализовать его действие. Наша единственная надежда — обнаружить и блокировать источник, пока онне выпустил столько яда, что океан превратится в безжизненную выгребную яму.

— Есть ли нити к этому источнику? — спросил президент.

— Скорее всего, это корабль, затонувший где-то между Кадьяком и материковым побережьем Аляски, — ответил Сандекер. — Наш следующий шаг — проследить за течениями, которые эту гадость разносят, и организовать поиски.

Президент облокотился на кофейный столик и некоторое время изучал красное кольцо на карте.

— Как директору НПМА, адмирал, вам придется заняться грязной работой — нейтрализацией этой дряни. Даю вам право требовать поддержки у любых правительственных организаций: Национального

совета по науке, армии, береговой охраны, Агентства по охране окружающей среды — любого.

Он задумчиво помолчал, потом добавил:

— Насколько ядовит этот газ в воде?

Сандекер выглядел усталым, его лицо осунулось.

— Одна чайная ложка убьет все живое в миллионе галлонов морской воды.

— Тогда лучше его найти, — сказал президент; в его голосе послышалась нотка отчаяния. — И как можно быстрей!

Глава 3

Глубоко в мутных водах реки Джеймс у побережья близ Ньюпорта, штат Виргиния, два ныряльщика преодолевали течение, пробираясь к забитому илом корпусу затонувшего корабля.

В черной, лишенной каких-либо измерений жидкости исчезало всякое чувство направления.

Видимость не превышала нескольких дюймов. Ныряльщики держались за шланг, который вбирал густой ил и поднимал его на семьдесят футов, на освещенную солнцем баржу. Работали они почти по Брайлю, единственное освещение давали фонари, размещенные на краю кратера, который они выкопали за несколько последних дней. Они ясно видели только частицы, проплывавшие перед лицом, как уносимые ветром капли дождя.

Трудно было поверить, что наверху существует мир, небо, и облака, и деревья, гнущиеся под летним ветром. В кошмаре клубящейся грязи и постоянной тьмы трудно представить себе, что в пятистах ярдах от них по улицам и тротуарам маленького городка передвигаются люди и машины.

Говорят, под водой не потеют. Это не так. Ныряльщики чувствовали, как пот выступает из пор вопреки конструкции костюмов для подводных работ.

Они уже устали, хотя провели под водой всего восемь минут.

Дюйм за дюймом пробивались они через дыру в правом борту внутрь корабля. Доски, окружавшие похожее на зев пещеры отверстие, были погнуты и разбиты, словно гигантский кулак обрушился на корабль. Начали попадаться изготовленные людьми предметы: башмак, петля со старого сундука, медный кронциркуль, инструменты, даже кусок ткани.

Странно прикасаться к предметам, которых никто не видел 127 лет.

Один из ныряльщиков взглянул на указатель воздуха. Они смогут работать еще десять минут, и еще сохранится достаточный запас воздуха, чтобы безопасно подняться на поверхность.

Повернув рычажок на шланге, они выключили всасывание и ждали, чтобы речное течение унесло потревоженный ил. Все вокруг погрузилось в тишину, слышно было только дыхание. Стал чуть лучше виден корпус затонувшего корабля. Разбитые доски палубы прогнулись внутрь. В темноту, как змеи, уходили облепленные грязью тросы.

Нутро корпуса казалось мрачным и угрожающим. Почти чувствовалось беспокойное присутствие призраков людей, ушедших под воду вместе с кораблем.

Неожиданно ныряльщики услышали гул — не гудение подвесного мотора небольшой лодки, а более сильный звук, как будто где-то работал авиационный двигатель. Определить направление на звук было невозможно. Они несколько мгновений прислушивались. Звук набирал громкость, в плотной воде она еще возрастала. Звук исходил с поверхности и их не касался, поэтому они снова пустили в ход насос и вернулись к работе.

Минуту спустя шланг уткнулся во что-то твердое. Они снова выключили насос и принялись убирать грязь руками. Вскоре они поняли, что перед ними предмет не из дерева, а из чего-то гораздо более прочного, и весь покрытый ржавчиной.

Для экипажа баржи время над местом гибели корабля словно остановилось. Все как зачарованные смотрели на древнюю летающую лодку «Каталина», которая резко повернула с запада, нацелилась на реку и с неловкостью опьяневшего гуся коснулась воды. Солнце блеснуло на аквамариновой краске, покрывавшей алюминиевый фюзеляж, и чем больше гидросамолет приближался к барже, тем крупнее становились буквы НПМА на его корпусе. Двигатели смолкли, показался второй пилот и бросил на баржу конец.

На потертые доски палубы легко ступила женщина. Стройная, в длинной коричневой рубашке, скрывающей изящное тело, перевязанной на бедрах тонким шарфом поверх зеленых хлопчатобумажных брюк. На ногах — кожаные туфли-мокасины. Ей сорок с небольшим, волосы у нее цвета золотых осенних листьев, а кожа почти бурая от загара. Лицо привлекательное, с широкими скулами — лицо женщины, которая не привыкла подчиняться, только повелевать.

Легко пробравшись через мешанину кабелей и различного оборудования, она остановилась, обнаружив, что на нее устремлено

множество мужских взглядов, и в этих взглядах задумчивость смешана с восторгом. Женщина подняла защитные очки и посмотрела в глаза мужчинам своими карими, цвета спелой сливы глазами.

— Кто из вас Дирк Питт? — без предисловий спросила она.

Парень пониже ее, но с плечами вдвое шире ее талии шагнул вперед и показал на реку.

— Найдете его там, внизу.

Она посмотрела туда, куда указывал палец. На быстром течении покачивался оранжевый буй, его трос уходил в зеленую глубину. Примерно в тридцати футах дальше она увидела на поверхности пузыри от дыхания ныряльщиков.

— Скоро он поднимется?

— Через пять минут.

— Понятно, — сказала она и немного подумала. Потом спросила: — Альберт Джордино с ним?

— Он с вами разговаривает.

Поношенные теннисные туфли, обрезанные джинсы и рваная футболка… наряд вполне под стать черным лохмам и двухнедельной щетине. Не похоже на заместителя начальника отдела специальных проектов НПМА.

Женщину, казалось, его вид скорее позабавил, чем смутил.

— Меня зовут Джули Мендоза, я из Агентства по охране окружающей среды. Мне нужно обсудить с вами двумя срочное дело, но, наверно, стоит подождать, пока поднимется мистер Питт.

Джордино пожал плечами.

— Как угодно. — Он дружелюбно улыбнулся. — Особых удобств у нас нет, зато есть холодное пиво.

— Хорошо бы, спасибо.

Джордино достал из ведерка со льдом банку пива «Курс» и протянул ей.

— Почему женщина из вашего агентства прилетела к нам на самолете НПМА?

— Это предложил адмирал Сандекер.

Мендоза больше ничего не стала объяснять, а Джордино не настаивал.

— Что это за проект? — спросила Мендоза.

— «Камберленд».

— Корабль времен Гражданской войны, верно?

— Да, исторически очень значительный. Фрегат Союза, затопленный броненосцем конфедератов «Мерримак», или «Виргиния», как его называли на юге.

— Насколько я помню, он затонул до «Мерримака» с «Монитором». Значит, это первый корабль, потопленный броненосцем.

— Да, вы знаете историю, — сказал Джордино, на которого ее слова произвели впечатление.

— И НПМА собирается его поднять?

Джордино помотал головой.

— Слишком дорого. Мы поднимем только таран.

— Какой таран?

— Боевое орудие, — объяснил Джордино. — Команда «Камберленда» сражалась, пока вода не залила стволы пушек, хотя их снаряды отлетали от каземата конфедератов, как мячи для гольфа от броневика. В конце боя «Мерримак» протаранил «Камберленд» и отправил его на дно с развевающимся флагом. Но когда «Мерримак» стал отходить, клинообразный таран застрял внутри фрегата и сломался. Вот его мы и ищем.

— Но какова ценность старого куска металла?

— Может, он и не бросается в глаза, как золотые монеты с испанских галеонов, но с исторической точки зрения он бесценен. Это часть морской истории Соединенных Штатов.

Мендоза хотела задать следующий вопрос, но ее внимание привлекли две головы в черной резине, появившиеся на поверхности у баржи. Ныряльщики подплыли, поднялись по ржавой лестнице и сбросили тяжелое оборудование. С их костюмов, блестя на солнце, стекала вода.

Более высокий из двоих стянул капюшон и провел руками по густой гриве черных волос. У него было загорелое лицо, и таких ярко-зеленых глаз Мендоза никогда не видела.

У него был вид человека, который часто и охотно улыбается, бросает жизни вызов и равнодушно принимает победы и поражения. Выпрямившись, он оказался на три дюйма выше шести футов, а

резиновый костюм готов был лопнуть по швам. Мендоза, не спрашивая, поняла, что это и есть Дирк Питг.

Он помахал экипажу баржи.

— Нашли!

И широко улыбнулся.

Джордино радостно хлопнул его по спине.

— Молодчина, приятель!

На ныряльщиков обрушили лавину вопросов; те отвечали на них между глотками пива. Наконец Джордино вспомнил о Мендозе и знаком подозвал ее.

— Это Жюли Мендоза из Агентства по охране природы. Она хочет с нами поговорить.

Дирк Питт протянул руку, оценивающе разглядывая женщину.

— Джули.

— Мистер Питт.

— Дадите мне несколько минут, чтобы обсохнуть и…

— Боюсь, мы опаздываем, — перебила она. — Поговорим в воздухе. Адмирал Сандекер решил, что самолетом будет быстрей, чем вертолетом.

— Не понимаю.

— Некогда объяснять. Надо немедленно улетать. Могу только сказать, что вам приказано заняться новым проектом.

Голос ее звучал чуть хрипловато, и это заинтересовало Питта: не мужской голос, конечно, но такие голоса бывают у героинь романов Гарольда Роббинса.

— Почему такая спешка? — спросил он.

— Не здесь и не сейчас, — ответила она, взглянув на обступившую их команду.

Питт повернулся к Джордино.

— Что думаешь, Эл?

Джордино состроил озадаченную гримасу.

— Трудно сказать. Дама, кажется, настроена очень решительно. С другой стороны, здесь, на барже, я нашел свой дом. И мне не хочется его покидать.

Мендоза разозлилась, поняв, что мужчины ее разыгрывают.

— Прошу вас, на счету каждая минута.

— Не скажете, куда мы?

— На военно-воздушную базу в Лэнгли, откуда военный реактивный самолет доставит нас на остров Кадьяк. На Аляску.

Она могла бы сказать им, что они отправляются на Луну.

Питт посмотрел ей в глаза, что-то поискал там, но не был уверен, что нашел. Он увидел только полную серьезность.

— Думаю, на всякий случай стоит связаться с адмиралом и получить подтверждение.

— Сможете сделать это по пути в Лэнгли, — не терпящим возражений тоном сказала она. — Я позаботилась о ваших личных потребностях. Ваша одежда и все, что вам может понадобиться во время двухнедельной операции, уже упаковано и погружено в самолет. — Она помолчала, пристально глядя Питту в глаза. — Хватит разводить церемонии, мистер Питт. Пока мы стоим здесь, умирают люди. Вы не можете этого знать. Но поверьте на слово. Если вы хотя бы наполовину такой, как о вас отзываются, вы перестанете дурачиться и сядете в самолет. Немедленно!

— Сразу вцепляетесь в яремную вену, а, сударыня?

— Если необходимо.

Наступило ледяное молчание. Питт глубоко вдохнул, выдохнул. Посмотрел на Джордино.

— Я слышал, на Аляске в это время года очень красиво.

Джордино умудрился изобразить рассеянный взгляд.

— Нужно будет навестить салуны в Скагвее.

Питт обратился ко второму ныряльщику, снимавшему специальный костюм.

— Корабль весь твой, Чарли. Поднимай таран «Мерримака» и доставь его в лабораторию консервации.

— Постараюсь.

Питт кивнул и вместе с Джордино направился к «Каталине», переговариваясь с ним так, словно никакой Мендозы не существовало.

— Надеюсь, она упаковала мои рыболовные принадлежности, — напряженно сказал Джордино. — Сейчас должен идти лосось.

— А я бы покатался на карибу, — продолжил Питт. — Говорят, они обгоняют собачью упряжку.

Идя за ними, Мендоза вспомнила слова адмирала Сандекера: «Не завидую вам — загнать на борт этих двух дьяволов, особенно Питта! Он способен убедить большую белую акулу стать вегетарианкой. Так что будьте внимательны и не раздвигайте ноги».

Глава 4

Дамские круги вашингтонского общества считали Джеймса Сандекера завидной добычей. Закоренелый холостяк, чьей любовницей была работа, он редко вступал в отношения с лицами противоположного пола дольше, чем на две недели. Чувства и романтика — то, что особенно нравится женщинам, — лежали за пределами его интересов. В другой жизни он мог бы стать романтиком или, как предполагали некоторые, Эбенезером Скруджем.[2]

В свои пятьдесят лет, поклонник физических упражнений, он был в отличной форме.

Невысок, мускулист, в рыжих волосах и бородке ни следа седины.

Бонни Кован, работница одной из самых респектабельных юридических фирм города, считала, что ей повезло, когда она уговорила его пообедать с ней.

— Вы сегодня чем-то озабочены, Джим.

Он не смотрел на нее. Его взгляд скользил по другим посетителям ресторана компании «Инквуд».

— Мне интересно, сколько людей не пришло бы сюда обедать, не будь здесь блюд из морепродуктов.

Она удивленно посмотрела на него, потом рассмеялась.

— Должна признаться, после того как целый день общаешься с тупыми юридическими умами, встретить того, у кого вольный образ жизни, все равно что глотнуть горного воздуха.

Он перестал разглядывать обедающих и посмотрел на нее.

Бонни Кован тридцать пять лет, и она необычайно привлекательна. Она давным-давно поняла, что красота способствует карьере, и никогда не

пыталась ее скрыть. У нее прекрасные волосы, шелковистые, ниже плеч. Грудь маленькая, но пропорциональная, как и ноги, которые она умело демонстрирует с помощью короткой юбки. Она также очень умна и никогда не пасует на судебных заседаниях.

Сандекер слегка устыдился своей невнимательности.

— Какое красивое платье, — сказал он, делая слабую попытку проявить внимание.

— Да, красное идет к моим светлым волосам.

— Прекрасное сочетание, — расплывчато заметил он.

— Вы безнадежны, Джим Сандекер, — сказала она, качая головой. — Вы бы сказали то же самое, если бы мы сидели голыми.

— Гмм?

— К вашему сведению, платье коричневое, а волосы у меня каштановые.

Он покачал головой, словно стряхивая паутину.

— Простите, но я предупредил, что я плохой собеседник.

— Мыслями вы точно за тысячу миль отсюда.

Он почти застенчиво взял ее за руку.

— Обещаю на весь остаток вечера сосредоточиться исключительно на вас.

— Женщины страстно любят маленьких мальчиков, которым нужна мамочка. А вы самый жалобный маленький мальчик, какого я видела.

— Осторожней со словами, мадам. Адмиралы не любят, когда о них говорят «жалобные маленькие мальчики».

— Хорошо, Джон Пол Джонс.[3] А как бы покормить умирающих с голоду матросов?

— Все что угодно, лишь бы предотвратить мятеж, — сказал он, улыбнувшись впервые за вечер.

Он безрассудно заказал шампанское и самые дорогие морские деликатесы из меню, как будто это была его последняя возможность. Расспросил Бонни о деле, которым та занята, и умудрился скрыть полное отсутствие интереса, когда она принялась рассказывать последние сплетни о Верховном суде и законодательных манипуляциях конгресса.

Они доели суп и приступили к груше, сваренной в белом вине, когда в вестибюль вошел человек, сложенный, как футболист в щитках, огляделся и, увидев Сандекера, направился прямо к нему.

Он улыбнулся Бонни.

— Мэм, прошу прощения за вторжение.

И быстро заговорил на ухо Сандекеру.

Адмирал кивнул и печально посмотрел на стол.

— Прошу меня простить, но я должен идти.

— Государственное дело?

Он молча кивнул.

— Ну ладно, — покорно сказала она. — По крайней мере вы были моим до десерта.

Он подошел и по-братски поцеловал ее в щеку.

— Мы повторим.

Потом заплатил по счету, попросил мэтра вызвать Бонни такси и вышел из ресторана.

Машина адмирала остановилась у входа в особый туннель к Центру исполнительских искусств имени Кеннеди. Дверцу открыл человек со строгим лицом, в строгом черном костюме.

— Прошу за мной, сэр.

— Секретная служба?

— Да, сэр.

Сандекер больше ни о чем не спрашивал. Он вышел из машины и вслед за агентом прошел по убранному коврами туннелю к лифту.

Когда лифт остановился, его провели к ярусу за ложами. Там оказалась маленькая комната для встреч.

Дэниэл Фосетт с лицом как из мрамора приветственно помахал рукой.

— Простите, что помешал вашему свиданию, адмирал.

— Мне сказали, дело срочное.

— Я только что получил новый отчет с острова Кадьяк. Положение ухудшилось.

— Президент знает?

— Пока нет, — ответил Фосетт. — Лучше подождем антракта. Если он вдруг выйдет из ложи во время второго акта «Риголетто», это воспламенит многие не в меру подозрительные умы.

С кофе на подносе вошел служитель Центра Кеннеди. Сандекер налил себе кофе, Фосетт расхаживал по комнате.

Адмирал подавил желание закурить сигару.

Через восемь минут появился президент. Когда дверь открылась и закрылась, на миг стали слышны аплодисменты после второго акта. Президент был в черном смокинге с белым платочком, аккуратно сложенным в нагрудном кармане.

— Хотел бы сказать, что рад снова видеть вас, адмирал, но всякий раз, как мы с вами встречаемся, происходит кризис.

— Похоже на то, — ответил Сандекер.

Президент повернулся к Фосетту.

— Ну, что у нас плохого, Дэн?

— Капитан автопарома не выполнил указания береговой охраны и повел свой паром обычным маршрутом от Сиварда на материке до острова Кадьяк. Паром только что обнаружили на отмели у острова Мармот. Все пассажиры и экипаж мертвы.

— Боже! — воскликнул президент. — Сколько жертв?

— Триста двенадцать человек.

— Это конец, — сказал Сандекер. — Стоит журналистам учуять жареное, и разразится ад.

— Ничего нельзя сделать, — беспомощно сказал Фосетт. — Новость уже передают по радио.

Президент опустился в кресло. На телеэкранах он кажется высоким. И ведет себя как высокий человек, хотя на самом деле он всего на два дюйма выше Сандекера. Голова над лбом начала лысеть, волосы поседели, а на лице такое напряженное и серьезное выражение, какое редко видела публика. Президент чрезвычайно популярен — благодаря своей сердечности и заразительной улыбке, которая способна смягчить самую враждебную аудиторию. Успешные усилия по объединению США и Канады в одно государство создали ему репутацию, неуязвимую даже для самой оголтелой критики.

— Нельзя больше ждать ни минуты, — сказал он. — Нужно установить карантин во всем Аляскинском заливе и эвакуировать всех в пределах двадцати миль от берега.

— Должен возразить, — тихо сказал Сандекер.

— Хотелось бы знать почему.

— Насколько нам известно, заражение захватывает открытые воды. На материке пока никаких его следов. Эвакуация населения — чрезвычайно трудная массовая операция, которая займет много времени. Жители Аляски, особенно рыболовы, живущие в этом районе, люди упрямые. Сомневаюсь, чтобы они при каких бы то ни было обстоятельствах ушли добровольно, тем более по приказу федерального правительства.

— Упрямый народ.

— Да, но не глупый. Все ассоциации рыболовов согласились не выходить из портов, а на консервных фабриках начали захоронение последних уловов.

— Им понадобится экономическая помощь.

— Да, наверно.

— Что вы рекомендуете?

— Береговой охране не хватает людей и кораблей, чтобы патрулировать весь залив. Флоту придется оказать поддержку.

— Загвоздка, — задумчиво сказал президент. — Чем больше кораблей и людей мы туда направим, тем выше вероятность новых потерь.

— Не обязательно, — сказал Сандекер. — Экипаж катера береговой охраны, первым обнаружившего заражение, не пострадал, потому что рыболовецкое судно уже вышло из смертельно опасной зоны.

— А как же группа высадки и врач? Они ведь погибли.

— Яд успел распространиться на палубу, на поручни — почти на все, к чему они прикасались на судне. Что касается парома, то вся его центральная часть, где размещаются машины, открыта. У пассажиров и экипажа не было защиты. Современные корабли сконструированы так, что их можно герметически закрыть от радиации в случае ядерного нападения. Они могут патрулировать зараженную область почти без всякого риска.

Президент кивнул в знак согласия.

— Хорошо, я отдам приказ флоту, но я не отказался от плана эвакуации. Упрямы жители Аляски или нет, нужно думать о детях и женщинах.

— Другое мое предложение, мистер президент, или просьба, если хотите, — отложить операцию на сорок восемь часов. Это даст моим людям возможность найти источник.

Президент молчал и с возрастающим интересом смотрел на Сандекера.

— Кто этим займется?

— Координатор и руководитель операций чрезвычайной группы доктор Джули Мендоза, старший инженер-биохимик из Агентства по охране окружающей среды.

— Впервые слышу это имя.

— Она считается лучшим в стране специалистом по оценке и ликвидации последствий загрязнения воды, — немедленно ответил Сандекер. — Подводное обследование корабля, который, как мы считаем, стал источником заражения, возглавит мой начальник отдела специальных проектов Дирк Питт.

Глаза президента расширились.

— Мистера Питта я знаю. Несколько месяцев назад он оказался чрезвычайно полезен в канадском деле.

«Ты хочешь сказать, спас твою задницу», — подумал Сандекер, прежде чем продолжить:

— Мы призвали на помощь еще почти двести специалистов по заражениям. Привлекли всех экспертов из частных фирм, чтобы воспользоваться их опытом и техническими знаниями.

Президент взглянул на часы.

— Пора идти, — сказал он. — Без меня не начнут третий акт. Вы получаете свои сорок восемь часов, адмирал. Затем я объявлю эвакуацию и провозглашу весь район зоной бедствия.

Фосетт проводил президента к ложе, и сам сел сзади, но так, что они могли негромко разговаривать, изображая интерес к происходящему на сцене.

— Не хотите отменить плавание с Мораном и Ларимером?

Президент еле заметно покачал головой.

— Нет. Пакет моих предложений касательно помощи странам — сателлитам Советов важнее всего остального.

— Категорически советую отказаться. Это безнадежная борьба, которая заранее проиграна.

— Вы говорите мне об этом не меньше пяти раз в неделю. — Президент прикрыл лицо программой, чтобы никто не увидел, как он зевает. — Как соотношение голосов?

— Ваши противники сплотились. Нам нужно еще пятнадцать голосов, чтобы провести пакет в палате представителей, и пять, а то и шесть, — в сенате.

— Бывало и хуже.

— Да, — печально сказал Фосетт. — Но если в этот раз мы потерпим поражение, вашей администрации не видать второго срока.

Глава 5

На востоке посветлело, и низко над горизонтом появилась темная линия. Постепенно за окнами вертолета она превратилась в симметричный конус, а вскоре — в гору среди моря. За ней виднелась луна, на три четверти полная. Свет из нежно-желтовато-белого перешел в густо-синий, а потом в оранжевое сияние: взошло солнце, и стали видны заснеженные склоны.

Питт взглянул на Джордино. Тот спал — он умел уснуть или проснуться с такой же легкостью, как надевают и снимают старый свитер. Джордино спал с самого Анкориджа. Через пять минут после пересадки в вертолет он опять погрузился в сон.

Питт повернулся к Мендозе. Она сидела рядом с пилотом, и ее лицо было лицом маленькой девочки, которой предстоит увидеть парад. Она не отрывала взгляда от горы. Питту показалось, что в утреннем свете ее черты смягчились. Выражение больше не было деловитым, и в изгибе рта чувствовалась нежность.

— Вулкан Огастин, — сказала она, не подозревая, что Питт смотрит на нее, а не на картину за окном. — Назван так капитаном Куком в 1778 году. По виду не скажешь, но Огастин самый активный вулкан на Аляске: за последние сто лет было шесть его извержений.

Питт с сожалением отвернулся от нее и посмотрел вниз. На острове, казалось, не было никаких признаков человеческих поселений. Длинные потоки лавы спускались по склонам горы к самой воде. Над вершиной висело небольшое облачко.

— Очень живописно, — сказал он, зевая. — Много возможностей для горнолыжного курорта.

— Не советую ставить на это, — рассмеялась она. — Облако, которое вы видите над вершиной, — это пар. Огастин действует постоянно.

Последнее извержение в 1987 году превзошло извержение горы Святой Елены в штате Вашингтон. Пепел и пемза долетели до самых Афин.

Питт не мог не спросить:

— А каков его статус сейчас?

— Последние данные говорят, что температура в кратере повышается, вероятно, перед очередным извержением.

— Вы, конечно, не можете сказать, когда оно произойдет.

— Конечно, — ответила она. — Вулканы непредсказуемы. Иногда сильное извержение начинается без всякого предупреждения, а иногда они долго настраиваются, а до кульминации так и не доходит. Они плюются, немного грохочут и снова засыпают. Ученые на острове, умершие от отравляющего газа, как раз пытались определить, произойдет ли извержение.

— Где мы сядем?

— Примерно в десяти милях от берега, на катер береговой охраны «Катоба».

— «Катоба», — повторил Питт, словно вспоминая.

— Да, вы его знаете?

— Несколько лет назад сажал вертолет на его посадочную площадку.

— Где?

— В Северной Атлантике, возле Исландии. — Теперь он смотрел за остров. Вздохнул и потер виски. — Мы с другом охотились за кораблем, вросшим в айсберг.

— И нашли?

Питт кивнул.

— Выгоревшую оболочку. Едва успели опередить русских. Потом мы разбились у берега Исландии. И мой друг погиб.

Она видела, что Питт мысленно снова переживает те события. Лицо его стало печальным. И она сменила тему.

— Нам придется расстаться… временно. Я хочу сказать, когда мы сядем.

Он вернулся из прошлого и посмотрел на нее.

— Вы нас покидаете?

— Вы с Элом останетесь на «Катобе» и будете искать источник распространения «нервного агента». Я отправлюсь на остров — наша группа устроила там временную базу.

— И часть моей работы — посылать вам в лабораторию образцы воды?

— Да. Измеряя степень зараженности, мы можем направить вас к источнику.

— Как по хлебным крошкам.

— Можно сказать и так.

— А что будет, когда мы найдем источник?

— Когда ваша группа извлечет контейнер с отравляющим веществом, армия избавится от него, погрузив в колодец на одном из островов возле полярного круга.

— Насколько глубок этот колодец?

— Четыре тысячи футов.

— И все пройдет гладенько и красиво?

В ее глазах снова появилась деловитость.

— До сих пор это был самый эффективный метод.

— Вы оптимистка.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Что вы хотите этим сказать?

— Подъем со дна. На него могут уйти месяцы.

— У нас нет даже недель! — почти яростно ответила она.

— Тут мне судить, — ответил Питт, словно читая лекцию. — Ныряльщики не могут рисковать, работая в воде, где одна капля, попавшая на кожу, может их убить. Единственный разумный способ — работать в скафандрах, а это очень медленно и скучно. Вдобавок нужны хорошо подготовленные работники и специально сооруженные платформы, с которых можно работать.

— Я уже объяснила, — нетерпеливо сказала она, — разрешение президента дает нам карт-бланш на использование любого нужного оборудования.

— Это проще всего, — продолжал Питт. — Несмотря на ваши исследования образцов воды, найти затонувшее судно все равно что

отыскать монету на футбольном поле, да еще в темноте при свечке. А если нам повезет и мы наконец его найдем, может оказаться, что корпус разбит на части, а контейнер так проржавел, что его нельзя двигать. Нас везде подкарауливает закон Мерфи. Ни одна операция по подъему с глубины не проходит гладко и благополучно.

Мендоза покраснела.

— Я хотела бы напомнить...

— Не утруждайтесь, — оборвал Питт. — На меня ораторские приемы не действуют. Все это я уже слышал. Вы не заставите петь ради меня хор Нотр-Дама. И не тратьте силы, напоминая, что от нас зависят тысячи жизней. Я это знаю. Не надо тыкать меня в это каждые пять минут.

Она смотрела на него, раздраженная его высокомерным очарованием, чувствуя, что он каким-то образом испытывает ее.

— Вы когда-нибудь видели того, кто испытал на себе действие «агента С»?

— Нет.

— Зрелище не из приятных. Внутренние мембраны буквально разрываются, и жертвы купаются в собственной крови. Из всех отверстий кровь течет рекой. А потом трупы чернеют.

— Вы описываете очень красочно.

— Для вас это игра, — выпалила она, — но не для меня!

Он ничего не ответил. Только кивком указал на «Катобу», видную сквозь лобовое стекло.

— Садимся.

Пилот заметил, что корабль повернулся по ветру. Он опустил вертолет на корму, завис на несколько мгновений и мягко сел на площадку.

Не успели лопасти винта остановиться, как к вертолету приблизились двое в костюмах, похожих на скафандры астронавтов; они на ходу разворачивали круглую пластиковую трубу пять футов в диаметре, похожую на гигантскую плаценту. Трубу они закрепили вокруг дверцы вертолета и трижды постучали. Питт отодвинул засовы и открыл дверь внутрь. Люди снаружи протянули ему капюшон с очками и перчатки.

— Надевайте, — приказал приглушенный голос.

Питт толчком разбудил Джордино и передал ему капюшон и перчатки.

— Это что за черт? — спросил Джордино, выбираясь из паутины сна.

— Приветственный подарок от санитарного отдела.

В пластиковом туннеле появились еще двое и взяли их оборудование. Не вполне проснувшийся Джордино выбрался из вертолета.

Питт задержался и посмотрел Мендозе в глаза.

— Что я получу в награду, если найду ваш яд за сорок восемь часов?

— А что вы хотите получить?

— Вы действительно так суровы, как кажетесь?

— Гораздо суровее, мистер Питт.

— Ну, тогда вам решать.

Он одарил ее улыбкой соблазнителя и исчез.

Глава 6

Машины президентского кортежа стояли в ряд у Южного портика Белого дома. Как только появился наряд секретной службы, Оскар Лукас произнес в крошечный микрофон, провода которого оборачивались вокруг его запястья и уходили в рукав пиджака:

— Скажите Боссу: мы готовы.

Три минуты спустя президент в сопровождении Фосетта решительно спустился по ступенькам и сел в свой лимузин. Лукас присоединился к ним, и машины выехали через юго-западные ворота.

Президент, развалясь на заднем кожаном сиденье, лениво смотрел на мелькающие мимо здания. Фосетт сидел с открытым «дипломатом» на коленях и делал заметки в блокноте. Спустя несколько минут он вздохнул, закрыл «дипломат» и поставил его на пол.

— Здесь доводы обеих сторон, статистика, предложения ЦРУ и самые последние отчеты вашего экономического совета о размерах долга коммунистического блока. Все, что необходимо, чтобы убедить Ларимера и Морана.

— Американская публика не слишком высоко оценивает мой план? — тихо спросил президент.

— Откровенно говоря, нет, сэр, — ответил Фосетт. — Общее мнение: пусть красные сами варятся в своих проблемах. Большинство американцев радует тот факт, что Советы и их сателлиты ждут голод и финансовая катастрофа. Они считают это доказательством того, что марксизм — жалкий балаган.

— Он перестанет быть балаганом, если коммунистические лидеры, прижатые к стенке, нанесут удар и пройдут по всей Европе.

— Оппозиция в конгрессе считает, что этот риск уравновешивает угроза голода, который подорвет способность русских использовать военную машину. А многие считают, что упадок нравственности приведет к возникновению активного сопротивления господству партии.

Президент покачал головой.

— Кремль фанатично предан милитаризму. Там никогда не ослабят подготовку к войне, несмотря на все экономические проблемы. А народ не поднимется, чтобы массово выразить протест. Слишком туг ошейник партии.

— Итог таков, — сказал Фосетт. — Лаример и Моран одинаково против того, чтобы облегчить бремя Кремля.

Лицо президента исказила гримаса отвращения.

— Лаример — пьяница, а Моран замарал свое имя как коррупционер.

— Тем не менее вам придется убедить их в верности вашего подхода.

— Я не могу не учитывать их возражения, — согласился президент. — Но убежден, что, если США спасут народы восточного блока от почти полного уничтожения, эти народы отвернутся от Советов и примкнут к Западу.

— Многие назовут это пустыми мечтами, мистер президент.

— Французы и немцы со мной согласны.

— Конечно, почему нет? Они служат двум господам: полагаются на наши силы в НАТО и одновременно усиливают экономические связи с Востоком.

— Вы забываете, что многие простые американские избиратели поддерживают мой план, — сказал президент, упрямо выпятив подбородок. — Даже они понимают, что этот план поможет устранить угрозу атомной катастрофы и навсегда уничтожить железный занавес.

Фосетт знал, что бесполезно разубеждать президента, когда тот охвачен душевным подъемом и страстно верит в свою правоту. Конечно, убеждать своих врагов добрым словом и делом — прекрасное свойство, подлинно цивилизованный способ воздействовать на сознание здравомыслящих людей, но Фосетт оставался пессимистом. Он погрузился в раздумья и молчал, пока лимузин не свернул с улицы М в вашингтонский порт и не остановился у одного из длинных причалов.

К вышедшему из машины Лукасу подошел загорелый человек с лицом американского индейца.

— Добрый вечер, Джордж.

— Здравствуйте, Оскар. Как насчет партии в гольф?

— Я не в форме, — ответил Лукас. — Не играл почти две недели.

Говоря, Лукас всматривался в пронзительные черные глаза Джорджа Черная Сова, старшего агента, отвечавшего за безопасность при передвижениях президента. Черная Сова ростом с Лукаса, но моложе на пять лет и тяжелее на десять фунтов. Челюсти его постоянно работают; Черная Сова наполовину сиу, и ему постоянно напоминали о роли его предков у Литтл-Бигхорна.[4]

— Безопасно подняться на борт? — спросил Лукас.

— Яхту обыскали на предмет взрывчатки и подслушивающих устройств. Десять минут назад водолазы закончили проверять корпус, и катер сопровождения готов следовать.

Лукас кивнул.

— Когда доберетесь до Маунт-Вернона, вас будет ждать стодесятифутовый катер береговой охраны.

— Тогда, думаю, мы готовы принять Босса.

Лукас еще с минуту осматривал окружающую местность. Не заметив ничего подозрительного, он открыл для президента дверцу. Агенты окружили президента защитным ромбом.

Черная Сова шел непосредственно перед президентом. Лукас — левша — шел слева и чуть сзади, чтобы свободно выхватывать пистолет. Фосетт шагал в нескольких ярдах позади, чтобы не мешать группе в целом.

У трапа Черная Сова и Лукас встали по сторонам, пропуская остальных.

— Ладно, Джордж, теперь он ваш.

— Везет вам, — с улыбкой ответил Черная Сова. — Свободный уик-энд.

— Впервые в этом месяце.

— Поедете отсюда домой?

— Еще нет. Нужно заглянуть в кабинет, разобрать бумаги. Во время последней поездки в Лос-Анджелес было несколько проколов. Хочу пересмотреть планы.

Они одновременно повернулись навстречу подъезжавшему к причалу правительственному лимузину. Из машины вышел сенатор Маркус Лаример; в сопровождении помощника, который нес сумку с вещами на ночь, он направился к президентской яхте.

Лаример был в коричневом костюме-тройке; он всегда ходил в коричневом костюме-тройке. Кто-то из его коллег-законодателей предположил, что сенатор в нем и родился. Волосы у него рыжеватые, уложены с помощью бриолина. Крупный мужчина с грубыми чертами, похожий на рабочего, выдающего себя за знаменитость.

Черной Сове он кивнул, а Лукаса одарил типичным приветствием политика:

— Рад видеть вас, Оскар.

— Отлично выглядите, сенатор.

— Всего лишь бутылка скотча, — с гулким смехом ответил Лаример. Потом поднялся по трапу и исчез в главном салоне.

— Веселитесь, — саркастически сказал Лукас Черной Сове. — Не завидую вам в этой поездке.

Через несколько минут, выезжая из порта на улицу М, Лукас встретился с «Шевроле-компактом», который вез в противоположном направлении конгрессмена Алана Морана. Лукас не любил спикера палаты представителей. Не такой яркий, как его предшественник, Моран хотел выглядеть героем Горацио Алджера,[5] но преуспел не благодаря уму или прозорливости, а потому что умело заводил друзей и оказывал больше услуг, чем сам просил. Обвиненный в незаконном распределении лицензий на нефтяные месторождения, он сумел избежать скандала, призвав на помощь друзей-политиков.

Проезжая, конгрессмен не смотрел ни вправо, ни влево. Думает, как потрепать инициативы президента, решил Лукас.

Не прошло и часа — экипаж президентской яхты уже готовился отчалить, — как появился вице-президент Марголин с сумкой через плечо. Он помедлил, потом увидел президента — тот в одиночестве сидел на корме, глядя на закат над городом. Появился стюард и взял у Марголина сумку.

Президент поднял голову и посмотрел так, словно не узнал его.

— Винс?

— Простите за опоздание, — извинился Марголин. — Один из моих помощников забыл передать ваше приглашение. Я обнаружил его только час назад.

— Я не был уверен, что вы сможете участвовать, — сказал президент.

— Время выбрано отлично. Бет в гостях у нашего сына в Стэнфорде и не вернется до вторника, а в моем расписании нет ничего такого, что нельзя было бы отложить.

Президент встал, заставив себя дружелюбно улыбнуться.

— На борту сенатор Лаример и конгрессмен Моран. Они в кают-компании. — Он мягким наклоном головы показал ему в сторону. — Почему бы вам не поздороваться ними и не выпить?

— Выпить я не прочь.

У выхода Марголин столкнулся с Фосеттом, и они обменялись несколькими словами.

Лицо президента исказилось от гнева. Хотя они с Марголиным были разительно непохожи — вице-президент высок, пропорционально сложен, ни капли жира, красив, с ярко-голубыми глазами и спокойным, привлекательным нравом, — еще заметнее различались их политические взгляды.

Президент добивался большой популярности вдохновенными речами. Идеалист и мечтатель, он был занят творческими программами, которые сулили пользу всему человечеству лет через десять, а то и пятьдесят. И, конечно, в большинстве случаев эти программы не соответствовали эгоистическим насущным потребностям внутренней политики.

Марголин, с другой стороны, не стремился приобрести популярность у публики и средств массовой информации, направляя свою энергию на более земные внутренние проблемы.

Относительно президентского плана помощи странам коммунистического блока Марголин полагал, что эти деньги лучше потратить в своей стране.

Вице-президент был прирожденным политиком. Конституция у него в крови. Он прошел трудный путь от законодательного собрания штата в губернаторы, а позже — сенаторы. Получив кабинет в Рассел-билдинг, он окружил себя опытными советниками, которые обладали умением идти на политические компромиссы и разрабатывать новаторские политические концепции. И хоть законопроекты вносил президент, именно Марголин следил за их прохождением через многочисленные комитеты и комиссии; он часто демонстрировал, что штат Белого дома состоит из неуклюжих дилетантов. Это совсем не нравилось президенту и вызывало постоянные стычки.

Марголин сам мог бы претендовать на пост президента, но его не поддерживала партия. Здесь его честность и образ не мечтателя, а созидателя работали против него. Он слишком часто отказывался поддерживать предлагаемые действия, если считал, что есть лучший вариант; он был инакомыслящим и слушал только голос своей совести.

Президент, охваченный досадой и ревностью, смотрел, как Марголин исчезает в главном салоне.

— Что здесь делает Винс? — нервно спросил Фосетт.

— Будь я проклят, если знаю, — буркнул президент. — Он сказал, его пригласили.

Фосетт удивился до крайности.

— Должно быть, кто-то из сотрудников перепутал.

— Уже поздно. Я не могу сказать ему «ты не нужен, уходи».

Фосетт по-прежнему недоумевал.

— Все равно не понимаю.

— Я тоже, но придется смириться.

— Он может все испортить.

— Вряд ли. Что бы мы ни думали о Винсе, он никогда не делал заявлений, осуждающих мои действия. Далеко не о каждом из высших чиновников президент может сказать то же самое.

Фосетту пришлось смириться.

— На борту не хватает кают. Я отдам ему свою и останусь на берегу.

— Спасибо, Дэн.

— Могу остаться до вечера на яхте и заночевать в ближайшем мотеле.

— Возможно, в данных обстоятельствах, — медленно сказал президент, — пожалуй, даже лучше, если вы останетесь. Теперь, когда появился Винс, я не хочу, чтобы наши гости подумали, что мы на них слишком нажимаем.

— Документы, поддерживающие вашу позицию, я оставлю в вашей каюте, господин президент.

— Спасибо, я просмотрю их перед ужином. — Президент помолчал. — Кстати, какие новости о ситуации на Аляске?

— Только то, что идут поиски отравляющего вещества.

Во взгляде президента была тревога. Он кивнул и поднял руку:

— До завтра.

Позже Фосетт стоял на причале среди раздосадованных агентов секретной службы из охраны вице-президента. Он смотрел, как яхта проходит по реке Анакостия к повороту в Потомак, и в животе у него затягивался тугой узел.

Письменного приглашения вице-президенту не посылали!

Чушь какая-то.

Лукас надевал пальто, собираясь выйти из кабинета, когда зазвонил телефон связи с командным пунктом.

— Лукас.

— Говорит «Любовная яхта», — ответил Джордж Черная Сова, сообщая кодовое название происходящей операции.

Звонок был неожиданный, и, как отец, у которого дочь ушла на свидание, Лукас немедленно почуял недоброе.

— Говорите, — напряженно сказал он.

— У нас ситуация. Не чрезвычайная, повторяю, не чрезвычайная. Но происходит нечто такое, чего не было в плане.

Лукас с облегчением вздохнул.

— Слушаю.

— Шекспир на яхте, — сказал Черная Сова, пользуясь кодовым обозначением вице-президента.

— Где он? — ахнул Лукас.

— Марголин возник ниоткуда и поднялся на борт, когда мы отходили. Дэн Фосетт отдал ему свою каюту и сошел на берег. Когда я спросил президента об этой перемене состава пассажиров в последнюю минуту, он сказал, что все в порядке. Но я чую неладное.

— Где Райманн?

— Со мной на яхте.

— Дайте.

Последовала пауза, и трубку взял Хэнк Райманн, начальник охраны вице-президента.

— Оскар, у нас непредусмотренное планом изменение.

— Понял. Как вы его упустили?

— Он выбежал из кабинета и сказал, что должен срочно встретиться с президентом на яхте. И не сказал мне, что поездка на ночь.

— Утаил от вас?

— Шекспир держал рот на замке. Я должен был догадаться при виде его сумки. Извините, Оскар.

Лукаса охватило раздражение. Боже, подумал он, правители мира становятся детьми, когда речь заходит об их собственной безопасности.

— Бывает, — резко сказал Лукас. — Постараемся справиться и с этим. Где ваша охрана?

— Стоит на причале, — ответил Райманн.

— Отправьте ее в Маунт-Вернон и дайте подкрепление людям Черной Совы. Я хочу, чтобы мышь не проскочила.

— Сделаем.

— При малейшем намеке на неприятности звоните мне. Я проведу ночь в пункте связи.

— Что-то настораживает?

— Ничего определенного, — ответил Лукас. Голос его звучал глухо, словно издалека. — Но меня очень пугает, что президент и те трое, которые должны заменить его в случае чрезвычайного положения, собрались в одном месте и в одно время.

Глава 7

— Мы повернули против течения. — Голос Питта звучал спокойно, почти небрежно. Питт смотрел на цветной экран гидросонара Клайна с изображением морского дна. — Увеличить скорость на два узла.

В выгоревших джинсах, вязаном ирландском свитере и коричневых теннисных туфлях, с волосами, упрятанными под бейсболку с надписью «НПМА», Питт казался хладнокровным и уверенным в себе; он как будто бы скучал и окружающее нисколько его не волновало.

Рулевое колесо медленно повернулось под рукой рулевого; «Катоба» лениво раздвигала трехфутовые волны, двигаясь по морю туда-сюда, как газонокосилка. Сенсоры сонара, привязанные к корме, как жестянки к хвосту собаки, просвечивали глубины, отправляя сигнал на видеодисплей, который превращал его в подробную картину дна.

Поиски источника распространения отравляющего агента они начали с южного конца залива Кука и обнаружили, что по мере продвижения на запад к заливу Камишак следов вещества становится больше. Каждые полчаса брали пробы воды и на вертолете отправляли в химическую лабораторию на остров Огастин. Эймос Довер философски сравнил этот проект с детской игрой: нужно найти конфету, а невидимый голос подсказывает «тепло» или «холодно».

К вечеру нервное напряжение на борту «Катобы», усиливавшееся в течение дня, стало почти непереносимым. Экипажу запретили выходить на палубу за глотком свежего воздуха. Только химики Агентства по охране среды выходили из надстройки, но в защитных герметических костюмах.

— Есть что-нибудь? — спросил Довер, глядя через плечо Питта на экран с высоким разрешением.

— Ничего сделанного человеком, — ответил Питт. — Дно неровное, рваное, в основном лава.

— Хорошая четкая картинка.

Питт кивнул.

— Да, на дне видны все подробности.

— А что это за темная полоса?

— Косяк рыб. А может, тюлени.

Довер повернулся и через окно мостика посмотрел на вулканическую вершину на острове Огастин, теперь всего в нескольких милях.

— Пора бы найти. Мы совсем рядом с берегом.

— Лаборатория вызывает корабль.

В громкоговорителе послышался женский голос — голос Мендозы.

Довер взял микрофон.

— Говорите, лаборатория.

— Поверните на ноль-семь-ноль градусов. В этом направлении концентрация увеличивается.

Довер оценивающе взглянул на остров.

— Если еще двадцать минут не уйдем с этого курса, к ужину окажемся у вашего порога.

— Пройдите сколько сможете и продолжайте брать образцы, — ответила Мендоза. — Мои данные свидетельствуют, что вы практически над ним.

Довер молча повесил микрофон и спросил:

— Глубина?

Вахтенный офицер постучал по шкале на приборной панели.

— Сто сорок футов и уменьшается.

— Далеко видит эта штука? — спросил Довер у Питта.

— Мы видим морское дно на шестьсот метров по обе стороны от корабля.

— Значит, мы прочесываем полосу в две трети мили шириной.

— Примерно так, — согласился Питт.

— Уже пора бы обнаружить корабль, — раздраженно сказал Довер. — Пропустили, что ли...

— Спокойствие! — сказал Питт. Он замолчал, перегнулся через компьютер и сфокусировал изображение. —

В мире нет ничего более неуловимого, чем корабль, который еще не готов к обнаружению. Вычислить убийцу в романе Агаты Кристи — детская задача по сравнению с поисками затонувшего корабля на сотнях квадратных миль воды. Иногда везет быстро. Но чаще нет.

— Очень поэтично, — сухо сказал Довер.

Питт долго задумчиво смотрел в пространство над верхней переборкой.

— Какова видимость под поверхностью?

— В пятидесяти ярдах от берега вода кристально прозрачная. Во время прилива видно на сто футов и дальше.

— Я хотел бы воспользоваться вашим вертолетом и сделать снимки с воздуха.

— Зачем? — коротко спросил Довер. — Semper paratus — «всегда готов». Девиз береговой охраны не шутка. — Он показал на дверь. — У нас там карты трех тысяч миль побережья Аляски в цвете и мельчайших подробностях благодаря съемкам со спутника.

Питт кивком попросил Джордино занять его место перед экраном, встал и вслед за капитаном «Катобы» прошел в небольшое помещение, где в особом шкафу хранились карты.

Довер справился с ярлычками, открыл нужный ящик и порылся в нем. Наконец извлек карту, обозначенную «Спутниковая съемка 2430А. Южный берег острова Огастин».

— Вы имели в виду это?

Питт наклонился, глядя на вид моря южнее острова с высоты птичьего полета.

— Замечательно. Есть увеличительное стекло?

— На полке под столом.

Питт нашел толстую квадратную линзу и через нее стал рассматривать крошечные тени на фотографии. Довер вышел и вскоре вернулся с двумя чашками кофе.

— Морское дно здесь — настоящий геологический кошмар. Шансы найти там что-нибудь нулевые. Затонувший корабль может пролежать здесь вечность.

— Я смотрю не на дно.

Довер расслышал слова Питта, но не понял их.

В его взгляде отразилось легкое любопытство, но, прежде чем он успел задать вопрос, громкоговоритель над дверью захрипел:

— Капитан, впереди буруны. — Голос вахтенного офицера звучал напряженно. — Глубомер показывает тридцать футов, и дно быстро поднимается.

— Стоп машина! — приказал Довер. И после паузы добавил: — Нет, задний ход до полной остановки.

— Прикажите поднять систему сонаров, пока она не задела дно, — сказал Питт. — И предлагаю бросить якорь.

Довер бросил на Питта странный взгляд, но отдал приказ. Палуба под их ногами задрожала: это машины дали задний ход.

Через несколько секунд вибрация прекратилась.

— Скорость ноль, — известил вахтенный офицер с мостика.

— Отдать якорь.

Отдав приказ, Довер сел, сжал в руках чашку кофе и вопросительно посмотрел на Питта.

— Ну, так что вы увидели?

— Корабль, который мы ищем, — ответил Питт. Говорил он медленно и внятно. — Других возможностей нет. Вы ошиблись в одном, Довер, но оказались правы в другом. Мать-природа редко создает скальные формирования, которые тянутся по прямой на несколько сотен футов. Следовательно, очертания корабля можно заметить на естественном фоне. Но вы были правы в том, что шансы найти корабль на морском дне у нас нулевые.

— К делу, — нетерпеливо сказал Довер.

— Наша цель на берегу.

— То есть на отмели?

— Нет, на берегу. На суше.

— Вы серьезно?

Питт не обратил внимания на вопрос и передал Доверу увеличительное стекло.

— Посмотрите сами.

Он взял карандаш и обвел кружком место над линией прилива возле утесов.

Довер наклонился и посмотрел в линзу.

— Боже, это корма!

— Можно рассмотреть верхнюю часть руля.

— Да, да, и еще часть палубы. — Взволнованный открытием Довер забыл о раздражении. — Невероятно. Нос углубился в утесы, словно засыпанный лавиной. Судя по корме и рулю, я бы сказал, что это корабль серии «Либерти». — В его глазах светился глубокий интерес. — Не может ли это быть «Пайлоттаун»?

— Что-то смутно знакомое.

— Одна из величайших загадок северных морей. «Пайлоттаун» ходил между Токио и Западным побережьем, пока десять лет назад не появилось сообщение, что он погиб в бурю со всем экипажем. Были организованы поиски, но не найдено ни следа судна.

Примерно два года спустя на «Пайлоттаун», застрявший во льду примерно в девяноста милях выше Нома, наткнулся эскимос. Он поднялся на борт, но не нашел ни следа экипажа. Месяц спустя, когда он вернулся со всем племенем, чтобы снять все полезное, судно снова исчезло. Прошло почти два года, и появилось сообщение, что оно дрейфует южнее Берингова пролива. Корабль береговой охраны

«Пайлоттауна» не нашел. Снова его увидели через восемь месяцев. С рыболовного траулера на него поднялась группа. Они нашли судно в сносном состоянии. После чего оно исчезло в последний раз.

— Кажется, я что-то читал об этом. — Питт помолчал. — А, да, «волшебный корабль».

— Да, так его назвали газеты, — подтвердил Довер. — Они писали, что «иногда корабль можно увидеть, иногда нет».

— Ну, у газетчиков наступят горячие денечки, когда станет известно, что корабль все эти годы плавал с грузом нейротоксического «агента С».

— Невозможно предсказать, какой ужас начнется, если лед раздавит корпус или его выбросит на берег и нейротоксин разольется, — добавил Довер.

— Надо будет осмотреть грузовые трюмы, — сказал Питт. — Свяжитесь с Мендозой, укажите координаты судна и попросите прислать по воздуху химиков. Мы подойдем с моря.

Довер кивнул.

— Я прикажу спустить катер.

— Прихватите сварочное оборудование: вдруг придется резать борт.

Довер нагнулся к карте и посмотрел в центр очерченного кружка.

— Никогда не думал, что буду стоять на борту «волшебного корабля».

— Вы правы, — согласился Питт, глядя в чашку с кофе. — «Пайлоттаун» готов появиться в последний раз.

Глава 8

Море было спокойно, но когда катеру с «Катобы» оставалось четверть мили до грозного, негостеприимного берега, поверхность воды взрыхлил ветер в двадцать узлов. Пена, отравленная нейротоксином, яростно ударяла по окнам катера, словно песок. Но впереди, где лежало заброшенное судно, вода казалась относительно спокойной, словно ее защищали рваные скалы сто ярдов высотой, торчащие на берегу, как трубы давно сгоревших домов.

Высоко над бурными водами вулкан Огастин, одна из самых красивых гор на побережье Тихого океана, с классическими контурами горы Фудзияма в Японии, казался спокойным и невозмутимым, как послеполуденное солнце.

Мощный катер на мгновение застыл на вершине волны, прежде чем перевалиться через ее гребень. Питт уперся ногами в палубу, руками крепко держась за поручень; он разглядывал берег.

Корпус судна был накренен на двадцать градусов, корма покрыта коричневой ржавчиной. Руль повернут направо, из черного песка торчат две обросшие ракушками лопасти винта. Название судна и порт приписки прочесть невозможно.

Питт, Джордино, Довер, два специалиста из агентства и один из младших офицеров «Катобы» одеты в белые герметические костюмы, которые должны защитить их от смертоносной пены. Общаются они с помощью крошечных встроенных в шлемы передатчиков.

К поясу прикреплены сложные фильтры, которые очищают воздух, делая его пригодным для дыхания. Вокруг море покрыто дохлой рыбой всех пород. В прибое безжизненно покачиваются два кита, рядом гниют дельфины, морские львы и пятнистые тюлени.

Тут же плавают тысячи мертвых птиц. Ничто живое здесь не уцелело.

Довер искусно вел катер между опасными скалами — остатками древней береговой линии. Он замедлил ход, выжидая кратковременного затишья и тщательно вглядываясь в глубину. Потом, когда волна прибоя ударила в берег и откатилась, тормозя следующую волну, нацелил нос катера на небольшую песчаную полоску у самого разбитого корпуса и увеличил скорость. Как лошадь в начале очередного заезда «Гранд нэшнл»,[6] катер вздыбился на волне, рванулся и мчался вперед, окруженный пеной, пока его киль не коснулся песка.

— Отлично! — похвалил Питт Довера.

— Все дело в расчете времени, — ответил Довер, улыбаясь под маской. — Конечно, помогает, если причаливаешь не в высоком приливе.

Они наклонили головы и посмотрели на возвышавшийся над ними корпус. Теперь можно было прочесть выцветшее название на корме. Судно называлось «Пайлоттаун».

— Мне почти жаль, — благоговейно сказал Довер, — что приходится уничтожать загадку.

— Чем скорей, тем лучше, — мрачно ответил Питт; он думал о множестве смертей внутри.

Через пять минут разгрузили оборудование, надежно привязали катер под рулем «Пайлоттауна», и люди начали подниматься по крутому склону к правому борту корабля. Первым пошел Питт, за ним Джордино и остальные; замыкал цепочку Довер.

Склон был не из прочного камня, а из смеси пепла с грязью с основательной примесью булыжников. Трудно было найти опору, и на каждые три шага вверх приходились два, когда скользили назад. От пепла поднималась пыль и липла к костюмам, делая их темно-серыми. Скоро люди уже обливались потом, в микрофонах шлемов все слышнее становилось тяжелое дыхание.

Питт остановился на карнизе всего четыре фута шириной и в длину едва способном вместить всех шестерых. Джордино устало сел и поправил петли баллона с ацетиленом на спине. Обретя способность к связной речи, он сказал:

— Как эта старая ржавая лоханка сюда попала?

— Вероятно, дрейфуя, заплыла в то, что до 1987 года было мелким заливом, — ответил Питт. — По словам Мендозы, в том году произошло извержение. Раскаленные газы расплавили весь лед, вытопив миллионы галлонов воды. По склону хлынул поток грязи с облаком пепла, он докатился до моря и похоронил корабль.

— Странно, что никто до сих пор не заметил корму.

— Не так уж странно, — ответил Питт. — Корма выступает так незначительно, что ее невозможно заметить с воздуха, а в миле от берега она сливается с рваной береговой линией и становится почти невидимой. Мы ее увидели только благодаря эрозии из-за недавних бурь.

Довер встал, балансируя на крутом склоне. Он размотал нейлоновый трос, обернутый вокруг талии; на конце троса оказался абордажный крюк.

Довер взглянул на Питта.

— Если поддержите меня за ноги, я, пожалуй, смогу перебросить крюк через поручень.

Питт ухватил капитана за левую ногу, Джордино поддержал за правую. Дюжий моряк из береговой охраны перегнулся через карниз, взмахнул крюком и отпустил его.

Крюк перелетел через кормовой поручень и застрял.

Дальнейший подъем занял считанные минуты. Подтягивая друг друга, рука за руку, все вскоре поднялись на палубу.

Под ногами лежали толстые слои ржавчины, смешанной с пеплом. На «Пайлоттауне» можно было увидеть только грязное отвратительное месиво.

— Ни следа Мендозы, — сказал Довер.

— Ближайшая ровная площадка, куда может сесть вертолет, в тысяче ярдов отсюда, — ответил Питт. — Ей с ее командой придется прогуляться.

Джордино прошел вдоль поручня к проржавевшему грюйс-штоку и посмотрел на воду внизу.

— Яд проникает из корпуса, наверно, в прилив.

— Скорее всего, он в заднем трюме, — сказал Довер.

— Люки, ведущие в трюмы, погребены под тоннами лавы, — с отвращением заметил Джордино. — Чтобы пробиться сквозь нее, нам понадобится армия бульдозеров.

— Вы знакомы с судами типа «Либерти»? — спросил Питт у Довера.

— Наверное знаком. Я много лет обследовал их в поисках незаконных грузов. — Довер наклонился и принялся чертить на ржавчине схему судна. — В кормовой надстройке должен находиться люк, через него спускаются в коридор, ведущий к стержню винта. На дне этого помещения есть небольшое углубление. Оттуда можно прорезать вход в трюм.

Когда Довер договорил, все молчали. Им следовало бы испытывать подъем оттого, что нашли источник распространения нейротоксина, но, напротив, реакцией стали опасения и тревога. Питт решил, что так выражается спад напряжения по окончании поиска. И еще страх перед тем, что можно найти за стальными надстройками «Пайлоттауна».

— Может… может, лучше подождать людей из лаборатории? — предложил один из химиков.

— Они нас догонят, — доброжелательно, но холодно сказал Питт.

Джордино молча достал из рюкзака на спине Питта гвоздодер и занялся дверью кормовой надстройки. К его удивлению, дверь скрипнула и подалась. Он нажал сильнее, протестующие петли сдались, и дверь распахнулась. Внутри было пусто, никаких установок, оборудования, нет даже мусора.

— Похоже, здесь уже побывали, — заметил Питт.

— А может, помещение никогда не использовалось, — предположил Довер.

— А где проход?

— Сюда.

Довер провел их через соседнее помещение, тоже пустое. И остановился у круглого люка в центре палубы.

Джордино прошел вперед, открыл люк и отступил. Довер направил луч фонаря в зияющий туннель, луч прорезал темноту.

— Неудачно, — удрученно сказал он. — Туннель забит обломками.

— А что на следующей палубе внизу?

— Машинное отделение.

Довер замолчал, соображая. Потом сказал:

— За машинным отделением есть еще одно помещение. Наследие военных лет. Может быть, только может быть, из него есть проход в трюм.

Они двинулись в сторону кормы и вернулись в первое помещение. Казалось странным ходить по коридорам призрачного корабля, гадая, что произошло с экипажем. Найдя люк, они спустились по лестнице в машинное отделение, обогнули старые, но все еще в смазке механизмы и направились к носовой надстройке.

Довер фонариком осветил стальные плиты переборки. Вдруг луч остановился.

— О черт! — выдохнул Довер. — Люк на месте, но он заварен.

— Вы уверены, что место правильное? — спросил Питт.

— Абсолютно, — ответил Довер. Кулаком в перчатке он ударил по переборке. — На той стороне — люк номер пять, самое вероятное место, куда могли поместить яд.

— А что другие трюмы? — спросил человек из агентства.

— Они слишком далеко от кормы, чтобы яд мог просочиться в море.

— Ладно, давайте приступим, — нетерпеливо сказал Питт.

Они быстро собрали сварочный аппарат и присоединили его к баллону с кислородно-ацетиленовой смесью. Зашипело пламя, и Джордино отрегулировал подачу газа. Синее пламя коснулось переборки, и та сначала покраснела, потом стала ярко-оранжевой.

Появилась узкая щель, она удлинялась, металл трещал и плавился в высокотемпературном пламени.

Когда Джордино начал прорезать отверстие, достаточное для того, чтобы пролез человек, появились Мендоза и работники лаборатории;

они принесли почти пятьсот фунтов инструментов для химического анализа.

— Вы его нашли, — сказала Мендоза.

— Уверенности еще нет, — предупредил Питт.

— Но наши тесты показывают, что вода здесь насыщена нейротоксином С, — возразила она.

— Разочароваться легко, — ответил Питт. — Я никогда не считаю цыплят, пока в банке не примут чек.

Разговор прервался: Джордино отступил и погасил факел. Он передал горелку Доверу, а сам взялся за свой верный гвоздодер.

— Отойдите, — приказал он. — Это штука накалена докрасна и очень тяжелая.

Он всунул гвоздодер в неровную раскаленную щель и надавил. Стальная плита неохотно отошла от переборки и с тяжелым грохотом, брызгая расплавленным металлом, упала на палубу.

В полной тишине Питт взял фонарик и осторожно заглянул в отверстие, держась подальше от горячих краев. По дуге в 180 градусов он обвел лучом трюм.

Минула целая вечность, прежде чем он выпрямился и посмотрел на окружавшие его фигуры без лиц.

— Ну? — с тревогой спросила Мендоза.

Питт ответил одним словом:

— Эврика!

Глава 9

В четырех тысячах миль и в пяти часовых поясах оттуда советский представитель во Всемирной организации здравоохранения допоздна засиделся за письменным столом. Ничего необычного в его кабинете в здании Секретариата ООН не было: мебель дешевая, обстановка спартанская. Вместо привычных портретов советских вождей, живых и мертвых, стену украшала лишь маленькая фотография сельского дома.

Загорелся огонек, негромко загудел телефон частной линии. Человек за столом долго смотрел на трубку, прежде чем взять ее.

— Луговой слушает.

— Кто?

— Алексей Луговой.

— А Вилли там? — спросил голос с сильным нью-йоркским акцентом, который всегда резал Луговому уши.

— Здесь нет никакого Вилли, — резко ответил Луговой. — Ошиблись номером.

И сразу повесил трубку.

Лицо Лугового оставалось бесстрастным, но он немного побледнел. Сжал и разжал кулаки, глубоко вдохнул, не отрывая взгляда от телефона. Он ждал.

Снова мигнул огонек и прозвенел звонок.

— Луговой.

— Вы уверены, что Вилли нет?

— Вилли здесь нет, — ответил он, подражая акценту звонившего.

И снова бросил трубку.

Секунд тридцать Луговой сидел неподвижно, стиснув руки на столе, опустив голову, глядя в пространство.

Потом нервно погладил обширную лысину и поправил на переносице очки в роговой оправе. По-прежнему в задумчивости, встал, тщательно погасил везде свет и вышел из кабинета.

На лифте спустился в вестибюль и миновал витраж Марка Шагала, символизирующий борьбу за мир. Как всегда, не обратив на витраж ни малейшего внимания.

На стоянке перед зданием такси не было, поэтому он остановил машину на Пятой авеню. Назвал шоферу адрес и сел на заднее сиденье, взвинченный, не в силах успокоиться.

Луговой не опасался предстоящего. Он уважаемый психолог, его работы по душевному здоровью особенно ценят в развивающихся странах. Его статьи о мыслительных процессах и о контроле над мыслями не имеют никакого отношения к шпионажу и не связаны напрямую с нелегальными агентами КГБ. Один из друзей в посольстве в Вашингтоне по секрету сообщил ему, что ФБР считает его недостаточно серьезным объектом и ведет наблюдение за ним лишь изредка, почти спустя рукава.

Луговой приехал в Соединенные Штаты не для того, чтобы красть секреты. Его задача далеко выходила за рамки возможных предположений американской контрразведки. Телефонный звонок

означал, что план, разработанный еще семь лет назад, начал осуществляться.

Такси остановилось на перекрестке улиц Западной и Либерти, перед зданием отеля «Виста интернешнл». Луговой расплатился и через роскошный вестибюль отеля прошел на площадку на соседней улице. Здесь он остановился, глядя на грандиозные башни Всемирного торгового центра.

Луговой часто думал, что он делает здесь, в этом краю стеклянных зданий, бесчисленных автомобилей, вечно куда-то спешащих людей, ресторанов и магазинов в каждом квартале. Это был не его мир.

Он прошел к южной башне, показал охраннику удостоверение и на лифте поднялся на сотый этаж. Дверь лифта раскрылась, и он вышел в вестибюль «Морских перевозок Бугенвиль инкорпорейтид»; эта фирма занимала весь этаж. Его ноги погрузились в толстый белый ковер. Стены обшиты панелями розового дерева, ручной работы, помещение пышно украшено восточными древностями. В витринах по углам стоят изящные керамические лошади, с потолка свисают редкие японские ткани.

Привлекательная женщина с большими черными глазами, изящным восточным овалом лица и янтарной кожей улыбнулась ему.

— Чем могу быть полезна, сэр?

— Моя фамилия Луговой.

— Да, мистер Луговой, — ответила она, совершенно правильно выговаривая его фамилию. — Мадам Бугенвиль ждет вас.

Она тихо заговорила в селектор, и в дверях, в высокой арке возникла высокая черноволосая женщина с восточными чертами.

— Прошу за мной, мистер Луговой.

Все это произвело на Лугового впечатление. Как и многие русские, он был наивен в том, что касалось западных методов ведения дел, и ошибочно предположил, что все сотрудники задержались здесь так поздно из-за него. Вслед за женщиной он прошел по длинному коридору, увешанному изображениями грузовых судов, которые под флагом «Морских перевозок Бугенвиль инк.» бороздили бирюзу морей.

Проводница негромко постучала в дверь, отворила ее и вошла.

Луговой переступил порог и остановился в изумлении.

Помещение было огромным — мозаичный пол с сине-золотым растительным узором, массивный стол для совещаний, опиравшийся на

резных драконов, словно уходил в бесконечность. Но больше всего поразили Лугового терракотовые изображения воинов в натуральную величину в полном вооружении и на волнующихся конях, мягко освещенные в нишах зала.

Он сразу узнал стражей могилы древнего китайского императора Цинь Шихуана. Впечатление они производили невероятное. Луговой задумался, как эти фигуры могли выскользнуть из рук правительства Китая и попасть к частному лицу.

— Пожалуйста, подойдите и сядьте, мистер Луговой.

Его так захватило великолепие этой комнаты, что он не заметил хрупкую восточную женщину в инвалидной коляске. Перед ней стояло кресло черного дерева с шелковыми, вышитыми золотом подушками и столик с чайником и чашками.

— Мадам Бугенвиль, — сказал он. — Наконец-то мы встретились.

Главе судовладельческой династии Бугенвилей восемьдесят девять лет, и весит она примерно столько же фунтов. Блестящие черные волосы забраны от висков в пучок.

На лице у нее ни морщинки, хотя тело выглядит древним и непрочным. Но Лугового поразили ее глаза, ярко синие и такие свирепые, что он почувствовал неуверенность.

— Быстро вы пришли, — просто сказала она. Голос у нее ясный и четкий, без следов пожилого возраста.

— Пришел, как только услышал телефонный звонок.

— Вы готовы к опыту по промыванию мозгов?

— Промывание мозгов — неприятный термин. Я предпочитаю «вмешательство в работу мозга».

— Терминология не имеет значения, — равнодушно сказала она.

— Я готовил свою группу много месяцев. При наличии необходимых условий мы сможем начать через два дня.

— Начнете завтра утром.

— Так скоро?

— Внук сообщил мне, что условия складываются благоприятно. Замена произойдет сегодня ночью.

Луговой невольно взглянул на часы.

— Вы даете мне не много времени.

— Возможностью следует пользоваться, когда она появляется, — твердо сказала женщина. — Я договорилась с вашим правительством и готова выполнить первую часть договора. Все зависит от скорости. Вам и вашему штату дается десять дней для завершения вашего участия в проекте…

— Десять дней! — ахнул он.

— Десять дней, — повторила она. — Это ваш крайний срок. Затем я вас отстраню.

По спине Лугового пробежала дрожь. Ему не требовались пояснения. Было ясно, что если что-нибудь пройдет неудачно, он и его люди бесследно исчезнут — вероятно, в океане.

В огромном конференц-зале наступила тишина. Потом мадам Бугенвиль подалась вперед в своем инвалидном кресле.

— Не угодно ли чаю?

Луговой терпеть не мог чай, но кивнул.

— Да, спасибо.

— Лучший сорт китайского. В розницу стоит более ста долларов за фунт.

Он взял протянутую чашку, вежливо сделал глоток и поставил чашку на стол.

— Полагаю, вам сообщили, что моя работа еще на стадии исследования. Эксперименты проходят удачно одиннадцать раз из пятнадцати. С такими ограничениями во времени я не могу гарантировать успешный результат.

— Какое время советники Белого дома смогут уходить от вопросов прессы, определяли самые проницательные умы.

Луговой вскинул брови.

— Я полагал, что объектом моего опыта станет кто-нибудь из не самых значительных конгрессменов, чье долгое отсутствие не бросится в глаза.

— Вас неверно информировали, — небрежно бросила она. — Ваш генеральный секретарь и президент посчитал, что до начала эксперимента вам лучше не знать, кто ваш истинный объект.

— Если бы мне дали время изучить его личность, я был бы лучше подготовлен.

— Не мне объяснять русскому требования безопасности, — сказала она, глядя ему в глаза. — Почему, по-вашему, мы до сих пор не встречались?

Не зная, что ответить, Луговой сделал большой глоток.

На его плебейский вкус, он пил воду, приправленную духами.

— Я должен знать, кто мой объект, — сказал он наконец, собравшись с духом и глядя ей в глаза.

Ответ прозвучал в просторном помещении, как взрыв бомбы, отразившись в мозгу у Лугового и совершенно ошеломив его. Он почувствовал, что его бросили в бездонную пропасть и надежды на спасение нет.

Глава 10

После многих лет плавания по морям барабаны с нейротоксином «агент С» разорвали цепи, которыми были закреплены внутри деревянных ящиков, и теперь были разбросаны по трюмной палубе. Одинаково выкрашенные стандартные судовые контейнеры, одобренные министерством транспорта, 81,5 дюйма длиной и 30,5 дюйма поперек. У них вогнутые торцы, и они серебристого цвета. На всех зеленой краской аккуратно написан армейский код «GS».

— Я насчитал двадцать барабанов, — сказал Питт.

— Совпадает с инвентарным перечнем пропавшего оборудования.

В голосе Мендозы послышалось облегчение.

Они стояли в глубине трюма, теперь ярко освещенного переносными прожекторами, соединенными кабелем с «Катобой». Палуба была залита водой почти на фут, и когда люди ходили между смертоносными контейнерами, от ржавых бортов трюма эхом отражался плеск.

Химик из агентства помахал рукой в перчатке.

— Вот барабан, из которого произошла утечка, — взволнованно сказал он. — У него разбит клапан.

— Довольны, Мендоза? — спросил у нее Питт.

— Как свинья в навозе! — радостно воскликнула она.

Питт подошел к ней, так что их лицевые маски едва не соприкасались.

— А вы подумали о моей награде?

— Какой награде?

— Наш договор, — сказал он, стараясь говорить серьезно. — Я нашел вашу отраву на тридцать шесть часов раньше срока.

— Вы ведь не собираетесь воспользоваться моим глупым предложением?

— Я был бы глуп, если бы им не воспользовался.

Она порадовалась, что под маской ему не видно, как она покраснела. Говорили они на открытой частоте, и все в помещении их слышали.

— Вы выбираете странные места, чтобы назначить свидание.

— Я думал, — продолжал Питт, — об ужине в Анкоридже: коктейли на ледниковом льде, копченый лосось, мясо лося, запеченное по-аляскински. А потом...

— Достаточно, — сказала она с растущим смущением.

— На тусовки ходите?

— Только по необходимости, — ответила она, справившись с собой. — А у нас вовсе не такой случай.

Он воздел руки, потом разочарованно опустил их.

— Печальный день для Питта, счастливый для НПМА.

— Причем тут НПМА?

— Заражение произошло на суше, в подводных работах нет необходимости. Моя команда может лететь домой.

Она еле заметно кивнула.

— Очень аккуратный ход. Оставляете все армии.

— А она знает? — серьезно спросил он.

— Военное командование Аляски уведомили спустя секунды после того, как вы доложили об обнаружении «Пайлоттауна». С материка для ликвидации «агента» к нам направляется отряд химической защиты.

— Мир аплодирует расторопности.

— Но для вас это неважно?

— Конечно, важно, — сказал Питт. — Однако моя работа закончена, и, если у вас нет другого места, где разлился яд, и еще мертвецов, я отправляюсь восвояси.

— Говори после этого об умных циниках.

— Скажите «да».

Она чувствовала, что попала в западню, и сердилась на себя за то, что это ей нравится. И ответила, не успев придумать, как отказать:

— Да.

Мужчины в трюме прекратили спасение половины человечества и глухо зааплодировали руками в перчатках; в микрофонах слышались шутки и свист. Она вдруг поняла, что ее репутация взлетела по шкале Доу-Джонса. Мужчины восхищаются женщинами, которые умеют руководить грязной, трудной работой и не становятся суками.

Позже Довер обнаружил Питта, когда тот задумчиво изучал небольшой открытый люк, освещая его фонариком. Луч внизу терялся в темноте, отражаясь в покрытой нефтяными разводами воде в трюме.

— Что-то замышляете? — спросил Довер.

— Подумал, не провести ли небольшое исследование, — ответил Питт.

— Тут далеко не пройти.

— А куда он ведет?

— В туннель стержня винта, но туннель залит водой почти доверху. Нужен акваланг.

Питт направил луч на переднюю переборку и осветил еще один маленький люк у верха трапа.

— А этот?

— Должен вести в четвертый трюм.

Питт кивнул и начал подниматься по ржавым ступенькам, Довер за ним. Питт раскрыл люк, прополз в туннель и оказался в следующем трюме. Довер не отставал. Быстрый осмотр показал, что люк пуст.

— Корабль как будто вез только балласт, — вслух рассуждал Питт.

— Похоже на то, — подтвердил Довер.

— Куда теперь?

— Вверх по лестнице в проход между баками с питьевой водой и кладовыми.

Они медленно пробирались в нутро «Пайлоттауна», чувствуя себя грабителями могил на кладбище в полночь. За каждым углом им мерещились скелеты экипажа.

Но костей не было. Каюты должны были бы выглядеть, как ежегодная распродажа в «Мэйсиз»:[7] личные вещи, все, что люди бросали, второпях покидая корабль. Но внутренности «Пайлоттауна» походили на туннели и залы пустынной пещеры.

Не хватало только летучих мышей.

Складские помещения для продуктов пусты. На полках в столовой экипажа ни тарелок, ни чашек. В туалетах нет даже бумаги. Огнетушители, дверные запоры, мебель — все, что можно отвинтить или унести, исчезло.

— Очень странно, — произнес Довер.

— Мне тоже так кажется, — согласился Питт. — Корабль систематически опустошали.

— За годы дрейфа на борт могли подняться грабители и все унести.

— Грабители оставляют после себя хаос, — возразил Питт. — Тот, кто это сделал, аккуратист.

Странное это было путешествие. Их тени скользили по темным стенам проходов и по молчаливым заброшенным механизмам. Питту хотелось снова увидеть чистое небо.

— Невероятно, — говорил Довер, все еще не опомнившись после того, что они нашли, вернее, не нашли. — Сняли даже клапаны и счетчики подчистую.

— Будь я азартен, — заметил Питт, — бился бы о заклад, что мы столкнулись со страховым мошенничеством.

— Не первое из судов, которые сегодня у Ллойда в Лондоне[8] числятся пропавшими, — сказал Довер.

— Вы рассказывали, что команда утверждала, будто покинула «Пайлоттаун» в бурю. Да, судно они покинули, но оставили только пустую оболочку.

— Легко проверить, — сказал Довер. — Есть два способа затопить корабль в море. Открыть кингстоны и впустить воду или подорвать днище взрывчаткой.

— Как бы поступили вы?

— На то, чтобы затопить корабль через кингстоны, нужны сутки или даже больше. Достаточное время, чтобы привлечь внимание проходящих судов. Я за взрывчатку. Быстро и грязно: пускает корабль на дно в несколько минут.

— Что-то помешало взрыву.

— Это только теория.

— Следующий вопрос, — не унимался Питт. — Где бы вы разместили взрывчатку?

— В грузовых трюмах, в машинном отделении — в любом месте у бортов, лишь бы ниже ватерлинии.

— В трюмах пока никаких следов взрывчатки, — сказал Питт. — Остаются машинное отделение и носовой трюм.

— Мы зашли уже далеко, — заметил Довер. — Можем пойти дальше и довести начатое до конца.

— Лучше разделиться. Я осмотрю машинное отделение. Вы знаете проходы на корабле лучше меня…

— Это в носовом трюме, — сказал Довер, опережая его.

Рослый моряк двинулся по трапу, насвистывая боевую песню университета Нотр-Дам.[9] Фонарик в руке позволял следить, как его медвежья фигура удаляется неуклюжей походкой и наконец исчезает.

Питт начал осматривать лабиринт труб, идущих от устарелых двигателей с возвратно-поступательным движением и бойлеров. Мостики над механизмами были почти разъедены ржавчиной, и Питт шел осторожно. В его воображении машинное отделение оживало: раздавались скрипы, стоны, шумели вентиляторы, слышался шепот.

Он нашел пару кингстонов. Колеса, их открывающие, застыли в положении «закрыто».

Вот и все с теорией кингстонов, подумал Питт.

Ледяной холод пополз по его спине и распространился по телу, и Питт понял, что батареи, поддерживающие температуру его костюма, почти разрядились. Он на время выключил фонарик. Полная темнота едва не задушила его. Он снова включил фонарик и повел лучом, словно ожидал увидеть призраки членов экипажа, протягивающие к нему руки. Но никаких призраков не было. Ничего, кроме темных металлических стен и изношенных механизмов.

Питт готов был поклясться, что слышит скрежет, как будто возвышавшиеся над ним двигатели сами включились.

Он потряс головой, чтобы отогнать видения, и начал методично обыскивать стены отделения, проползая между насосами и покрытыми асбестом трубами, которые вели в темноту и в ничто. И упал с трапа в грязную воду глубиной шесть футов.

Он выбрался из объятий мертвой, зловонной трюмной воды. Костюм был весь в мазуте. Задыхаясь, он постоял, заставляя себя расслабиться.

И тут заметил какой-то предмет, едва видный на пределе досягаемости луча. Проржавевшая алюминиевая канистра на пять галлонов бензина,

проводами прикрепленная к балке, поддерживающей изнутри плиты корпуса. Питту приходилось иметь дело с подводными взрывными работами, и он сразу узнал детонатор, прикрепленный к дну канистры. Электрический провод уходил наверх, на палубу.

Обливаясь потом, он в то же время дрожал от холода. Оставив заряд там, где нашел, он поднялся по лестнице. И начал осматривать двигатели и бойлеры.

Никаких обозначений, ни указаний на производителя, ни штампов инспекторских осмотров. Все таблички, прикрепленные к металлу, убраны. Все надписи, штампованные в самом металле, сточены. Он просмотрел бесконечное количество углублений и уголков в механизмах, и тут ему повезло. Сквозь перчатку он ощутил выступы в металле. Под одним из бойлеров нашлась маленькая металлическая табличка, частично скрытая грязью и смазкой.

Питт стер грязь и осветил табличку. На ней значилось:

ДАВЛЕНИЕ 220 psi

ТЕМПЕРАТУРА 4500° F

НАГРЕВАЕМАЯ ПОВЕРХНОСТЬ 5,017 КВ ФУТОВ

ИЗГОТОВЛЕНО КОМПАНИЕЙ «АЛЬГАМБРА, ЖЕЛЕЗО И БОЙЛЕРЫ»,

ЧАРЛЬСТОН, ЮЖНАЯ КАРОЛИНА

СЕРИЙНЫЙ № 38874

Питт запомнил серийный номер и вернулся к тому месту, откуда начал. Тяжело поднялся на палубу и попытался отдохнуть, по-прежнему страдая от холода.

Спустя почти час вернулся Довер. Под мышкой он небрежно, как большую коробку с персиками, нес канистру с взрывчаткой, часто и скороговоркой бранясь, особенно когда поскальзывался на залитой нефтью палубе. Он тяжело сел рядом с Питтом.

— Еще четыре такие штуки между этим местом и форпиком, — устало сказал он.

— Я нашел еще одну в сорока футах к корме, — ответил Питт.

— Интересно, почему они не взорвались.

— Должно быть, таймер не сработал.

— Таймер?

— Ну ведь экипажу нужно было успеть покинуть судно до взрыва. Проследите, куда идут провода от канистр, и увидите, что они сходятся к таймеру где-то на верхней палубе. Когда экипаж понял, что дело неладно, поздно было возвращаться на судно.

— Или они побоялись взорваться.

— Это тоже, — согласился Питт.

— Так старый «Пайлоттаун» начал свой легендарный дрейф. Брошенный корабль в пустынном море.

— Как официально опознают корабль?

— А что?

— Да просто любопытно.

Довер принял это объяснение и посмотрел выше тени от двигателей.

— Ну, признаки почти везде. Спасательные жилеты, шлюпки, название на носу и корме часто выплавляют, буквы раскрашивают. Есть также таблички кораблестроителей, одна снаружи на надстройке, вторая в машинном отделении. Да, и еще название судна выжигают на бимсе, на внешней крышке люков.

— Ставлю свое месячное жалованье, что, если выкопать корабль из-под горы, мы увидим, что надпись на люках стерта, а плашки строителей исчезли.

— Остается машинное отделение.

— Там тоже нет. Я проверил, стерто вместе со всеми надписями изготовителей.

— Слишком изобретательно, — негромко сказал Довер.

— Вы чертовски правы, — резко ответил Питт. — Здесь не просто мошенничество со страховкой.

— Я сейчас не настроен решать загадки, — сказал Довер, неловко вставая. — Замерз, проголодался и устал, как черт. Голосую за возвращение.

Питт поднял голову и увидел, что Довер по-прежнему держит канистру с взрывчаткой.

— Берете это с собой?

— Улика.

— Не уроните, — ехидно посоветовал Питт.

Они поднялись из машинного отделения и прошли по пустым складам; хотелось поскорее оказаться под открытым небом. Довер — он шел, опустив голову, — налетел на Питта.

— Почему вы остановились?

— Вы ничего не почувствовали?

Прежде чем Довер смог ответить, палуба у них под ногами задрожала и переборки зловеще заскрипели. Постепенно приближался звук, похожий на грохот далекого разрыва, сопровождаемый мощной взрывной волной. «Пайлоттаун» задрожал под ее напором, и его швы заскрипели, словно под огромной нагрузкой.

Взрывная волна ударила их о стальные переборки.

Питт сумел удержаться на ногах, но Довер, который нес тяжелую канистру, рухнул на палубу, как подрубленное дерево; он обнимал руками канистру, всем телом защищая ее от удара. Застонав от боли — он вывихнул плечо и ушиб колено, — Довер трудом сел и посмотрел на Питта.

— Что это было? — спросил он.

— Вулкан Огастин, — почти бесстрастно ответил Питт. — Должно быть, извержение.

— Боже, а что дальше?

Питт помог рослому моряку встать. Сквозь плотный костюм он чувствовал, как напряжено тело Довера.

— Вы ранены?

— Небольшой вывих, но вряд ли что-нибудь сломано.

— Идти можете?

— Я в порядке, — ответил Довер сквозь стиснутые зубы. — Но как же улика?

— Забудьте о ней, — настойчиво сказал Питт. — Давайте уносить ноги.

Не сказав больше ни слова, они миновали пустые склады и пошли по узкому проходу мимо баков с питьевой водой. Питт обхватил Довера за пояс и наполовину нес его в темноте.

Ему казалось, что проход никогда не кончится. Дыхание вырывалось со свистом, сердце колотилось о ребра. Старый «Пайлоттаун» дрожал и качался от толчков, и Питт с трудом удерживался на ногах. Они

добрались до четвертого трюма и спустились по трапу. Питт отпустил Довера, и тот упал на палубу.

Драгоценные секунды, которые ушли на перемещение Довера к трапу напротив, показались часами.

Питт едва успел ступить на лестницу, как послышался похожий на гром грохот и что-то пролетело мимо и ударилось о палубу.

Питт посветил наверх. В это мгновение крышка люка исчезла, и в трюм посыпались тонны камня и обломков.

— Поднимайтесь, черт возьми, поднимайтесь! — закричал Питт Доверу.

Грудь его вздымалась, кровь шумела в ушах. Собрав все силы, он толкал 220-фунтового Довера вверх по трапу.

Неожиданно послышался крик. Луч фонарика осветил наклонившуюся в люк фигуру; человек схватил Довера за руки и вытащил из люка. Питт инстинктивно понял, что это Джордино.

Могучий маленький итальянец как всегда появился в нужном месте в самое нужное время.

Сам Питт тоже выбрался и оказался в трюме, где хранился нейротоксин. Здесь крышка люка уцелела, потому что земля на склоне в районе кормы не такая плотная. Множество рук подхватили Довера и перенесли во временно безопасную кормовую надстройку. Джордино схватил Питта за руку.

— Есть жертвы, — мрачно сказал он.

— Сколько? — спросил Питт.

— Четверо ранены, в основном переломы, и один мертв.

Джордино как-то неуверенно замолчал, и Питт понял.

— Мендоза?

— Один из барабанов сломал ей ноги, — объяснил Джордино. Питт никогда раньше не слышал у него такого мрачного тона. — Сложный перелом. И кость пробила ее костюм.

Он замолчал.

— Токсин попал ей на кожу, — закончил Питт, и его захлестнула беспомощность.

Джордино кивнул.

— Мы вынесли ее наружу.

Питт увидел Мендозу — она лежала на кормовой палубе «Пайлоттауна».

Над головой в небо вздымалось огромное облако вулканического пепла, северный ветер относил его от корабля.

Она лежала в стороне, одна. Те, кто не был ранен, занимались уцелевшими. Рядом с ней стоял только молодой офицер с «Катобы»; все его тело конвульсивно изогнулось, словно парня рвало.

Кто-то снял с нее шлем. Волосы, разметавшиеся по ржавой палубе, оранжево блестели под солнцем. Мендоза открытыми глазами смотрела в пустоту, рот свело от нестерпимой боли. Кровь, шедшая из раскрытого рта, носа и ушей, уже начала сворачиваться; образовались застывшие ручейки медного цвета. Кровоточили даже углы глаз. Немногие участки кожи лица, которые были видны, уже почернели.

Единственное чувство, какое испытал Питт, — холодный гнев. Гнев кипел в нем, когда он нагнулся и ударил кулаком по палубе.

— Это здесь не кончится, — горько сказал он. — Не кончится.

Глава 11

Оскар Лукас мрачно смотрел на свой стол. Его все раздражало: холодный кофе в чашке, едкий как кислота, офис с дешевой мебелью, долгие часы на работе. Впервые с тех пор, как он возглавил охрану президента, ему захотелось в отставку, чтобы кататься на лыжах в Колорадо, своими руками построить дачу в горах.

Он покачал головой, чтобы избавиться от фантазий, отхлебнул диетического напитка и в десятый раз принялся изучать планы президентской яхты.

Яхта «Орел», построенная в 1919 году богатым филадельфийским бизнесменом, в 1921 году была куплена министерством финансов для президента. С этого времени на ее палубу ступали тринадцать президентов.

Герберт Гувер, оказавшись на борту, забывал про таблетки. Рузвельт смешивал мартини и обсуждал с Уинстоном Черчиллем военную стратегию.

Гарри Трумен играл в покер и на пианино. Джон Кеннеди отмечал свои дни рождения. Линдон Джонсон развлекал британскую королевскую семью, а Ричард Никсон принимал Леонида Брежнева.

Сконструированная с прямым, на старинный манер носом, отделанная красным деревом яхта имела водоизмещение сто тонн и была длиной 110 футов, а шириной двадцать. Осадка пять футов, скорость до четырнадцати узлов.

На «Орле» были пять кают для хозяев, четыре ванны и большая застекленная надстройка, которая служила столовой и гостиной. Экипаж состоял из тринадцати моряков береговой охраны; их каюты и камбуз располагались в носовой части.

Лукас просмотрел досье членов экипажа, заново проверил их окружение, семейные истории, личные привычки и особенности, результаты психологических опросов. И не смог найти ничего подозрительного.

Он откинулся и зевнул. Часы показывали 21:20. «Орел» уже три часа стоял у Маунт-Вернона. Президент — сова, встает поздно. Лукас был уверен, что он и гостей будет держать в гостиной за обсуждением государственных дел, и ему в голову не придет, что кто-то может хотеть спать.

Лукас повернулся и посмотрел в окно. Надвигающийся туман — хорошая новость. Он мешает снайперам, главной угрозе жизни президента. Лукас убеждал себя, что гоняется за призраками. Все, что можно предусмотреть, он предусмотрел.

Если угроза существует, он не знает ни ее источника, ни метода осуществления.

Туман еще не дошел до Маунт-Вернона. Летняя ночь еще была прозрачна и чиста, огни соседних улиц и ферм отражались в воде. Здесь река разливалась на милю с лишним, ее крутые берега поросли деревьями и кустарниками. В ста ярдах от берега стоял на якоре катер береговой охраны, повернув нос вверх по реке; антенна его радара постоянно крутилась.

Президент сидел в шезлонге на носу «Орла» и красноречиво разъяснял Маркусу Ларимеру и Алану Морану свою программу помощи Восточной Европе. Внезапно он встал, подошел к поручню и наклонил голову, прислушиваясь. На соседнем лугу паслись коровы. Эта картина увлекла президента: политические проблемы были забыты, на первый план вышел деревенский мальчишка. Через несколько секунд президент вернулся на место.

— Простите за перерыв, — сказал он с широкой улыбкой. — Мне захотелось отыскать ведро и надоить молока на завтрак.

— Газеты сошли бы с ума от восторга, печатая снимки того, как вы ночью доите коров, — рассмеялся Лаример.

— Больше того, — саркастически добавил Моран, — вы могли бы выгодно продать это молоко русским.

— Это не так фантастично, — сказал Марголин, сидевший в стороне. — В Москве масло и молоко совсем исчезли из магазинов.

— Это факт, господин президент, — серьезно сказал Лаример. — Калорийность питания среднего русского всего на двести калорий выше калорийности голодной диеты. У поляков и венгров положение еще хуже. Да наши свиньи питаются лучше их.

— Именно об этом и речь, — заговорил президент. — Мы не можем отвернуться от голодающих женщин и детей только потому, что они живут под властью коммунистов. Их бедственное положение делает мой план, отражающий щедрость американского народа, еще более неотложным. Подумайте, какие блага он принесет нам — добрую волю стран Третьего мира. Подумайте, как это вдохновит будущие поколения. Возможных выгод не счесть.

— Не могу согласиться, — холодно возразил Моран. — По-моему, ваше предложение — глупость, неразумная игра. Миллиарды долларов, которые они тратят ежегодно на поддержку своих стран-сателлитов, почти истощили их финансовые ресурсы. Бьюсь об заклад, деньги, полученные от вас, они тут же пустят в свой военный бюджет.

— Возможно, но, если их неприятности не прекратятся, Советы станут еще опасней для Соединенных Штатов, — сказал президент. — Из истории известно, что страны с серьезными экономическими проблемами охотно втягиваются в конфликты с другими странами.

— Например, в попытки захватить контроль над нефтью Персидского залива? — спросил Лаример.

— Это для них постоянный соблазн. Но они хорошо знают, что страны Запада применят силу и не допустят, чтобы нашей экономике перекрыли кровоток. Нет, Маркус, они ставят более легкие цели. Достигнув одной из них, они захватят власть над всем Средиземным морем.

Лаример поднял брови.

— Турция?

— Совершенно верно, — ответил президент.

— Но Турция член НАТО, — возразил Моран.

— Да, но начнет ли Франция войну из-за Турции? А Англия или Западная Германия? Еще лучше: спросите себя, пошлем ли мы туда на смерть американских парней, как в какой-нибудь Афганистан? Правда такова, что у Турции мало природных ресурсов, из-за которых стоило бы

воевать. Советская армия за несколько недель дойдет до Босфора, а Запад будет протестовать только на словах.

— Маловероятно, — сказал Моран.

— Согласен, — заметил Лаример. — По моему мнению, дальнейшая советская экспансия маловероятна ввиду распада их системы.

Президент протестующе поднял руку.

— Здесь дело совсем в другом, Маркус. Любые внутренние беспорядки в России определенно выйдут за ее границы и захлестнут Западную Европу.

— Я не изоляционист, господин президент. Бог свидетель, моя работа в сенате говорит об обратном. Но мне надоело, что Соединенные Штаты постоянно должны поворачиваться по ветру, чтобы потакать капризам европейцев. Мы немало своих ребят положили в их землю за две войны. Я говорю: если русские хотят съесть остальную Европу, пусть подавятся, и скатертью дорога.

Лаример, довольный, сел. Он сказал то, чего не мог сказать публично. И хотя президент с ним не согласился, в глубине души он задумался о том, сколько простых американцев согласны с сенатором.

— Будем реалистами, — спокойно сказал он. — Вы же знаете, я не могу бросить наших союзников.

— А как же наша конституция? — спросил Моран. — Как вы объясните, что берете доллары наших налогоплательщиков из перегруженного бюджета при его дефиците и тратите их на поддержку наших врагов?

— Я называю это гуманитарной помощью, — устало ответил президент.

Он понял, что надежды на победу в этом споре нет.

— Простите, господин президент, — сказал Лаример, вставая. — Я не могу искренне поддержать ваш план помощи Восточному блоку. А теперь, с вашего позволения, я пойду спать.

— Я тоже, — сказал Моран, зевая. — У меня глаза слипаются.

— Вы хорошо разместились? — спросил президент.

— Да, спасибо, — ответил Моран.

— Если не будет приступа морской болезни, — криво улыбаясь, сказал Лаример, — я надеюсь удержать ужин до завтрака.

Они попрощались и спустились к своим каютам. Как только они оказались за пределами слышимости, президент обратился к Марголину:

— Что думаете, Винс?

— Откровенно говоря, сэр, я считаю, что вы понапрасну тратите силы.

— Вы считаете, это безнадежно?

— Посмотрим с другой стороны, — начал Марголин. — Ваш план предусматривает закупки избытков зерна и другой сельхозпродукции и продажу их коммунистам по ценам ниже тех, какие наши фермеры могут получить на экспортном рынке. Но из-за плохих погодных условий в последние два года и инфляционной спирали цен на дизельное топливо уровень банкротств фермеров сейчас самый высокий с 1934 года. И если вы настаиваете на трате средств, почтительно предлагаю тратить их здесь, а не в России.

— Милосердие начинается дома, так, что ли?

— А где же еще? Вдобавок надо учитывать, что вы быстро теряете поддержку партии, а на избирательных участках катастрофически теряете голоса.

Президент покачал головой.

— Я не могу молчать, когда миллионы мужчин, женщин и детей умирают с голода.

— Благородная позиция, но вряд ли практичная.

У президента сделалось печальное лицо.

— Как вы не понимаете! — сказал он, глядя на темную воду реки. — Если мы покажем, что марксизм потерпел крах, ни одно партизанское движение в мире не сможет использовать его как знамя революции!

— Что возвращает нас к спору, — заметил Марголин. — Русские не хотят нашей помощи. Как вы знаете, я встречался с их министром иностранных дел Громыко. Он в самых определенных выражениях заявил: если ваша программа помощи пройдет в конгрессе, любые поставки продовольствия будут остановлены на границах.

— Все равно нужно попытаться.

Марголин про себя вздохнул. Любые возражения — напрасная трата времени. Президента невозможно отговорить.

— Если вы устали, — сказал президент, — пожалуйста, ложитесь. Не надо бодрствовать, лишь бы составить мне компанию.

— Мне пока не хочется спать.

— Как насчет еще одной порции бренди?

— Заманчиво.

Президент нажал кнопку на своем кресле, и из темноты выступила фигура стюарда в белом.

— Да, господин президент. Что угодно?

— Пожалуйста, принесите вице-президенту и мне еще бренди.

— Да, сэр.

Стюард повернулся, чтобы выполнить приказ, но президент поднял руку.

— Минутку.

— Сэр?

— Вы не Клоснер, обычный стюард.

— Да, господин президент. Я Ли Тонг, матрос первого класса. Матрос Клоснер получил увольнительную до десяти часов. Я на вахте до десяти утра.

Президент был одним из немногих политиков, искренне интересующихся людьми. Он мог с одинаковым вниманием говорить с восьмилетним мальчиком и восьмидесятилетней женщиной. Ему нравилось знакомиться с людьми, называть их по именам, как старых знакомых.

— Вы из китайской семьи, Ли?

— Нет, сэр, из корейской. Мои родители эмигрировали в Америку в 1952 году.

— Почему вы поступили на службу в береговую охрану?

— Наверно, потому, что люблю море.

— Вам нравится обслуживать старых чинуш вроде меня?

Матрос Тонг поколебался.

— Если б выбирать пришлось мне, сэр, я предпочел бы служить на ледоколе.

— Не уверен, что мне нравится быть на втором месте после ледокола, — добродушно рассмеялся президент. — Напомните утром, чтобы я попросил коммандера Коллинза перевести вас. Мы с ним старые друзья.

— Спасибо, господин президент, — взволнованно ответил матрос Ли Тонг. — Сейчас подам бренди.

Поворачиваясь, Тонг широко улыбнулся, показав щербинку в верхних зубах.

Глава 12

Густой туман окутал «Орел», обволакивая корпус необычной сырой тишиной. Постепенно расплылись и исчезли красные огни зданий на противоположном берегу реки. Где-то наверху крикнула чайка, но звук казался приглушенным, призрачным, невозможно было определить, откуда он исходит. Тиковые доски палубы скоро покрылись влагой и тускло заблестели в свете пригашенных туманом прожекторов на старом скрипучем причале, стоящем на якоре у берега.

Почти невидимую яхту охраняла небольшая группа агентов секретной службы, расставленных в стратегических точках на склоне, который мягко повышался к элегантному, выстроенному в колониальном стиле дому Джорджа Вашингтона.

Голосовой контакт поддерживали с помощью миниатюрных коротковолновых передатчиков. Чтобы обе руки всегда оставались свободными, агенты пользовались приемниками-наушниками, батареи крепились к поясу, миниатюрный микрофон — на запястье.

Каждый час агенты менялись местами, переходя в следующую заранее определенную точку, а старший группы непрерывно обходил посты, проверяя охрану.

В доме на колесах, припаркованном на подъездной дороге у старого здания, агент Черная Сова смотрел на экраны мониторов. Другой агент управлял оборудованием системы связи, третий наблюдал за предупредительными огнями, связанными с тревожной сигнализацией вокруг яхты.

— Можно подумать, что национальная служба погоды способна дать точный прогноз для мест хотя бы за десять миль от их главной конторы, — ворчал Черная Сова, допивая четвертую чашку кофе за ночь. — В прогнозе «легкий туман». Если это легкий туман, то как они назовут туман, который можно размешивать ложкой?

Агент, следивший за связью, обернулся и снял наушники.

— На сторожевом катере говорят, что ничего не видят под самым своим носом. Просят разрешения подойти ближе к берегу и пришвартоваться.

— Не могу их упрекнуть, — сказал Черная Сова. — Передайте: разрешение даем.

Он встал и помассировал шею. Потом похлопал связиста по плечу.

— Я присмотрю за радио. Вам нужно поспать.

— Вам самому надо бы лечь.

— Я не устал. К тому же ничего не могу разглядеть на мониторах.

Агент посмотрел на большие стенные часы.

— Время ноль один пятьдесят. Десять минут до смены постов.

Черная Сова кивнул и занял опустевшее кресло. Не успел он надеть наушники, как услышал сигнал с катера береговой охраны.

— Контроль, говорит речная охрана.

— Контроль слушает, — ответил Черная Сова, узнав голос капитана катера.

— Проблемы с нашим сканирующим оборудованием.

— Что за проблемы?

— Наш радар заглушает очень мощный сигнал на той же частоте.

На лице Черной Совы промелькнуло удивление.

— Кто-то вас глушит?

— Не думаю. Кажется, столкновение случайное. Сигнал возникает и исчезает. Впечатление такое, словно передают какие-то сообщения. Думаю, кто-то из радиолюбителей по соседству случайно вышел на нашу частоту.

— Обнаружили что-нибудь?

— В это время на реке никакого движения, — ответил капитан. — За последние два часа только сигнал буксира, который тащил в море баржи с мусором.

— Когда прошел буксир?

— Да он не прошел. Встал у берега в нескольких сотнях ярдов выше по течению. Должно быть, капитан буксира пережидает туман.

— Хорошо, речная охрана, продолжайте держать меня в курсе ваших проблем с радио.

— Обязательно, контроль. Конец связи.

Черная Сова откинулся на спинку и принялся мысленно оценивать возможные опасности.

Движения по реке нет, и потому нет опасности, что с «Орлом» столкнется другое судно. Радар катера береговой охраны работает, хоть и не без перебоев. Никакое нападение с берега невозможно, поскольку нулевая видимость не позволяет нацелиться на яхту. Похоже, туман — настоящее благо, только сразу это не понять.

Черная Сова взглянул на часы. До смены постов одна минута. Он быстро просмотрел план с именами агентов, их постами и временем смены.

Он отметил, что агент Лайл Блок должен стоять на посту номер семь, то есть на самой яхте, а агент Карл Поласки — на посту номер шесть, то есть на причале.

Черная Сова нажал кнопку передачи и заговорил в крошечный микрофон, прикрепленный к полоске на лбу:

— Внимание всем постам. Время ноль два часа. Смена постов. Повторяю, смена постов согласно графику. — Потом сменил частоту и вызвал командира группы, используя кодовое имя: — «Катти Сарк», говорит контроль.

Агент Эд Макграт, ветеран, прослуживший пятнадцать лет, ответил почти немедленно:

— «Катти Сарк» слушает.

— Попросите посты номер шесть и семь внимательней наблюдать за рекой.

— В этом супе они ничего не увидят.

— Насколько плохо возле причала?

— Скажем, вам следовало бы снабдить нас белыми тростями с красными концами.

— Сделайте все возможное, — сказал Черная Сова.

Замигал огонек, и Черная Сова отключил Макграта и принял входящий сигнал.

— Контроль, говорит речная охрана. Тот, кто глушил наш радар, теперь делает это постоянно.

— Вы ничего не видите? — спросил Черная Сова.

— Дисплей осциллоскопа на сорок процентов ослеп. Вместо объектов на экране большой клин.

— Хорошо, речная охрана, я сообщу старшему спецагенту. Может, он сумеет отследить источник вмешательства и блокировать его.

Прежде чем сообщить в Белый дом Лукасу о проблемах с радаром, Черная Сова повернулся и с любопытством поглядел на телеэкраны. Никакого изображения на них не было, только неопределенные тени, дрожащие и зыбкие.

Агент Карл Поласки поправил наушники, подключенные к радиоприемнику «Моторола НТ-220», и вытер влагу с бисмарковских усов. За сорок минут, проведенных на причале, он промок и чувствовал себя отвратительно. Он вытер влагу с лица, и она показалась ему маслянистой. Странно.

Его взгляд остановился на прожекторах над головой. Они создавали тусклый желтоватый ореол, но по краям из-за призматического эффекта образовывались радужные переливы. Агент стоял посреди тридцатифутового причала, и с этого места «Орел» был совершенно не виден в тумане. Нельзя было разглядеть даже палубу и огни на мачтах.

Поласки прошел по обшарпанным доскам причала, иногда останавливаясь и прислушиваясь, но слышал только мягкий плеск воды у свай и негромкое гудение генераторов яхты. Он был всего в нескольких футах от края причала, когда в серых щупальцах тумана материализовался «Орел».

Поласки негромко окликнул агента Лайла Брока, который занимал пост номер семь на яхте.

— Эй, Лайл? Слышишь меня?

Донесся голос чуть громче шепота:

— Чего тебе?

— Как насчет чашки кофе с камбуза?

— Смена через двадцать минут. Получишь кофе, когда поднимешься на яхту и займешь мое место.

— Ждать двадцать минут я не могу, — возразил Поласки. — Промок до костей.

— Тяжко. Но придется потерпеть.

Поласки знал, что Брок ни при каких обстоятельствах не имеет права покинуть палубу, но добродушно поддразнивал агента.

— Ну, попросишь меня о чем-нибудь.

— Кстати, о просьбах. Я забыл, куда перехожу отсюда.

Поласки вопросительно взглянул на фигуру в тени на палубе «Орла».

— Загляни в свой график, осел.

— Он размок, ничего не прочесть.

— Пост восемь в пятидесяти ярдах ниже по берегу.

— Спасибо.

— Если захочешь узнать, где пост девять, это будет стоить тебе чашки кофе.

— Да пошел ты. Это я помню.

Позже, при следующей смене, агенты разминулись, лишь помахав друг другу, две неразличимые в тумане фигуры.

Эд Макграт не мог вспомнить, чтобы прежде видел такой густой туман. Он принюхался, стараясь определить необычный запах, висящий повсюду, но потом решил, что это просто горючее. Где-то в тумане залаяла собака. Он помолчал, наклонив голову.

Не лай собаки, преследующей добычу, и не испуганный визг. Резкий лай, извещающий о присутствии чужого.

Судя по громкости, не очень далеко. В семидесяти пяти или ста ярдах, но за периметром безопасности, решил Макграт.

Потенциальный убийца должен быть больным или спятившим — или и то и другое, подумал Макграт, — чтобы бродить в такую погоду по незнакомой местности. Сам Макграт уже успел споткнуться и упасть, наткнуться на невидимую ветку и расцарапать щеку, трижды обнаружить, что заблудился, и едва не получил пулю, когда случайно подошел к последнему посту, не предупредив по рации.

Лай неожиданно оборвался, и Макграт решил, что пса отвлекла кошка или какое-то другое животное. Он дошел до знакомой скамьи у развилки засыпанной гравием дорожки и прошел к речному берегу ниже яхты. И заговорил в микрофон на лацкане:

— Пост восемь, иду к вам.

Ответа он не получил.

Макграт резко остановился.

— Брок, говорит Макграт, я иду к вам.

По-прежнему ничего.

— Брок, ты меня слышишь?

Пост номер восемь вел себя необычно тихо, и Макграт встревожился. Двигаясь очень медленно, шаг за шагом, он осторожно приблизился к охраняемому посту и стал звать, но тяжелая влага в тумане искажала его голос. Ответом было молчание.

— Контроль, говорит «Катти Сарк».

— Слушаю, «Катти Сарк», — послышался усталый голос Черной Совы.

— Агент с восьмого поста куда-то делся.

Тон голоса Черной Совы резко изменился.

— Никаких следов?

— Нет.

— Проверьте яхту, — без колебаний приказал Черная Сова. — Буду у вас, как только извещу штаб-квартиру.

Макграт отключился и быстро пошел вдоль берега к причалу.

— Пост шесть, иду к вам.

— Айкен, пост шесть. Можете подойти.

Макграт поднялся на причал и увидел в свете прожекторов агента Джона Айкена.

— Брока видел?

— Шутишь? — ответил Айкен. — Я ничего не видел с тех пор, как спустился туман.

Макграт побежал по причалу, повторяя по радио позывной подхода. К тому времени как он добрался до «Орла», с противоположной стороны показался Поласки.

— Брока нет, — напряженно сказал Макграт.

Поласки пожал плечами.

— Я видел его полчаса назад, когда мы менялись постами.

— Ладно, оставайся на причале. Посмотрю внизу под палубой. И встречай Черную Сову. Он на подходе.

Когда Черная Сова выбрался на утреннюю сырость, туман расходился, и он видел мерцание звезд за облаками. Минуя пост за постом, у причала он перешел на бег. Видимость улучшилась. Черную Сову охватил страх, ужас, что где-то произошел сбой.

Агенты не оставляют пост без предупреждения и без причины.

Когда он наконец запрыгнул на борт яхты, туман, словно по волшебству, рассеялся. В чистом свежем воздухе засверкали рубиновые огни радиоантенн на противоположном берегу. Черная Сова миновал Поласки и увидел Макграта. Тот сидел на палубе, глядя в пустоту.

Черная Сова застыл.

Лицо у Поласки было бледным, как алебастровая маска. В глазах застыл такой ужас, что Черная Сова понял: случилось худшее.

— Как президент? — спросил он.

Макграт тупо посмотрел на него, губы его шевельнулись, но с них не слетело ни слова.

— Ради бога, президент в безопасности?

— Его нет, — с трудом ответил Макграт.

— О чем ты говоришь?

— Президент, вице-президент, экипаж — они все исчезли.

— Ты спятил! — резко сказал Черная Сова.

— Это правда, все правда... — мертвым голосом сказал Макграт. — Посмотри сам.

Черная Сова бегом спустился по ближайшему трапу и добежал до каюты президента. И без стука распахнул дверь.

Каюта пуста. Постель аккуратно заправлена, но в шкафу нет одежды, в ванной — туалетных принадлежностей. Сердце его упало, его словно зажали между двумя кусками льда.

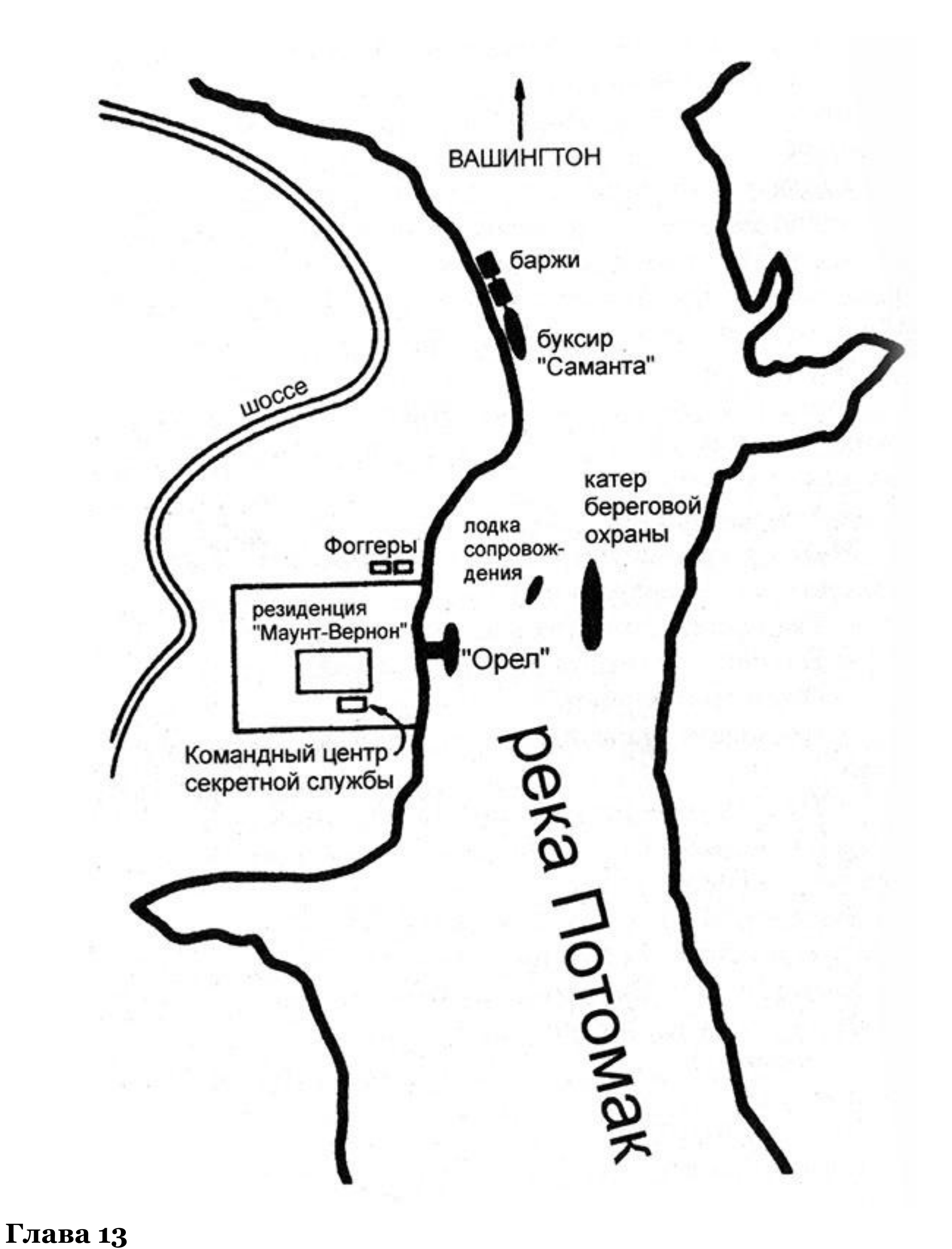
Как в кошмаре, переходил он из каюты в каюту.

Везде одно и то же; даже в помещениях экипажа нетронутая пустота.

Ужас оказался реальностью.

Все исчезли с яхты, словно их никогда не было на свете.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ОРЕЛ»

Глава 13

29 июля 1989 года Вашингтон, округ Колумбия

В отличие от киноактеров, которым требуется бесконечно много времени, чтобы проснуться и взять трубку, Бен Гринвальд, директор секретной службы, проснулся мгновенно и схватил трубку еще до второго звонка.

— Гринвальд.

— Здравствуйте, — произнес знакомый голос Оскара Лукаса. — Простите, что разбудил, но я знаю, что вас интересует результат футбольного матча.

Гринвальд весь подобрался. Всякое сообщение по открытой связи секретной службы, которое начинается со слова „Здравствуйте“, означает совершенно секретный доклад о серьезнейшей ситуации или о преступлении. Следующая фраза не имеет никакого смысла: это предосторожность на случай, если телефонную линию прослушивают. А такая возможность стала вполне реальной после того, как при Киссинджере государственный департамент позволил русским построить здание посольства на холме над городом, тем самым во много раз увеличив способности к перехвату.

— Хорошо, — сказал Гринвальд, стараясь говорить с обычной небрежностью. — И кто же выиграл?

— Вы проиграли свою ставку.

„Ставка“ — еще одно кодовое слово, означающее, что дальше идет зашифрованное сообщение.

— „Джаспер колледж“ — один, — продолжал Лукас. — „Дринкуотер технологический“ — ноль. Три игрока из команды „Джаспера“ вышли из игры из-за травм.

Страшная новость взорвалась в голове Гринвальда. „Джаспер колледж“ — кодовое обозначение похищения президента. Упоминание трех игроков означает, что похищены также три человека, которые последовательно должны были бы заменить президента. Такое Гринвальду не представлялось даже в самых диких кошмарах.

— Ошибки нет? — спросил он, в страхе ожидая ответа.

— Нет, — отрезал Лукас ломким, как стекло, голосом.

— Кто еще знает счет?

— Только Черная Сова, Макграт и я.

— Пусть так и остается.

— На всякий случай, — сказал Лукас, — я организовал сбор запасных игроков и кандидатов в команду.

Гринвальд сразу понял Лукаса. Жены и дети похищенных взяты под защиту; то же самое — преемники президента.

Он глубоко вдохнул и постарался собраться с мыслями. Чрезвычайно важна быстрота действий. Если похищение устроили Советы, чтобы обезопасить себя от предупредительного ядерного удара, поздно что-то предпринимать. Но, с другой стороны, успешное похищение высшего руководства может означать попытку смены правительства.

Больше нет времени на церемонии с секретностью.

— Аминь, — сказал Гринвальд, давая Лукасу понять, что хватит шифроваться.

— Понял.

В голове Гринвальда возникла новая ужасная мысль.

— „Чемоданчик“? — нервно спросил он.

— Исчез вместе со всеми.

О боже, молча взвыл Гринвальд. Катастрофа на катастрофе. „Чемоданчик“, или „человек с чемоданчиком“, — неофициальное обозначение офицера, который днем и ночью находится рядом с президентом. У него с собой „дипломат“ с кодами, позволяющими выпустить десять тысяч стратегических ядерных боеголовок по заранее намеченным целям в Советской России. Последствия попадания этих кодов в чужие руки невообразимо ужасны.

— Известите председателя Комитета начальников штабов, — приказал он. — Потом отправьте группы охраны за государственным секретарем и министром обороны, а также за советником по национальной безопасности и попросите их побыстрей явиться в ситуационный кабинет Белого дома.

— Из администрации президента кто-то нужен?

— Ладно, приведите Дэна Фосетта. Но в остальном пусть клуб будет закрытым. Чем меньше людей будут знать, что Босс отсутствует, тем быстрей мы справимся.

— В таком случае, — сказал Лукас, — разумней провести встречу не в Овальном кабинете. Пресса постоянно следит за Белым домом. Если руководители государства вдруг соберутся в такой час, с утра пораньше, журналисты набросятся на нас, как саранча.

— Здравая мысль, — ответил Гринвальд. Он помолчал и сказал: — Встретимся в Обсерватории.[10]

— В резиденции вице-президента?

— Там почти никогда не видно журналистских машин.

— Постараюсь всех собрать как можно быстрей.

— Оскар?

— Да.

— Очень коротко: что случилось?

После недолгих колебаний Лукас сказал:

— С президентской яхты все исчезли.

— Понятно, — тяжело сказал Гринвальд. Но было ясно, что он ничего не понимает.

Однако Гринвальд не стал тратить время на дальнейшие разговоры. Он повесил трубку и торопливо оделся. По пути в Обсерваторию у него свело живот — реакция на катастрофическую новость. В глазах потемнело, пришлось бороться с позывами к рвоте.

Он как в тумане ехал по пустынным улицам столицы. Если не считать грузовиков доставки, машин почти не было; большинство светофоров предупреждающе мигали желтым светом.

Он слишком поздно заметил, что справа внезапно вывернула поливалка. Вид через ветровое стекло заполнила громоздкая, окрашенная в белый цвет машина. Под протестующий визг покрышек водитель выскочил из кабины, его глаза блеснули в свете фар Гринвальда.

Послышался скрежет металла и звон разбитого стекла.

Капот сложился вдвое, поднялся, и колонка руля пробила Гринвальду грудь, раздробив ребра.

Гринвальд сидел, зажатый между рулем и спинкой сиденья; вода из радиатора с шипением лилась на двигатель. Глаза Гринвальда были открыты; он как будто равнодушно смотрел на разбитое ветровое стекло.

Оскар Лукас стоял возле углового камина в резиденции вице-президента и описывал похищение. Каждые несколько секунд он нервно поглядывал на часы, гадая, что могло задержать Гринвальда. Пятеро сидевших в комнате слушали его с нескрываемым изумлением.

Министр обороны Джесс Симмонс сжимал в зубах незажженную пенковую трубку. Он был небрежно одет в летнюю куртку и спортивные брюки, Дэн Фосетт и советник по национальной безопасности Алан Мерсье тоже. Генерал армии Клейтон Меткалф явился в мундире, а Дуглас Оутс, государственный секретарь, был аккуратно причесан, облачен в безупречный темный костюм и при галстуке.

Лукас закончил рассказ и смолк в ожидании залпа вопросов, которые, он был уверен, последуют. Напротив, надолго наступила тишина. Все точно оцепенели.

Первым нарушил ошеломленное молчание Оутс.

— Милостивый боже! — воскликнул он. — Как это могло случиться? Как все, кто был на яхте, могли просто взять и исчезнуть?

— Мы не знаем, — беспомощно ответил Лукас. — По очевидным причинам, связанным с безопасностью, я еще не разрешил осмотреть место происшествия. Бен Гринвальд приказал все закрыть, пока не будете информированы вы, господа. За пределами этой комнаты лишь трое работников службы безопасности, включая самого Гринвальда, знают о происшедшем.

— Должно существовать разумное объяснение, — сказал Мерсье. Советник президента по национальной безопасности встал и принялся расхаживать по комнате. — Ни сверхъестественные силы, ни пришельцы из космоса не могут похитить двадцать человек. Если — я ставлю за этим „если“ вопросительный знак — если президента и остальных действительно нет на „Орле“, это результат тщательно спланированного заговора.

— Заверяю вас, сэр, — сказал Лукас, глядя прямо в глаза Мерсье, — мой заместитель нашел яхту совершенно пустой.

— Вы говорите, туман был очень густой, — продолжал Мерсье.

— Так его описал агент Черная Сова.

— Не могли их как-то провести через ограждение службы безопасности и увезти?

Лукас отрицательно покачал головой.

— Даже если бы они могли миновать в тумане моих агентов, их засекла бы чувствительная сигнализация, которую мы установили вокруг поместья.

— Остается река, — заметил Джесс Симмонс. Министр обороны был человеком молчаливым и обычно изъяснялся в телеграфном стиле. Его загорелое лицо выдавало пристрастие к катанию по уик-эндам на водных лыжах. — Предположим, „Орла“ захватили с реки. И силой заставили их пересесть в другую лодку.

Оутс с сомнением посмотрел на Симмонса.

— Вы говорите так, словно виноват пират Черная Борода.

— Агенты патрулировали причал и речной берег, — объяснил Лукас. — Пассажиров и экипаж не могли увести совсем уж беззвучно.

— Может, их опоили, — предположил Дэн Фосетт.

— Это возможно, — согласился Лукас.

— Давайте смотреть фактам в лицо, — сказал Оутс. — Вместо того чтобы гадать, как было совершено покушение, нужно составить план действий, сосредоточиться на его причине и на том, какие силы за него ответственны.

— Согласен, — сказал Симмонс. Он повернулся к Меткалфу. — Генерал, есть ли сведения о том, что за этим стоят русские и что это подготовка к удару?

— В этом случае, — ответил Меткалф, — их стратегические ракетные силы обрушились бы на нас еще час назад.

— Это еще может произойти.

Меткалф еле заметно мотнул головой.

— Никаких указаний на то, что они приведены в состояние готовности. Наши разведывательные источники в Кремле не сообщают об усилении активности ни там, ни на восьмидесяти командных постах в Москве, а наши спутники не заметили никаких передвижений войск вдоль границы Восточного блока. К тому же президент Антонов сейчас находится с государственным визитом в Париже.

— Значит, это не Третья мировая война, — облегченно сказал Мерсье.

— Мы пока еще на мели, — сказал Фосетт. — Исчез также офицер с кодами пуска ядерных ракет.

— Об этом можно не беспокоиться, — сказал Меткалф, впервые за все время улыбнувшись. — Как только Лукас сообщил мне о ситуации, я приказал сменить алфавитный код.

— Но что может помешать тем, кто это сделал, использовать старый код для взлома нового?

— С какой целью?

— Шантаж или безумная попытка ударить по русским первыми.

— Это невозможно, — просто ответил Меткалф. — Слишком много встроенных предохранителей. Даже президент в приступе безумия не может в одиночку запустить наши ракеты. Приказ о начале войны должен быть передан через министра обороны Симмонса и

председателя Комитета начальников штабов. И если кто-то из нас усомнится в приказе, мы можем его отменить.

— Хорошо, — сказал Симмонс, — временно снимаем заговор Советов или шаг к развязыванию войны. Что остается?

— Чертовски мало, — ответил Мерсье.

Меткалф пристально посмотрел на Оутса.

— В существующих обстоятельствах, господин секретарь, согласно конституции вы преемник президента.

— Он прав, — сказал Симмонс. — Пока не будут найдены живыми президент, Марголин, Лаример и Моран, вы исполняете обязанности главы государства.

На несколько секунд в библиотеке установилась тишина.

Энергичное, сильное лицо Оутса едва заметно дрогнуло, он на глазах неожиданно постарел на добрых пять лет. Потом столь же неожиданно взял себя в руки, и взгляд его стал холодным и задумчивым.

— Прежде всего, — ровным тоном сказал он, — мы должны вести себя так, словно ничего не произошло.

Мерсье откинул голову и незряче посмотрел на высокий потолок.

— Конечно, мы не можем созвать пресс-конференцию и объявить всему миру, что потеряли четверых высших руководителей государства. Не могу представить, каковы будут последствия, если об этом станет известно. Но дольше нескольких часов мы не сможем скрывать это от газетчиков.

— Нужно еще учитывать ту вероятность, что лица, ответственные за похищение, предъявят нам ультиматум или потребуют выкуп через прессу, — добавил Симмонс.

Меткалф, казалось, сомневался.

— Думаю, требование поступит к секретарю Оутсу без лишнего шума, и требовать будут не деньги, а что-то иное.

— Я согласен с вашими рассуждениями, генерал, — сказал Оутс. — Но прежде всего нужно скрывать факты и тянуть время, пока не найдем президента.

У Мерсье был вид атеиста, которого в аэропорту остановили словами „харе Кришна“.

— Линкольн сказал: „Нельзя постоянно обманывать всех“. Нелегко будет даже день скрывать президента и вице-президента от прессы. И нельзя забывать о Ларимере и Моране; они заметные люди в Вашингтоне. Нужно подумать и об экипаже „Орла“. Что мы скажем их семьям?

— Джек Саттон! — выпалил Фосетт, как будто на него снизошло озарение.

— Кто это? — спросил Симмонс.

— Актер, играющий роль президента в рекламе и комедийных шоу.

Оутс выпрямился.

— Думаю, я вас понял. Сходство велико, но лицом к лицу он никого не обманет. Голос Саттона не вполне похож, и всякий, кто близко знаком с президентом, сразу раскроет обман.

— Да, но с тридцати футов разницу не заметит и его собственная жена.

— К чему вы ведете? — спросил Меткалф у Фосетта.

Глава администрации Белого дома принял вызов.

— Пресс-секретарь Томпсон может выпустить пресс-релиз с сообщением, что президент проведет рабочий отпуск на своей ферме в Нью-Мексико, где будет изучать реакцию конгресса на его план помощи Востоку. Так мы ограничим пресс-корпус Белого дома: обычное дело, когда президент не хочет отвечать на вопросы.

Корреспонденты увидят из-за ограды только, как президент — актер Саттон, играющий роль президента, — садится в вертолет, чтобы лететь на военно-воздушную базу Эндрюс, а оттуда бортом номер один — в Нью-Мексико. Конечно, они могут прилететь туда, но на ферму их не допустят.

— Почему бы не отправить вместе с Саттоном поддельного вице-президента? — предложил Мерсье.

— Они не могут лететь одним самолетом, — напомнил Лукас.

— Хорошо, отправим вечерним рейсом, — настаивал Мерсье.

— Пресса не следит за перемещениями Марголина. Никто не заметит подмены.

— Было бы что замечать, — добавил Оутс, давая волю нелюбви к вице-президенту.

— Я смогу организовать подробности со стороны Белого дома, — предложил Фосетт.

— С двумя решили, — сказал Симмонс. — Что делать с Ларимером и Мораном?

— У нас нечетный год, — сказал Мерсье, вспоминая расписание. — Два дня назад конгресс разъехался на весь август. Хоть в этом повезло. Почему бы не изобрести совместную рыбалку или поездку на какой-нибудь отдаленный курорт?

Симмонс покачал головой.

— Рыбалку вычеркните.

— Почему?

Симмонс напряженно улыбнулся.

— Потому что на Капитолийском холме все знают: Лаример и Моран как кошка с собакой.

— Неважно. Рыбалка как предлог, чтобы обсудить внешнюю политику? Звучит логично, — сказал Оутс. — Напишу меморандум от имени государственного департамента.

— А что вы скажете их сотрудникам?

— Сегодня суббота: у нас два дня на подготовку.

Симмонс начал делать пометки в блокноте.

— С четырьмя разобрались. Остается экипаж „Орла“.

— Думаю, я смогу организовать правдоподобное прикрытие, — предложил Меткалф. — Буду действовать через командующего береговой охраной. Семьям сообщат, что есть приказ отправиться на совершенно секретное военное совещание. В подробности вдаваться не придется.

Оутс оглядел собравшихся.

— Есть вопросы?

— Кого еще оповестим о розыгрыше? — спросил Фосетт.

— Неудачный подбор слов, Дэн, — сказал Оутс. — Назовем это отвлечением внимания.

— Ясно, — сказал Меткалф, — что возглавить расследование внутри страны должен Эммет из ФБР. И, конечно, Броган из ЦРУ должен рассмотреть возможность международного заговора.

— Вы сейчас сказали страшное, генерал, — заметил Симмонс.

— А именно, сэр?

— Предположим, президент и все остальные уже за пределами страны…

На предположение Симмонса никто сразу не отозвался. Никто не смел и подумать о такой страшной возможности. Если президент отрезан от колоссальных внутренних ресурсов, эффективность расследования сократится на 80 процентов.

— Они могут быть уже мертвы, — тщательно следя за голосом, сказал Оутс. — Но мы будем действовать исходя из предположения, что они живы и находятся где-то в Соединенных Штатах.

— Вы с Лукасом введете в курс Эммета и Брогана, — предложил Фосетт.

В дверь постучали. Вошел агент секретной службы, приблизился к Лукасу и что-то сказал ему на ухо. Лукас вскинул брови и заметно побледнел. Агент вышел, закрыв за собой дверь.

Оутс вопросительно посмотрел на Лукаса.

— Что-то новое, Оскар?

— Бен Гринвальд, — безучастно ответил Лукас. — Погиб полчаса назад. Столкнулся с поливальной машиной.

Оутс не стал тратить слова на соболезнования.

— Властью, временно данной мне, назначаю вас новым директором секретной службы.

Лукас сильно вздрогнул.

— Нет, пожалуйста. Я не могу…

— Нет смысла искать кого-то другого, — перебил Оутс. — Нравится вам это или нет, вы единственный, кому можно сейчас поручить эту работу.

— Я считаю, что неправильно получать повышение после того, как не уберег человека, которого поклялся защищать, — уныло сказал Лукас.

— Вините меня, — сказал Фосетт. — Я навязал вам этот круиз раньше, чем вы сумели полностью подготовиться.

— У нас нет времени для упреков и оправданий, — резко сказал Оутс. — У каждого из нас есть неотложные дела. Предлагаю приняться за работу.

— Когда мы встретимся снова? — спросил Симмонс.

Оутс взглянул на часы.

— Через четыре часа, — ответил он. — В ситуационном кабинете Белого дома.

— Рискуем разоблачением, если кто-нибудь нас увидит, — сказал Фосетт.

— Есть служебный туннель, который ведет от здания министерства финансов через улицу в Белый дом, — объяснил Лукас. — Кое-кто из вас, господа, мог бы незаметно пройти оттуда.

— Хорошая мысль, — согласился Меткалф. — Приедем к зданию министерства финансов в правительственных машинах без особых обозначений, пройдем под улицей и поднимемся в лифте в ситуационный кабинет.

— Решено, — сказал Оутс, вставая. — Если кто-нибудь из вас мечтал играть на сцене, сейчас у вас есть такая возможность. Не буду напоминать, что, если кто-нибудь провалит роль, вместе с занавесом мы можем обрушить всю страну.

Глава 14

После холодного воздуха Аляски жаркая влажная Южная Калифорния казалась сауной. Питт позвонил по телефону, потом взял в аэропорту Чарльстона машину в аренду. Поехал по шоссе № 52 на юг, к городу, и свернул к разбросанным на большой территории постройкам морской базы.

В миле после поворота на Спруилл-авеню он оказался у большого здания из красного кирпича со старинной вывеской „Компания Альгамбра: изготовление бойлеров и металлических изделий“.

Питт припарковался и прошел под высокую арку, на которой значилось „1861“. Но приемная его удивила. Обставлена ультрасовременной мебелью. Везде хром.

Ему показалось, что он на фотографии из журнала „Архитектурный дайджест“.

Привлекательное юное существо подняло голову, улыбнулось уголками губ и спросило:

— Чем могу помочь, сэр?

Питт посмотрел в бархатные, зеленые, как лист магнолии, глаза и представил себе, что эта девушка — бывшая королева красоты.

— Я звонил из аэропорта и договорился о встрече с мистером Ханли. Моя фамилия Питт.

Улыбка не дрогнула ни на миллиметр: реакция была автоматической.

— Да, он ждет вас. Прошу сюда.

Она провела его в кабинет, оформленный исключительно в коричневых тонах.

Питту вдруг показалось, что он тонет в овсянке. Из-за огромного стола в форме почки встал маленький, круглолицый улыбающийся мужчина и подал руку:

— Мистер Питт? Я Чарли Ханли.

— Мистер Ханли, — сказал Питт, пожимая ему руку. — Спасибо, что согласились со мной встретиться.

— Не за что. Ваш звонок пробудил мое любопытство. Вы первый, кто спрашивает о нашем производстве бойлеров за последние, наверно, сорок лет.

— Вы отказались от этого бизнеса?

— Господи, да. Летом пятьдесят первого. Конец эпохи, можно сказать. Мой прадед производил броню для броненосцев флота конфедератов. После второй мировой войны мой отец решил, что настало время перемен. Он переоснастил фабрику и начал производство металлической мебели. Как оказалось, это было мудрое решение.

— У вас случайно не сохранились данные о прошлом производстве? — спросил Питт.

— В отличие от вас, все выбрасывающих янки, — с хитрой улыбкой сказал Ханли, — мы, южане, держимся за все свое, включая женщин.

Питт вежливо рассмеялся и не стал выяснять, каким образом то, что он родился в Калифорнии, делает его янки.

— После вашего звонка, — продолжал Ханли, — я порылся в архивах. Вы не назвали дату, но мы произвели для судов серии „Либерти“ всего сорок бойлеров с водяными трубами. И я за пятнадцать минут нашел счет-фактуру с их серийными номерами. К несчастью, я могу сообщить вам только то, что вы уже знаете.

— Бойлер был изготовлен для фирмы, которая устанавливала его сама или отправила на верфь для установки?

Ханли взял со стола пожелтевший листок и некоторое время разглядывал его.

— Здесь говорится, что 14 июня 1943 года мы отправили бойлер „Судостроительной корпорации „Джорджия“ в Саванну. — Ханли взял другой листок. — Вот отчет одного из наших людей, который осматривал

бойлер после установки и подсоединения к двигателям. Единственное, что здесь интересно, это название судна.

— Да, название я знаю, — сказал Питт. — Корабль назывался „Пайлоттаун“.

На лице Ханли появилось удивленное выражение; он снова взглянул на листок.

— Должно быть, мы говорим о разных судах.

Питт посмотрел на него.

— Может, здесь ошибка?

— Нет, разве что вы неправильно записали серийный номер.

— Я был внимателен, — уверенно ответил Питт.

— Тогда не знаю, что и сказать, — ответил Ханли, перебирая бумаги на столе. — Но согласно отчету инспектора бойлер номер 38874 был установлен на судне серии „Либерти“ „Сан-Марино“.

Глава 15

Когда Питт рейсом из Чарльстона прилетел в вашингтонский аэропорт, в зале прибытия его ждала конгрессмен Лорен Смит. Она помахала Питту, и он улыбнулся. Махать было необязательно. Не заметить такую женщину, как Лорен Смит, невозможно.

Высокая, пять футов восемь дюймов. Длинные каштановые волосы уложены вокруг лица, подчеркивая выступающие скулы и темно-фиолетовые глаза. Розовое вязаное платье-туника с высоким воротом и закатанными длинными рукавами.

А в качестве элегантного дополнения — раскрашенный на китайский манер пояс вокруг талии.

Впечатление утонченности, но за ним — мальчишеская дерзость. Представитель штата Колорадо, Лорен работала в конгрессе второй срок. Работа ей нравилась, она была ее жизнью. Женственная и утонченная, в конгрессе она умела превращаться в свирепую тигрицу, когда отстаивала свои предложения.

Коллеги уважали ее не только за красоту, но и за ум.

Она не любила приемы и званые ужины и посещала их, только если возникала политическая необходимость. Единственным ее отвлечением от работы были отношения с Питтом.

Она подошла к нему и легко поцеловала в губы.

— С возвращением, путешественник.

Он обнял ее, и они вместе пошли за багажом.

— Спасибо, что встретила.

— Я взяла одну из твоих машин. Надеюсь, ты не возражаешь.

— Это кое от чего зависит, — ответил он. — Какую именно?

— Мою любимую, синий „Тальбот-лаго“.

— Купе с кузовом Савчика?[11] У тебя дорогие вкусы. Эта машина стоит 200 000 долларов.

— Боже, надеюсь, я не помяла ее при парковке.

Питт строго посмотрел на нее.

— Если помяла, место в конгрессе от независимого штата Колорадо освободится.

Она схватила его за руку и рассмеялась.

— Ты больше думаешь о своих машинах, чем о своих женщинах.

— Машины никогда не пристают и не жалуются.

— Ну, я могу назвать кое-что еще, чего не делают машины… — сказала она с озорной улыбкой.

Они прошли через переполненный зал и остановились у багажной карусели. Наконец конвейер ожил, и Питт забрал два своих чемодана. Они вышли в серое прохладное утро и увидели синий „Тальбот-лаго“ 1948 года под неусыпным присмотром работника безопасности аэропорта. Питт устроился на пассажирском сиденье, Лорен села за руль. Он у роскошной машины был правосторонний, и Питту всегда было непривычно сидеть, смотреть в лобовое стекло слева на проходящие машины и ничего не делать.

— Перлмуттеру позвонила? — спросил он.

— За час до твоего приземления, — ответила она. — Для человека, которого вырвали из крепкого сна, он был достаточно сговорчив. Обещал поискать данные о судне, которое ты назвал.

— Если кто-то и знает суда, то Сент-Джулиан Перлмуттер.

— По телефону у него необычный голос.

— Это мягко сказано. Подожди, сама увидишь.

Питт несколько мгновений молча смотрел на картины за окном. Ему видна была река Потомак: Лорен проехала на север вдоль Мемориального парка Джорджа Вашингтона и свернула через мост Фрэнсиса Скотта Кея в Джорджтаун.

Питт не любил Джорджтаун. „Город-подделка“ называл он его. Тусклые кирпичные дома словно построены по одному проекту. Лорен свернула на улицу Н. Обочины уставлены машинами, мусор в кюветах, кусты вдоль тротуаров подстрижены, и тем не менее эти четыре квартала, пожалуй, самая дорогая недвижимость в округе. Маленькие дома, думал Питт, заполненные разбухшим эго от чрезмерного внешнего лоска.

Лорен втиснулась на свободное место и выключила зажигание. Они заперли машину и прошли мимо двух увитых диким виноградом домов к каретному сараю в глубине. Питт не успел взять в руки бронзовый молоток в форме старинного якоря, как дверь распахнул гигант, который наверняка весил не менее четырехсот фунтов. Небесно-голубые глаза моргали, а багровое лицо почти полностью закрывал густой лес седых волос и бороды. Если не считать маленького носа луковкой, человек напоминал опустившегося Санта Клауса.

— Дирк, — прогудел великан. — Где ты прятался?

Сент-Джулиан Перлмуттер был в пурпурной шелковой пижаме, с наброшенной сверху красно-золотой кашемировой шалью. Могучими руками он обнял Питта и в медвежьем объятии без малейшего напряжения перенес через порог. Лорен удивленно распахнула глаза. Она никогда не встречалась с Перлмуттером и не была готова к такому.

— Если ты меня поцелуешь, Джулиан, — строго сказал Питт, — я пну тебя в пах.

Перлмуттер гулко расхохотался и выпустил 180 фунтов Питта.

— Заходи, заходи. Я приготовил завтрак. После твоих путешествий ты наверняка умираешь с голоду.

Питт представил Лорен. Перлмуттер картинно поцеловал ей руку и провел их в гибрид гостиной, спальни и кабинета. Все стены от пола до потолка покрывали полки, уставленные тысячами книг. Книги лежали и на столе, и на стульях. Они были уложены даже в нише на огромной кровати с колышущимся водяным матрацем.

Специалисты признавали Перлмуттера обладателем лучшего собрания книг об исторических кораблях. Не менее двадцати морских музеев постоянно оспаривали право получить эту коллекцию, когда излишек веса сведет Перлмуттера в могилу.

Он пригласил Питта и Лорен за стол, уставленный изящным серебром и фарфором с эмблемой французской трансатлантической линии.

— Как красиво! — восхищенно сказала Лорен.

— Со знаменитого французского лайнера „Нормандия“, — объяснил Перлмуттер. — Я отыскал это на складе, где все лежало, после того как корабль сгорел в нью-йоркском порту.

Он угостил их немецким завтраком, начавшимся со шнапса с тонко нарезанной вестфальской ветчиной, приправленной маринованными огурчиками, и с хлебом из непросеянной ржаной муки. Гарниром служили картофельные клецки с подливкой из чернослива.

— Как вкусно, — сказала Лорен. — Люблю съесть что-нибудь помимо яичницы с беконом — для разнообразия.

— Я поклонник немецкой кухни, — рассмеялся Перлмуттер, похлопав себя по массивному животу. — Гораздо питательней французской; французская кухня — всего лишь искусно приготовленные отбросы.

— Нашел что-нибудь о „Сан-Марино“ и „Пайлоттауне“? — спросил Питт, уводя разговор к интересующей его теме.

— Кстати да, нашел. — Перлмуттер убрал от стола свое массивное туловище и вскоре вернулся с большим пыльным альбомом кораблей „Либерти“. Надел очки для чтения и раскрыл заложенную страницу.

— Вот. „Сан-Марино“, спущен на воду в июле 1943 года „Судостроительной корпорацией „Джорджия“. Корпус номер 2356, классификация — перевозчик грузов. До конца войны ходил в атлантических конвоях. Поврежден торпедой с U-573. Своим ходом добрался до Ливерпуля и был отремонтирован. После войны продан „Бристольской судоходной компании“ из Бристоля, Великобритания. Продан в 1956 году „Судоходной компании „Манкс“ из Нью-Йорка, панамский регистр. Исчез вместе со всем экипажем в северной части Тихого океана в 1966 году.

— Тут ему и конец.

— Может, да, а может, нет, — сказал Перлмуттер. — Есть постскриптум. Я нашел этот отчет в другом источнике. Примерно через три года после исчезновения „Сан-Марино“ мистер Родни Дьюхерст, морской страховщик, представитель компании Ллойда в Сингапуре, заметил в гавани судно, показавшееся ему знакомым. На судне были гики необычной конструкции; такие он раньше видел только на судах серии „Либерти“. Он сумел подняться на борт и после короткого осмотра учуял мошенничество. К несчастью, был выходной; ему потребовалось несколько часов, чтобы известить администрацию порта и уговорить ее

арестовать судно в порту и подвергнуть дальнейшему осмотру. Но к тому времени как он вернулся в порт, судно давно уже ушло в море. Проверка записей показала, что судно корейского регистра, называется „Бель Часс“ и принадлежит торговой компании „Сосан“ из Инчона. Дьюхерст по телеграфу известил портовую полицию Сиэтла, но „Бель Часс“ туда не пришел.

— А почему Дьюхерст заподозрил, что с судном дело нечисто? — спросил Питт.

— Подписывая страховку на „Сан-Марино“, он предварительно осмотрел судно и был совершенно уверен, что „Сан-Марино“ и „Бель Часс“ — один и тот же корабль.

— Но ведь „Бель Часс“ пришел в другой порт? — спросила Лорен.

Перлмуттер отрицательно покачал головой.

— Больше никаких записей о нем нет, только сообщается, что два года спустя его сдали на лом в Пусане. — Он помолчал и посмотрел на сидящих за столом. — Вам это чем-нибудь поможет?

Питт отпил еще глоток шнапса.

— В том-то и дело. Не знаю.

Он быстро описал обнаружение „Пайлоттауна“, опустив всякие упоминания о нейротоксическом газе. Рассказал о том, как обнаружил серийный номер судового котла и о своей проверке в Чарльстоне.

— Значит, старый „Пайлоттаун“ наконец найден, — печально вздохнул Перлмуттер. — Он больше не бродит по морям.

— Но это порождает новый клубок вопросов, — сказал Питт. — Почему на нем стоял котел, который по документам изготовителя установлен на „Сан-Марино“? Как-то это не увязывается. Оба корабля были, вероятно, построены в соседних эллингах и одновременно спущены на воду. Наверно, инспектор на верфи просто ошибся. Записал котел не на тот корабль.

— Не хочу развеивать твое мрачное настроение, — сказал Перлмуттер, — но ты, возможно, ошибаешься.

— Разве между этими двумя судами нет связи?

Перлмуттер по-учительски взглянул на Питта поверх очков.

— Есть, но не та, что ты думаешь. — Он снова раскрыл книгу и начал читать вслух. — Судно серии „Либерти“ „Барт Пулвер“, позже называвшееся „Ростена“ и „Пайлоттаун“, было спущено на воду в

октябре 1942 года „Айрон энд стил компани „Астория“, Портленд, Орегон...

— Корабль был построен на западном побережье? — удивленно прервал его Питт.

— Примерно в двух с половиной тысячах миль от Саванны, если напрямик, — ответил Перлмуттер, — и на девять месяцев раньше, чем „Сан-Марино“. — Он повернулся к Лорен. — Не угодно ли кофе, голубушка?

Лорен встала.

— Беседуйте, беседуйте. Я сама сварю.

— У меня эспрессо.

— Я умею пользоваться кофемашиной.

Перлмуттер посмотрел на Питта и добродушно подмигнул.

— Высший класс.

Питт кивнул и продолжил:

— Изготовитель котла в Чарльстоне не будет отправлять котел через всю страну в Орегон, когда верфи Саванны всего в девяноста милях. Это нелогично.

— Совсем нелогично, — согласился Перлмуттер.

— Что еще у тебя есть о „Пайлоттауне“?

Перлмуттер принялся читать:

— Корпус номер 739, классификация та же — перевозка грузов. После войны продан компании „Фосфаты лимитед „Кассандра“ из Афин. Греческий регистр. В июне 1954 года с грузом фосфатов ходил на Ямайку. Вторично отправился в плавание четыре месяца спустя. В 1962 году продан торговой компании „Сосан“...

— Инчон, Корея, — закончил за него Питт. — Наша первая связь.

Вернулась Лорен с подносом, уставленным маленькими чашками, и всех оделила кофе.

— Вот это обслуживание, — галантно сказал Перлмуттер. — Мне никогда еще не подавал кофе конгрессмен.

— Надеюсь, я сварила не слишком крепкий, — сказала Лорен, пробуя свое варево и морщась.

— Немного осадка на дне проясняет вялый ум, — философски заверил Перлмуттер.

— Вернемся к „Пайлоттауну“, — сказал Питт. — Что с ним происходило после 1962 года?

— Никаких записей до 1979 года. В этом году судно со всем экипажем затонуло в бурю в северной части Тихого океана. После этого оно стало своего рода достопримечательностью, когда несколько раз появилось у побережья Аляски.

— Значит, он пропал в той же части океана, что и „Сан-Марино“, — задумчиво сказал Питт. — Еще одна возможная связь.

— Ты хватаешься за соломинку, — сказала Лорен. — Не понимаю, к чему это может тебя привести.

— Я согласен с ней, — кивнул Перлмуттер. — Никакой связи нет.

— А я думаю, есть, — уверенно ответил Питт. — То, что вначале казалось обычным страховым мошенничеством, постепенно вырастает в нечто гораздо большее.

— А каков твой интерес? — спросил Перлмуттер, глядя Питту в глаза.

Питт смотрел куда-то в пространство.

— Не могу ответить.

— Закрытое правительственное расследование?

— Нет, я действую самостоятельно, но это связано с чрезвычайно секретным проектом.

Перлмуттер добродушно капитулировал.

— Ладно, старый друг, больше никаких назойливых вопросов. — Он взял еще клецок. — Если ты подозреваешь, что судно, погребенное под вулканом, это „Сан-Марино“, а не „Пайлоттаун“, куда ты двинешься отсюда?

— В Инчон, в Корею. Ключом может стать торговая компания „Сосан“.

— Не трать зря время. Торговая компания — это, конечно, фальшивка, название на регистровом сертификате. Как в случае с большинством судоходных компаний, все следы обрываются в каком-нибудь тайном почтовом ящике. На твоем месте я бы отказался от этого дела как от заранее проигранного.

— Из тебя никогда не вышел бы футбольный тренер, — со смехом сказал Питт. — Твоя вдохновенная речь в раздевалке заставила бы команду сдаться.

— Еще стакан шнапса, пожалуйста, — ворчливо сказал Перлмуттер и подставил стакан Питту. Тот налил. — Я скажу тебе, что сделаю. Два моих корреспондента, увлекающиеся исследованиями кораблей, — корейцы. Попрошу их ради тебя проверить торговую компанию „Сосан“.

— И заодно верфь в Пусане: не сохранились ли данные о списании на лом „Бель Часс“.

— Хорошо, включу и это.

— Спасибо за помощь.

— Никаких гарантий.

— Я их и не жду.

— Каков наш следующий ход?

— Разослать пресс-релизы.

Лорен удивленно посмотрела на него.

— Что разослать?

— Пресс-релизы, — небрежно ответил Питт. — Сообщим, что нашли оба судна: „Сан-Марино“ и „Пайлоттаун“, — и расскажем о намерении НПМА исследовать останки.

— И когда ты придумал эту глупость? — спросила Лорен.

— Примерно десять секунд назад.

Перлмуттер бросил на Питта взгляд, каким психиатр смотрит на пациента, объявляя, что случай безнадежный.

— Зачем, не понимаю.

— На свете нет нелюбопытных, — воскликнул Питт с блеском в зеленых глазах. — Кто-нибудь выйдет из-за завесы, скрывающей компанию, и поинтересуется, в чем дело. И тогда я возьму его за задницу.

Глава 16

Когда Оутс вошел в ситуационный кабинет Белого дома, все встали в знак уважения к человеку, который принял на свои плечи бремя нешуточных проблем, связанных с неопределенным будущим государства. Возможно, в течение следующих нескольких дней он один будет нести ответственность за основные решения.

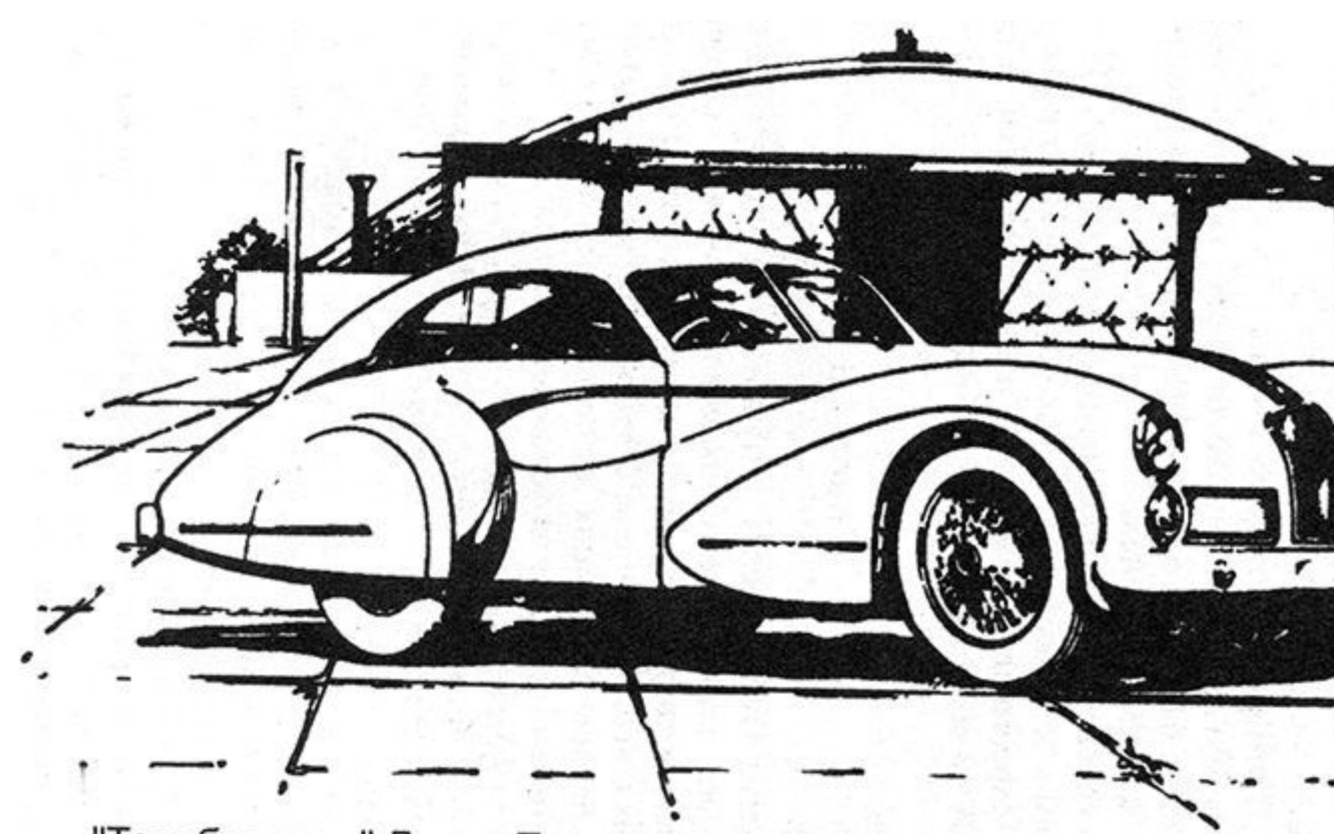
В кабинете были и такие, кто не доверял его холодной отчужденности, культивируемому им облику безгрешного человека. Но сейчас, отринув личную неприязнь, все приняли его сторону.

Оутс сел во главе стола. Жестом пригласил остальных садиться и повернулся к Сэму Эммету, немногословному шефу ФБР, и Мартину Брогану, всегда вежливому умнице — директору ЦРУ.

— Господа, вас ввели в курс дела?

Эммет кивком указал на Фосетта, сидящего на другом конце стола.

— Дэн описал ситуацию.

"Тальбот-лаго" Дирка Питта, выпуска 1948 года с кузовом дизай

— У вас есть что-нибудь?

Броган медленно покачал головой.

— Не могу вспомнить, чтобы от наших разведывательных источников поступали сведения или слухи об операции такого масштаба. Но это не означает, что мы просто пропустили что-то.

— Я в одной лодке с Мартином, — сказал Эммет. — Не могу представить себе, что в Бюро не было хотя бы слабых намеков на предстоящее покушение на президента.

Следующий вопрос Оутса был адресован Брогану.

— Есть ли какие-нибудь данные, на основании которых мы могли бы подозревать русских?

— Советский президент Антонов не считает нашего президента даже вполовину таким опасным противником, каким был Рейган. Он очень рискует, если до американской публики дойдет хоть намек на причастность к этому его правительства. Это все равно, что ткнуть палкой в осиное гнездо. Не вижу, какая в этом польза русским.

— А что говорит ваше чутье, Сэм? — спросил Оутс Эммета. — Может это быть заговор террористов?

— Слишком сложно. Для такой операции нужны тщательнейшее планирование и огромные деньги. И невероятная изобретательность. Это выходит далеко за рамки возможностей подготовки любой террористической операции.

— Есть какие-нибудь соображения? — обратился Оутс к сидящим за столом.

— Могу назвать по меньшей мере четырех арабских лидеров, у кого есть мотив для похищения президента, — сказал генерал Меткалф. — И возглавляет это перечень Каддафи из Ливии.

— У них определенно есть материальные возможности, — сказал министр обороны Симмонс.

— Но вряд ли хватит ума, — добавил Броган.

Алан Мерсье, советник по национальной безопасности, движением руки показал, что хочет высказаться.

— По моей оценке, заговор скорее внутреннего происхождения, чем внешнего.

— Почему вы так считаете? — спросил Оутс.

— Наши наземные и спутниковые подслушивающие системы следят за всеми телефонными и радиопереговорами по всей планете, и ни для кого из присутствующих не секрет, что наш новый компьютер десятого поколения способен взломать любой код русских или наших союзников. Такая сложная операция потребовала бы бесконечных переговоров: вначале о подготовке, потом об успешном завершении операции. — Мерсье помолчал, обдумывая дальнейшие слова. — Наши аналитики не перехватывали ничего, что хоть в малейшей степени было бы связано с исчезновением.

Симмонс шумно затянулся трубкой.

— Думаю, сказанное Аланом звучит убедительно.

— Хорошо, — сказал Оутс, — иностранный заговор маловероятен. А что мы ищем на родине?

Заговорил молчавший до сих пор Дэн Фосетт:

— Может, это и маловероятно, но возможность корпоративного заговора с целью свержения правительства нельзя оставлять без внимания.

Оутс откинулся и расправил плечи.

— Может, это не так уж маловероятно. Президент вел активную войну с финансовыми и многонациональными конгломератами. Его налоговая программа отнимала у них львиную долю прибыли. Они опустошали свои денежные сундуки быстрей, чем их банки успевали выписывать чеки.

— Я предупреждал его, что опасно помогать бедным, облагая большими налогами богатых, — сказал Фосетт. — Но он меня не слушал. Он настроил против себя и ведущих бизнесменов, и работающий средний класс. Политики просто не могут взять в толк, что в большинстве американских семей работает и жена. А пятьдесят процентов дохода уходит на налоги.

— У президента есть могущественные враги, — согласился Мерсье. — Но не могу представить, что какая-нибудь корпоративная империя похитит президента и лидеров конгресса и об этом ничего не услышат наши службы охраны правопорядка.

— Согласен, — поддержал Эммет. — В этом было бы замешано слишком много народу. Кто-нибудь да проговорился бы.

— Думаю, довольно размышлений, — сказал Оутс. — Вернемся к делам. Надо развернуть широкомасштабное расследование и при этом продолжать делать вид, что все идет как обычно. Используйте любое правдоподобное прикрытие. По возможности, даже ваши основные помощники ничего не должны знать.

— Может, организовать на время расследования центральный пункт связи? — предложил Эммет.

— Будем собираться здесь каждые восемь часов, чтобы оценить новую информацию и скоординировать усилия разных организаций.

Симмонс подвинулся вперед в кресле.

— У меня есть сложность. Сегодня я должен лететь в Каир на переговоры с египетским министром обороны.

— Обязательно летите, — сказал Оутс. — Все должно идти своим чередом. В Пентагоне вас заменит генерал Меткалф.

Эммет пошевелился.

— Завтра утром я выступаю на юридическом факультете в Принстоне.

Оутс ненадолго задумался.

— Объявите, что простужены и не можете выступить. — Он повернулся к Лукасу. — Оскар, простите, но вы — лучшая замена. Никто не заподозрит, что президент похищен, если в Принстоне выступит новый начальник секретной службы.

Лукас кивнул.

— Я там буду.

— Хорошо. — Оутс оглядел стол. — Все планируйте на два часа новую встречу здесь. Может, к тому времени что-нибудь станет известно.

— Команда специалистов уже работает на яхте, — доложил Эммет. — Если повезет, они нащупают какие-нибудь нити.

— Будем молиться, чтобы у них получилось. — Оутс ссутулил плечи и посмотрел на стол. — Боже мой, — негромко произнес он. — Вот это и значит руководить правительством?

Глава 17

Черная Сова стоял на причале и наблюдал, как множество агентов ФБР осматривают „Орла“. Он видел, что они свое дело знают. Каждый был специалистом в своей узкой области.

Почти не разговаривая, они проверяли яхту от днища до радиомачты.

То и дело их процессии отправлялись через причал к ожидающим фургонам, унося туда мебель, ковры, все портативное и очень многое из прикрепленного к палубе и переборкам. Каждую вещь тщательно обертывали в пластик и снабжали инвентарным номером.

Агенты все прибывали, и район поисков расширился на милю вокруг поместья первого президента. Осматривали каждый квадратный дюйм территории, каждое дерево и каждый куст. Рядом с яхтой ныряльщики осматривали в воде илистое дно.

Старший агент увидел на причале Черную Сову и подошел.

— У вас есть разрешение находиться здесь? — спросил он.

Черная Сова молча показал удостоверение.

— Что привело секретную службу в уик-энд к Маунт-Вернону?

— Учения, — ответил Черная Сова. — А ФБР?

— Да то же самое. Директор, должно быть, решил, что мы обленились, и выдумал такие учения.

— Ищете что-нибудь конкретное? — спросил Черная Сова, изображая равнодушный интерес.

— Можем ли мы определить всех, кто находился на борту, — опознать по отпечаткам пальцев. Ну, сами знаете.

Прежде чем Черная Сова смог ответить, на причал с гравийной дорожки поднялся Эд Макграт. Его лоб блестел от пота, лицо было красным. Черная Сова подумал, что агент бежал.

— Прошу прощения, Джордж, — сказал он, тяжело дыша. — Минутка найдется?

— Конечно. — Черная Сова помахал агенту ФБР. — Приятно было поговорить.

— Мне тоже.

Как только они отошли туда, где их не могли услышать, Черная Сова тихо спросил:

— Что там, Эд?

— Парни из ФБР кое-что нашли. Вам надо посмотреть.

— Где?

— Примерно в ста пятидесяти ярдах выше по реке, среди деревьев. Я покажу.

Макграт провел его по тропинке вдоль реки. Тропинка отвернула к зданиям, и мужчины пошли прямо по подстриженному лугу. Перебрались через изгородь на запущенный участок за лугом. Войдя в густые заросли, они неожиданно наткнулись на двух агентов ФБР — пригнувшись, те разглядывали два больших бака, соединенных проводами с чем-то вроде электрического генератора.

— Что это такое? — не здороваясь, спросил Черная Сова.

Один из агентов поднял голову.

— Фоггеры, — сказал он.

Черная Сова удивленно посмотрел на него. Потом глаза его округлились.

— Фоггеры! — выпалил он. — Устройства, создающие туман!

— Да, верно. Генераторы тумана. Во время Второй мировой войны флот использовал их на миноносцах для создания дымовой завесы.

— Боже! — ахнул Черная Сова. — Так вот как это было сделано!

Глава 18

Во время уик-эндов официальный Вашингтон превращается в город призраков. В пятницу в пять часов вечера правительственный механизм со скрипом останавливается и вновь оживает утром в понедельник, когда запускающуюся с трудом холодную машину опять освещают многочисленные огни. Как только бригады уборщиков заканчивают работу и уходят, огромные здания становятся мертвыми, как мавзолеи.

И что самое удивительное, прекращают работать даже системы связи.

Только толпы туристов наполняют Эспланаду,[12] наводняют стадионы и бродят вокруг Капитолия, поднимаются по бесконечным лестницам и смотрят под низ купола.

В полдень туристы окружили Белый дом и, заглядывая за ограду, видели, как президент энергично прошел по лужайке и помахал рукой, прежде чем сесть в вертолет. Его сопровождала небольшая группа помощников и агентов секретной службы. Почти никого из представителей журналистской элиты не было. Они дома смотрели по телевизору бейсбол или играли в гольф.

Фосетт и Лукас стояли на Южном портике и смотрели, как неуклюжий аппарат поднялся над улицей Е и превратился в точку на пути к военно-воздушной базе Эндрюс.

— Оперативно, — тихо сказал Фосетт. — Вы подготовили замену меньше чем за пять часов.

— Мой офис в Лос-Анджелесе отыскал Саттона и затолкал его в кабину морского истребителя Ф-20 через сорок минут после получения приказа.

— А что с Марголином?

— Только один из агентов приблизительно похож. Вечером он вылетит на правительственном самолете в Нью-Мексико.

— Можно ли полагаться на ваших людей, что никто не узнает об этой шараде?

Лукас выразительно посмотрел на Фосетта.

— Мои люди приучены молчать. Если будет утечка, то только из президентского штата.

Фосетт чуть улыбнулся. Он знал, что ступил на опасную почву. Обычно сотрудники Белого дома были открыты для прессы.

— Ну, они не могут выболтать то, чего не знают, — сказал он. — До них только сейчас начнет доходить, что человек, который летит с ними в вертолете, — не президент.

— На ферме их будут охранять, — сказал Лукас. — Как только они прибудут, доступ на ферму закроют для всех, и я прослежу, чтобы все линии связи были под контролем.

— Если корреспонденты что-нибудь пронюхают, Уотергейт покажется детской забавой.

— Что жены?

— Сотрудничают на все сто процентов, — ответил Фосетт. — Первая леди и миссис Марголин согласились оставаться в спальнях и утверждать, что подхватили вирус.

— Что теперь? — спросил Лукас. — Что еще мы можем сделать?

— Ждать, — деревянным голосом ответил Фосетт. — Держаться, пока не найдем президента.

* * *

— Мне кажется, вы перегружаете нашу систему, — сказал Дон Миллер, заместитель директора ФБР Эммета.

Эммет даже не посмотрел на Миллера. Через несколько минут по возвращении в главное здание ФБР на углу Пенсильвания-авеню и Десятой улицы он объявил общую тревогу высшего уровня и готовность к чрезвычайным действиям в отделениях ФБР всех пятидесяти штатов и для всех зарубежных агентов. Затем последовал приказ изучать словесные портреты всех преступников и террористов, специализирующихся на похищениях.

Чтобы объяснить происходящее, он сказал шести тысячам агентов Бюро, что секретная служба получила данные о готовящемся похищении государственного секретаря Оутса и других, пока не названных чиновников высшего ранга.

— Возможен серьезный заговор, — неопределенно закончил Эммет. — Нельзя рисковать, думая, что секретная служба ошибается.

— Они ошибались и раньше, — сказал Миллер.

— Не в этот раз.

Миллер с любопытством взглянул на Эммета.

— Вы даете очень мало данных для работы. Почему такая таинственность?

Эммет ничего не ответил, и Миллер оставил эту тему. Он положил на стол три папки.

— Вот последние данные о похищениях, о деятельности мексиканской бригады Сапаты, занимающейся захватом заложников, и еще одно, о чем мне трудно судить…

Эммет холодно взглянул на него.

— Вы не могли бы выражаться яснее?

— Сомневаюсь, что здесь есть связь, но поскольку они вели себя странно…

— О чем вы? — спросил Эммет, поднимая папку и открывая ее.

— О советском представителе в Объединенных Нациях по имени Алексей Луговой.

— Известный психолог, — заметил Эммет, начиная читать.

— Да, он и несколько его сотрудников во Всемирной организации здравоохранения исчезли.

Эммет поднял голову.

— Вы их потеряли?

Миллер кивнул.

— Наши агенты наблюдения в Объединенных Нациях докладывают, что русские вышли из здания вечером в пятницу…

— Сейчас только утро субботы, — перебил его Эммет. — То есть прошло несколько часов. Что в этом подозрительного?

— Они очень старались уйти незаметно. Специальный агент из нью-йоркского бюро проверил и обнаружил, что никто из русских не вернулся в свою квартиру или в отель. Они исчезли разом.

— Что-нибудь о Луговом?

— Все свидетельствует, что он чист. Как будто не связан с агентами КГБ.

— А его люди?

— Никто не замечен в шпионаже.

Эммет на несколько мгновений задумался. В обычное время он просто отбросил бы отчет или приказал провести рутинную проверку.

Но у него появились мучительные сомнения. Исчезновение в одну ночь президента и Лугового не могло быть простым совпадением.

— Мне хотелось бы услышать ваше мнение, Дэн, — сказал он наконец.

— Трудно высказывать догадки, — ответил Миллер. — Все они могут как ни в чем не бывало утром в понедельник появиться на работе. Но с другой стороны, незапятнанность Лугового и его работников может быть только маскировкой.

— Для чего?

Миллер пожал плечами.

— Понятия не имею.

Эммет закрыл папку.

— Пусть нью-йоркское бюро продолжает этим заниматься. Все данные, если они появятся, сообщать в первую очередь.

— Чем больше я думаю, — заметил Миллер, — тем больше меня это удивляет.

— То есть?

— Какие жизненно важные тайны стремится украсть группа советских психологов?

Глава 19

Преуспевающие корабельные магнаты путешествуют по высшему классу. Они гонятся за богатством и властью на роскошных яхтах и собственных самолетах, в дорогих отелях и величественных виллах.

Мин Корио Бугенвиль была совершенно равнодушна к этой свободе.

Дни она проводила в кабинете, а ночи — в маленькой, но элегантной квартире этажом выше. Во всех отношениях она была очень экономна, и единственную слабость питала к китайским древностям.

Когда ей было двенадцать, отец продал ее французу, владевшему собственной пароходной компанией из трех грузовых судов, которые ходили между портами на побережье между Пусаном и Гонконгом. Линия процветала, и Мин Корио родила Рене Бугенвилю трех сыновей.

Потом началась война, и японцы захватили Китай и Корею. Рене убило в бомбежку, а трое ее сыновей погибли где-то в южной части Тихого океана, после того как их призвали в императорскую японскую армию. Выжили только сама Мин Корио и ее единственный внук Ли Тонг.

После капитуляции Японии она подняла и продала одно из судов мужа, затонувшее в гавани Пусана. И начала медленно восстанавливать флот Бугенвиля, скупая старые суда по цене металлолома. Прибыли почти не было, но она держалась, пока Ли Тонг не получил свой диплом магистра в Уортонской школе бизнеса в Пенсильванском университете и не начал руководить повседневными операциями. Вскоре, почти как по волшебству, „Морские перевозки Бугенвиль“ превратились в одну из крупнейших судоходных компаний мира.

Когда численность армады грузовых судов и танкеров достигла 138, Ли Тонг перенес главную контору в Нью-Йорк. Повинуясь сложившемуся за тридцать лет ритуалу, он послушно сидит вечером у кровати бабушки и обсуждает с ней финансовые проблемы их огромной, раскинувшейся по всему миру империи.

Внешность Ли Тонга обманчива: он напоминает жизнерадостного восточного крестьянина. С его смуглого лица, словно вырезанного из слоновой кости, не сходит улыбка. Если бы министерство юстиции и полдюжины агентств охраны правопорядка заглянули в книгу неразгаданных морских преступлений, Ли Тонга повесили бы на ближайшем фонарном столбе, но, как ни странно, ни в одном из этих агентств нет на него досье. Он таится в тени бабушки, он даже не числится ни директором, ни работником „Морских перевозок Бугенвиль“. Но именно он, безымянный член семьи, руководит всеми грязными операциями, на которых держится компания.

Он чересчур подозрителен, чтобы доверяться наемным работникам, и предпочитает лично осуществлять самые выгодные незаконные операции.

Его дела часто связаны с кровопролитием. Ли Тонг не против убийств, если те выгодны. Он одинаково на месте и на деловом обеде в клубе 21,[13] и когда перерезает чье-нибудь горло в гавани. Сейчас он сидит на почтительном удалении от постели Мин Корио, сжимая в неровных зубах длинный серебряный мундштук. Бабушка не одобряет его привычку курить, но Ли держится за нее — не столько как за удовольствие, сколько за возможность проявить некоторую независимость.

— Завтра ФБР поймет, как исчез президент, — сказала Мин Корио.

— Сомневаюсь, — уверенно ответил Ли Тонг. — Люди, проводящие химический анализ, хороши, но не настолько. Я бы сказал — скорее через три дня. А потом неделя на то, чтобы найти яхту.

— Хватит ли времени, чтобы перерезать ведущие к нам нити?

— Хватит, онуми, — сказал Ли Тонг, используя почтительное корейское „матушка“. — Будь спокойна, все нити ведут к могиле.

Мин Корио кивнула. Его слова были ей совершенно понятны. Ли Тонг своей рукой убил семерых корейцев, которые помогали ему в похищении.

— По-прежнему никаких новостей из Вашингтона?

— Ни слова. Белый дом ведет себя так, словно ничего не случилось. На самом деле в качестве президента используется двойник.

Она посмотрела на внука.

— Как ты это узнал?

— Шестичасовые новости. Телекамеры показали, как президент садится в вертолет, чтобы лететь на свою ферму в Нью-Мексико.

— А остальные?

— Для них тоже подыскивают дублеров.

Мин Корио отпила чаю.

— Забавно, что мы рассчитываем на государственного секретаря Оутса и штат президента, чтобы они успешно устраивали маскарад, пока не будет готов Луговой.

— Это единственная открытая им дорога, — сказал Ли Тонг. — Они не смеют делать никаких объявлений, пока не узнают, что с президентом.

Мин Корио смотрела на чаинки на дне своей чашки.

— Все равно мне кажется, что, возможно, мы откусили чересчур большой кусок.

Ли Тонг понял.

— Все равно, онуми. Конгрессмены просто случайно оказались в той же сети.

— Но не Марголин. Это ты придумал заманить его на яхту.

— Верно, но ведь Луговой говорит, что его эксперименты успешны в одиннадцати случаях из пятнадцати. Не очень высокий процент. Если не получится с президентом, у нас есть запасной подопытный кролик, чтобы получить требуемый результат.

— Ты хочешь сказать, три запасных подопытных кролика.

— Если ты включаешь Ларимера и Морана в порядок преемственности, то да.

— А если Луговой добьется успеха во всех случаях? — спросила Мин Корио.

— Тем лучше, — ответил Ли Тонг. — Наше влияние будет гораздо шире, чем мы первоначально надеялись. Но иногда я думаю, онуми, стоит ли финансовое вознаграждение риска потерять весь бизнес.

— Не забудь, внук, что во время войны американцы убили моего мужа, твоего отца и двух его братьев.

— Месть не всегда выгодна.

— Тем больше оснований защищать наши интересы и остерегаться лживых русских. Антонов сделает все, что в его силах, чтобы не заплатить нам.

— Если они так глупы, что на критической стадии предадут нас и загубят весь проект.

— Они так не думают, — серьезно сказала Мин Корио. — Умы коммунистов расцветают на предательстве. Верность за пределами их понимания. Они всегда выбирают самую скользкую дорожку. И это их ахиллесова пята, внук.

— Так что ты думаешь?

— Мы будем и дальше играть роль их верных, но доверчивых партнеров.

Она помолчала, задумавшись.

— А когда проект Лугового завершится? — поторопил он.

Она подняла голову, на ее старческом лице появилась хитрая улыбка. Глаза лукаво блеснули.

— А потом мы выдернем ковер у них из-под ног.

Глава 20

Когда люди Бугенвилей перевозили русских на пароме со Стейтен-Айленда, они отобрали у всех часы и удостоверения. Им завязали глаза, на уши надели радионаушники, в которых непрерывно звучала камерная музыка. Через несколько минут они уже были в воздухе, с темной воды гавани их поднял реактивный гидросамолет.

Полет был долгим и утомительным и наконец закончился аккуратной посадкой. Луговому показалось, что они сели на озеро. После двадцатиминутной поездки русских, потерявших всякое представление,

где они, по металлическому мостику провели в лифт. И только когда они вышли из лифта и по коврам коридора прошли к своим комнатам, повязки с глаз и наушники сняли.

Оборудование, предоставленное Бугенвилями, поразило Лугового до глубины души. Электроника и лабораторные инструменты значительно превосходили все, что он видел в Советском Союзе. Все несколько сотен затребованных им приборов были установлены.

Не стали упущением и условия жизни и отдыха для его сотрудников. Всем предоставили личные спальни с отдельными ванными, а в конце коридора располагалась элегантная столовая, которую обслуживали превосходный повар-кореец и два официанта.

Обстановка, в том числе кухонные холодильники и печи, офисная мебель и комната контроля показателей — все было выполнено со вкусом, цвета согласованы, стены и ковры выдержаны в зеленых и синих тонах. Дизайн и исполнение каждой мелочи было такими же совершенными, как все в целом.

И все-таки это жилье, удовлетворяющее любые потребности, было роскошной тюрьмой. Людям Лугового не разрешалось ни входить, ни выходить. Двери лифта всегда были закрыты, а лифт лишен внешнего управления. Луговой обошел все помещения, но не нашел ни окон, ни выхода. А снаружи не пробивалось ни звука.

Дальнейшие исследования были прерваны прибытием его подопытных.

Накаченные успокоительными, они были в полусознании и не отдавали себе отчета, где находятся. Все четверо были подготовлены и помещены в небольшие закрытые контейнеры, которые назывались „коконами“. Мягкое нутро коконов не имеет швов, все углы закруглены, и глазу не на чем остановиться. Тусклое освещение создавалось отражением внешнего света и окрашивало все в коконах в однообразный серый цвет. Особым образом сконструированные стены отражали все звуки и электрические токи, которые могли вмешаться в деятельность мозга.

Луговой с двумя ассистентами сидел у консоли и на многочисленных цветных видеомониторах разглядывал лежащих в коконах людей. Большинство было в трансе. Но одного вывели почти на сознательный уровень, он был открыт для внушения и дезориентирован интеллектуально. Ему ввели миорелаксанты, успешно парализовав все движения тела. Голову закрывал пластиковый капюшон, прилегающий к черепу.

Луговому все еще трудно было представить себе, какая сила сосредоточена в его руках. Он внутренне дрожал, понимая, что начинает один из величайших экспериментов века. То, что он сделает в

следующие несколько дней, может преобразить мир, как открытие атомной энергии.

— Доктор Луговой?

Размышления Лугового прервал незнакомый голос; Луговой удивленно повернулся и увидел коренастого мужчину со славянскими чертами и черными волосами, который словно вышел из стены.

— Кто вы такой? — спросил Луговой.

Незнакомец говорил очень тихо, словно не хотел, чтобы его подслушали.

— Меня зовут Суворов, Павел Суворов, секретарь посольства.

Луговой побледнел.

— Бог мой, вы из КГБ? Как вы сюда попали?

— Просто повезло, — саркастически ответил Суворов. — Я получил приказ наблюдать за вами с того дня, как вы оказались в Нью-Йорке. После вашего подозрительного визита в контору Бугенвилей я сам занялся наблюдением. Я был на пароме, когда вы встретились с людьми, привезшими вас сюда. В темноте мне нетрудно оказалось смешаться с вашими сотрудниками и вместе с ними совершить эту поездку. С приезда я оставался в своей комнате.

— Вы хоть представляете себе, во что сунули нос? — спросил Луговой, покраснев от гнева.

— Еще нет, — невозмутимо ответил Суворов. — Но мой долг узнать это.

— Операция проводится по приказу с самого верха. И не касается КГБ.

— Об этом судить мне…

— Вы будете пылью на сибирском морозе, — прошипел Луговой, — если вмешаетесь в мою работу.

Суворов сделал вид, что раздраженный тон Лугового его развеселил. На самом деле он начал понимать, что, возможно, вышел за рамки своих полномочий.

— Может, я смогу вам помочь.

— Каким образом?

— Вам могут понадобиться мои особые навыки.

— Мне не требуются услуги убийцы.

— Я думал скорее о побеге.

— У меня нет причин убегать.

Суворов все больше раздражался.

— Вы должны понять мою позицию.

Теперь ситуацией овладел Луговой.

— Меня занимают проблемы более серьезные, чем ваше бюрократическое вмешательство.

— Какие? — Луговой рукой обвел комнату. — Что здесь происходит?

Луговой долго, задумчиво смотрел на него, но потом уступил тщеславию.

— Исследование вмешательства в работу мозга.

Суворов поднял брови.

— Вмешательства в работу мозга?

— Я предпочитаю термин „контроль мозга“.

Суворов посмотрел на мониторы и кивнул.

— Поэтому шлемы?

— На голове подопытных?

— Именно.

— Микроэлектронный интегрированный модуль, который содержит сто десять датчиков; они фиксируют все функции организма — от пульса до выделения гормонов. Модуль также воспринимает все данные, проходящие через мозг субъекта, и передает их в компьютер, установленный в этой комнате. Мысленный разговор, так сказать, переводится затем в понятную речь.

— Не вижу никаких электронных терминалов.

— Это прошлый век, — ответил Луговой. — Все, что мы хотим записать, можно телеметрически передать через атмосферу. Нам больше не нужны провода и терминалы.

— Вы можете понять, о чем он думает? — недоверчиво спросил Суворов.

Луговой кивнул.

— Мозг говорит на собственном языке, и этот язык раскрывает мысли хозяина мозга. Мозг говорит непрерывно, днем и ночью, давая нам

яркую картину своей работы, показывая, как человек мыслит и почему. Эта речь — продукт подсознания, и она так стремительна, что лишь компьютер, способный оперировать в наносекунды, может ее расшифровать.

— Я понятия не имел, что наука о мозге достигла таких высот.

— Когда мы определим ритмы его мозга и запишем их, — продолжал Луговой, — мы получим возможность предсказывать его намерения и физические движения. Мы сможем определять, что он собирается сказать, или предугадывать его ошибки. И что самое главное, мы можем вовремя вмешаться и остановить его. Компьютер в мгновение ока сможет стереть ошибочное намерение и изменить мысль.

На Суворова это произвело огромное впечатление.

— Религиозный капиталист обвинил бы вас в том, что вы вторгаетесь в человеческую душу.

— Как и вы, товарищ Суворов, я верный член коммунистической партии. И не верю в спасение души. Но в данном случае мы не можем допустить заметных перемен. Ни в фундаментальных мыслительных процессах, ни в манерах и строе речи.

— Форма контролируемого промывания мозгов.

— Это не примитивное промывание мозгов, — возмущенно ответил Луговой. — Мы работаем куда тоньше, чем представляется китайцам. Они считают, что нужно уничтожить эго человека, чтобы переучить его. Но их эксперименты с наркотиками и гипнозом провалились. Гипноз вещь слишком неопределенная и кратковременная, чтобы представлять ценность. А наркотики просто опасны: они случайно приводят к неожиданным изменениям личности и поведения. Когда я закончу работу с этим субъектом, он вернется в реальный мир и будет жить так, словно ничего не произошло. Я намерен изменить только его политические взгляды.

— А кто этот субъект?

— Не узнаете? Вы его не узнали?

Суворов внимательно посмотрел на экран. Глаза его округлились, и он подошел на два шага ближе; его лицо напряглось, губы беззвучно шевелились.

— Президент? — произнес он недоверчивым шепотом. — Это действительно президент Соединенных Штатов?

— Во плоти.

— Но… как?

— Дар наших хозяев, — неопределенно объяснил Луговой.

— А побочные эффекты?

— Никаких.

— Он будет помнить что-нибудь из этого?

— Когда через десять дней проснется, будет помнить только, как лег спать.

— Вы действительно способны это сделать? — спросил Суворов с настойчивостью сотрудника спецслужбы.

— Да, — уверенно блестя глазами, ответил Луговой. — И гораздо больше.

Глава 21

Два фазана взлетели в небо, бешеное хлопание их крыльев нарушило утреннюю тишину. Советский президент Георгий Антонов поднес к плечу дробовик „Пёрде“ и один за другим быстро спустил оба курка. В окутанном влажным туманом лесу прозвучали два выстрела. Одна птица остановилась в полете и упала.

Владимир Полевой, глава Комитета государственной безопасности, подождал несколько мгновений; убедившись, что вторым выстрелом Антонов промахнулся, он сбил птицу.

Антонов смерил Полевого жестким взглядом.

— Опять унижаешь начальство, Владимир?

Полевой правильно понял деланный гнев Антонова.

— У вас была трудная мишень, товарищ президент. У меня — совсем легкая.

— Тебе нужно было стать дипломатом, а не работать в тайной полиции, — со смехом сказал Антонов. — Ты дипломат не хуже Громыко. — Он помолчал и осмотрел лес. — Где наш хозяин?

— Президент Л’Эстранж в семидесяти метрах слева от нас.

Ответ Полевого прозвучал на фоне целого залпа, донесшегося откуда-то из подлеска.

— Хорошо, — сказал Антонов. — У нас есть несколько минут на разговор.

Он протянул дробовик Полевому, который заменил пустые гильзы и щелкнул предохранителем.

Полевой подошел ближе и тихо заговорил:

— Я не стал бы высказываться слишком свободно. Французы повсюду рассовали подслушивающие устройства.

— Да, в наши дни тайнам редко удается продержаться несколько дней, — вздохнул Антонов.

Полевой понимающе улыбнулся.

— Да, наши оперативники вчера вечером засекли встречу Л'Эстранжа с его министром финансов.

— Я должен что-нибудь знать?

— Ничего ценного. Разговор в основном касался необходимости убедить тебя принять план финансовой помощи, предложенный американским президентом.

— Если они настолько глупы, чтобы полагать, будто я не воспользуюсь преимуществами наивной щедрости президента, то они еще глупей, если думают, что я прилетел сюда это обсуждать.

— Успокойся, французы не подозревают об истинной причине твоего визита.

— Есть новости из Нью-Йорка?

— Только одна — Гекльберри Финн осуществляет наш план.

Полевой произнес Гекльберри с акцентом, как Гакльберри.

— Все идет хорошо?

— Потихоньку.

— Итак, старая сука сделала то, что мы считали невозможным.

— Загадка в том, как ей это удалось.

Антонов посмотрел на него.

— Мы не знаем?

— Нет. Она отказалась делиться. Ее сын окружил операцию словно кремлевской стеной. И до сих пор мы не смогли преодолеть ее систему безопасности.

— Китайская шлюха! — рявкнул Антонов. — Она что, считает нас пустоголовыми школьниками?

— По-моему, она родом из Кореи, — сказал Полевой.

— Никакой разницы. — Антонов замолчал и тяжело опустился на поваленное дерево. — Где проводят эксперимент?

Полевой покачал головой.

— Этого мы тоже не знаем.

— У вас есть связь с товарищем Луговым?

— Поздно вечером в пятницу он вместе со всеми своими сотрудниками покинул Манхеттен и уплыл на пароме в Стейтен-Айленд. Перед посадкой они не выходили. Мы потеряли всякую связь с ними.

— Я хочу знать, где они, — ровным тоном сказал Антонов. — Хочу знать точное место проведения эксперимента.

— Над этим работают мои лучшие агенты.

— Нельзя позволять ей держать нас в неведении, особенно когда ставка — миллиард долларов золотом из нашего резерва.

Полевой бросил на главу коммунистической партии хитрый взгляд.

— Ты собираешься заплатить ей?

— А лед на Волге в январе тает? — с широкой улыбкой ответил Антонов.

— Ее трудно будет перехитрить.

В подлеске послышались шаги.

Антонов посмотрел: подходили егеря с фазанами, и снова взглянул на Полевого.

— Найди Лугового, — тихо сказал он, — а все остальное решим со временем.

В четырех милях от них в фургоне перед сложным микроволновым приемником сидели двое. Они записывали разговор Антонова с Полевым в лесу.

Это были специалисты из французской разведки. Оба говорили на шести языках, включая русский. Они одновременно сняли наушники и обменялись любопытными взглядами.

— Как думаешь, что бы это значило? — спросил один.

Второй пожал плечами.

— А черт его знает? Вероятно, какой-нибудь русский шифр.

— Интересно, извлекут ли наши аналитики что-нибудь важное?

— Важное или нет, нам этого никогда не скажут.

Первый помолчал, надел наушники, немного послушал и снова снял.

— Теперь они говорят с президентом Л'Эстранжем. Это все, что мы получили.

— Ладно, закрываем лавочку и отправляем запись в Париж. У меня в шесть свидание.

Глава 22

Солнце уже два часа как поднялось над восточным краем города, когда Сандекер через задние ворота въехал на территорию Вашингтонского национального аэропорта.

Он оставил машину на как будто бы пустой стоянке, на заросшем травой поле далеко от площадки, где обслуживали самолеты. Подошел к боковой двери, с которой давно слезла краска, и нажал на маленькую кнопку рядом **с** массивным замком. Через несколько секунд дверь бесшумно раскрылась.

Огромное помещение было выкрашено белой краской, отражавшей яркие солнечные лучи, которые проникали в окна на вогнутой крыше, как купол, и напоминало музей транспорта. На гладком бетонном полу в четыре ряда аккуратно стояли старинные и классические автомобили. Большинство сверкало так же, как в день, когда мастера в последний раз прикоснулись к их кузовам. Сандекер задержался у величественного Роллс-ройса „Серебряный призрак“ 1921 года выпуска с корпусом „Парк-Уорк“[14] и массивной красной „Изотты-фраскини“ 1925 года с торпедообразным кузовом „Сала“.

Центральное место в этой экспозиции занимали трехмоторный самолет „Форд“, известный любителям авиации как „Оловянный гусь“, и железнодорожный пуллмановский вагон начала двадцатого века с надписью „Манхеттен лимитед“ на стальном боку.

По круглой железной лестнице Сандекер поднялся на второй этаж; наверху в дальнем конце ангара располагалась жилая квартира. Гостиную украшали морские древности. Вдоль одной стены тянулись полки, а на них в стеклянных витринах стояли модели кораблей.

Питт стоял перед плиткой и изучал странную смесь в сковороде. На нем были потрепанные шорты защитного цвета, стоптанные теннисные туфли и футболка с надписью „Поднимем „Лузитанию“ на груди.

— Вы точно к завтраку, адмирал.

— Что у вас тут? — спросил Сандекер, с подозрением разглядывая смесь на сковороде.

— Ничего особенного. Острый мексиканский омлет.

— Ограничусь чашкой кофе и половинкой грейпфрута.

Они сели за кухонный стол, и Питт налил кофе. Сандекер нахмурился и помахал газетой.

— Ты занял всю вторую полосу.

— Надеюсь, в других газетах тоже.

— Что ты хочешь доказать? — спросил Сандекер. — Собираешь пресс-конференцию и объявляешь, что нашел „Сан-Марино", хотя не нашел, и „Пайлоттаун", что должно было оставаться тайной. Ты что, с ума сошел?

Питт сделал перерыв между двумя кусками омлета.

— Я не упоминал о нейротоксине.

— К счастью, вчера армия все благополучно захоронила.

— Значит, никакого вреда. Теперь, когда „Пайлоттаун" пуст, это просто очередной ржавеющий след катастрофы.

— Президент посмотрит на это иначе. Не улети он в Нью-Мексико, мы бы сейчас отскребали себя от ковра в Белом доме.

Сандекеру помешал договорить звонок. Питт встал и повернул рычажок на панели.

— Кто-то пришел? — спросил Сандекер.

Питт кивнул.

— Это грейпфрут из Флориды, — проворчал Сандекер, выплевывая косточку.

— Ну и что?

— Я предпочитаю техасские.

— Возьму на заметку, — с улыбкой сказал Питт.

— Вернемся к вашей невероятной истории, — сказал Сандекер, выдавливая в ложечку последнюю каплю сока. — Я хотел бы знать причины.

Питт объяснил.

— Почему бы не передать все это министерству юстиции? — спросил Сандекер. — Им за это платят.

Взгляд Питта стал жестким; последовал угрожающий взмах вилкой.

— Потому что никто и не подумал привлечь министерство юстиции к этому делу. Правительство не собирается признавать, что свыше трехсот человек погибли от нейротоксического газа, которого, как считается, не существует. Судебные процессы и критика в прессе растянутся на годы. Они хотят, чтобы никто ничего не знал. Очень вовремя случилось извержение Огастина. Сегодня пресс-секретарь президента представит дело так, будто во всех смертях виноваты облака серного газа.

Сандекер несколько мгновений внимательно смотрел на него. Потом спросил:

— Кто тебе это сказал?

— Я, — ответил женский голос от двери.

Лорен обезоруживающе улыбалась. Она вернулась с пробежки и была одета в атласные шорты с соответствующей майкой и повязкой на голове. Влажный воздух Виргинии заставил ее вспотеть, и она чуть задыхалась от бега. Вынув из-за пояса маленькое полотенце, она вытерла лицо.

Питт познакомил их.

— Адмирал Джеймс Сандекер. Конгрессмен Лорен Смит.

— На заседаниях комиссии по морским делам мы сидим друг напротив друга, — сказала Лорен, протягивая руку.

Сандекеру не нужно было быть ясновидящим, чтобы понять, каковы отношения Питта и Лорен.

— Теперь я понимаю, почему вы всегда поддерживаете мои предложения по бюджету НПМА.

Если Лорен и смутило это заявление, она никак этого не показала.

— Дирк очень убедительный лоббист, — с улыбкой сказала она.

— Кофе хочешь? — спросил Питт.

— Нет, спасибо. Кофе мне не напиться.

Она подошла к холодильнику и налила себе стакан простокваши.

— Вы знаете тему сегодняшнего пресс-релиза Томпсона, пресс-секретаря? — спросил Сандекер.

Лорен кивнула.

— Мой помощник по связям с прессой и его жена дружат с Томпсонами. Вчера они вместе ужинали. Томпсон упомянул, что Белый дом собирается забыть о трагедии на Аляске, но и только. Никаких подробностей он не сообщил.

Сандекер повернулся к Питту.

— Если будете продолжать вендетту, слишком многим отдавите ноги.

— Я не отступлю, — серьезно сказал Питт.

Сандекер взглянул на Лорен.

— А вы, конгрессмен Смит?

— Лорен.

— Лорен, — согласился он. — Можно спросить, каков ваш интерес в этом деле?

Она помедлила всего долю секунды и сказала:

— Скажем, простое любопытство конгрессмена к возможному правительственному скандалу.

— Вы не назвали ей истинную цель вашего аляскинского рыболовного эксперимента? — спросил Сандекер у Питта.

— Нет.

— Думаю, следует рассказать.

— Это официальное разрешение?

Адмирал кивнул.

— Друг в конгрессе может пригодиться до окончания охоты.

— А вы, адмирал, — какова ваша позиция? — спросил Питт.

Сандекер через стол внимательно смотрел на Питта, разглядывая его чеканное лицо так, словно видел впервые. Он думал: вот человек, способный выйти далеко за обычные рамки, причем не преследуя никакой личной выгоды. На этом лице он видел только непреклонную решимость. За годы, что он знал Питта, он не раз видел такое выражение.

— Буду поддерживать вас, пока президент лично не прикажет пустить вас в расход, — сказал он наконец. — Тогда вы уж сами барахтайтесь.

Питт сдержал вздох облегчения. Все складывалось хорошо. И более чем.

Мин Корио оторвала взгляд от газетной страницы.

— Что скажешь об этом?

Ли Тонг склонился над ее плечом и прочел вслух первую фразу статьи: „Вчера Дирк Питт, начальник отдела специальных проектов НПМА, объявил, что найдены два корабля, долгие годы считавшиеся погибшими. Это корабли серии „Либерти“ „Сан-Марино“ и „Пайлоттаун“, построенные в годы Второй мировой войны. Их обнаружили на дне в северной части Тихого океана у берегов Аляски“.

— Блеф! — сердито выпалила Мин Корио. — Кому-нибудь в Вашингтоне, скорее всего, в министерстве юстиции, нечего делать, вот они и бросили пробный шар. Это была рыболовная экспедиция, ничего больше.

— Думаю, ты права только наполовину, онуми, — задумчиво сказал Ли Тонг. — Думаю, НПМА, пытаясь найти причину смертей в аляскинских водах, наткнулась на корабль с нейротоксическим газом.

— И их пресс-релиз — уловка, чтобы отыскать подлинного владельца судна, — закончила Мин Корио.

Ли Тонг кивнул.

— Правительство ставит на то, что мы сделаем запрос, который можно будет проследить.

Мин Корио вздохнула.

— Жаль, что судно не затонуло, как планировалось.

Ли Тонг обошел стол и сел в кресло напротив бабушки.

— Не повезло, — сказал он. — Взрывчатка не сдетонировала, а после начался шторм, и я не смог вернуться на судно.

— Ты не виноват в капризах погоды, — спокойно сказала Мин Корио. — Настоящие виновники — русские. Если бы они не отказались от своего предложения купить „агент С“, топить корабль не пришлось бы.

— Они опасались, что газ слишком нестабилен и его не переправить через Сибирь на химический завод на Урале.

— Удивительно другое — как НПМА усмотрела связь между судами.

— Не могу сказать, онуми. Мы старательно убрали все возможности опознания.

— Неважно, — сказала Мин Корио. — Остается факт: статья в газете — это уловка. Мы должны молчать и ничем не нарушать свою анонимность.

— А что за человек, который сделал это заявление?

— Этот... Дирк Питт? — На узком лице Мин Корио появилось холодное задумчивое выражение. — Определи, какими мотивами он руководствуется, и следи за его деятельностью. Проверь, укладывается ли он в общую картину. Если он представляет опасность, организуй его похороны.

Серые сумерки смягчили резкость очертаний Лос-Анджелеса; вспыхнули огни, усеяв здания. Сквозь старомодное окно с подъемной рамой доносился шум уличного движения. Направляющие забились многочисленными слоями краски, и потому рама застревает. Ее не открывали лет тридцать. Снаружи дребезжит в своих креплениях кондиционер.

Человек сидит в старом вращающемся кресле и незряче смотрит сквозь грязь на стекле. Эти глаза видели худшее, что может показать город. Суровые, мрачные глаза, нисколько не потускневшие, хотя человеку за шестьдесят. Он сидит без пиджака, через его левое плечо надета поношенная кожаная кобура. Из нее торчит ствол автоматического пистолета 45-го калибра. Человек коренастый, ширококостный.

Мышцы за эти годы ослабли, но сидящий по-прежнему в силах схватить на тротуаре человека весом двести фунтов и ударить его о каменную стену.

Скрипнуло кресло. Это человек повернулся и наклонился над столом, поверхность которого прижжена сотнями сигаретных окурков. Он взял газету и, вероятно, в десятый раз прочел статью об обнаруженных судах. Открыл ящик стола, достал папку, полную бумаг с загнутыми уголками, и долго смотрел на нее. Каждое слово в ней было ему уже хорошо знакомо. Он сунул папку вместе с газетой в поношенный чемоданчик.

Встал, прошел к раковине в углу комнаты и сполоснул лицо холодной водой. Потом надел пальто и мятую шляпу, выключил свет и вышел.

Он стоял в коридоре, ожидая лифт, и его окружали запахи стареющего здания. С каждым днем все сильнее пахло плесенью и гнилью. Тридцать пять лет на одном месте — это очень много, думал он, слишком много.

Мысли его прервал грохот дверей лифта.

Лифтер, парень лет семнадцати, улыбнулся, показав желтые зубы.

— На сегодня все? — спросил он.

— Нет, лечу ночным рейсом в Вашингтон.

— Новое дело?

— Очень старое.

Больше вопросов не было, и остаток пути они проделали молча. Выходя из лифта, он кивнул лифтеру.

— Увидимся через пару дней, Джо.

Потом вышел через главный вход и растворился в ночи.

Глава 23

Для большинства его имя Хайрем Эйгер. Немногим избранным он известен как Пиноккио, потому что он способен сунуть нос в любую компьютерную сеть и просеять ее содержимое. Поле его деятельности — центр связи и информтехнологий НПМА на десятом этаже.

Сандекер нанял Хайрема для сбора и хранения любых сведений об океанах, научных и исторических фактов и теорий.

Эйгер со страстью относится к своей работе; за пять лет он собрал огромную компьютерную базу знаний о море.

Работает Эйгер без жесткого графика, иногда приходит на заре и работает без перерывов до следующего утра. Он редко показывается на совещаниях в агентстве, но Сандекер не трогает его, потому что лучше специалиста нет и из-за сверхъестественного умения Эйгера взламывать коды и проникать в тайны любых компьютеров в мире.

Всегда в потрепанной джинсовой куртке и спортивных штанах, а длинные светлые волосы завязаны в узел. Редкая, клочковатая бородка и устремленный в пространство взгляд придают ему вид старателя в пустыне, который надеется увидеть за следующим холмом Эльдорадо.

Эйгер сидел за компьютерным терминалом в дальнем углу электронного лабиринта НПМА. Сбоку от него стоял Питт и с интересом наблюдал за появлением на экране зеленых букв.

— Это все, что можно получить в базе данных морской администрации.

— Ничего нового, — согласился Питт.

— Что дальше?

— Можешь заглянуть в документы командования береговой охраны?

Эйгер хищно улыбнулся.

— Легко, как тетя Джемайма печет оладьи!

Он с минуту рылся в толстой записной книжке, нашел нужное и набрал номер на телефоне с кнопками, но соединенном с современной линией

связи. Компьютер береговой охраны отозвался и сразу принял код доступа Эйгера; на экране дисплея снова появились зеленые буквы:

СООБЩИТЕ ВАШ ЗАПРОС.

Эйгер вопросительно посмотрел на Питта.

— Спроси про „Пайлоттаун“, — попросил Питт.

Эйгер кивнул и набрал название на терминале. Сразу пришел ответ, и Питт принялся его внимательно изучать, обращая внимание на все перемещения судна с момента постройки, на его владельца, пока судно плавало под флагом США, а также на суммы залога. Сведений было много. Из официальных документов „Пайлоттаун“ исчез, когда был продан за границу, в данном случае компании „Фосфаты „Кассандра“ из Афин.

— Что-нибудь интересное? — спросил Эйгер.

— Еще одна пустышка, — хмыкнул Питт.

— Как насчет „Ллойда“ в Лондоне? Судно есть в их регистре.

— Хорошо, давай посмотрим.

Эйгер отсоединился от системы береговой охраны, снова сверился со своей книжкой и связался с компьютером крупнейшей морской страховой компании. Данные поступали со скоростью 440 знаков в секунду. На этот раз история „Пайлоттауна“ была представлена очень подробно. Но полезной оказалась лишь малая часть этих подробностей. Однако внимание Питта привлек пункт в самом конце.

— Думаю, мы кое-что нашли.

— По мне, ничего нового, — сказал Эйгер.

— Посмотри на строку „Торговая компания „Сосан“.

— Где она числится оператором? Ну и что? Это попадалось и раньше.

— Там она числилась не оператором, а владельцем. Это большая разница.

— И что?

Питт распрямился, взгляд его стал задумчив.

— Владелец судна регистрирует его в так называемых „удобных странах“, чтобы получить лицензию подешевле, сэкономить на налогах и правилах, ограничивающих его деятельность. Другая причина — таким образом владелец уходит от всяких расследований. Создается подставная фирма, а ее адрес приводит к почтовому ящику. В данном

случае — Инчон, Корея. Но если владелец контактирует с оператором, чтобы перевозить грузы или нанимать команду, должна происходить передача денег. То есть должны использоваться возможности банков. А банки сохраняют записи.

— Хорошо, допустим, я владелец. Зачем отдавать управление негласно моей компании какому-нибудь другому скользкому участнику, если в банках все равно останутся следы? Не вижу преимущества.

— Удобно для мошенничеств со страховкой, — ответил Питт. — Оператор выполняет грязную работу, а владелец получает прибыль. Например, возьми случай с греческим танкером несколько лет назад. Танкер назывался „Трикери". Он вышел из Сурабайи в Индонезии с танками, до верха заполненными нефтью. В Кейптауне он подсоединился к береговому трубопроводу и выкачал всю нефть, оставив несколько тысяч галлонов. А неделю спустя таинственным образом затонул у берегов Западной Африки. Страховка была выписана на корабль с полным грузом нефти. Следователи были уверены, что корабль затопили намеренно, но доказать ничего не могли. Оператор „Трикери" принял удар на себя и исчез из бизнеса. Зарегистрированный владелец получил страховку и через корпоративный лабиринт перечислил наверх.

— И часто так бывает?

— Часто, хотя никто об этом не знает, — ответил Питт.

— Хочешь покопаться в банковских счетах „Торговой компании „Сосан"?

Питт знал, что не стоит спрашивать Эйгера, сможет ли тот это сделать. Он просто сказал:

— Да.

Эйгер отключился от компьютера „Ллойда" и подошел к шкафу с папками. Вернулся он с толстой бухгалтерской книгой.

— Коды безопасности банков, — сказал он, ничего не уточняя.

Потом принялся за работу и через две минуты вышел на банк „Сосан трейдинг".

— Готово! — воскликнул он. — Тайное инчонское отделение крупного сеульского банка. Счет закрыт шесть лет назад.

— Счета сохранились?

Не отвечая, Эйгер нажал какие-то клавиши и откинулся, сложив руки. Он рассматривал распечатку. Появились номера счетов и запросы на поступление денег.

Он выжидательно посмотрел на Питта.

— С марта по сентябрь 1976 года, — приказал Питт.

Компьютерная система корейского банка отозвалась.

— Очень интересно, — сказал Эйгер, разглядывая полученные данные. — Всего двенадцать транзакций за семь лет. Должно быть, „Сосан трейдинг“ предпочитала иметь дело с наличными.

— Куда поступают депозиты? — спросил Питт.

— Как будто бы в банк в Берне.

— На шаг ближе.

— Да, но чем дальше, тем трудней, — сказал Эйгер. — Коды безопасности швейцарских банков гораздо сложней. А если эта мореходная компания такая ушлая, как кажется, она будет жонглировать счетами, как в балагане.

— Принесу кофе, а ты начинай копать.

Эйгер меланхолично взглянул на Питта.

— Ты никогда не сдаешься?

— Никогда.

Эйгера удивил холодный тон Питта. Он пожал плечами.

— Ладно, приятель, но это не пять минут. Можно проработать всю ночь и ничего не получить. Буду посылать различные комбинации, пока не наткнусь на правильный код.

— У тебя есть занятие получше?

— Нет, но когда будешь брать кофе, прихвати и пончиков.

Банк в Берне принес только разочарование. Все нити, ведущие к истинным хозяевам „Торговой компании „Сосан“, здесь обрывались. Они покопались еще в шести швейцарских банках, уповая на удачу, как охотник за сокровищами, который нашел карту с местом крушения не в том ящике архива. Но ничего ценного не выяснили. А проверять все банкирские дома Европы было непосильной задачей. Таких банков насчитывалось больше шести тысяч.

— Плохо дело, — сказал спустя пять часов Эйгер, глядя на дисплей.

— Согласен, — подтвердил Питт.

— Ищем дальше?

— Если не возражаешь.

Эйгер вскинул руки и потянулся.

— За такое могут и уволить. И тебя тоже. Шел бы ты спать. Если найду что-нибудь, позвоню.

Питт с благодарностью оставил Эйгера в офисе НПМА и поехал через реку в аэропорт. Остановил свой „Талбот-лаго“ перед дверью ангара, достал из кармана пальто маленький излучатель и набрал код. Охранная система отключилась, дверь поднялась на семь футов. Питт поставил машину в ангар и проделал все в обратном порядке. Потом устало поднялся по лестнице, прошел в гостиную и включил свет.

В его любимом кресле для чтения сидел человек, сложив руки на чемоданчике, лежавшем у него на коленях.

Он казался терпеливым, но опасным, лишь на лице читался намек на улыбку. В старомодной шляпе, в сшитом на заказ пальто — сшитом так, чтобы скрывать оружие. Впрочем, пальто было расстегнуто, так что виднелась рукоятка пистолета 45-го калибра.

Мгновение они молча смотрели друг на друга, как борцы, оценивающие противника перед схваткой.

Нарушил молчание Питт.

— Думаю, самое время спросить: кто вы такой?

Улыбка стала шире.

— Я частный детектив, мистер Питт. Меня зовут Касио. Сал Касио.

Глава 24

— Как вам удалось приникнуть сюда?

— Ваша система безопасности не слишком хороша, но ее будет достаточно против большинства грабителей и вандалов-подростков.

— То есть я провалил экзамен?

— Ну, не совсем. Я бы поставил вам тройку.

Питт очень медленно подошел к холодильнику, переделанному в бар, и открыл дверцу.

— Не хотите выпить, мистер Касио?

— Спасибо, плесните-ка „Джека Дэниэлса“ со льдом.

— Какая удачная догадка. У меня как раз есть бутылка.

— А я заглянул, — сказал Касио. — Да, кстати, я взял на себя смелость убрать из пистолета обойму.

— Из какого пистолета? — невинно спросил Питт.

— Автоматический Маузер, 32-го калибра, серийный номер 922374, искусно спрятанный за бутылкой с половиной галлона джина.

Питт посмотрел на Касио внимательнее.

— Сколько на это ушло времени?

— На поиски?

Питт молча кивнул, открывая холодильник и доставая лед.

— Примерно сорок пять минут.

— И вы нашли еще два спрятанных револьвера.

— На самом деле три.

— Вы очень внимательны.

— В доме ничего нельзя спрятать так, чтобы невозможно было найти. Некоторые из нас в поиске талантливее других. Дело техники.

В голосе Касио не было ни тени хвастовства. Он говорил так, словно сообщал общеизвестные сведения.

Питт разлил спиртное в стаканы и принес на подносе в гостиную. Касио взял стакан правой рукой. И тут Питт внезапно уронил поднос и прицелился в лоб Касио из маленького карманного пистолета 25-го калибра.

Единственной реакцией Касио была легкая улыбка.

— Очень хорошо, — одобрительно сказал он. — Итак, теперь их пять.

— Внутри пустой картонки от молока, — объяснил Питт.

— Отлично сделано, мистер Питт. Умный ход — подождать, пока у меня в руке не окажется стакан. Это показывает, что вы умеете думать. Должен повысить вам отметку до четверки с минусом.

Питт щелкнул затвором и опустил пистолет.

— Если бы вы пришли убить меня, мистер Касио, вы бы сделали это, когда я вошел. Что же вам нужно?

Касио кивком показал на чемоданчик.

— Разрешите?

— Валяйте.

Касио поставил стакан, открыл чемоданчик и достал картонную папку, перетянутую резинкой.

— Дело, над которым я работаю с 1966 года.

— Много времени прошло. Вы, должно быть, очень упрямый человек.

— Не терплю незаконченных дел, — согласился Касио. — Все равно что уйти, не сложив головоломку. Рано или поздно любой следователь сталкивается с делом, которое заставляет его по ночам смотреть в потолок. С делом, которое он не может закончить. Но с этим делом у меня связь личная, мистер Питт. Оно началось двадцать три года назад, когда девушка, банковский кассир, по имени Арта Касилио, украла 128 тысяч долларов из банка в Лос-Анджелесе.

— И при чем тут я?

— В последний раз ее видели, когда она садилась на пароход „Сан-Марино“.

— Значит, вы читали в прессе и о том, что нашли суда.

— Да.

— И думаете, что девушка исчезла вместе с „Сан-Марино“?

— Уверен.

— В таком случае ваше дело закончено. Вор мертв, деньги навсегда исчезли.

— Не так все просто, — сказал Касио, глядя на стакан. — Арта Касилио несомненно мертва, но деньги не исчезли.

Арта взяла только что отпечатанные банкноты Федерального резервного банка. Все номера были записаны, так что проследить путь банкнот не представляет труда. — Касио помолчал, глядя в глаза Питту поверх стакана. — Два года назад исчезнувшие деньги появились.

В глазах Питта неожиданно вспыхнул интерес. Он сел на стул лицом к Касио.

— Все деньги? — осторожно спросил он.

Касио кивнул.

— Они появляются небольшими партиями. Пять тысяч во Франкфурте, тысяча в Каире, все в иностранных банках. Ни одной в Соединенных Штатах, кроме единственной стодолларовой банкноты.

— Значит, Арта не умерла на „Сан-Марино“?

— Нет, она исчезла вместе с судном. ФБР связало это дело с кражей паспорта, принадлежавшего Эстелле Уоллес. По этой нити они смогли проследить за ней до Сан-Франциско. И там потеряли.

Но я продолжал копать и наконец отыскал бродягу, который иногда водит такси, когда нужны деньги на выпивку. Он вспомнил, как подвез ее к трапу „Сан-Марино“.

— Можно ли доверять памяти пьяницы?

Касио уверенно улыбнулся.

— Арта заплатила ему новенькой стодолларовой банкнотой. У него не было сдачи, и она велела ему оставить ее себе. Поверьте, ему не нужно было стараться, чтобы сохранить в памяти такое событие.

— Украденные деньги — в юрисдикции ФБР. Где ваше место в этой картине? Почему вы так упрямо преследуете преступника, чей след давно остыл?

— Я сократил свою фамилию по соображениям бизнеса. Раньше меня звали Касилио. Арта моя дочь.

Наступила неловкая тишина. Снаружи в окна доносился шум взлетающего лайнера. Питт встал и прошел на кухню. Налил из кофейника в чашку холодного кофе и поставил в микроволновую печь.

— Хотите еще выпить, мистер Касио?

Касио покачал головой.

— Значит, вывод таков: по-вашему, в исчезновении вашей дочери есть что-то странное.

— Ни она, ни судно не добрались до порта, но деньги, которые были при ней, появляются таким образом, как будто их понемногу отмывают. Вам не кажется это странным, мистер Питт?

— Не отрицаю, в ваших словах есть смысл. — Микроволновка запищала, и Питт достал чашку с дымящимся кофе. — Но не понимаю, чего вы хотите от меня.

— У меня есть несколько вопросов.

Питт сел. Теперь ему не просто было любопытно.

— Задавайте.

— Где вы нашли „Сан-Марино“? Я хочу сказать — в какой части Тихого океана?

— В районе южного побережья Аляски, — туманно ответил Питт.

— Далековато от маршрута судна, идущего из Сан-Франциско в Новую Зеландию, вам не кажется?

— Да, далековато, — согласился Питт.

— Тысячи две миль?

— Да побольше. — Питт отпил кофе и скорчил гримасу. Такой крепкий, что сгодится на раствор для кладки. Он поднял голову. — Прежде чем мы продолжим, скажу, что вам придется заплатить.

Касио оценивающе взглянул на него.

— Вы не кажетесь мне человеком в большой нужде.

— Я хотел бы узнать названия европейских банков, через которые проходили украденные деньги.

— Есть какие-то особые причины? — спросил Касио, не скрывая удивления.

— Ничего не могу вам сказать.

— Вы не очень склонны сотрудничать.

Питт хотел ответить, но телефон на столе громко зазвонил.

— Алло.

— Дирк, говорит Эйгер. Ты еще не спишь?

— Спасибо, что позвонил. Как Салли? Все еще в реанимации?

— Значит, не можешь говорить?

— Не очень.

— Но слушать можешь.

— Легко.

— Дурные новости. Я ничего не получил. Больше шансов подкинуть карты в воздух и поймать стрит-флэш.

— Может, я добавлю шансов. Подожди минутку. — Питт повернулся к Касио. — Так как насчет списка банков?

Касио медленно встал, налил себе еще „Джека Дэниэлса“ и повернулся спиной к Питту.

— Договоримся, мистер Питт. Список банков за все, что вы знаете о „Сан-Марино“. И мне плевать, даже если это записано на внутренней стороне трусов президента. Либо мы договариваемся, либо я ухожу.

— Откуда вы знаете, что я не солгу?

— Мой список тоже может быть ложным.

— Взаимное доверие, — с кривой улыбкой сказал Питт.

— Какое к дьяволу доверие? — хмыкнул Касио. — Но у нас с вами нет выбора.

Он достал из папки листок и протянул Питту, который по телефону прочел список Эйгеру.

— Что теперь? — спросил Касио.

— А теперь я расскажу вам, что случилось с „Сан-Марино“. И к завтраку, возможно, смогу сказать вам, кто убил вашу дочь.

Глава 25

Через пятнадцать минут после восхода солнца фотоэлементы отключили все уличные фонари в Вашингтоне. Одна за другой, с промежутком в одну-две секунды, гасли желтые и красные натриевые лампы высокого давления. Они будут ждать весь день, а за пятнадцать минут до заката светочувствительные датчики снова включат их.

Торопясь в тускнеющем свете ламп по служебному туннелю, Сэм Эммет чувствовал дрожь утреннего уличного движения. Не было ни морских пехотинцев, ни охраны из агентов секретной службы. Он шел один, как и все остальные.

Единственным человеком, кого он встретил, выйдя из машины у здания министерства финансов, был охранник Белого дома, стоявший у двери подвала. На верху лестницы, ведущей в ситуационный кабинет, с ним поздоровался Алан Мерсье.

— Опаздываете, — сообщил ему Мерсье.

Эммет посмотрел на часы и увидел, что пришел за пять минут до срока.

— Все? — спросил он.

— Кроме Симмонса, который в Египте, и Лукаса, произносящего за вас речь в Принстоне, все явились.

Когда он вошел, Оутс предложил ему стул рядом с собой. За столом для совещаний собрались Дэн Фосетт, генерал Меткалф, глава ЦРУ Мартин Броган и Мерсье.

— Простите, что перенес совещание на четыре часа, — начал Оутс, — но Сэм сообщил мне, что его следователи определили, как произошло покушение.

Без дальнейших объяснений он кивнул директору ФБР.

Эммет раздал всем за столом папки, прошел к доске и взял мел. Он быстро и очень точно нарисовал реку, территорию у Маунт-Вернона и президентскую яхту, привязанную к причалу. Потом добавил несколько подробностей и обозначил названиями особые районы. Получившийся реалистический план свидетельствовал о несомненном таланте архитектора.

Довольный тем, что все изображено верно, все на своем месте, он повернулся к аудитории.

— Будем следить за событиями в хронологическом порядке, — сказал он. — Пока вы, господа, изучаете документы, я кратко подытожу. Кое-что из того, что я скажу, основано на фактах и твердых уликах. Кое-что — предположения. Мы попытаемся как можно полнее восстановить недостающее.

На левом краю доски Эммет писал время.

18:25. „Орел“ прибыл в Маунт-Вернон, где секретная служба уже установила сеть безопасности и начала наблюдение.

20:15. Президент и его гости сели ужинать. Одновременно офицеры и экипаж корабля ужинали в кают-компании.

На вахте оставались только повар, один его помощник и стюард. Этот факт важен, поскольку мы считаем, что во время ужина президента, его гостей и экипаж корабля опоили.

— Наркотик или яд? — спросил Оутс, поднимая голову.

— Не яд, — ответил Эммет. — Легкое снотворное, вызывающее сонливость, подмешали в еду повар или стюард, прислуживавший за столом.

— Как практично, — сказал Броган. — Они не хотели, чтобы повсюду лежали тела.

Эммет помолчал, собираясь с мыслями.

Агент секретной службы, дежуривший на борту до полуночи, доложил, что президент и вице-президент Марголин легли последними. Время 23:10.

— Слишком рано для президента, — сказал Дэн Фосетт. — Он редко ложился раньше двух ночи.

00:25. С северо-востока надвигается легкий туман. За ним — густой туман, произведенный двумя флотскими генераторами тумана, спрятанными под деревьями в ста шестидесяти ярдах выше по течению от „Орла“.

— Им удалось покрыть туманом весь район? — спросил Оутс.

— При благоприятных атмосферных условиях — в данном случае без ветра — установки, оставленные похитителями, могут покрыть два квадратных акра.

Фосетт словно бы растерялся.

— Бог мой, такая операция требует целой армии.

Эммет отрицательно покачал головой.

— По нашим расчетам, понадобилось от семи до десяти человек.

— Но ведь секретная служба должна была окружить Маунт-Вернон до приезда президента, — сказал Фосетт. — Как она не заметила фоггеры?

— Установок не было до 17:00 в вечер похищения, — ответил Эммет.

— Но как те, кто приводил эти установки в действие, могли видеть в темноте? — настаивал Фосетт. — Почему никто не услышал, как установки работают и гул генераторов?

— Ответ на ваш первый вопрос — приборы ночного видения. А шум оборудования заглушало мычание коров.

Броган задумчиво покачал головой.

— Кто бы мог подумать!

— Кто-то подумал, — сказал Эммет. — Они оставили магнитофон с записью и усилитель.

— Здесь говорится, что агенты службы безопасности заметили только маслянистый запах тумана.

Эммет кивнул.

— Фоггер под высоким давлением нагревает дезодорирующее вещество на основе керосина и выбрасывает его через сопло в виде очень мелких капель, производящих туман.

— Перейдем к следующему событию, — сказал Оутс.

01:50. Из-за плохой видимости лодка сопровождения подошла к причалу. Спустя три минуты катер береговой охраны сообщил агенту Джорджу Черной Сове, старшему секретной службы, что показания радара забивает очень мощный высокочастотный сигнал. Катер также сообщил Черной Сове, что до этого по реке проходил только городской санитарный буксир муниципальной уборочной службы с баржами с грузом мусора. Они остановились у берега, пережидая туман.

Меткалф поднял голову.

— Далеко остановились?

— В двухстах ярдах выше по течению.

— Значит, буксир был за границей искусственного тумана.

— Это важный пункт, — согласился Эммет, — и мы перейдем к нему позже.

Он повернулся к доске и записал новое время.

В комнате было тихо. Люди молчали, ожидая окончательного ответа на загадку похищения президента.

02:00. Агенты перешли на новые посты. Агент Лайл Брок поднялся на борт яхты после того, как агент Карл Поласки сменил его на предыдущем посту. Самое важное: все это время „Орел“ был скрыт туманом. Агент Поласки поднялся по трапу на яхту и поговорил с кем-то, кого принял за Брока. К тому времени Брок уже был без сознания или мертв. Поласки не заметил ничего подозрительного, за исключением того, что Брок как будто забыл, где его следующий пост.

— Поласки не понял, что говорит с незнакомым человеком? — спросил Оутс.

— Между ними было не меньше десяти футов, и говорили они тихо, чтобы никого не побеспокоить на яхте. Когда в 03:00 пришла смена,

Брок словно растаял в тумане. Яхту обыскали. На ней не нашли никого, кроме Поласки, пришедшего на смену Броку.

Эммет положил мел и отряхнул руки.

— Остальное в данном случае неважно… Кого известили, кого подняли по тревоге и когда… результаты бесплодных поисков на реке и в окрестностях Маунт-Вернона… установка постов на дорогах, чтобы отыскать пропавших людей… и прочее.

— Где находились баржи и буксир после объявления тревоги? — спросил Меткалф.

— Баржи стояли у берега, — ответил Эммет. — Буксир исчез.

— Таковы факты, — сказал Оутс. — Главный вопрос: как можно было забрать с яхты почти двадцать человек под носом у целой армии агентов секретной службы и пройти через самую совершенную охранную сигнализацию, какую только можно купить за деньги?

— Ответ таков, господин секретарь: никто этого не делал.

У Оутса поднялись брови.

— Что же тогда?

Эммет заметил самодовольное выражение на лице Меткалфа.

— Думаю, генерал уже догадался.

— Кто-нибудь, просветите меня, — попросил Фосетт.

Эммет набрал побольше воздуха, прежде чем заговорить.

— Яхта, которую агенты Черная Сова и Макграт нашли пустой, не та, что привезла в Маунт-Вернон президента и его гостей.

— Сукин сын! — выбранился Мерсье.

— Принять это трудно, — скептически сказал Оутс.

Эммет снова взял мел и принялся чертить.

— Примерно через пятнадцать минут после того, как туман накрыл реку и Маунт-Вернон, команда похитителей вывела из строя радар катера береговой охраны. Буксир выше по течению был не буксиром, а яхтой, до мельчайших подробностей идентичной президентской. Этот буксир отошел от барж, которые мы нашли пустыми, и медленно двинулся вниз по течению. Его радар, конечно, работал на другой частоте, чем на катере.

Эммет начертил маршрут приближающейся яхты.

— Оказавшись в пятидесяти ярдах от причала и у кормы „Орла“, вторая яхта выключила двигатели и начала дрейфовать по течению со скоростью около одного узла. Тогда похитители…

— Я хотел бы прежде всего понять, как они попали на борт, — перебил Мерсье.

Эммет пожал плечами.

— Этого мы не знаем. Можно предположить, что они заранее убили повара и его помощников и заняли их места, используя поддельные удостоверения береговой охраны и приказы.

— Пожалуйста, продолжите рассказ о своих находках, — попросил Оутс.

— Тогда похитители на яхте, — повторил Эммет, — отдали швартовы, „Орел“ отплыл по течению и освободил место для двойника. Полански на своем посту на берегу ничего не слышал, потому что все звуки перекрывало гудение генераторов машинного отделения. Затем, когда яхта-двойник пришвартовалась к причалу, кто-то, один или двое, вероятно, переправились на маленькой шлюпке на „Орла“ и вместе с остальными ушли вниз по реке. Но один остался изображать агента Брока. Когда Полански разговаривал с лже-Броком, подмена уже совершилась. При следующей перемене постов человек, выдававший себя за Брока, сошел и присоединился к тем, кто управлял фоггерами.

Они вместе уехали по шоссе к Александрии. Это мы установили по следам и отпечаткам шин.

Все, кроме Эммета, смотрели на доску, словно пытаясь увидеть происшедшее. Абсолютно точный расчет, легкость, с которой обманули охрану президента, гладкость, с какой была проделана вся операция, потрясли присутствующих.

— Не могу не восхититься исполнением, — сказал генерал Меткалф. — Должно быть, они очень долго это планировали.

— Наша оценка — три года, — сказал Эммет.

— Но где они могли найти точно такую же яхту? — спросил Фосетт, ни к кому в частности не обращаясь.

— Моя исследовательская команда занялась этим вопросом. Они проследили по документам историю и обнаружили, что вместе с президентской яхтой была построена точно такая же, ее назвали „Саманта“. Последним зарегистрированным владельцем „Саманты“ был биржевой брокер из Балтимора. Три года назад он продал яхту парню по имени Данн.

Это все, что он мог нам сообщить. Расплачивались наличными, чтобы не платить налоги. Больше он никогда не видел ни Данна, ни яхту.

Новый владелец не регистрировал „Саманту“ и не получал на нее лицензию. И он, и яхта исчезли из виду.

— Она была точно такая же, как „Орел“? — спросил Броган.

— Вплоть до мелочей. Обстановка, украшения на переборках, краска, оборудование — все одинаковое.

Фосетт нервно постучал карандашом по столу.

— Но как вы узнали?

— Всякий раз, входя в комнату и выходя из нее, вы оставляете следы своего присутствия. Волосы, перхоть, волокна, отпечатки пальцев — все это можно обнаружить. Мои исследователи в лаборатории не обнаружили ни одного указания, что президент и остальные когда-либо бывали на этой яхте.

Оутс выпрямился в кресле.

— Бюро проделало великолепную работу, Сэм. Мы очень признательны.

Эммет коротко кивнул и сел.

— Смена яхты заставляет посмотреть на дело под новым углом, — сказал Оутс. — Как ни ужасно, но мы должны считаться с возможностью, что все они убиты.

— Надо найти яхту, — мрачно сказал Мерсье.

Эммет посмотрел на него.

— Я уже приказал искать на поверхности и с воздуха.

— Так вы ее не найдете, — вмешался Меткалф. — Мы имеем дело с очень умными людьми. Они не оставят ничего, что мы могли бы найти.

Фосетт поднял карандаш.

— Вы хотите сказать, яхта уничтожена?

— Вполне возможно, — ответил Меткалф; в его глазах отразилось опасение. — В таком случае мы должны быть готовы найти трупы.

Оутс оперся на локоть и ладонями потер лицо; ему захотелось вдруг оказаться где угодно, только не в этой комнате.

— Придется расширить круг доверенных лиц, — сказал он наконец. — Лучший человек для поисков под водой, какого я могу вспомнить, это Джим Сандекер из НПМА.

— Согласен, — подхватил Фосетт. — Его отдел особых проектов отлично справился на Аляске. Они нашли корабль, виновный в широкомасштабном отравлении окружающей среды.

— Введете его в курс, Сэм? — попросил Оутс Эммета.

— Прямо отсюда пойду в его кабинет.

— Что ж, думаю, на этом пока все, — сказал устало Оутс. — К добру или к худу, но у нас появилась нить. Однако одному богу известно, что мы увидим, когда найдем „Орел". — Он помолчал, глядя на доску. Потом сказал: — Не завидую первому, кто туда войдет.

Глава 26

Каждое утро, не исключая суббот и воскресений, Сандекер пробегал шесть миль, отделявших его квартиру в Уотергейте от здания НПМА. Он только что вышел из ванной рядом со своим кабинетом, когда в микрофоне послышался голос секретарши:

— Адмирал, к вам мистер Эммет.

Сандекер энергично вытирал волосы и поэтому не был уверен, что расслышал верно.

— Сэм Эммет, из ФБР?

— Да, сэр. Хочет видеть вас немедленно. Говорит, дело срочное.

Сандекер увидел в зеркале свое недоверчивое лицо. Высокопоставленный и уважаемый директор ФБР не наносит визиты в восемь утра. Бюрократические игры Вашингтон ведет по своим правилам. Ими руководствуются все, начиная с президента. Внезапное появление Эммета может означать только серьезные неприятности.

— Попросите его зайти.

Он едва успел набросить на мокрое тело халат, как в двери показался Эммет.

— Джим, у нас серьезные проблемы, — сказал он, не тратя время на рукопожатие. Он быстро положил на стол Сандекера свой „дипломат", достал из него папку и протянул адмиралу. — Садитесь, просмотрите, потом поговорим.

Сандекер не привык к понуканиям и приказам, но он видел напряжение во взгляде Эммета и без возражений сделал то, о чем его просили.

Минут десять он молча читал документы. Эммет сидел по другую сторону стола и смотрел на адмирала, ожидая увидеть изумление или гнев. Но ничего не увидел.

Сандекер по-прежнему оставался загадкой. Наконец он закрыл папку и просто спросил:

— Чем я могу помочь?

— Найдите „Орел“.

— Думаете, его затопили?

— Поиск на поверхности и с воздуха ничего не дал.

— Хорошо. Дам своих лучших людей.

Сандекер сделал движение к селектору. Эммет остановил его, подняв руку.

— Не буду описывать хаос, который вызовет утечка.

— Я никогда раньше не обманывал своих людей.

— На этот раз вам придется оставить их в неведении.

Сандекер коротко кивнул и заговорил по селектору:

— Сильвия, соедините меня с Питтом.

— Что за Питт? — казенным тоном спросил Эммет.

— Мой начальник отдела особых проектов. Он возглавит поиски.

— Вы скажете ему только самое необходимое.

Это был скорее приказ, чем просьба.

В глазах Сандекера блеснул желтый предостерегающий огонек.

— Я буду осторожен.

Эммет начал что-то говорить, но ему помешал селектор.

— Адмирал?

— Да, Сильвия.

— Линия мистера Питта занята.

— Звоните, пока он не отзовется, — сердито сказал Сандекер. — Или еще лучше: свяжитесь с оператором и прервите его разговор. Дело государственной важности.

— Сможете к вечеру развернуть полномасштабные поиски? — спросил Эммет.

Сандекер широко улыбнулся.

— Насколько я знаю Питта, его команда еще до обеда начнет обшаривать дно Потомака.

Питт разговаривал с Хайремом Эйгером, когда вмешался оператор.

Питт сразу закончил разговор и набрал номер адмирала. Послушав молча несколько секунд, положил трубку.

— Ну что? — с надеждой спросил Касио.

— Деньги меняли, но не оставляли на депозите, — сказал Питт, глядя в пол. — Пока это все. Никаких нитей.

На лице Касио отразилось лишь легкое разочарование. С ним такое бывало и раньше. Он вздохнул и посмотрел на часы.

Питту показалось, что этот человек совершенно спокоен.

— Спасибо за помощь, — сказал он, взял свой чемоданчик и встал. — Пойду-ка я. Если не стану задерживаться, сяду на следующий самолет в Лос-Анджелес.

— Жаль, что не смог дать вам ответ.

Касио крепко пожал Питту руку.

— Никто не может всегда получать джек-пот. Те, кто виноват в смерти моей дочери и вашего друга, допустили ошибку. Где-то, когда-то они что-то да упустили. Я рад, что вы на моей стороне, мистер Питт. До сих пор мне было очень одиноко.

Питт был искренне тронут.

— Я продолжу копать со своего конца.

— О большем я бы не мог просить.

Касио кивнул и спустился по лестнице. Питт смотрел, как он идет через ангар, гордый, закаленный старик, который сражается со своими собственными ветряными мельницами.

Глава 27

Президент сидел прямо в черном кожаном кресле с хромированными деталями; его тело удерживали прочные нейлоновые ремни. Глаза президента смотрели вдаль, взгляд был пустой, несфокусированный. К

его груди и лбу было прикреплено множество беспроводных датчиков, передающих в компьютер данные о восьми различных жизненных функциях.

Маленькая, не больше ста квадратных футов операционная ломилась от электронного оборудования. Луговой и четыре его ассистента тщательно готовились к предстоящей сложной операции. В единственном пустом углу стоял Павел Суворов; ему было неудобно в стерильном зеленом костюме.

Он смотрел, как женщина, одна из помощников Лугового, прижала шприц к шее президента с одной стороны, потом с другой.

— Странное место для анестезии, — заметил Суворов.

— Для непосредственного проникновения мы используем местную анестезию, — ответил Луговой, глядя на увеличенное изображение, переданное рентгеновскими лучами на дисплей. — Но введение небольшой дозы амитала непосредственно в яремную вену вводит в состояние сна и левое, и правое полушария мозга. Эта процедура удаляет любые сознательные воспоминания об операции.

— Разве не нужно обрить голову? — спросил Суворов, показывая на волосы президента, торчащие из металлического шлема.

— Мы не можем использовать обычные хирургические процедуры, — терпеливо ответил Луговой. — По очевидным причинам нельзя ни в чем менять его внешность.

— Кто будет руководить операцией?

— А как вы думаете?

— Я спрашиваю вас, товарищ.

— Я.

Суворов удивился.

— Я изучил ваше личное дело и личные дела всех ваших работников. Могу наизусть повторить их содержание. Ваша область — психология, у большинства остальных — электроника, и еще есть один биохимик. Ни у кого из вас нет хирургической подготовки.

— Потому что она не нужна.

Он перестал обращать внимание на Суворова и снова посмотрел на экран. Потом кивнул.

— Можно начинать. Нацельте лазер в нужное место.

Техник прижался глазом к резиновой прокладке микроскопа, соединенного с аргоновым лазером. На экране появилось множество чисел — координаты. Когда все числа превратились в нули, лазер был наведен точно.

Человек у лазера кивнул.

— Лазер установлен.

— Начинайте, — приказал Луговой.

Облачко дыма, такое крохотное, что разглядеть его мог только оператор лазера в микроскоп, показало, что невероятно тонкий сине-зеленый луч коснулся черепа президента.

Происходящее выглядело очень странным. Все стояли спиной к пациенту, глядя на экраны. Изображение увеличили настолько, что луч стал виден, как нить паутины.

С точностью, категорически недоступной человеку, компьютер руководил лучом, который вырезал в кости крошечное отверстие размером в тринадцатую долю миллиметра, прорезав только покрывающую мозг оболочку и мозговую жидкость.

Суворов, захваченный увиденным, придвинулся ближе.

— Что дальше? — хрипло спросил он.

Луговой показал на электронный микроскоп.

— Посмотрите сами.

Суворов всмотрелся через сдвоенные окуляры.

— Вижу только черную точку.

— Отрегулируйте фокус по своим глазам.

Суворов послушался, и точка превратилась в маленький чип.

— Это миниатюрный имплантат, способный передавать и воспринимать сигналы мозга. Мы поместим его в кору, в то место, где начинаются процессы мышления.

— А что служит источником энергии для имплантата?

— Мозг сам производит десять ватт электричества, — объяснил Луговой. — Волны, испускаемые мозгом президента, могут быть переданы на тысячи миль, расшифрованы и возвращены с необходимым приказом. Это можно сравнить с переключением каналов телевизора с помощью пульта.

Суворов отступил от микрофона и посмотрел на Лугового.

— Возможности еще грандиозней, чем я считал, — сказал он. — Мы сможем узнать все тайны правительства Соединенных Штатов.

— Мы сможем днем и ночью манипулировать им, пока он жив, — продолжил Луговой. — И через компьютер будем так управлять его личностью, что ни он сам, ни кто-нибудь другой этого не заметит.

Подошел техник.

— Мы готовы внедрить имплантат.

Луговой кивнул.

— Начинайте.

Место лазера занял механизм-робот. Невероятно крошечный имплантат был извлечен из-под микроскопа, вставлен в вырост механической руки и поднесен к отверстию в черепе президента.

— Начинаем проникновение, — произнес человек за консолью.

Как и раньше, при работе лазера, он вглядывался в появившиеся на экране числа. Вся процедура была заранее запрограммирована. Ни один человек не ударил палец о палец. Робот под руководством компьютера осторожно провел свой отросток с чипом через защитную оболочку и погрузил в мягкую ткань мозга.

Через шесть минут на дисплее появилась надпись „Готово“.

Луговой не отрывался от цветного монитора рентгеновского аппарата.

— Отсоединиться и удалить зонд.

— Отсоединился и удаляю, — послышался голос.

Робот отступил, и его место занял миниатюрный трубообразный инструмент с маленькой пробкой, с посаженными в нее тремя волосками с луковицей. Волосы, похожие на волосы президента, были взяты с головы одного из техников. Пробкой заткнули крошечное отверстие, прорезанное лазером. Аппарат убрали; Луговой подошел и в большое увеличительное стекло осмотрел результаты операции.

— Легкий струп сойдет за несколько дней, — заметил он. Удовлетворенный, выпрямился и осмотрел экраны.

— Имплантат действует, — сказала женщина-ассистент.

Луговой радостно потер руки.

— Отлично, можно начать второе проникновение.

— Вы хотите внедрить второй имплантат? — спросил Суворов.

— Нет, введем небольшое количество РНК в гиппокамп.

— Можете объяснить непосвященному без специальных терминов?

Луговой через плечо человека, сидящего у компьютера, нажал кнопку. Изображение мозга президента увеличилось и заняло весь экран.

— Вот, — сказал он, постучав по стеклу экрана. — Вот этот мостик в виде морского конька проходит под желудочком мозга — это важнейшая часть лимбической системы мозга. Он называется гиппокамп. Сюда поступают новые воспоминания, отсюда они распространяются. Введя рибонуклеиновую кислоту, передатчик генетической информации, от человека, чей мозг запрограммирован, мы можем добиться того, что можно назвать „передачей воспоминаний".

Суворов честно пытался понять услышанное, но ничего не получалось. Он не мог воспринять это. Он неуверенно смотрел на президента.

— Вы действительно сможете передавать воспоминания одного человека в мозг другого?

— Совершенно верно, — небрежно ответил Луговой. — А что, по-вашему, происходит в психиатрических лечебницах, куда КГБ отправляет врагов государства? Все они проходят переобучение и проникаются искренней любовью к партии. Многих используют в важных психологических экспериментах. Например, РНК, которую мы собираемся ввести в гиппокамп президента, взята у художника, который рисовал наших руководителей в неподобающих позах. Не могу вспомнить его имя.

— Белкая?

— Да, Оскар Белкая. Социально неприспособленный человек. Писал либо шедевры современного искусства, либо кошмарные абстракции — в зависимости от вашего вкуса. Ваши коллеги арестовали его и отправили в закрытую лечебницу под Киевом. Там его на два года поместили в кокон, такой же, как здесь. С помощью новейших достижений биохимии Белкая стерли память и заменили политическими концепциями, которые мы хотим проводить через президента в его правительстве.

— Но ведь то же самое можно проделать с контролируемым имплантатом.

— Имплантат вместе с компьютерной сетью необычайно сложен, хрупок и может выйти из строя. Перенос воспоминания — своего рода страховка. К тому же наши эксперименты показали, что контролируемые процессы проходят успешнее, когда мыслит сам

субъект, а уже потом имплантат передает разрешающую или запрещающую команду.

— Очень впечатляет, — искренне сказал Суворов. — И все?

— Не совсем. В качестве добавочной страховки один из моих помощников, хорошо подготовленный гипнотизер, введет президента в транс и сотрет в подсознании любые ощущения, какие он мог получить у нас. Ему также в самых ярких подробностях введут воспоминания о том, где он провел эти десять дней.

— Как говорят американцы, вы прикрыли все базы.

Луговой покачал головой.

— Человеческий мозг — это волшебная вселенная, которую мы не понимаем до конца. Нам может показаться, что мы победили эти три с половиной фунта серого вещества, но его капризная природа непредсказуема, как погода.

— Вы хотите сказать, что президент может повести себя не так, как вам нужно?

— Возможно, — серьезно ответил Луговой. — Возможно также, что, несмотря на наш контроль, его мозг разорвет связи с реальностью и сделает что-нибудь такое, что будет иметь ужасные последствия для всех нас.

Глава 28

Сандекер оставил машину на парковке при небольшой стоянке яхт в сорока милях под Вашингтоном. Он вышел и посмотрел на Потомак. Небо сверкало голубизной, тускло-зеленая вода катилась к Чесапикскому заливу. По провисшей лестнице он спустился на плавучий причал. К причалу была привязана лодка для ловли моллюсков, ржавые щипцы свисали с палубы, как когти уродливого животного.

Корпус кораблика износился за годы тяжелого труда, почти вся краска с него сошла. Дизельный двигатель выплевывал легкие облачка выхлопного газа, и морской ветер рассеивал их. Едва различимое на кормовом транце название — „Хоки Джамоки“.

Сандекер взглянул на часы. Без двадцати двенадцать.

Он одобрительно кивнул. Всего три часа назад он связался с Питтом, а поиски „Орла“ уже начались. Адмирал поднялся на палубу и поздоровался с двумя механиками, которые подсоединяли к кабелю сенсорный сонар, потом вошел в рубку. Питт через увеличительное стекло разглядывал фотографию со спутника.

— Это лучшее, что вы смогли найти? — спросил Сандекер.

Питт поднял голову и улыбнулся.

— Вы о лодке?

— Да.

— Ну, вашим флотским стандартам не соответствует, но работает отлично.

— А что, наших исследовательских судов не было?

— Были, но я выбрал эту старую лохань по двум причинам. Во-первых, это очень хорошее рабочее судно, и, во-вторых, если кто-то украл правительственную яхту с группой особо важных персон на борту и затопил ее, он будет ожидать активных поисков под водой. А мы успеем все сделать до того, как наши противники спохватятся.

Сандекер сообщил ему только, что яхту, приписанную к верфи военно-морского флота, захватили в районе Маунт-Вернон и предположительно затопили. И больше ничего.

— Кто сказал, что на борту были важные птицы?

— У нас над головой, как саранча, летают армейские и флотские вертолеты, а по кораблям береговой охраны, толпящимся в воде, можно перейти с одного берега на другой. Эти поиски не так просты, как вы мне сообщили, адмирал. Тут что-то большее.

Сандекер ничего не ответил. Ему оставалось только признать в глубине души, что Питт мыслит на четыре шага вперед. Он знал, что его молчание только укрепит подозрения Питта. Он сменил тему и спросил:

— Вы заметили что-то, что заставило вас вести поиски так далеко от Маунт-Вернона?

— Достаточно, чтобы сэкономить нам четверо суток и двадцать пять миль, — ответил Питт. — Я решил, что яхту должен был заметить какой-нибудь наш спутник, но какой именно? Военные спутники не летают над Вашингтоном, а метеорологические не позволяют рассмотреть мелкие подробности.

— А это вы где раздобыли? — спросил Сандекер, указывая на фотографию.

— У одного друга из министерства внутренних дел. Один из их геологических исследовательских спутников, пролетая на высоте в 590 миль, сфотографировал Чесапикский залив и впадающие в него реки. Время — 4:40, утро после исчезновения яхты. Если посмотрите в линзу

на эту часть Потомака, то увидите, что единственная яхта на реке ниже Маунт-Вернона проходит в миле от этого причала.

Сандекер вгляделся в белую точку на снимке. Изображение было невероятно четкое. Он разглядел все предметы на палубе и фигуры двух человек. И посмотрел Пипу в глаза.

— Невозможно доказать, что это та яхта, которую мы ищем.

— Не держите меня за дурачка, адмирал. Это президентская яхта „Орел“.

— Не могу сказать больше, чем уже сказал, — негромко заметил Сандекер.

Питт небрежно пожал плечами и промолчал.

— Так где она, по-вашему?

Взгляд зеленых глаз Питта стал проницательнее. Он хитро взглянул на Сандекера и взял измерительный циркуль.

— Я ознакомился со спецификациями „Орла“. Максимальная скорость четырнадцать узлов. Снимок из космоса сделан в четыре сорок. До наступления дня оставалось полтора часа. Похитители не могли рисковать тем, что их увидят, и потому затопили яхту под покровом темноты. Учитывая все эти обстоятельства, яхта до восхода солнца могла пройти только двадцать одну милю.

— Все равно очень много воды.

— Думаю, можно еще срезать.

— Оставаясь в фарватере?

— Да, сэр, на глубокой воде. Если бы мероприятием руководил я, затопил бы яхту на глубине, чтобы ее не скоро нашли.

— Какова средняя глубина в районе поисков?

— От тридцати до сорока футов.

— Мало.

— Верно, но согласно отметкам глубины на навигационных картах есть несколько провалов глубиной больше ста футов.

Сандекер помолчал и поглядел в окно рубки. По палубе прошел Эл Джордино, неся на бычьих плечах баллоны для ныряния. Адмирал повернулся к Питту и задумчиво посмотрел на него.

— Если найдете яхту, не входите в нее, — холодно сказал он. — Наша работа — найти яхту и идентифицировать ее, больше ничего.

— А что там такого, что нам нельзя видеть?

— Не спрашивайте.

Питт сухо улыбнулся.

— Хорошая шутка. Но я любопытен.

— Да уж не до шуток, — хмыкнул Сандекер. — Что, по-вашему, там на яхте?

— Я бы скорее спросил — кто?

— Какая разница? — осторожно спросил Сандекер. — Скорее всего, она пуста.

— Обманываете, адмирал. Я в этом уверен. Ну, хорошо, найдем мы яхту. Что дальше?

— Делом займется ФБР.

— А мы пошабашим — и в сторонку.

— Так нам приказано.

— Я бы сказал: к черту их.

— Кого их?

— Тех, кто играет в такие тайные игры.

— Поверьте мне, дело совсем не пустяк.

Лицо Питта стало суровым.

— Об этом будем судить, когда найдем яхту.

— Поверьте на слово, — сказал Сандекер, — вам не понравится то, что может быть на яхте.

Не успел он договорить, как понял, что взмахнул флагом перед самцом слона. Когда Питт спустится под поверхность, никакие приказы его не удержат.

Глава 29

Шесть часов спустя и двенадцатью милями ниже по реке на экране сонара Клайна с высокой разрешающей способностью появилась цель номер семнадцать. Она лежала на глубине 109 футов между мысами Персиммон и Матиас прямо напротив ручья Попс, на две мили выше моста через Потомак.

— Размеры? — спросил Питт у оператора сонара.

— Примерно тридцать семь метров в длину и семь в ширину.

— А мы что ищем? — спросил Джордино.

— Общая длина „Орла“ сто десять футов, ширина двадцать футов, — ответил Питт.

— Подходит, — заметил Джордино, мысленно переводя футы в метры.

— Думаю, мы ее нашли, — сказал Питт, разглядывая на экране сонара очертания судна. — Давайте пройдем еще раз — в двадцати метрах справа — и сбросим буй.

Сандекер — он стоял на корме, глядя на кабель сенсора, — просунул голову в рубку.

— Нашли что-нибудь?

Питт кивнул.

— Надежный контакт.

— Проверите?

— После того как сбросим буй, мы с Элом сходим взглянуть.

Сандекер взглянул на многое повидавшую палубу и ничего не сказал. Потом вернулся на корму и помог Джордино прикрепить пятидесятифунтовое свинцовое грузило к бую, стоявшему у поручня „Хоки Джамоки“.

Питт взял руль и развернул судно. Когда на экране снова появилась цель, он крикнул:

— Давайте!

Судно замедлило ход, буй выбросили за борт. Один из механиков прошел на корму и бросил якорь. „Хоки Джамоки“ еще немного еще продвинулся и остановился кормой вниз по течению.

— Жаль, что вы не прихватили подводную видеокамеру, — сказал Сандекер, помогая Питту надеть костюм для подводных работ. — Сэкономили бы время.

— Какая камера, — ответил Питт. — Там внизу видимость измеряется дюймами.

— Скорость течения примерно два узла, — определил Сандекер.

— Когда будем подниматься на поверхность, оно отнесет нас за корму. Лучше привязать к бую трос, ярдов сто длиной, чтобы нас вытащили.

Джордино надел пояс с грузом и озорно улыбнулся.

— Я готов.

Сандекер схватил Питта за плечо.

— Не забудьте, что я сказал. Не входите.

— Постараюсь не смотреть слишком внимательно, — ответил Питт.

И прежде чем адмирал успел открыть рот, Питт надел маску и опрокинулся в реку.

Вода сомкнулась над ним, солнце превратилось в зеленовато-оранжевое пятно. Течение потащило Питта, и ему пришлось плыть по диагонали, пока он не отыскал буй. Схватившись за трос, он посмотрел вниз. Меньше чем через три фута нейлоновый шнур исчезал из виду.

Пользуясь тросом как проводником и опорой, Питт начал погружаться в Потомак. Мимо его лица проплывали веточки и крошечные куски ила. Он включил фонарь, но тусклый свет увеличил видимость всего на несколько дюймов. Питт остановился и поработал челюстями, выравнивая давление в ушах.

По мере погружения загрязненность увеличивалась. Потом неожиданно — он словно прошел через дверь — температура воды упала на десять градусов, а видимость возросла до десяти футов. Холодный слой действовал как подушка, отталкивая проходящее выше теплое течение. Появилось дно, и Питт увидел справа от себя очертания судна. Он повернулся и сделал знак Джордино. Тот утвердительно кивнул.

Словно вырастая из тумана, медленно проступили очертания надстройки „Орла“. Яхта лежала, как мертвое животное, в призрачной тишине и жидком полумраке.

Питт проплыл вдоль одного борта, Джордино — вдоль другого. Яхта стояла вертикально, без малейшего крена. Если не считать легкой поросли водорослей на белой краске, выглядела она так же безупречно, как на поверхности.

Встретились у кормы, и Питт написал на своей доске для сообщений: „Есть повреждения?“

В ответ Джордино написал: „Никаких“. Потом они медленно поднялись на палубу, мимо темных окон гостиной и еще выше — на мостик. Ничто там не говорило о смерти и трагедии. Посветили через окна в темное нутро рубки, но увидели абсолютную пустоту. Питт заметил, что стрелка машинного телеграфа застыла на надписи „Стоп машина“.

Он помедлил, потом написал на своей доске: „Я вхожу“.

Глаза Джордино под маской блеснули, и он написал: „Я с тобой“.

По привычке они проверили друг у друга оборудование. У них оставалось еще двенадцать минут. Питт попробовал толкнуть дверь рубки. Сердце у него сжалось. Даже рядом с Джордино предчувствия угнетали. Ручка повернулась, дверь открылась. Сделав глубокий вдох, Питт проплыл внутрь.

В луче фонаря тускло блестела медь. Питта сразу удивила пустота помещения. В нем ничего не было.

На полу никаких предметов. Он сразу вспомнил „Пайлоттаун“.

Не найдя ничего интересного, они спустились по лестнице в жилую зону. В тусклом свете помещение как будто уходило в вечность. Повсюду та же странная пустота. Джордино направил луч наверх. Балки и потолок красного дерева казались голыми. И тут Питт понял, что не так. Потолок должны были скрывать всплывшие предметы. С корабля сняли все, что могло подняться и уплыть к берегу.

В сопровождении пузырей от своего дыхания они проплыли по коридору между каютами. Повсюду то же самое, сняли даже белье и матрацы с кроватей.

Лучи фонарей высвечивали только мебель, надежно прикрепленную к полу. Питт проверил ванные, Джордино — туалеты. К тому времени как они добрались до кают экипажа, воздуха оставалось на семь минут. Общаясь жестами, они поделили верх корабля. Джордино обыскал камбуз и кладовые, Питт — машинное отделение.

Люк, ведущий в него, был закрыт и затянут болтами.

Не теряя ни минуты, он достал нож и принялся извлекать винты петель, на которых держался люк.

Освобожденный от креплений люк поплыл вверх.

А следом — разбухший труп, который выплыл из люка, как чертик из табакерки.

Глава 30

Питт отлетел к переборке и тупо смотрел, как из машинного отделения выплывают какие-то обломки и тела. Они поднимались к потолку и зависали там в нелепых позах, точно застрявшие воздушные шарики. Хотя тела раздулись от внутренних газов, плоть еще не начала разлагаться.

Из-под плывущих в воде волос смотрели невидящие глаза.

Питт старался подавить шок и отвращение, ожесточаясь перед страшной работой, которую предстояло выполнить.

Со смешанным ощущением тошноты и страха он проплыл в машинное отделение.

И увидел настоящую бойню. Постель, одежда из полуоткрытых сумок, подушки с кроватей и диванов, все способное плавать перемешалось с телами. Такую кошмарную сцену не мог бы придумать ни один голливудский постановщик фильмов ужасов.

Большинство трупов были в белых мундирах береговой охраны, что усиливало впечатление призрачности. Но на нескольких обычные рабочие комбинезоны.

И ни у кого никаких повреждений или ран.

Питт провел здесь две минуты, не больше, вздрагивая, когда его задевала безжизненная рука или мимо в дюйме от маски проплывало лишенное выражения лицо. Он готов был поклясться, что все они смотрят на него, просят о том, что он не в состоянии им дать. Один был одет иначе, чем прочие: в вязаный свитер и модный плащ. Питт быстро осмотрел карманы мертвеца.

Питт увидел столько, что не забудет до конца жизни. Он торопливо выплыл из машинного отделения. Освободившись от мрачного зрелища, он посмотрел, сколько осталось воздуха. Достаточно, чтобы подняться к солнцу — если не задерживаться. Джордино он нашел в огромной кладовке и показал вверх. Джордино кивнул и первым двинулся по коридору на палубу.

Питт испытал огромное облегчение, когда яхта внизу погрузилась во мрак. Некогда было искать трос от буя, поэтому они поднимались, ориентируясь по пузырям своего дыхания. Вода быстро превратилась из коричневочерной в свинцово-зеленую. Наконец они вырвались на поверхность и оказались в пятидесяти ярдах от „Хоки Джамоки“ ниже по течению.

Сандекер и механики на борту сразу увидели их и быстро потянули трос. Сандекер приложил ладони ко рту и крикнул:

— Держитесь, мы вас вытащим!

Питт помахал, довольный тем, что может лежать и отдыхать. Он слишком устал, чтобы что-нибудь делать; просто плыл по течению и смотрел, как уходят назад деревья на берегу. Через несколько минут их с Джордино подняли на палубу старого судна для ловли моллюсков.

— Это „Орел“? — спросил Сандекер, не в силах сдержать любопытство.

Питт не отвечал, пока не снял маску.

— Да, — сказал он наконец, — „Орел“.

Сандекер не мог заставить себя задать вопрос, который вертелся у него в голове. И уклончиво спросил:

— Нашел что-нибудь, о чем стоит рассказать?

— Внешне никаких повреждений. Судно стоит прямо, киль на два фута погрузился в ил.

— Никаких признаков жизни?

— Снаружи нет.

Было очевидно, что Питт не собирается ничего сообщать, если его не спросят. Его здоровый загар казался необычно бледным.

— Внутри что-нибудь видел? — спросил Сандекер.

— Слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть.

— Ладно, черт побери, поговорим откровенно!

— Ну, раз уж вы соизволили спросить, — с каменным лицом ответил Питт, — на этой яхте мертвецов больше, чем на кладбище. Машинное отделение забито ими от палубы до потолка. Я насчитал двадцать один труп.

— Боже! — выдохнул Сандекер в страхе. — Кого-нибудь узнал?

— Тринадцать — члены экипажа. Остальные вроде бы штатские.

— Восемь штатских? — Сандекер был ошеломлен. — И ни один не показался вам знакомым?

— Думаю, даже собственная мать не смогла бы их опознать, — сказал Питт. — А что? Я должен кого-то из них знать?

Сандекер покачал головой.

— Не знаю.

Питт никогда не видел адмирала в таком смятении. Его броня распалась. Проницательные умные глаза выдавали потрясение. Питт заговорил, наблюдая за реакцией:

— Если бы спросили мое мнение, я бы сказал, что кто-то загасил половину китайского посольства.

— Китайского? — Глаза неожиданно стали острыми, как ледорубы. — О чем ты?

— Семь из восьми штатских — из восточной Азии.

— Ошибки быть не может? — Сандекер обретал твердую почву. — Видимость плохая.

— Видимость была десять футов. И я хорошо представляю разницу в разрезе глаз азиата и европейца.

— Слава богу! — с облегчением сказал Сандекер.

— Я был бы очень вам признателен, если бы вы сообщили мне, что именно я мог там внизу увидеть.

Взгляд Сандекера смягчился.

— Я у вас в долгу и должен бы объяснить, — сказал он, — но не могу. Вокруг нас происходят события, о которых мы не должны знать.

— У меня есть собственный проект, — холодно сказал Питт. — И это меня не интересует.

— Да, Джулия Мендоза. Я понимаю.

Питт достал что-то из рукава своего мокрого костюма.

— Вот, едва не забыл. На одном трупе я нашел это.

— Что это?

Питт показал промокший бумажник. Внутри оказалась непромокаемая карточка с фотографией. Напротив на фоне щита — надпись „Удостоверение агента секретной службы“.

— Его звали Брок, Лайл Брок, — сказал Питт.

Сандекер без комментариев взял бумажник. Взглянул на часы.

— Мне нужно связаться с Сэмом Эмметом из ФБР. Теперь это его проблема.

— Вы не сможете так легко от этого избавиться, адмирал. Мы оба знали, что НПМА попросят поднять „Орел“.

— Вы, конечно, правы, — устало сказал Сандекер. — Я снимаю вас с этого проекта. Делайте то, что должны. Подъемом будет руководить Джордино.

Он повернулся и пошел в рубку, чтобы позвонить на берег.

Питт долго стоял, глядя на темную воду реки, вспоминая ужасное зрелище, открывшееся внизу. В памяти всплыла строчка из поэмы о

старом мореходе: „Призрачный корабль с призрачной командой, и некуда ему идти“.

* * *

На восточном берегу реки, скрываясь в густых зарослях ясеней, мужчина во вьетнамском маскировочном комбинезоне не отрывал глаз от видоискателя видеокамеры. От жаркого солнца и высокой влажности по его лицу стекали ручейки пота. Он не обращал внимания на неудобства и продолжал снимать; увеличил изображение, так что весь миниатюрный экран видоискателя занял торс Питта. Потом снял лодку, по несколько секунд останавливаясь на каждом из экипажа.

Через полчаса после того как ныряльщики поднялись на борт, к „Хоки Джамоки“ подошел целый флот кораблей береговой охраны. Кран поднял с одного из кораблей большой буй и поставил его над тем местом, где лежал „Орел“.

Когда разрядились батарейки, невидимый оператор аккуратно упаковал оборудование и растворился в наступивших сумерках.

Глава 31

Питт сосредоточенно смотрел в меню, когда мэтр ресторана „Позитано“ на Фэйрмонт-авеню подвел к его столику Лорен. Она двигалась со спортивным изяществом, кивая знакомым по Капитолию, обмениваясь несколькими словами с теми, кто обедал среди фресок и винных стоек.

Питт поднял голову, и их глаза встретились. Она ответила на его оценивающий взгляд ровной улыбкой. Он встал и подвинул ей стул.

— Выглядишь отвратительно, — сказал он.

Лорен рассмеялась.

— Ты продолжаешь меня удивлять.

— Чем же?

— То ты джентльмен, то хам.

— Я слышал, женщинам нравится разнообразие.

Ее глаза, ясные и мягкие, улыбались.

— Но надо отдать тебе должное. Ты единственный знакомый мне мужчина, который не пресмыкается передо мной.

Питт заразительно улыбнулся.

— Это потому, что мне от тебя не нужно никаких политических услуг.

Она скорчила гримаску и открыла меню.

— Мне некогда развлекаться. Нужно вернуться в офис и ответить на тонну почты. Что тут хорошего?

— Я хотел попробовать рыбный суп.

— Весы сегодня сказали мне, что я набрала фунт. Думаю, я обойдусь салатом.

Подошел официант.

— Что будешь пить? — спросил Питт.

— Заказывай ты.

— Два коктейля „Сазерак“, и, пожалуйста, попросите бармена наливать не бурбон, а хлебную водку.

— Хорошо, сэр, — подтвердил официант.

Лорен постелила на колени салфетку.

— Я звоню тебе два дня. Где ты был?

— Адмирал бросил меня на срочную спасательную операцию.

— Она была красивая? — начала Лорен старинную игру.

— Ну, с точки зрения коронера, возможно. Но мне никогда не нравились утопленники.

— Прости, — сказала она, посерьезнела и до прихода официанта почти ничего не говорила. Они помешали лед в стаканах и отпили розоватое содержимое.

— Один из моих помощников наткнулся на то, что может тебе помочь, — наконец сказала она.

— Что именно?

Она достала из „дипломата“ несколько скрепленных листов бумаги и протянула Питту. И начала негромко объяснять:

— Не очень много, боюсь, но есть интересное сообщение о призрачном флоте ЦРУ.

— Я не знал, что есть такой, — сказал Питт, просматривая страницы.

— С 1963 года ЦРУ создало из небольших судов флот, о котором за пределами правительства мало кто знает. Помимо наблюдений главная функция этого флота — переброска людей и припасов для внедрения агентов в партизанские движения и в недружественные страны. Первоначально флот предназначался для действий против Кастро после

того, как тот захватил Кубу. Через несколько лет, когда стало ясно, что Кастро слишком силен и его не свергнуть, подрывную деятельность на Кубе сократили, главным образом потому, что кубинцы угрожали отомстить американским рыболовецким судам. С тех пор ЦРУ расширило операции флота от Центральной Америки до Вьетнама, Африки и Ближнего Востока. Ты следишь за моей мыслью?

— Да, но понятия не имею, к чему ты ведешь.

— Будь терпелив, — сказала она. — Несколько лет назад войсковой транспорт „Хобсон“ был частью резервного флота в Филадельфии. Корабль списали и продали коммерческой подставной фирме, за которой скрывалось ЦРУ. На переоборудование не поскупились: внешне судно не отличить от обычного транспорта, но внутри его заполняет скрытое вооружение, включая новые пусковые установки и современные средства связи и прослушивания; он также способен через откидные ворота в борту спускать быстроходные патрульные катера и высаживать на берег десант.

Экипаж был набран и корабль готов к действиям ко времени катастрофического вторжения Ирака в Кувейт и Саудовскую Аравию в 1985 году. Он плавал под флагом Панамы и втайне затопил в Персидском заливе два советских корабля-шпиона.

Русские не могли доказать этого, потому что поблизости не было ни одного нашего военного корабля. Они по-прежнему считают, что ракеты, потопившие их корабли, прилетели с берега Саудовской Аравии.

— И ты все это узнала?

— У меня есть свои источники, — заметила Лорен.

— Имеет ли „Хобсон“ какое-нибудь отношение к „Пайлоттауну“?

— Косвенное, — ответила Лорен.

— Продолжай.

— Три года назад „Хобсон“ со всем экипажем исчез у тихоокеанского побережья Мексики.

— И что?

— Через три месяца ЦРУ его нашло.

— Звучит похоже, — задумчиво сказал Питт.

— Я тоже так считаю, — кивнула Лорен. — Повтор „Сан-Марино“ и „Бель Часс“.

— Где нашли „Хобсон“?

Прежде чем Лорен смогла ответить, официант поставил тарелки на стол. Суп — итальянский буйабес — выглядел потрясающе.

Как только официант отошел, Питт кивнул Лорен.

— Продолжай.

— Не знаю, как ЦРУ выследило судно, но его обнаружили в сухом доке в Сиднее, где судно переделывали.

— Выяснили, на кого он зарегистрирован?

— Судно ходило под панамским флагом и зарегистрировано на „Самар эксплорерз". Подставная фирма, возникшая в Маниле всего несколько недель назад. Новое название судна — „Бурас".

— Может, „Бурин"? — повторил Питт. — Должно быть, имя человека. Как твой салат?

— Соус очень вкусный. А как у тебя?

— Замечательно, — ответил он. — Со стороны пиратов большая глупость — красть судно, принадлежащее ЦРУ.

— Так грабитель, напав на пьяного, обнаруживает, что это детектив под прикрытием.

— Что произошло в Сиднее потом?

— Ничего. ЦРУ с помощью австралийского отделения английской секретной службы попыталось отыскать владельцев „Бураса", но не смогло.

— Никаких нитей, свидетелей?

— Маленький корейский экипаж, живший на борту, был нанят в Сингапуре. Они ничего не знали и смогли дать только описание исчезнувшего капитана.

Питт сделал глоток воды и принялся читать отчет.

— Не очень много указаний. Кореец, среднего роста, вес сто шестьдесят пять фунтов, черные волосы, щель между верхними зубами. Выбор сокращается до пяти или десяти миллионов человек, — сказал он саркастически. — Ну, по крайней мере сейчас я не чувствую себя так уж плохо. Если ЦРУ не может найти того, кто по всему миру крадет суда, мне тем более не найти.

— Сент-Джулиан Перлмуттер не звонил?

Питт покачал головой.

— Ни слова от него. Вероятно, потерял надежду и отказался от поисков.

— Мне тоже придется отказаться, — мягко сказала Лорен. — Но только на время.

Питт строго посмотрел на нее, потом успокоился и рассмеялся.

— Как такую хорошую девушку угораздило стать политиком?

Она наморщила нос.

— Шовинист.

— Серьезно, куда ты собралась?

— Короткий пикник на русском круизном судне в Карибском море.

— Конечно, — сказал Питт. — Я забыл, что ты председатель Комитета по морскому транспорту.

Лорен кивнула и вытерла губы салфеткой.

— Последнее круизное судно под американским флагом прекратило рейсы в 1984 году. Слишком многим это кажется национальным позором. Президент считает, что мы должны быть представлены не только в защите морских путей, но и в океанской торговле. Он запросил у конгресса девяносто миллионов долларов на то, чтобы восстановить судно, которое двадцать лет простояло в гавани Норфолка, и снова пустить его по международным круизным линиям.

— И ты будешь изучать, как русские поят своих гостей водкой и кормят икрой?

— Да, — ответила она, неожиданно делая официальное лицо, — а также экономику их круизных лайнеров, принадлежащих государству.

— Когда отплываешь?

— Послезавтра. Лечу в Майами, там сажусь на „Леонида Андреева“. Вернусь через пять дней. А ты чем займешься?

— Адмирал дал мне время на расследование дела „Пайлоттауна“.

— Моя информация помогла?

— Помогает любая информация, — ответил он, стараясь уловить промелькнувшую в голове мысль. Потом посмотрел на нее. — Ты что-нибудь слышала в конгрессе?

— Ты имеешь в виду слухи? Кто с кем спит?

— Кое-что поважней. Не говорили о группе пропавших высших чиновников или иностранных дипломатов?

Лорен покачала головой.

— Нет, ничего столь зловещего. В Капитолии очень скучно: ведь конгресс в отпуске. А что? Ты знаешь о каком-нибудь скандале, о котором я не слышала?

— Просто спросил, — уклончиво ответил Питт.

Она сжала его руку.

— Не знаю, к чему это приведет, но будь осторожен. Фу Манчу может учуять, что ты идешь по его следу, и устроить засаду.

Питт обернулся и рассмеялся.

— С детства не читал Сакса Ромера. Фу Манчу, желтая опасность. Почему ты о нем вспомнила?

Она слегка пожала плечами.

— Даже не знаю. Просто в голове связались старый фильм Питера Селлерса,[15] торговая компания „Сосан“ и корейский экипаж „Бураса“.

В глазах Питта промелькнуло странное выражение, они округлились. Он сформулировал ускользавшую мысль. Подозвал официанта и расплатился по счету кредитной картой.

— Мне нужно кое-куда позвонить, — коротко объяснил он.

Легко поцеловал Лорен в губы и торопливо вышел на заполненный людьми тротуар.

Глава 32

Питт быстро проехал к зданию НПМА и закрылся в своем кабинете. Несколько минут он думал, определяя последовательность звонков, потом по своей частной линии набрал Лос-Анджелес. На пятый звонок ответила девушка, которой не давалось „р“.

— Следователи Касио и палтнелы.

— Я хотел бы поговорить с мистером Касио.

— Как сказать, кто звонит?

— Питт.

— У него клиент. Можете позвонить позже?

— Нет, — угрожающе проворчал Питт. — Я звоню из Вашингтона по очень срочному делу.

Девушка сказала с легким испугом:

— Минутку.

Почти сразу послышался голос Касио:

— Мистер Питт. Рад снова вас слышать.

— Прошу прощения, что прервал вашу встречу, — сказал Питт, — но мне нужны несколько ответов.

— Помогу чем смогу.

— Что вы знаете о команде „Сан-Марино“?

— Очень мало. Я проверил всех офицеров. Но ничего необычного не обнаружил. Все профессиональные моряки торгового флота. Как я вспоминаю, у капитана на редкость хороший послужной список.

— Никакой связи с организованной преступностью?

— Ничего такого, что попало бы в память компьютеров Национального центра по борьбе с преступностью.

— Остальной экипаж?

— О нем мало. Только о некоторых сохранились сведения в профсоюзе моряков.

— Кто они по национальности? — спросил Питт.

— По национальности? — переспросил Касио, немного подумал и сказал: — Смесь. Греки, американцы, несколько корейцев.

— Корейцев? — Питт неожиданно насторожился. — На борту были корейцы?

— Да, верно. Теперь, когда вы упомянули об этом, я вспомнил: группа примерно из десяти корейцев записалась в экипаж перед самым выходом из Сан-Франциско.

— Можно ли проследить, на каких судах каких компаний они служили до „Сан-Марино“?

— Вы уходите далеко в прошлое, но сведения должны сохраниться.

— Можете заодно посмотреть историю экипажа „Пайлоттауна“?

— Не вижу, почему бы нет.

— Спасибо.

— А что, собственно, вы ищете? — спросил Касио.

— Вам это должно быть очевидно.

— Связь между экипажем и неизвестной компанией-владелицей?

— Тепло.

— Вы уходите во времена до исчезновения судна, — задумчиво сказал Касио.

— Самый практичный способ захватить судно — использовать экипаж.

— Мне казалось, мятежи ушли вместе с „Баунти".

— Сейчас говорят „похищение".

— У вас хорошее охотничье чутье, — сказал Касио. — Посмотрю, что можно сделать.

— Спасибо, мистер Касио.

— Мы достаточно танцевали, чтобы лучше узнать друг друга. Зовите меня Сал.

— Хорошо, Сал, а я Дирк.

— Будет сделано, Дирк, — серьезно сказал Касио. — До свидания.

Повесив трубку, Питт откинулся на спинку стула и положил ноги на стол. Он хорошо себя чувствовал и оптимистически считал, что чутье снова ему поможет.

Теперь он готовился сделать еще один дальний выстрел, причем такой, что буквально чувствовал, что спятил. Он нашел в Указателе национальных университетов номер и набрал его.

— Университет Пенсильвании, кафедра антропологии.

— Могу я поговорить с доктором Грейс Перт?

— Секунду.

— Спасибо.

Питт ждал почти две минуты; потом женский голос произнес:

— Алло.

— Доктор Перт?

— Слушаю.

— Меня зовут Дирк Питт, я сотрудник Национального агентства подводных и морских работ. Не найдется ли у вас несколько минут, чтобы ответить на мои чисто научные вопросы?

— Что вы хотите узнать, мистер Питт? — спросила доктор Перт.

Питт постарался мысленно представить ее себе. В его сознании возникла строгая седая женщина в твидовом костюме. Он отбросил эту картинку как слишком стереотипную.

— Если взять мужчину от тридцати до сорока, среднего роста и веса, уроженца Пекина, и другого такого же мужчину, но из Сеула, можно ли их различить?

— Вы не разыгрываете меня, мистер Питт?

Питт рассмеялся.

— Нет, доктор. Я совершенно серьезен, — заверил он.

— Гмм, китаец против корейца, — задумчиво произнесла она. — Наследственность большинства корейцев, так сказать, классическая монголоидная. Черты китайцев скорее в целом склоняются к азиатскому типу. Но я затруднилась бы высказать предположение, поскольку их черты накладываются. Гораздо проще было бы судить по одежде или поведению, по тому, как они стригутся, — по культурным характеристикам.

— Мне казалось, у них могут быть разные черты лица, по которым их можно отличить, как китайцев и японцев.

— Существуют некоторые генетические различия. Если у вашего азиата густые волосы, можно предположить, что он японец. Но в случае с Китаем и Кореей вы имеете дело с двумя расовыми группами, которые столетиями смешивались, так что индивидуальные вариации делают различия неопределенными.

— Вы говорите так, словно это безнадежно.

— Очень трудно, да, но не безнадежно, — сказала доктор Перт. — Серия лабораторных анализов повысит вероятность определения.

— Меня интересует исключительно внешность.

— Ваши субъекты живы?

— Нет, утонули.

— Жаль. У живых людей бывает легкая разница в выражении лица, которую может определить человек, имеющий большой опыт общения с

обеими расами. На этом основании можно делать очень обоснованные предположения.

— Нет, тут не повезло.

— Может, опишете мне их лица?

Эта мысль пугала Питта, но он закрыл глаза и начал описывать безжизненные лица, которые видел на „Орле“. Вначале картина была нечеткая, но вскоре он сосредоточился и принялся описывать детали с той черствой объективностью, с какой хирург описывает в диктофон пересадку сердца. В одном месте он неожиданно замолчал.

— Да, мистер Питт, продолжайте, — сказала доктор Перт.

— Я вспомнил, что от меня ускользало, — сказал Питт. — У двоих действительно была густая растительность на лице. У одного усы, у другого бородка.

— Интересно.

— Так они китайцы или корейцы?

— Вы слишком торопитесь, мистер Питт, — сказал она, словно делала выговор студенту. — Лица, которые вы описываете, сильно напоминают классический монголоидный тип.

— Но растительность на лице?

— Вам придется вспомнить историю. Японцы с шестнадцатого века вторгаются в Корею и грабят ее. А тридцать пять лет, с 1910-го по 1945-й, Корея была японской колонией, так что произошло сильное слияние этих генетических вариаций.

Питт замялся, прежде чем задать доктору Перт следующий вопрос.

Потом старательно подобрал слова.

— Если бы вы все же рискнули и высказали свое мнение о расовой принадлежности описанных мною людей, что бы вы сказали?

Грейс Перт понеслась, подняв все флаги.

— Глядя на задачу с точки зрения вероятности, я бы сказала, что наследственность в вашей тестовой группе на десять процентов японская, на тридцать процентов китайская и на шестьдесят процентов корейская.

— Похоже, вы соорудили генетическую картину среднего корейца.

— Можете понимать это как хотите, мистер Питт. Я сказала что могла.

— Спасибо, доктор Перт, — сказал Питт. Он неожиданно разволновался. — Большое спасибо.

Глава 33

— Так это и есть Дирк Питт, — сказала Мин Корио. Сидя в своем инвалидном кресле, она завтракала и смотрела на большой экран на стене офиса.

Ли Тонг сидел рядом с ней и тоже смотрел видеозапись, на которой „Хоки Джамоки“ стояла на якоре над президентской яхтой.

— Меня удивляет, — негромко заговорил он, — как ему удалось так быстро обнаружить яхту. Он словно точно знал, где искать.

Мин Корио опустила подбородок на хрупкие руки и склонила седеющую голову, не отрывая взгляда от экрана; голубые жилки на ее висках сосредоточенно пульсировали. Лицо ее медленно исказила гневная гримаса. Теперь она походила на египетскую мумию, у которой кожа побелела и осталась нетронутой.

— Питт и НПМА, — раздраженно прошипела она. — Что нужно этим грязным ублюдкам? Сначала разоблачение „Сан-Марино“ и „Пайлоттауна“, теперь это.

— Возможно, это всего лишь совпадение, — предположил Ли Тонг. — Между фрейтерами и яхтой нет прямой связи.

— У них есть осведомитель. — Ее голос прозвучал как щелчок хлыста. — Нас продали.

— Не может быть, онуми, — сказал Ли Тонг, которого позабавил этот неожиданный взрыв. — Только мы с тобой знаем факты. Все остальные мертвы.

— Не бывает безупречных. Только дураки считают себя совершенством.

Ли Тонг был не в настроении выслушивать рассуждения бабушки.

— Не волнуйся понапрасну, — сказал он. — Ищейки правительства все равно рано или поздно нашли бы яхту. Мы не можем средь бела дня заменить президента, не рискуя тем, что нас заметят и остановят. И так как яхту после рассвета не обнаружили, простая арифметика говорит, что она где-то ниже по реке между Вашингтоном и Чесапикским заливом.

— И, очевидно, мистер Питт легко сделал такой вывод.

— Это ничего не меняет, — сказал Ли Тонг. — Время по-прежнему на нашей стороне. Как только Луговой получит удовлетворительные

результаты, нам останется только присмотреть за получением золота. После этого президент Антонов может получить нашего президента. Но для страховки и для торгов в будущем мы сохраним Марголина, Ларимера и Морана. Поверь мне, онуми, самое сложное позади. Корпоративная крепость Бугенвилей в полной безопасности.

— Может быть, но псы подбираются слишком близко.

— Нам противостоят хорошо подготовленные умные люди, располагающие лучшей в мире техникой. Они могут подойти ближе, но никогда не узнают о нашем участии.

Отчасти умиротворенная, Мин Корио вздохнула и отпила своего вечного чаю.

— Ты говорил с Луговым за последние восемь часов?

— Да. Он утверждает, что никаких препятствий нет и он сможет завершить проект в пять дней.

— Пять дней, — задумчиво сказала она. — Думаю, пока нужно окончательно приготовиться к расчету с Антоновым. Наш корабль пришел?

— „Венеция“ пришла в Одессу два дня назад.

— Кто капитан?

— Джеймс Мангай, преданный работник нашей компании, — ответил Ли Тонг.

Мин Корио одобрительно кивнула.

— И хороший моряк. Он начал работать на меня двадцать лет назад.

— У него приказ отплыть, как только на судно будет погружен последний ящик с золотом.

— Хорошо. Теперь посмотрим, что будет делать Антонов, чтобы отсрочить платеж. Прежде всего он, конечно, потребует подождать с уплатой, пока не будет доказан успех эксперимента Лугового. Мы на это не пойдем. А тем временем он направит в США армию агентов КГБ, чтобы отыскать президента и лабораторию, в которой он находится.

— Ни русские, ни американцы не смогут найти, где спрятаны Луговой и его люди, — решительно сказал Ли Тонг.

— Яхту они нашли, — напомнила Мин Корио.

Прежде чем Ли Тонг смог ответить, экран погас, запись кончилась. Он поставил ленту на перемотку.

— Хочешь посмотреть еще раз? — спросил он.

— Да, хочу внимательней рассмотреть команду ныряльщиков.

Когда перемотка кончилась, Ли Тонг нажал кнопку „воспроизведение“, и на экране снова появилось изображение.

Мин Корио бесстрастно смотрела с минуту, потом сказала:

— Каковы последние сообщения с места работы?

— Команда НПМА поднимает тела и готовится поднять яхту.

— Кто этот рыжий, тот, что говорит с Питтом?

Ли Тонг увеличил изображение, и два человека заняли весь экран.

— Адмирал Джеймс Сандекер, директор НПМА.

— Твоего человека, снимавшего Питта, не заметили?

— Нет, он лучший в своем деле. Бывший агент ФБР. Его наняла одна из наших дочерних фирм, сообщив, что Питта подозревают в продаже оборудования НПМА за границу.

— А что мы знаем об этом Питте?

— Из Вашингтона везут его полное досье. Оно будет здесь через час.

Поджав губы, Мин Корио наклонилась к экрану.

— Как он мог знать так много? НПМА — океанографическое агентство. Там не держат секретных агентов. Почему он преследует нас?

— Нам нужно это выяснить.

— Приблизь, — приказала она.

Ли Тонг снова увеличил изображение, оно переместилось за плечо Сандекера, и стало казаться, будто Питт говорит в камеру.

Потом Ли остановил запись.

Мин Корио, надев на узкий нос очки с квадратными стеклами, вглядывалась в обветренное красивое лицо, которое в ответ смотрело на нее.

Глаза ее сверкнули.

— Прощайте, мистер Питт.

И, протянув руку, нажала кнопку „Выкл.“. Экран потемнел.

Суворов и Луговой сидели за бутылкой „Крофт Винтаж Порт“ 1966 года; в столовой висел густой дым от сигареты Суворова.

— Эти монголы предлагают нам только вино и пиво. Все бы отдал за бутылку хорошей русской водки.

Луговой выбрал сигару из коробки, которую держал кореец-официант.

— Надо быть культурнее, Суворов. Это отличный портвейн.

— Я не подвержен американскому упадничеству, — гордо ответил Суворов.

— Называйте как хотите, но американцы редко одобряют наши организованность и дисциплину.

— Сначала вы начинаете говорить, как они, пить, как они, а потом захотите убивать и насиловать на улицах, как они. Я по крайней мере знаю, кому верен.

Луговой задумчиво разглядывал свою сигару.

— Я тоже. То, что я делаю здесь, очень заметно скажется на нашей политике в отношении Соединенных Штатов. И это гораздо важнее, чем мелкое воровство промышленных секретов агентами КГБ.

От вина Суворов, по-видимому, расслабился и гневного ответа на выпад Лугового не дал.

— Я доложу о ваших действиях руководству.

— Я вам много раз говорил. Эту операцию разрешил лично президент Антонов.

— Не верю.

Луговой закурил сигару и выпустил к потолку облако дыма.

— Ваше мнение не имеет значения.

— Мы должны найти способ связаться с внешним миром, — сказал Суворов громче и настойчивее.

— Вы с ума сошли, — серьезно ответил Луговой. — Я вам говорю… нет, я приказываю вам — не вмешивайтесь. Разве вы сами не видите, не думаете? Оглянитесь. Все это готовилось многие годы. Каждый этап операции давно запланирован. Без организации мадам Бугенвиль все это было бы невозможно.

— Мы ее пленники, — возразил Суворов.

— Какая разница, если это выгодно нашему правительству?

— Мы должны владеть ситуацией, — настаивал Суворов. — Президента нужно увести отсюда и передать в руки наших людей, чтобы его можно было допросить. Мы даже представить себе не можем секреты, какие можно у него узнать.

Луговой раздраженно покачал головой. Он не знал, что еще сказать. Спорить с человеком, охваченным лихорадкой патриотизма, все равно что учить пьяницу высшей математике. Он знал, что, когда все будет кончено, Суворов напишет отчет, в котором выставит его ненадежным человеком, представляющим угрозу безопасности Советов. Но про себя он смеялся. Если эксперимент удастся, президент Антонов может даже присвоить ему звание Героя Советского Союза.

Луговой встал, потянулся и зевнул.

— Думаю, надо несколько часов поспать. С утра начнем программировать реакции президента.

— А сейчас который час? — тупо спросил Суворов. — В этой могиле теряешь представление о дне и ночи.

— Без пяти двенадцать.

Суворов зевнул и растянулся на диване.

— Идите спать. А я еще выпью. Настоящий русский не уходит, пока бутылка не опустеет.

— Спокойной ночи, — сказал Луговой. Он повернулся и вышел в коридор.

Суворов ждал, притворяясь, что дремлет. Три минуты он смотрел, как движется стрелка его часов. Потом быстро встал, пересек комнату и спустился по лестнице в коридор, который, повернув под прямым углом, приводил к закрытому лифту. Там Суворов остановился, прижался к стене и выглянул за угол.

Там терпеливо стоял Луговой и курил сигару. Не прошло и десяти секунд, как двери лифта неслышно раскрылись, и Луговой вошел в кабину. Было ровно двенадцать. Суворов заметил, что каждые двенадцать часов психолог покидал лабораторию и возвращался двадцать-тридцать минут спустя.

Суворов направился в комнату с мониторами. Здесь два сотрудника Лугового внимательно наблюдали за ритмами мозга президента и его жизненными показателями. Один из них посмотрел на Суворова и кивнул, чуть улыбаясь.

— Все нормально? — спросил Суворов, завязывая разговор.

— Как прима-балерина на первом выступлении, — ответил техник.

Суворов подошел и посмотрел на телевизионные мониторы.

— А что с другими? — спросил он, показывая на лежащих в коконах Марголина, Ларимера и Морана.

— Они на успокоительных и усиленном внутривенном питании концентрированным белком и углеводами.

— Пока не начнется их программирование, — закончил Суворов.

— Не знаю. Спросите доктора Лугового.

Суворов увидел на экране, как один из лаборантов открыл кокон Ларимера и вонзил сенатору в руку иглу шприца.

— Что он делает? — спросил Суворов.

Техник поднял голову.

— Каждые восемь часов мы должны вводить успокоительное, чтобы субъект не очнулся.

— Понятно, — тихо сказал Суворов. В его сознании вдруг возник ясный план бегства. И на душе стало хорошо, впервые за много дней. Чтобы отметить это, он вернулся в столовую и откупорил еще одну бутылку портвейна. Потом достал из кармана маленькую записную книжку и принялся быстро писать.

Глава 34

Оскар Лукас оставил машину на стоянке для ВИП-посетителей у Военного госпиталя Уолтера Рида и торопливо зашел через боковой вход. Пройдя по лабиринту коридоров, он наконец остановился у двустворчатой двери, которую караулил сержант морской пехоты. Лицо у него было торжественное, как на горе Рашмор.[16]

Сержант тщательно проверил его удостоверение и направил в то крыло больницы, где делали особо важные и тайные вскрытия. Лукас быстро отыскал дверь с надписью „Лаборатория. Посторонним вход воспрещен“ и вошел.

— Надеюсь, я не заставил вас ждать, — сказал он.

— Нет, Оскар, — ответил Алан Мерсье. — Я сам вошел минуту назад.

Лукас кивнул и осмотрел комнату со стеклянными стенами.

Кроме него, присутствовали пять человек: генерал Меткалф, Сэм Эммет, Мартин Броган, Мерсье и невысокий, широкогрудый человек в очках без оправы — полковник Томас Торнберг, который занимал должность со

сложным названием „начальник отделения судебной и клинической патологии“.

— Теперь, когда все собрались, — необычно высоким голосом сказал полковник Торнберг, — я покажу вам, господа, наши результаты.

Он подошел к большому окну и показал на огромный цилиндрический механизм за стеклом. Механизм напоминал турбину, присоединенную к стержню генератора. Половина этой турбины скрывалась в бетонном полу. В механизме было круглое отверстие, снаружи лежал труп на прозрачном подносе.

— Механизм пространственного анализа, или МПА, как его любовно называют мои исследователи, которые его создали. Он с помощью электроники и усиленных рентгеновских лучей исследует тела, давая точные изображения каждого миллиметра плоти и костей.

— Своего рода компьютерный томограф, — сказал Броган.

— Да, основные функции у них одинаковые, — подтвердил Торнберг. — Но это все равно что сравнивать „кукурузники“ со сверхзвуковым реактивным лайнером. Компьютерному томографу нужно несколько секунд, чтобы показать один участок тела. Наш прибор меньше чем за минуту дает двадцать пять тысяч таких картин. Все результаты автоматически поступают в компьютер, который устанавливает причину смерти. Я, конечно, упрощаю процесс, но таковы основные принципы.

— Полагаю, в базе данных вашего компьютера есть все нарушения трофики и метаболизма, связанные с известными ядами и инфекциями? — спросил Эммет. — Та же информация, которая есть в компьютере в нашем бюро?

Торнберг кивнул.

— Только у нас больше данных, потому что мы иногда имеем дело и с живой тканью.

— В лаборатории патологии? — спросил Лукас.

— Мы осматриваем и живых. Мы довольно часто получаем обратно своих агентов — и агентов наших союзников — отравленными или зараженными какой-нибудь болезнью, но еще живыми. С помощью МПА мы устанавливаем причину заболевания и разрабатываем антидот. Несколько человек мы спасли, но большинство доставляют к нам слишком поздно.

— Вы можете за несколько секунд проделать анализ полностью и установить причину смерти? — недоверчиво спросил генерал Меткалф.

— На самом деле за несколько микросекунд, — поправил Торнберг. — Вместо того чтобы вскрывать тела и проводить многочисленные исследования, мы делаем экспертизу в мгновение ока с помощью этого оборудования, которое, должен добавить, обошлось нашим налогоплательщикам примерно в тридцать миллионов долларов.

— И что вы обнаружили в телах из реки?

Словно получив разрешение, Торнберг улыбнулся и похлопал по плечу техника, сидевшего у массивной панели со множеством огоньков и кнопок.

— Я покажу.

Все невольно посмотрели на обнаженное тело, лежащее на „подносе“.

Оно медленно начало двигаться к турбине и исчезло внутри цилиндра. Турбина начала вращаться со скоростью шестьдесят оборотов в минуту. Включились источники рентгеновских лучей, камеры получали изображение, и, увеличенное, оно поступало в компьютер.

Никто и бровью повести не успел, как на экране дисплея уже вспыхнула зеленым запись, описывающая причину смерти. Запись изобиловала медицинской терминологией, дающей описание внутренних органов, количеств обнаруженного яда и его химической формулы. В самом низу стояло: Conium maculatum.

— Что такое Conium maculatum? — громко спросил Лукас.

— Растение, родственное петрушке. Народное название — болиголов.

— Довольно старомодный способ умерщвления, — заметил Меткалф.

— Да, болиголов был очень популярен в старые времена. Он больше всего известен как яд, который принял Сократ. В наши дни используется редко, но его легко раздобыть, и он смертелен. Достаточно большая доза его алкалоидов парализует дыхательный центр.

— Как они были введены? — спросил Эммет.

— Согласно МПА, эта жертва получила яд с мятным мороженым.

— Смерть на десерт, — философски произнес Мерсье.

— Из опознанных работников береговой охраны, — продолжал Торнберг, — восемь приняли кониин с мороженым, четверо — с кофе и один — с безалкогольным напитком.

— И МПА смог все это установить по телам, которые пять дней провели в воде? — спросил Лукас.

— Разложение начинается сразу после смерти, — объяснил Торнберг, — и распространяется от пищеварительных систем и других внутренних органов, содержащих бактерии, наружу. На воздухе процесс ускоряется. Но когда тело находится под водой, разложение происходит медленно из-за низкого содержания кислорода. Фактор, сработавший в нашу пользу, — то, что тела были заперты в трюме. Утопленник, например, через пару дней в результате расширения внутренних газов всплывает, и процесс разложения ускоряется. Тела, которые привезли вы, находились под водой все время до вскрытия.

— Повар яхты, должно быть, был очень занят, — заметил Меткалф.

Лукас покачал головой.

— Нет, не повар. Стюард-буфетчик. Не нашли только его.

— Самозванец, — сказал Броган. — Настоящий стюард, скорее всего, убит, а его тело спрятано.

— А что с остальными? — спросил Эммет.

— С азиатами?

— Их тоже отравили?

— Да, но по-другому. В них стреляли.

— Как это — стреляли, отравили?

— В них пустили стрелы с отламывающимися наконечниками. Наконечники были смазаны смертельным ядом, который получают из спинных плавников океанской бородавчатки.

— Да, работали не дилетанты, — заметил Эммет.

Торнберг согласно кивнул.

— Проделано весьма профессионально, особенно что касается средства проникновения. Два года назад я извлек такую стрелу из советского агента, которого мне привезли люди мистера Брогана. Насколько помню, стрелу ввели биоинокулятором.

— Я с этим незнаком, — сказал Лукас.

— Это электрическое ружье, — сказал Броган, бросив на Торнберга ледяной взгляд. — Абсолютно бесшумное, иногда используется нашими агентами за рубежом.

— Потихоньку разбазариваете арсенал, Мартин? — добродушно поддразнил Мерсье.

— Ружье, вероятно, было украдено у производителя, — ответил Броган, защищаясь.

— Опознан ли кто-нибудь из азиатов? — спросил Лукас.

— Никаких данных на них у ФБР нет, — признался Эммет.

— Нет ни у ЦРУ, ни у Интерпола, — добавил Броган. — У секретных служб дружественных нам азиатских стран тоже ничего не нашлось.

Мерсье взглянул на труп, показавшийся из анализатора.

— Похоже, господа, всякий раз как мы открываем дверь, за ней пустая комната.

Глава 35

— С какими чудовищами мы имеем дело? — проворчал Дуглас Оутс, выслушав доклад генерала Меткалфа о результатах вскрытия.

Он был бледен, голос звучал холодно от ярости.

— Двадцать одно убийство. Для чего? Каков мотив? Жив президент или мертв? Если это грандиозное вымогательство, почему мы не получили требования о выкупе?

Меткалф, Дэн Фосетт и министр обороны Джесс Симмонс молча сидели перед столом Оутса.

— Дольше скрывать нельзя, — продолжал Оутс. — В любую минуту пресса может что-то заподозрить и начнет разнюхивать. Корреспонденты уже волнуются, потому что не было никаких интервью с президентом. Пресс-секретарь Томпсон уже исчерпал все объяснения.

— Почему бы не показать президента прессе? — предложил Фосетт.

Оутс глядел неуверенно.

— Этого актера — как его зовут — Саттона? Он не справится.

— Ну, не на помосте в свете прожекторов, а в тени и на расстоянии в сто ярдов… Может получиться.

— Вы что-то придумали? — спросил Оутс.

— Мы предоставим прессе возможность снимать президента. Обычная практика.

— Картер играет в софтбол… Рейган рубит дрова… — задумчиво сказал Оутс. — Что ж, я вижу домашнюю сцену на президентской ферме.

— Вплоть до кричащих петухов и блеющих овец, — добавил Фосетт.

— А вице-президент Марголин? Нашего двойника не спутают с ним и за сто ярдов.

— Несколько кадров с Саттоном и дружеского издали помахивания рукой двойника вице-президента должно хватить, — сказал Фосетт, у которого это обсуждение вызвало энтузиазм.

Симмонс пристально посмотрел на Фосетта.

— Как скоро вы сможете все подготовить?

— К утру. Точнее, к рассвету. Репортеры — как ночные совы, всю ночь бдят в ожидании новостей. И на рассвете они не в лучшей форме.

Оутс посмотрел на Меткалфа и Симмонса.

— Ну, что скажете?

— Надо бросить репортерам кость, пока они ничего не заподозрили и не начали выслеживать, — ответил Симмонс. — Я голосую за.

Меткалф кивнул.

— Единственная возможность тянуть время, какая у нас осталась.

Фосетт встал и посмотрел на часы.

— Если сейчас вылечу на авиабазу Эндрюс, через четыре часа буду на ферме. Достаточно времени, чтобы обсудить подробности с Томпсоном и сделать объявление прессе.

Рука Фосетта застыла на дверной ручке: голос Оутса вспорол тишину как штык:

— Не провалите это дело, Дэн. Ради Бога, не провалите.

Глава 36

Владимир Полевой догнал Антонова, когда советский лидер в сопровождении охраны шел вдоль кремлевской стены снаружи. Они миновали место погребения Героев Советского Союза. Погода стояла необычайно теплая, и Антонов нес пальто через руку.

— Пользуешься, что день теплый, летний? — небрежно спросил Полевой, приблизившись. Антонов обернулся. Для главы русского государства он был молод, всего шестьдесят два года, и ходил быстро, решительно.

— Слишком теплый, чтобы сидеть за столом, — ответил он, коротко кивнув.

Они еще какое-то время шли молча; Полевой ждал знака, что Антонов готов говорить о делах. Антонов остановился перед небольшим сооружением над могилой Сталина.

— Ты его знал? — спросил он.

Полевой отрицательно покачал головой.

— Я слишком низко стоял на партийной лестнице, чтобы он меня заметил.

У Антонова лицо стало строгим, и он натянуто сказал:

— Тебе повезло.

И пошел дальше, вытирая носовым платком потную шею.

Полевой видел, что начальник не настроен вести разговоры ни о чем, и поэтому сразу перешел к сути.

— Мы на пороге прорыва в проекте „Гекльберри Финн“.

— Не помешало бы, — ворчливо сказал Антонов.

— Исчез один из наших агентов, отвечавший за безопасность наших сотрудников в ООН.

— Как это связано с проектом „Гекльберри Финн“?

— Он исчез, когда следил за доктором Луговым.

— Возможно, его обнаружили?

— Я так не думаю.

Антонов остановился на полушаге и пристально посмотрел на Полевого.

— Нас ждет катастрофа, если он перебежит к американцам.

— Я лично ручаюсь за Павла Суворова, — решительно сказал Полевой. — Ручаюсь за его верность.

— Мне знакомо это имя.

— Он сын Виктора Суворова, специалиста по сельскому хозяйству.

Антонов как будто успокоился.

— Виктор — верный сын партии.

— Павел тоже, — сказал Полевой. — Он, скорее, проявляет излишнее рвение.

— Как думаешь, что с ним могло случиться?

— Подозреваю, что он выдал себя за сотрудника Лугового, и его вместе с остальными схватили люди мадам Бугенвиль.

— Значит, у нас внутри есть человек из службы безопасности.

— Это предположение. Доказательств нет.

— Он знает что-нибудь?

— Ничего не знает, — уверенно сказал Полевой. — Его участие — чистая случайность.

— Было ошибкой следить за доктором Луговым.

Полевой глубоко вздохнул.

— Наши агенты внимательно следят за всеми нашими сотрудниками в ООН. Если бы мы позволили Луговому и его людям свободно гулять по Нью-Йорку, американцы сразу бы что-нибудь заподозрили.

— Значит, они следят за нами, а мы — за своими.

— За последние семь месяцев трое наших попросили политического убежища. Мы не можем быть слишком бдительны.

Антонов неопределенно развел руками.

— Принимаю твой довод.

— Если Суворов действительно с Луговым, он, вне всяких сомнений, постарается все отследить и раскроет местонахождение лаборатории.

— Да, но если Суворов в своем невежестве сделает ошибочный шаг, мы не знаем, как поведет себя старая сука Бугенвиль.

— Она может повысить цену.

— Или, что еще хуже, продаст президента и остальных тому, кто больше заплатит.

— Не думаю, — задумчиво сказал Полевой. — Без доктора Лугового осуществить проект невозможно.

Антонов слегка улыбнулся.

— Прошу простить мою осторожность, товарищ Полевой, но я всегда ожидаю худшего. Так что меня трудно удивить.

— Эксперимент Лугового завершится через три дня. Нужно подумать, как передать плату.

— Твои предложения?

— Разумеется, не платить ей.

— Как?

— Есть много способов. Подменить бруски, после того как их осмотрит ее представитель. Заменить свинцовыми, выкрашенными под золото, или брусками меньшей пробы.

— И старая сука тут же учует и одно и другое.

— Все равно надо попытаться.

— Как будет переправляться золото? — спросил Антонов.

— Один из кораблей мадам Бугенвиль уже стоит в Одессе, ожидая, когда золото погрузят на борт.

— Тогда мы сделаем то, чего она ожидает меньше всего.

— Что именно? — с интересом спросил Полевой.

— Выполним свое условие сделки, — ответил Антонов.

— Ты хочешь заплатить? — недоверчиво спросил Полевой.

— До последней тройской унции.

Полевой был ошеломлен.

— Прости, товарищ президент, но я считал…

— Я передумал, — резко сказал Антонов. — У меня есть решение получше.

Полевой молча ждал несколько секунд, но, очевидно, Антонов не собирался с ним делиться. Он пошел медленнее и наконец остановился.

А Антонов, окруженный свитой, проследовал дальше. Его уже занимали другие государственные заботы.

Суворов включил ночник и посмотрел на часы. 4:04. Недурно, подумал он. Он запрограммировал себя на подъем в четыре утра и опоздал всего на четыре минуты.

Не в силах сдержать зевок, он быстро натянул рубашку и брюки, не потрудившись надеть носки и туфли. Пройдя в ванную, плеснул в лицо холодной водой, потом прошел по маленькой спальне и приоткрыл дверь.

Ярко освещенный коридор был пуст. Кроме двух психологов, дежурящих у мониторов, все остальные спали. Ступая босиком по ковру, Суворов принялся измерять коридор и записывать цифры в блокнот.

Он насчитал 33 фута между внешними стенами — стенами длиной 168 футов. С потолком высотой почти десять футов.

Суворов подошел к двери комнаты, в которой хранились медикаменты, и осторожно приоткрыл дверь.

Дверь никогда не запиралась: Луговой не видел у своих людей поводов красть. Суворов вошел, закрыл дверь и зажег свет. Он быстро отыскал маленькие флаконы с успокоительным. Поставил их в ряд на раковину, с помощью шприца выкачал содержимое и вылил в канализацию. Затем заполнил водой и аккуратно расставил на полке.

Незаметно вернулся в спальню, снова лег в постель и стал смотреть на потолок.

Он был очень доволен собой. Его действия не вызвали ни малейшего подозрения. Теперь ему оставалось только ждать нужной минуты.

Глава 37

Сон был очень смутный. Такие сны он никогда не помнил, проснувшись. Он кого-то искал в чреве покинутого корабля. Пыль и темнота мешали видеть. Как в погружении на „Орел“: зеленая река и рыжий ил.

Добыча перед ним, но расплывается, все время ускользает.

Поколебавшись, он пытается сфокусировать взгляд в полумраке, но тень дразнит его, манит подойти поближе.

И тут в его ушах раздается резкий, пронзительный звук. Он выплывает из сна и ощупью находит телефон.

— Дирк? — доносятся звуки из горла, которое ему хочется придушить.

— Да.

— У меня есть для тебя новости.

— А?

— Ты спишь? Говорит Сент-Джулиан.

— Перлмуттер?

— Проснись, я кое-что нашел.

Тут Питт включил ночник и сел.

— Хорошо, слушаю.

— Я получил письменный отчет от своих друзей из Кореи. Они просмотрели все корейские морские архивы. Угадай, что они нашли. „Бель Часс“ никто и не думал сдавать на лом.

Питт откинул одеяло и спустил ноги на пол.

— Продолжай.

— Прости, что так долго не звонил, но это удивительнейшая морская загадка из всех, какие мне встречались. Тридцать лет кто-то играет в „музыкальные стулья“[17] с кораблями. Трудно в это поверить.

— Может, я поверю.

— Прежде всего позволь задать вопрос, — сказал Перлмуттер. — Что было написано на корме корабля, который вы нашли на Аляске?

— „Пайлоттаун“.

— Были ли раскрашенные буквы названия выплавлены на корпусе?

Питт задумался.

— Сколько помню, краска облупилась. Приподнятые края букв, должно быть, стерлись.

Перлмуттер облегченно вздохнул.

— Я надеялся, что ты так скажешь.

— Почему?

— Твои подозрения подтвердились. „Сан-Марино“, „Бель Часс“ и „Пайлоттаун“ — на самом деле одно и то же судно.

— Черт возьми! — сказал Питт, неожиданно разволновавшись. — Как ты это установил?

— Я узнал, что случилось с настоящим „Пайлоттауном“, — с чувством ответил Перлмуттер. — Мои источники не нашли упоминаний о том, что „Бель Часс“ сдали на лом на верфи в Пусане. Я попросил их проверить все другие верфи на побережье.

Нить привела в порт Инчон. Десятники на верфях — интересные люди. Они никогда не забывают суда, особенно те, которые ломают. Они делают вид, будто им все равно, но в глубине души им жаль, когда усталый старый корабль в последний раз входит в их док. Так вот, один такой десятник-пенсионер часами рассказывал о добрых старых временах. Настоящее золотое дно морской истории.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил Питт.

— Рассказал со множеством подробностей, как руководил бригадой, переделывавшей грузовое судно „Сан-Марино“ в рудовоз „Бель Часс“.

— А как же архивы верфи?

— Очевидно, сфальсифицированы владельцами. Кстати, это наши старые знакомые — торговая компания „Сосан“. Десятник вспомнил также, как разбирали настоящий „Пайлоттаун“. Похоже, компания „Сосан“ или те, кто стоит за нею, похитили „Сан-Марино“ и его груз, а экипаж убили. Потом переделали корабль в рудовоз, зарегистрировали под другим названием и пустили плавать по морям.

— А при чем тут „Пайлоттаун“? — спросил Питт.

— Это судно было законно куплено торговой компанией „Сосан“. Тебе будет любопытно узнать, что согласно материалам Международного центра расследований морских преступлений это судно десять раз заподозрено в контрабанде. Очень немало. Похоже, это судно перевозило все подряд: плутоний в Ливию, вооружение мятежникам в Аргентине, тайную американскую технологию русским — все что угодно.

Его хозяева проявили редкостную изобретательность.

Факт нарушения так ни разу и не был доказан. В нескольких случаях известно, что судно покидало порт с контрабандным грузом, но вот свидетельств доставки груза ни в одном случае нет. Когда корпус и двигатели судна пришли в полную негодность, его сдали на лом, но все записи об этом уничтожены.

— Но зачем объявлять этот корабль затонувшим, если на самом деле затопили „Сан-Марино“, он же „Бель Часс“?

— Потому что могли возникнуть вопросы о происхождении „Бель Часс“. У „Пайлоттауна“ были надежные документы, поэтому было объявлено, что в 1979 году он затонул вместе с несуществующим грузом, и от страховых компаний потребовали выплаты страховки.

Питт посмотрел на пальцы ног и пошевелил ими.

— Старик-десятник рассказывал о других превращениях судов в компании „Сосан“?

— Он упомянул два случая: танкер и контейнеровоз, — ответил Перлмуттер. — Но их только переоборудовали. Новые названия этих судов — „Бутвилль“ и „Венеция“.

— Похоже, кто-то создал целый флот из похищенных судов.

— Дешевый и грязный бизнес.

— Есть ли новости о компании-владельце? — спросил Питт.

— По-прежнему плотно запертая дверь, — ответил Перлмуттер. — Но десятник рассказал, что всякий раз посмотреть на переделанное судно приезжала какая-то важная шишка.

Питт встал.

— Что еще?

— Пожалуй, все.

— Должно быть еще что-то: физическое описание, имя — что угодно.

— Подожди минутку, я еще раз просмотрю отчет.

Питт услышал шорох бумаги, Перлмуттер бормотал себе под нос:

— Ладно, вот. Важная особа всегда приезжала в большом черном лимузине. Не упоминалось никакого имени. И для корейца он высокий...

— Кореец?

— Так тут сказано, — сказал Перлмуттер. — И говорил по-корейски с американским акцентом.

Тень из сна Питта придвинулась чуть ближе.

— Сент-Джулиан, отличная работа.

— Прости, что не довел до конца.

— Ты принес нам первый луч зари.

— Прижми ублюдка, Питт.

— Собираюсь.

— Если понадоблюсь, я не просто жду.

— Спасибо, Сент-Джулиан.

Питт прошел к шкафу, надел короткое кимоно и завязал пояс. Потом направился в кухню, налил стакан сока гуавы, приправил его темным ромом и набрал телефонный номер.

После нескольких гудков равнодушный голос отозвался:

— Да?

— Хайрем, включай компьютер. У меня есть для тебя новая задачка.

Глава 38

Желудок у Суворова словно стянулся в узел. Почти весь вечер Павел просидел в помещении с мониторами, болтал с двумя психологами, следившими за телеметрическим оборудованием, шутил и носил им с кухни кофе.

Они не заметили, что взгляд Суворова не отрывается от часов на стене.

В 11:20 вошел Луговой и, как всегда, просмотрел данные о состоянии президента. В 11:38 он повернулся к Суворову.

— Выпьете со мной портвейна, капитан?

— Как хотите, — покорно ответил Суворов. — Увидимся за завтраком.

Через десять минут после ухода Лугового Суворов заметил легкое движение на одном из мониторов. Вначале оно было почти незаметно, но потом на него обратил внимание один из психологов.

— Что такое? — ахнул он.

— Что-то не так? — спросил другой.

— Сенатор Лаример… он приходит в себя.

— Не может быть.

— Я ничего не вижу, — сказал Суворов, пододвигаясь ближе.

— Его альфа-активность в цикле девять к десяти за секунду, но этого не может быть, если он в состоянии запрограммированного сна.

— Волны вице-президента Марголина тоже усиливаются.

— Надо позвать доктора Лугового.

Он не успел договорить — Суворов жестоким приемом дзюдо, ударом в основание черепа, сбил его на пол. Продолжив движение, он ребром ладони ударил второго психолога по кадыку, раздробив ему дыхательное горло.

Еще до того как жертвы упали на пол, Суворов хладнокровно взглянул на часы. Они показывали 11:49: через одиннадцать минут Луговой должен на лифте покинуть лабораторию. Суворов много раз проделывал все движения, оставив себе не больше двух минут на непредвиденные задержки.

Он переступил через безжизненные тела и из комнаты с мониторами перебежал в помещение к подопытным в звуконепроницаемых коконах.

Открыл замки третьего кокона, откинул крышку и заглянул внутрь.

На него смотрел сенатор Мартин Лаример.

— Где я? И кто вы такой? — неуверенно спросил сенатор.

— Друг, — ответил Суворов, поднимая Ларимера из кокона и наполовину неся его к стулу.

— Что происходит?

— Молчите и доверьтесь мне.

Суворов достал из кармана шприц и ввел сенатору стимулятор. То же самое он проделал с вице-президентом Марголином, который ошеломленно оглядывался и не сопротивлялся. Они были голые, и Суворов бросил им одеяла.

— Завернитесь, — велел он.

Конгрессмен Алан Моран еще не пришел в себя. Суворов поднял его из кокона и уложил на пол. Потом повернулся и подошел к еще не освобожденному президенту. Глава американского государства был пока без сознания. Защелки кокона были не такие, как у остальных, и Суворов терял драгоценные секунды, стараясь их открыть. Пальцы его словно потеряли чувствительность, и ему пришлось бороться за контроль над ними. Он почувствовал первые приступы страха.

На часах 11:57… Он почти выбился из графика, его две минуты испарились. Страх сменился паникой. Он наклонился и достал „Кольт-вудсман“ 22-го калибра, прикрепленный к голени. Снял пистолет с предохранителя; на краткий миг он перестал быть собой, он был вне себя — человек, которого ослепили долг и буря чувств. Он нацелился в лоб президенту под прозрачной крышкой кокона. Несмотря на туман, окутавший одурманенный мозг, Марголин понял, что задумал русский агент. Шатаясь, он прошел по помещению с коконами, бросился на Суворова и схватился за пистолет.

Суворов сделал шаг в сторону и отбросил Марголина к стене. Но тот сумел удержаться на ногах. В глазах у него потемнело, перед ним все плыло, и он внезапно почувствовал позывы к рвоте. Но он снова бросился вперед, пытаясь спасти жизнь президента.

Суворов ударил Марголина рукоятью пистолета в висок, и вице-президент упал, по его лицу потекла кровь. На мгновение Суворов остановился.

Хорошо разработанный и подготовленный план распадался на глазах. Время вышло.

Его последняя надежда — спасти остатки. Он забыл о президенте, отбросил с пути Марголина и толкнул к двери Ларимера. Взвалив на

плечо все еще не очнувшегося Морана, он повел ничего не понимающего сенатора по коридору к лифту.

Они вышли из-за угла в тот момент, когда двери лифта раскрылись и Луговой готов был войти в него.

— Стойте, доктор.

Луговой обернулся и непонимающе посмотрел на них. Кольт в руке Суворова не дрожал. В глазах агента КГБ горели презрение и отвращение.

— Дурак! — крикнул Луговой, начиная понимать, что происходит. — Проклятый глупец!

— Заткнитесь! — выпалил Суворов. — С дороги!

— Вы не ведаете, что творите.

— Я выполняю долг настоящего русского.

— Вы уничтожаете годы подготовки, — разгневанно сказал Луговой. — Президент Антонов прикажет вас расстрелять.

— Хватит лгать, доктор. Ваш безумный проект представляет страшную опасность для нашего правительства. Это вас казнят. Это вы предатель.

— Вы ошибаетесь, — потрясенно сказал Луговой. — Разве вы не понимаете в чем дело?

— Я вижу, что вы работаете на корейцев. Скорее всего, на южных корейцев. Они вас купили.

— Ради бога, выслушайте меня...

— У настоящего коммуниста нет иного бога, кроме партии, — сказал Суворов. Он грубо отпихнул Лугового и втолкнул несопротивляющихся американцев в лифт. — Спорить мне некогда.

Волна отчаяния затопила Лугового.

— Пожалуйста, не надо, — взмолился он.

Суворов не ответил. Он повернулся и злобно посмотрел на Лугового; потом лифт закрылся, и их не стало видно.

Глава 39

Пока лифт поднимался, Суворов рукоятью пистолета разбил лампу над головой. Моран застонал и начал приходить в себя, он тер глаза и тряс головой, чтобы развеять туман. Ларимера вырвало в углу, он тяжело дышал.

Лифт без толчка остановился, двери раскрылись, и внутрь ворвалась волна теплого воздуха. Единственное освещение обеспечивала тусклая лампа в проволочной сетке, слабое свечение, как у светляков. Воздух был влажный, пахло дизельным топливом и гниющей растительностью.

В десяти футах от лифта стояли и разговаривали двое. Они ждали появления Лугового с его обычным докладом. Обернувшись, они вопросительно посмотрели на темный лифт. Один держал „дипломат“. Единственное, что еще успел заметить Суворов, перед тем как дважды выстрелить, — оба были по-азиатски раскосые.

Он обхватил Морана за пояс и толкнул его по полу — как будто металлическому и проржавевшему. Потом, подгоняя, пнул Ларимера, как непослушного пса, убежавшего из дома. Сенатор качался, как пьяный; его тошнило, он не мог говорить и не сопротивлялся. Суворов сунул пистолет за пояс, схватил Ларимера за руку и повел.

Кожа у него под рукой была холодной и влажной. Суворов надеялся, что сердце пожилого законодателя выдержит.

Споткнувшись о большую цепь, Суворов выругался. Потом остановился и посмотрел вниз с закрытого мостика, который впереди уходил в темноту. Он чувствовал себя как в сауне; одежда промокла от пота, волосы прилипли к вискам и ко лбу. Снова споткнувшись, он едва не упал на мостик.

Тяжесть Морана становилась непереносимой, и Суворов понял, что силы оставляют его. Он сомневался, что сможет нести конгрессмена еще пятьдесят ярдов.

Наконец мостик, похожий на туннель, кончился, и они вышли в ночь. Суворов осмотрелся и с огромным облегчением увидел над головой чистое небо, усеянное яркими звездами. Под ногами было что-то похожее на засыпанную гравием дорогу, но тьма была полной, и он ничего не мог разглядеть. В тени слева Суворов едва различил очертания машины.

Втащив Ларимера в канаву у дороги, Суворов с облегчением сбросил Морана, как мешок с песком, и осторожно подошел к машине с тыла.

Замер, слившись с тенью, и прислушался. Двигатель работает, по радио слышна музыка. Стекла плотно закрыты, и Суворов предположил, что в машине работает кондиционер.

Неслышно, как кошка, он обошел автомобиль, прижимаясь к земле и стараясь не попасть в зеркало заднего обзора. Внутри было темно, виднелась лишь неясная фигура за рулем. Если были и другие, единственным союзником Суворова становилась внезапность.

Это был лимузин с длинным кузовом: Суворову показалось, что он длиной с целый квартал. По буквам на багажнике он определил, что это „Кадиллак“. Он никогда не водил такой, но надеялся, что найдет нужные рычаги и приборы.

Его ищущие пальцы пошарили ручку на дверце. Суворов глубоко вдохнул и распахнул дверцу. Внутри загорелся свет, человек за рулем повернул голову. И открыл рот, собираясь закричать.

Суворов дважды выстрелил, пули с полыми серебряными наконечниками разорвали торс под мышкой.

Из раны еще не выступила кровь, а Суворов уже выволок тело из машины и оттащил подальше от колес. Потом грубо усадил Ларимера и Морана на заднее сиденье. Оба потеряли одеяла, но были в таком состоянии, что не заметили этого. Перестав быть могущественными политиками с Капитолийского холма, они были беспомощны, как заблудившиеся в лесу дети.

Суворов включил зажигание и яростно нажал на газ; задние колеса завертелись, разбрасывая гравий на пятьдесят ярдов, прежде чем установилось сцепление с дорогой. Только тут Суворов отыскал включатель фар.

Он облегченно обмяк, увидев, что автомобиль стоит на изрытой колеями дороге.

Проехав на тяжелой, на мягких рессорах машине три мили по проселочной дороге, Суворов начал воспринимать окружающее.

Вдоль дороги росли большие кипарисы, с их ветвей свешивались щупальца мха. Это и теплый воздух свидетельствовали, что они где-то на юге Соединенных Штатов. Впереди Суворов заметил перекресток с мощеной дорогой и остановился, подняв облако пыли.

У дороги стояло брошенное здание, скорее сарай, чем дом. Фары осветили поблекшую вывеску: „Гловер Калпеппер: бензин и бакалея“. Очевидно, этот Гловер собрал манатки и уехал много лет назад.

На перекрестке не было никаких указателей, поэтому Суворов мысленно подбросил монету и повернул налево. На смену кипарисам пришли сосновые рощи, и вскоре по сторонам начали попадаться фермы. В этот час утра движения почти не было. Мимо прошли только одна машина и грузовик, оба в противоположном направлении. Подъехав к перекрестку, Суворов увидел согнутый указатель — „Шоссе № 700“. Это ничего ему не сказало, поэтому он снова повернул налево и поехал дальше.

Всю дорогу Суворов сохранял хладнокровие и бдительность. Лаример и Моран сидели молча, вверив свою судьбу человеку за рулем.

Суворов успокоился и снял ногу с педали газа. В зеркале заднего обзора не видно огней преследователей, и, пока он не превышает скорость, никакой местный шериф его не остановит. В каком же он штате?

Джорджия, Алабама, Луизиана? Может быть любой из десятка. Дорога становилась все оживленнее. По обочинам начали появляться темные дома и уличные фонари. Суворов высматривал указатели.

Еще через полчаса он проехал по мосту через реку Стоно. Он никогда о такой не слыхал. С моста впереди стали видны огни большого города. Справа огни обрывались, и до горизонта все оставалось черным. Морской порт, быстро сообразил Суворов. И тут фары осветили большой дорожный указатель. Верхняя надпись на нем гласила: „Чарльстон, 5 миль“.

— Чарльстон! — вслух радостно воскликнул Суворов, вспоминая сведения по географии Америки. — Я в Чарльстоне, это Южная Каролина.

Еще через две мили он увидел круглосуточную аптеку с общественным телефоном. Не сводя глаз с Ларимера и Морана, Суворов набрал номер дальней связи.

Глава 40

Когда Питт остановил свой „Талбот“ у входа в зал отлета вашингтонского международного аэропорта, над головой проходило одинокое облако и шел легкий дождь. Утреннее солнце поджаривало город, и капли дождя испарялись, едва коснувшись земли. Питт достал из багажника сумку Лорен и передал подошедшему носильщику.

Лорен в тесном салоне спортивной машины, стараясь держать колени вместе, расплела длинные ноги и вышла.

Носильщик приклеил багажную квитанцию к билету, и Питт отдал билет Лорен.

— Я поставлю машину и посижу с тобой до отлета.

— Не надо, — сказала она, подходя. — Мне еще нужно кое-что просмотреть. Возвращайся в офис.

Он показал на „дипломат“ в ее левой руке.

— Твой костыль. Ты без него теряешься.

— А я заметила, что ты никогда такой не носишь.

— Не мой стиль.

— Боишься, что тебя примут за бизнесмена?

— Это Вашингтон. Ты хотела сказать — за чиновника.

— Ты тоже чиновник. Тебе, как и мне, жалованье платит правительство.

Питт рассмеялся.

— У нас общее проклятие.

Она поставила „дипломат“ на землю и прижала ладони к его груди.

— Я буду скучать.

Он обнял ее за талию и нежно прижал к себе.

— Опасайся лихих русских офицеров, кают с прослушкой и похмелья после водки.

— Хорошо, — с улыбкой ответила она. — Будешь здесь, когда я вернусь?

— Я уже запомнил номер твоего рейса и время прилета.

Она наклонила голову и поцеловала его. Он как будто хотел сказать что-то еще, но просто отпустил ее и отступил. Она медленно вошла в стеклянные автоматические двери. Сделав несколько шагов по вестибюлю, обернулась, чтобы помахать, но голубой „Талбот“ уже отъехал.

На фирме президента, в тридцати милях от города Рейтон в штате Нью-Мексико, корреспонденты президентского пула собрались за проволочной изгородью и направили камеры на поле люцерны. Было семь утра, и они пили черный кофе, жаловались на ранний час, чересчур жидкие яйца всмятку и подгоревший бекон в придорожном кафе и на другие напасти, воображаемые и реальные.

Бодрым шагом подошел пресс-секретарь президента Джейкоб (Сынок) Томпсон — подбодрить усталых журналистов, как чирлидер школьной спортивной команды, и заверить в том, что они смогут снимать президента в домашней обстановке, работающего на земле.

Бодрость пресс-секретаря была несколько искусственной: ослепительно белые ровные зубы, длинные, гладкие черные волосы, на висках тронутые сединой, темные глаза, аккуратные веки, намекающие на косметическую хирургию.

Никакого второго подбородка. Ни следа живота. Движется и жестикулирует с горячим воодушевлением. Совсем не похож на

корреспондентов, чья единственная физическая деятельность заключается в стуке по клавиатуре пишущей машинки, работе с процессором и стрелянии сигарет.

Одежда тоже соответствует общему облику. Сшитый на заказ костюм в мелкую клеточку, голубая шелковая рубашка с галстуком в тон. Черные мокасины „Гуччи“, чуть припорошенные нью-мексиканской пылью. Классный привлекательный парень, никакой не манекен. Он никогда не сердится, никогда не позволяет журналистам запускать иголки ему под ногти. Боб Финкель из балтиморской „Сан“ говорил, что специальное расследование показало: Томпсон с отличием окончил школу пропаганды Геббельса.

Томпсон остановился у телевизионного фургона Си-Эн-Эн. Кертис Майо, корреспондент телекомпании при Белом доме, обмяк в кресле режиссера и выглядел жалко.

— Твоя команда готова, Керт? — жизнерадостно спросил Томпсон.

Майо откинулся на спинку кресла, сдвинул на затылок бейсболку, обнажив густые белые волосы, и взглянул сквозь оранжевые солнцезащитные очки.

— Не вижу ничего достойного, что можно запечатлеть для потомства.

Сарказм стекал с Томпсона, как с гуся вода.

— Через пять минут президент выйдет из дома, пройдет к амбару и выведет трактор.

— Браво, — сказал Майо. — А что он сделает на бис?

Голос Майо напоминал звучание бонгов в симфоническом оркестре — он был низким, гулким, и каждое слово било штыком.

— Он будет возить по полю косилку и срезать траву.

— Это люцерна, городской белоручка.

— Ну да, руки я мою часто, — добродушно пожав плечами, ответил Томпсон. — Мне казалось, неплохо снять президента в сельской обстановке, которую он так любит.

Майо посмотрел Томпсону в глаза, пытаясь разглядеть ложь.

— Что происходит, Сынок?

— А что?

— Зачем эти прятки? Президент уже неделю никому не показывается.

Томпсон смотрел на него непроницаемыми карими глазами.

— Он был очень занят. Работал с документами вдали от Вашингтона.

Майо это не устроило.

— Президент впервые так долго не показывается перед камерами.

— Ничего странного, — сказал Томпсон. — Сейчас президенту нечего сказать. Нет ничего важного, касающегося всей страны.

— Он был болен или еще что-нибудь?

— Вовсе нет. Он здоров, как один из его быков-призеров. Сам увидишь.

Томпсон, обойдя все словесные ловушки, пошел дальше вдоль изгороди, хлопая журналистов по спине и обмениваясь с ними рукопожатиями.

Майо с интересом понаблюдал за ним немного, потом неохотно встал и собрал свою группу.

Норм Митчелл, одетый как пугало, установил видеокамеру на треножнике и нацелил ее на порог президентского дома; коренастый звукооператор по имени Роки Монтроуз собрал на маленьком складном столике свое звукозаписывающее оборудование. Майо поставил ногу на проволоку ограды, держа микрофон.

— Где будешь стоять с комментарием? — спросил Митчелл.

— Останусь за кадром, — ответил Майо. — Сколько, по-твоему, до дома и амбара?

Митчелл прикинул карманным видоискателем.

— Примерно сто десять ярдов отсюда до дома. Может, девяносто до амбара.

— Насколько ты сможешь его приблизить?

Митчелл наклонился к камере, подстроил зум, используя для контроля дверь черного входа.

— На несколько футов.

— Мне нужен крупный план.

— Чтобы сократить расстояние вдвое, нужен двукратный конвертер.

— Так надень.

Митчелл вопросительно взглянул на него.

— Не могу пообещать четкие детали. На таком расстояние мы ухудшаем разрешение и глубину изображаемого пространства.

— Неважно, — сказал Майо. — Мы не бесплатные программы делаем.

Монтроуз оторвался от своего аудиооборудования.

— В таком случае я тебе не нужен.

— Не пиши звук, только мои комментарии.

Кто-то крикнул:

— Вот он! — и толпа корреспондентов разом ожила.

Заработали пятьдесят камер: дверь, затянутая сеткой, открылась, и на порог вышел президент. Он был в ковбойских сапогах и хлопчатобумажной рубашке, заправленной в поношенные джинсы.

За ним на порог вышел вице-президент Марголин в широкополом стетсоне. Они разговаривали, точнее, президент что-то говорил, а Марголин внимательно слушал.

— Снимай вице-президента, — распорядился Майо.

— Есть, — ответил Митчелл.

Солнце взбиралось в зенит, и от земли поднимались волны жара. Во все стороны простирались угодья президента, в основном трава и поля люцерны; кое-где пастбища для небольшого стада породистых коров. Трава по сравнению с землей казалась ярко-зеленой, ее постоянно обрызгивали крутящиеся поливалки. Местность абсолютно плоская, если не считать полоски тополей вдоль оросительной канавы.

„Как мог человек, выросший в таком безлюдье, научиться воздействовать на миллиарды людей?“ — думал Майо.

Чем дольше он наблюдал за чрезмерной самовлюбленностью политиков, тем больше презирал их. Он повернулся и сплюнул в муравейник красных муравьев, промахнувшись по входу всего на несколько дюймов. Потом откашлялся и начал в микрофон описывать сцену.

Марголин вернулся в дом. Президент, держась так, словно журналистский пул остался в Вашингтоне, пошел к амбару, даже не взглянув на газетчиков. Вскоре заработал мотор, и президент снова появился на зеленом тракторе „Джон Дир“ 2640-й модели; к трактору была прикреплена сенокосилка. Президент сидел в открытой кабине под навесом, на поясе у него был маленький транзисторный приемник, в ушах наушники. Корреспонденты принялись выкрикивать вопросы, но он, очевидно, не слышал за шумом двигателя и музыкой.

Чтобы не дышать пылью и выхлопными газами, президент по-бандитски повязал нижнюю часть лица красным носовым платком. Потом запустил сенокосилку, и вращающиеся ножи начали срезать траву. Президент ездил по полю взад и вперед, постепенно удаляясь от толпившихся у ограды.

Примерно двадцать минут спустя корреспонденты начали упаковывать оборудование и возвращаться в кондиционированный комфорт своих фургонов и трейлеров.

— Все, — провозгласил Митчелл. — Пленка кончилась. Если, конечно, не хочешь, чтобы я переписал.

— Да ладно. — Майо обмотал микрофон проводом и протянул Монтроузу. — Давайте уберемся из этого пекла и посмотрим, что у нас есть.

Они перебрались в прохладу трейлера. Митчелл достал из видеокамеры кассету, вставил в видеомагнитофон и перемотал.

Когда он готов был показывать запись, Майо подтащил стул и сел в двух футах от монитора.

— Что мы ищем? — спросил Монтроуз.

Майо не отрывался от изображения на экране.

— По-твоему, это вице-президент?

— Конечно, — ответил Митчелл. — А кто ж еще?

— Ты принимаешь то, что видишь, как само собой разумеющееся. Смотри внимательней.

Митчелл наклонился.

— Ковбойская шляпа закрывает глаза, но рот и подбородок похожи. Телосложение тоже. Мне кажется, это он.

— Ничего странного в манерах?

— Парень стоит руки в карманы, — непонимающе сказал Монтроуз. — Ну и что?

— Значит, ты не заметил ничего необычного? — настаивал Майо.

— Ничего, — сказал Митчелл.

— Ладно, ну его, — сказал Майо, когда Марголин повернулся и ушел в дом. — Теперь смотрите на президента.

— Если это не он, — ядовито заметил Монтроуз, — значит, у него есть брат-близнец.

Майо пропустил это замечание мимо ушей и наблюдал, как президент медленной, знакомой миллионам телезрителей походкой прошел к амбару. Он исчез в темном амбаре и две минуты спустя снова появился, на тракторе.

Майо неожиданно выпрямился.

— Останови запись! — крикнул он.

Удивленный, Митчелл нажал кнопку на магнитофоне, и изображение на экране застыло.

— Руки! — возбужденно сказал Майо. — Руки на руле.

— У него десять пальцев, — с кислым выражением проворчал Митчелл. — И что?

— У президента только обручальное кольцо. Посмотрите снова. Нет кольца на среднем пальце левой руки, но на указательном крупный камень. А на правом мизинце...

— Вижу, о чем ты, — перебил Монтроуз. — Плоский синий камень в серебряной оправе, вероятно, аметист.

— Разве президент не носит обычно часы „Таймекс“ с серебряным индейским браслетом с бирюзой? — заметил Митчелл, которого тоже захватило наблюдение.

— Думаю, ты прав, — сказал Майо.

— Детали нечеткие, но я бы сказал, что у него на запястье хронометр „ролекс“.

Майо ударил себя по колену.

— Вот оно! Известно, что президент никогда не носит и не надевает ничего иностранного производства.

— Подождите, — медленно сказал Монтроуз. — Это безумие. Мы говорим о президенте Соединенных Штатов так, будто он не настоящий.

— О, он из плоти и крови, тут все в порядке, — сказал Майо. — Просто тело на тракторе принадлежит кому-то другому.

— Если ты прав, у тебя в руках бомба, — сказал Монтроуз.

Энтузиазм Митчелла пошел на убыль.

— Можем отдыхать. Доказательства чертовски несущественные. Нельзя выйти в эфир, Керт, и заявить, что какой-то клоун изображает президента, если у тебя нет неопровержимых доказательств.

— Кому и знать, как не мне, — согласился Майо. — Но я не позволю этой истории выскользнуть у меня из рук.

— Значит, негласное расследование?

— Я верну свое корреспондентское удостоверение, если у меня не хватит духу разобраться в этом. — Он взглянул на часы. — Если выехать сейчас, в полдень буду в Вашингтоне.

Монтроуз сидел перед экраном. Лицо у него было как у ребенка, который поутру обнаружил, что его зуб по-прежнему лежит в стакане с водой.

— Вот интересно, — обиженно сказал он, — сколько раз наши президенты использовали двойников, чтобы дурачить публику.

Глава 41

Владимир Полевой оторвал голову от стола, когда в кабинет целеустремленно вошел Сергей Иванов, его первый заместитель и второе лицо в самой крупной в мире разведке.

— Ты выглядишь так, Сергей, словно тебе утром кочергой прижгли зад.

— Он сбежал, — коротко сообщил Иванов.

— О ком ты?

— Павел Суворов. Он сумел вырваться из тайной лаборатории Бугенвилей.

Полевой вспыхнул от гнева.

— Черт побери!

— Он позвонил в наше прикрытие — аукционный центр в Нью-Йорке — из телефона-автомата в Чарльстоне, Южная Каролина, и запросил инструкции.

Полевой встал и принялся сердито расхаживать по ковру.

— Почему он заодно не позвонил в ФБР и не попросил инструкций еще и у них? Или еще лучше — дал бы рекламу в „Ю-эс-эй тудей“.

— К счастью, его руководитель сразу отправил нам шифрованное донесение и сообщил об инциденте.

— По крайней мере хоть кто-то думает.

— Есть кое-что еще, — сказал Иванов. — Суворов захватил с собой сенатора Ларимера и конгрессмена Морана.

Полевой остановился и повернулся.

— Идиот! Он все поставил под угрозу!

— Винить нужно не его одного.

— Как ты пришел к такому заключению? — цинично спросил Полевой.

— Суворов — один из пяти наших лучших агентов в Соединенных Штатах. Он не дурак. Ему не сообщали о проекте Лугового, и логично предположить, что он его не понимает. Он, несомненно, отнесся к Луговому с большим подозрением и действовал соответственно…

— Иными словами, делал то, чему его научили.

— По моему мнению, да.

Полевой равнодушно пожал плечами.

— Если бы он просто сообщил нам о местонахождении лаборатории, наши люди могли бы нагрянуть туда и отобрать у Бугенвилей контроль над операцией „Гекльберри Финн“.

— А сейчас мадам Бугенвиль может так рассердиться, что прервет эксперимент.

— И потеряет миллиард долларов золотом? Сильно сомневаюсь. В ее алчных руках по-прежнему президент и вице-президент. Моран и Лаример для нее небольшая потеря.

— Для нас тоже, — сказал Иванов. — Бугенвили служили дымовой завесой на случай, если американцы раскроют проект „Гекльберри Финн“. Теперь, когда два похищенных конгрессмена в наших руках, это может считаться началом войны или по меньшей мере очень серьезным кризисом. Лучше было бы устранить Ларимера и Морана.

Полевой покачал головой.

— Пока нет. Их знания о внутреннем механизме военного истеблишмента Соединенных Штатов могут быть для нас очень ценными.

— Опасная игра.

— Нет — при условии, что мы будем осторожны и сразу избавимся от них, если и когда сеть натянется.

— Тогда наша первая задача — не отдать их в руки ФБР.

— У Суворова есть безопасное место, куда их можно спрятать?

— Неизвестно, — ответил Иванов. — Ему приказали только каждый час выходить на связь, пока не поступят указания из Москвы.

— Кто возглавляет наши подпольные операции в Нью-Йорке?

— Василий Кобылин.

— Сообщите ему о затруднениях Суворова, — сказал Полевой. — Конечно, без каких бы то ни было указаний на „Гекльберри Финна“. Прикажите ему спрятать Суворова и его пленников в безопасном месте, пока мы не спланируем их бегство с территории США.

— Организовать это будет нелегко. — Иванов пододвинул стул и сел. — Американцы ищут исчезнувшего главу своего государства под всеми камнями. За всеми аэродромами следят самым тщательным образом, а наши подводные лодки не могут подойти на пятьсот миль к их границам, не задев подводную сигнализацию.

— У нас всегда остается Куба.

Иванов, казалось, сомневался.

— Флот и береговая охрана США слишком старательно следят за торговлей наркотиками. Не советую плыть на корабле в ту сторону.

Полевой смотрел в окно своего кабинета, выходящее на площадь Дзержинского. Утреннее солнце тщетно пыталось сделать ярче тусклые городские здания. Полевой Улыбнулся.

— Мы можем безопасно доставить их в Майами?

— Во Флориду?

— Да.

Иванов смотрел в пространство.

— Есть опасность, что на дорогах посты, но, думаю, это преодолимо.

— Хорошо, — сказал, неожиданно успокаиваясь, Иванов. — Позаботься об этом.

Менее чем через три часа после побега Ли Тонг Бугенвиль вышел из лабораторного лифта и остановился перед Луговым. Было без пяти три утра, но он выглядел так, словно вообще не спал.

— Мои люди мертвы, — сказал Ли Тонг бесстрастно. — Я считаю, что виноваты вы.

— Я не знал, что так случится.

Луговой говорил тихо, но спокойно.

— Как вы могли не знать?

— Вы заверили меня, что из лаборатории бежать невозможно. Я не думал, что он рискнет.

— Кто он такой?

— Павел Суворов, агент КГБ, которого ваши люди по ошибке прихватили на паром до Стейтен-Айленд.

— Но вы знали.

— Он не показывался, пока мы не прибыли сюда.

— Вы и тогда ничего не сказали.

— Это верно, — признал Луговой. — Я испугался. Когда эксперимент завершится, я должен буду вернуться в Россию. Поверьте, не стоит настраивать против себя наших людей из государственной безопасности.

Этот глубокий внутренний страх Ли Тонг видел в глазах всех русских, с кем встречался. Они боялись иностранцев, соседей, любых людей в форме. Они так долго жили с этим, что для них это чувство было так же обычно, как гнев или радость. Он не находил в себе жалости к Луговому. Напротив, он презирал его за то, что тот добровольно живет в такой системе угнетения.

— Нанес Суворов ущерб эксперименту?

— Нет, — ответил Луговой. — У вице-президента легкое сотрясение, но он снова под действием успокоительного. Президента это не коснулось.

— Никаких задержек?

— Все идет по расписанию.

— И вы закончите в три дня?

Луговой кивнул.

— Я сокращаю срок.

Луговой вел себя так, словно не расслышал. Но потом до него дошло.

— О боже, нет! — ахнул он. — У меня на счету каждая минута. Мы с моими людьми и так стараемся в десять дней сделать то, на что требуется тридцать. Вы лишаете нас всякой страховки. Нам нужно больше времени, чтобы стабилизировать мозг президента.

— Это забота президента Антонова, но не моя и не бабушки. Мы выполнили свою часть договора. Допустив сюда человека из КГБ, вы поставили под угрозу весь проект.

— Клянусь, я не имею никакого отношения к бегству Суворова.

— Это вы так говорите, — холодно сказал Бугенвиль. — Я предпочитаю думать, что его присутствие тоже было запланировано по приказу Антонова. Сейчас Суворов уже связался со своим руководством, и против нас действуют все советские агенты в США. Нам придется перенести лабораторию.

Это был заключительный, смертельный удар. Луговой выглядел так, словно вот-вот задохнется.

— Невозможно! — взвыл он, как раненый пес. — Мы не можем переместить оборудование и президента и уложиться в ваш срок!

Бугенвиль смотрел на Лугового с прищуром.

Когда он снова заговорил, его голос звучал совершенно спокойно:

— Не волнуйтесь, доктор. Никакие изменения не понадобятся.

Глава 42

Войдя в свой кабинет в здании НПМА, Питт обнаружил, что Хайрем Эйгер спит на диване. В мятой, поношенной одежде, с длинными косматыми волосами и бородой, компьютерный специалист напоминал бродягу-пропойцу. Питт мягко потряс его за плечо. Эйгер медленно приоткрыл один глаз, потом шевельнулся, хмыкнул и сел.

— Трудная ночь? — спросил Питт.

Эйгер обеими руками почесал голову и зевнул.

— Нет у тебя красного травяного чая?

— Только вчерашний кофе.

Эйгер причмокнул.

— Кофеин тебя убьет.

— Кофеин, загрязнение среды, выпивка, женщины — какая разница?

— Кстати, я ее получил.

— Что получил?

— Я нашел твою тайную судоходную компанию.

— Боже! — воскликнул Питт, сразу придя в волнение. — И где она?

— Буквально у нас под носом, — с широкой улыбкой сказал Эйгер. — В Нью-Йорке.

— Как тебе это удалось?

— Твой намек насчет корейцев послужил ключом, но ответа не давал. Я подошел с другой стороны, проверял все судоходные и экспортные линии, базирующиеся в Корее или приписанные к ее портам.

Их оказалось больше пятидесяти, но ни от одной след не вел к банкам, обнаруженным нами раньше. Поскольку делать было нечего, я предоставил компьютеру свободу действий. Мое самолюбие уязвлено. Компьютер оказался лучшим сыщиком.

Главное крылось в названии. Оно не корейское, а французское.

— Французское?

— Офис во Всемирном торговом центре в Нижнем Манхеттене; флот законно оформленных кораблей ходит под флагом Республики Сомали. Как это тебе нравится?

— Продолжай.

— Первоклассная компания, никаких сомнительных операций, безупречная репутация. „Форчун“, „Форбс“ и „Дан энд Брэдстрит“[18] ставят ее очень высоко. Все так чисто, что ежегодные отчеты компании — просто песня. Но если поскрести как следует, найдешь больше подставных фирм и менеджеров, чем парней во всем Сан-Франциско. Подделка судовых документов, страховые мошенничества, затонувшие призрачные корабли с несуществующим грузом, замена ценных грузов другими, не имеющими никакой ценности. И всегда вне пределов юрисдикции государств, которые они обманывают.

— Как называется эта компания?

— „Морские перевозки Бугенвиль“, — ответил Эйгер. — Слышал когда-нибудь о такой?

— Мин Корио Бугенвиль, Стальной Лотос? — потрясенно сказал Питт. — Кто же о ней не слышал? Она в первой десятке английских и греческих корабельных магнатов.

— Это и есть твой корейский след.

— Данные верны? Не может быть ошибки?

— Категорически нет, — уверенно ответил Эйгер. — Поверь на слово. Я все трижды проверил. Как только я настроился на Бугенвилей как на главную цель, погружение в прошлое пошло как по маслу. И все

совпадает: банковские счета, заемные письма — ты не поверишь, как банки могут закрывать глаза на это мошенничество. Старуха напоминает мне восточноазиатскую статую с двадцатью руками: лицо благочестивое, а руки делают непристойные жесты.

— Молодец, — с жаром сказал Питт. — Ты действительно привязал „Сосан трейдинг“, „Сан-Марино“ и „Пайлоттаун“ к судовой империи Бугенвилей.

— Пришпилил, как колом в сердце.

— Далеко в прошлое ты забрался?

— Могу расписать тебе житие старухи почти с той минуты, как ее отняли от груди. Крепкая бабка. Начинала после Второй мировой войны почти с нуля, но с отчаянным мужеством. Медленно, но верно прибавляла к своему флоту старые суда, сажала на них экипажи из корейцев, которые готовы были работать за чашку риса и грош в день.

Практически без накладных расходов она сбила цены на перевозки и создала процветающий бизнес. Примерно двадцать пять лет назад, когда в управление компанией включился ее внук, начались действительно серьезные дела. Скользкий тип, этот ее внук. Всегда держится на заднем плане. За исключением данных об успехах в школе, почти никаких сведений. Мин Корио Бугенвиль создала морскую криминальную паутину, охватывающую больше тридцати государств. Когда в дело вступил внук — его зовут Ли Тонг, — он превратил пиратство и мошенничество в настоящее искусство. Я все это распечатал. На твоем столе сведения с жесткого диска.

Питт повернулся и впервые заметил на своем столе пятидюймовую стопку компьютерных распечаток. Он сел и быстро просмотрел перфорированные листки. Невероятный размах дел Бугенвилей поражал воображение. Единственным видом нарушения закона, какого они как будто сторонились, была проституция. Питт кивнул.

— Превосходная работа. — Несколько минут спустя он взглянул на Хайрема. — Спасибо.

Тот кивком показал на распечатки.

— На твоем месте я бы глаз с них не спускал.

— Нас могли засечь?

— Неизбежный вывод. Наше незаконное проникновение отмечено в логах банковской компьютерной системы и занесено в ежедневный отчет. Если список попадется на глаза умному специалисту, тот удивится, зачем океанографическое агентство роется в записях их

крупнейшего депозитора. И следующим шагом станет оснащение компьютера следящими устройствами.

— Банк обязательно известит старую Мин Корио, — задумчиво сказал Питт. Потом поднял голову. — Если они определят, что к ним залезли с компьютера НПМА, могут ли они, в свою очередь, проникнуть в базу данных нашего компьютера?

— Наша сеть уязвима, как и все остальные. Но много они не узнают. Поскольку я отключил магнитные диски со сведениями.

— Как по-твоему, когда они нас учуют?

— Буду удивлен, если они это еще не сделали.

— Ты можешь держаться на шаг впереди их?

Эйгер вопросительно взглянул на Питта.

— Что за хитрость ты задумал?

— Возвращайся к клавиатуре и задай им жару. Войди в их сеть и измени данные, вмешивайся в повседневные операции и путай их, стирай законные банковские записи, вводи в их инструкции нелепицу. Пусть для разнообразия почувствуют, что кто-то на них сердит.

— Но мы потеряем важные улики для федерального расследования.

— Ну и что? — спросил Питт. — Они получены незаконно. Их все равно нельзя использовать.

— Минутку. У нас могут быть большие неприятности.

— Хуже того, нас могут убить, — с легкой улыбкой сказал Питт.

На лице Эйгера появилось непривычное выражение. Он неожиданно почувствовал опасения. Игра перестала быть забавной и принимала более мрачный оборот. Ему не приходило в голову, что его поиски закончатся угрозой убийства.

Питт увидел опасения во взгляде Эйгера.

— Можешь взять отпуск, — сказал он. — Я пойму.

Эйгер как будто на мгновение дрогнул. Потом покачал головой.

— Нет. Остаюсь с тобой. Этих людей нужно остановить.

— Тогда ударь по ним изо всех сил, вмешивайся во все их дела: внешние инвестиции, побочные бизнесы, операции с недвижимостью — все, с чем они имеют дело.

— Меня могут схватить за задницу, но я сделаю это. Только избавь меня на несколько ночей от распоряжений адмирала.

— Следи за любой информацией касательно корабля под названием „Орел“.

— Президентская яхта.

— Нет, просто любой корабль „Орел“.

— Еще что-нибудь?

Питт кивнул.

— Я позабочусь об усилении охраны твоего компьютерного центра.

— Не возражаешь, если я останусь здесь и воспользуюсь твоим диваном? Мне вдруг расхотелось спать одному у себя дома.

— Мой кабинет в твоем распоряжении.

Эйгер встал и потянулся. Потом снова кивком указал на листки с данными.

— А что ты собираешься делать с этим?

Питт смотрел на первый прорыв в криминальную структуру Бугенвилей. Его личное расследование набирало скорость, постепенно отдельные фрагменты складывались в общую картину. Гораздо большего масштаба, чем он мог предполагать.

— Знаешь, — задумчиво сказал он. — Понятия не имею.

Глава 43

Когда сенатор Лаример проснулся на заднем сиденье лимузина, небо на востоке становилось оранжевым. Сенатор прихлопнул москита, который помешал ему спать. В углу сиденья пошевелился Моран, взгляд его плыл. Моран еще не сознавал, где находится. Неожиданно дверь открылась, и на колени Ларимеру упала груда одежды.

— Одевайтесь, — отрубил Суворов.

— Вы так и не сказали, кто вы такой, — сказал Лаример; говорил он медленно и неуверенно.

— Меня зовут Пол.

— А фамилия?

— Просто Пол.

— Вы из ФБР?

— Нет.

— ЦРУ?

— Неважно, — сказал Суворов. — Одевайтесь.

— Когда мы будем в Вашингтоне?

— Скоро, — солгал Суворов.

— Где вы взяли эту одежду? Откуда вы знаете, что она подойдет?

Суворов начал терять терпение.

— Украл с бельевой веревки, — сказал он. — Нищие не выбирают. Но, по крайней мере, одежда стиранная.

— Я не надену чужие штаны и рубашку, — с достоинством сказал Лаример.

— Хотите вернуться в Вашингтон нагишом? Мне все равно.

Суворов захлопнул дверцу, прошел к месту водителя и сел за руль. Он проехал через живописный поселок, который назывался „Лесные плантации", и выехал на шоссе № 7. Утреннее движение усилилось, когда они по мосту перебрались через реку Эшли и свернули на шоссе № 26. Здесь Суворов повернул на север.

Он был доволен: Лаример наконец замолчал. Моран выходил из полубессознательного состояния и бормотал нечто нечленораздельное. Фары осветили зеленый знак с надписью белыми буквами: „Аэропорт — следующий поворот направо". Суворов съехал с шоссе и оказался у въезда в муниципальный аэропорт Чарльстона. Под светлеющим небом на взлетной полосе стояли ряды реактивных истребителей, принадлежащих военно-воздушным силам Национальной гвардии.

Следуя указаниям, полученным по телефону, Суворов по кратчайшему пути обогнул аэропорт. Нашел нужный проселок и ехал по нему, пока не уткнулся в столб, с которого во влажной атмосфере вяло свисал ветровой мешок.

Суворов остановил машину, вышел, посмотрел на часы и стал ждать. Не прошло и двух минут, как из-за ряда деревьев донеся ровный гул вертолета. Показались навигационные огни, над деревьями повис сине-белый каплевидный силуэт и сел рядом с лимузином.

Открылась дверца пилотской кабины, оттуда вышел человек в белом комбинезоне и направился к лимузину.

— Вы Суворов? — спросил он.

— Я Павел Суворов.

— Хорошо, давайте перегрузимся, пока не привлекли нежелательное внимание.

Вместе они провели Ларимера и Морана в пассажирское отделение вертолета и пристегнули ремни. Суворов заметил на борту надпись „Воздушная скорая помощь, Самтер“.[19]

— Мы летим в Вашингтон? — с оттенком прежнего высокомерия спросил Лаример.

— Сэр, — угодливо ответил пилот, — я доставлю вас куда захотите.

Суворов сел в кресло второго пилота и пристегнулся.

— Мне не назвали место нашего назначения, — заметил он.

— В конечном счете Россия, — сказал пилот с улыбкой, в которой не было ничего веселого. — Прежде всего поищем, откуда вы явились.

— Как это — откуда явился?

— Мне приказано летать с вами над местностью, пока вы не узнаете, где вы с этими двумя болтунами провели последние восемь дней. А потом я отвезу вас к месту побега.

— Хорошо, — сказал Суворов. — Постараюсь.

Пилот не назвал своего имени, а Суворов знал, что спрашивать не стоит. Это, несомненно, был один из рассеянных по всей стране пяти тысяч достойных граждан США, которым платили Советы. Все они различные специалисты, и все ждут сигнала к действиям. Хотя этот сигнал может никогда не прийти.

Вертолет поднялся на пятьдесят футов и повернул в сторону залива Чарльстон.

— Ну, куда? — спросил пилот.

— Не знаю. Было темно, и я заблудился.

— Можете назвать какой-нибудь ориентир?

— Примерно в пяти милях от Чарльстона я пересек реку.

— С какого направления?

— С запада, да, восход был прямо передо мной.

— Должно быть, река Стоно.

— Правильно, Стоно.

— В таком случае вы двигались по семидесятому шоссе.

— Я выехал на него за полчаса до моста.

Солнце уже поднялось над горизонтом и светило сквозь дымку, нависшую над Чарльстоном. Вертолет поднялся на девятьсот футов и полетел на юго-запад над шоссе, которое вилось за окнами кабины. Пилот показал вниз, и Суворов кивнул.

Они следовали за идущими из города машинами, а под ними разворачивалась прибрежная равнина Южной Каролины. Тут и там среди длиннохвойных сосен виднелась обработанная земля. Пролетели над табачным полем, снизу им помахал фермер.

— Видите что-нибудь знакомое? — спросил пилот.

Суворов беспомощно покачал головой.

— Дорога, с которой я свернул, может быть где угодно.

— В каком направлении вы ехали, когда выбрались на шоссе?

— Я сделал левый поворот, так что, должно быть, ехал с юга.

— Эта местность называется Уодмалоу-Айленд. Я буду летать кругами. Скажете, если что-нибудь узнаете.

Прошел час. Потом два. Картина внизу превратилась в лабиринт ручьев и маленьких рек, вьющихся по низинам между болот. С воздуха все дороги казались одинаковыми.

Тонкие ленты красновато-коричневых грунтовых или разбитых асфальтовых дорог казались линиями на ладони. Шло время, Суворов все больше запутывался, и пилот потерял терпение.

— Придется прервать поиски, — сказал он, — иначе мне не хватит горючего до Саванны.

— Саванна в штате Джорджия, — сказал Суворов, словно отвечал на уроке.

Пилот улыбнулся.

— Точно.

— Оттуда мы отправимся в Советский Союз?

— Нет, только заправимся.

И пилот замолчал.

Суворов понял, что ничего разведать не удастся, поэтому снова принялся разглядывать местность.

Неожиданно он взволнованно показал на что-то над панелью управления.

— Вон там! — крикнул он, перекрывая гул двигателя. — Небольшой перекресток слева.

— Узнаете?

— Думаю, да. Опуститесь пониже. Хочу прочесть вывеску над полуразвалившимся зданием на углу.

Пилот послушно опустил вертолет, и тот повис в тридцати футах над перекрестком.

— Это вам нужно? — спросил он.

— „Гловер Калпеппер: бензин и бакалея“. Мы близко, — сказал Суворов. — Летите над дорогой, которая ведет к реке на севере.

— Это внутренний водный путь.

— Канал?

— Мелкий канал, который позволяет проплыть по воде в глубине материка от североатлантических штатов до Флориды и Мексиканского залива. Используется преимущественно яхтами и буксирами.

Вертолет летел над вершинами деревьев, ветки качались от ветра, поднятого лопастями. Неожиданно у болотистых берегов ручья дорога кончилась. Суворов смотрел через лобовое стекло.

— Лаборатория должна быть где-то здесь.

— Я ничего не вижу, — сказал пилот, наклоняя машину и всматриваясь в местность.

— Посадите его! — нервно потребовал Суворов. — Вон там, в трехстах метрах от дороги, на поляне.

Пилот кивнул и мягко коснулся посадочными салазками зеленой травы, подняв облако прелых листьев. Он отключил двигатель и, хотя лопасти еще не перестали вращаться, открыл дверцу. Суворов выскочил и через подлесок побежал к дороге. Через несколько минут лихорадочных поисков он посмотрел на берег ручья и раздраженно огляделся.

— В чем дело? — спросил подошедший пилот.

— Здесь его нет, — ошеломленно сказал Суворов. — Склад с лифтом, который съезжает в лабораторию. Он исчез.

— Здание не может исчезнуть за шесть часов, — сказал пилот. Он начинал скучать. — Должно быть, не та дорога.

— Нет, нет, дорога та самая.

— Я вижу только деревья и болото. — Пилот помедлил и добавил: — Ну, еще старый дебаркадер по ту сторону ручья.

— Корабль! — сказал Суворов, словно его озарило. — Это был корабль!

Пилот посмотрел в мутную воду ручья.

— Здесь глубина всего три-четыре фута. Невозможно по воде провести сюда здание размером со склад, да еще с лифтом.

Суворов удивленно развел руками.

— Надо продолжать поиски.

— Простите, — решительно сказал пилот. — На дальнейшие поиски у нас нет ни времени, ни горючего. Чтобы прибыть на встречу вовремя, мы должны немедленно вылетать.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и пошел назад к вертолету. Суворов медленно побрел за ним, словно в трансе.

Когда вертолет поднялся над деревьями и направился к Саванне, на окне дебаркадера приподнялся занавес из мешковины; старик-китаец смотрел из окна в дорогой бинокль „Селестон 11x80“.

Убедившись, что верно прочел идентификационный номер на фюзеляже вертолета, он положил бинокль, набрал номер на портативном радиотелефоне со скремблером и быстро заговорил по-китайски.

Глава 44

— Минутка найдется, Дэн? — спросил Кертис Майо у Дэна Фосетта, когда тот выходил из машины на небольшой улице близ Белого дома.

— Вы меня поймали на бегу, — ответил Фосетт, не глядя на Майо. — Опаздываю на встречу.

— Снова трудное обсуждение в Ситуационном кабинете?

Фосетт перевел дух. Затем спокойно, насколько позволяли дрожащие пальцы, закрыл дверь машины и взял свой „дипломат“.

— Ничего не хотите сказать? — спросил Майо.

Фосетт пошел к воротам, которые охраняла служба безопасности.

— Я вдаль по ветру стрелу пустил…

— Взвилась, умчалась, и след простыл,[20] — закончил Майо, идя с ним рядом.

— Лонгфелло. Хотите посмотреть мою стрелу?

— Не очень.

— Она приземлится в шестичасовых новостях.

Фосетт сбавил шаг.

— Что вам нужно?

Майо достал из кармана видеокассету и протянул Фосетту.

— Может, захотите посмотреть до эфира.

— Зачем вы это делаете?

— Назовем это профессиональным любопытством.

— Это нечто новое.

Майо улыбнулся.

— Я сказал: просмотрите запись.

— Избавьте меня от трудов. Что на ней?

— Картинки сельской жизни: президент в роли фермера. Только это не президент.

Фосетт повернулся и посмотрел на Майо.

— Чушь!

— Я могу вас процитировать?

— Не умничайте! — рявкнул Фосетт. — Мне не нужно интервью с передергиванием.

— Хорошо, тогда прямой вопрос, — сказал Майо. — Кто изображал президента и вице-президента в Нью-Мексико?

— Никто.

— У меня есть доказательства противного. Достаточные, чтобы дать их в новостях. Я открою рот, и все золотари отсюда до Сиэтла набросятся на Белый дом, как армия муравьев-убийц.

— Попробуйте и получите дюжину яиц в физиономию, когда президент, стоя рядом с вами, как сейчас я, опровергнет ваши домыслы.

— Не получу, если сумею разузнать, что с ним было, пока двойники устраивали этот маскарад на ферме.

— Не стану желать вам удачи, потому что сама мысль нелепа.

— Будьте откровенны со мной, Дэн. Происходит что-то важное.

— Поверьте, Керт, ничего необычного не происходит. Через несколько дней президент покажется. Сможете сами спросить его.

— А как насчет тайных соображений кабинета в самое неожиданное время суток?

— Без комментариев.

— Это правда, не так ли?

— Кто вам наговорил такого вздора?

— Тот, кто видел, как в подвал министерства финансов по ночам въезжает множество машин без номеров.

— Значит, министерство работает и по ночам.

— В здании никаких огней. Мое предположение: люди проходят по служебному туннелю в Белый дом и собираются в ситуационном кабинете.

— Думайте что хотите, но вы ошибаетесь. Вот все, что я могу сказать.

— Я не оставлю эту тему, — вызывающе сказал Майо.

— Как хотите, — равнодушно сказал Фосетт. — Дело хозяйское.

Майо отстал и смотрел, как Фосетт проходит через охраняемый вход. Советник президента играл хорошо, думал он, но все равно играл. Все сомнения, какие были у Майо насчет того, что в правительстве происходит что-то зловещее, развеялись.

И его решимость выяснить, что именно, окрепла.

Фосетт вставил кассету в видеомагнитофон и сел перед экраном. Он просмотрел запись трижды и увидел все, что увидел Майо.

Он устало поднял телефонную трубку и попросил закрытую линию связи с государственным департаментом. Через несколько мгновений в наушниках зазвучал голос Дага Оутса:

— Да, Дэн, в чем дело?

— У нас новый поворот.

— Новости о президенте?

— Нет, сэр. Я только что говорил с Кертисом Майо из „Си-Эн-Эн-Ньюс“. Он нас раскрыл.

Наступила напряженная пауза.

— Что можно сделать?

— Ничего, — ответил Фосетт. — Абсолютно ничего.

Сэм Эммет вышел из здания ФБР в центре Вашингтона и поехал в Виргинию, в Лэнгли, в штаб-квартиру ЦРУ. Прошел летний дождь, оросив лесистые окрестности разведкомплекса и оставив душистый запах влажной зелени.

Когда Эммет вошел в приемную, Мартин Броган стоял у дверей своего кабинета. Рослый бывший преподаватель колледжа протянул руку.

— Спасибо, что нашли время приехать. Я знаю, как вы заняты.

Эммет улыбнулся, пожимая протянутую руку. Броган был одним из немногих людей в окружении президента, кем он искренне восхищался.

— Вовсе нет. Я не кабинетный работник. Хватаюсь за каждую возможность оторвать зад от стула и размяться.

Они вошли в кабинет Брогана и сели.

— Кофе или выпить? — спросил Броган.

— Спасибо, ничего не нужно. — Эммет открыл „дипломат“ и положил на стол директора ЦРУ переплетенный отчет. — Итог исследований по исчезновению президента по состоянию на час назад.

Броган протянул ему такой же переплетенный отчет.

— То же от ЦРУ. Печально, но с нашей последней встречи почти ничего нового.

— Вы не одиноки. Мы тоже в милях от прорыва.

Броган помолчал, раскуривая похожую на веревку тосканскую сигару. Сигара казалась неуместной рядом с костюмом фирмы „Братья Брукс“[21] и жилетом. Мужчины вместе стали читать. Через десять минут полной тишины сосредоточенность на лице Брогана сменил искренний интерес, и он постучал по странице отчета Фосетта.

— Вот тут про исчезнувшего советского психолога.

— Я так и думал, что это вас заинтересует.

— Он вместе со всем своим штатом исчез в ночь похищения „Орла“?

— Да, и до сих пор ни один человек не найден. Возможно, это просто совпадение, но мне кажется, им нельзя пренебречь.

— Мне прежде всего приходит в голову, что этого человека, — Броган снова взглянул на страницу, — Лугового, доктора Алексея Лугового, может использовать КГБ, чтобы с помощью его психологических познаний выведать у похищенных государственные секреты.

— Отвергать такую возможность нельзя.

— Эта фамилия, — задумчиво сказал Броган, — кажется мне знакомой.

— Слышали раньше?

Неожиданно Броган приподнял брови, глаза его чуть округлились, он потянулся к интеркому.

— Пошлите мне последние данные из французского Агентства международной безопасности.

— Думаете, что-то нашли?

— Запись разговора между советским президентом Антоновым и главой КГБ Владимиром Полевым. Кажется, там упоминается Луговой.

— От французской разведки? — переспросил Эммет.

— Антонов был там с официальным визитом. Наши друзья-соперники в Париже негласно обмениваются с нами информацией, которую не считают затрагивающей интересы их государства.

Меньше чем через минуту личный секретарь Брогана постучал в дверь и передал расшифровку секретной записи. Броган быстро просмотрел текст.

— Чрезвычайно интересно, — сказал он. — Если читать между строк, можно вообразить множество макиавеллиевых схем. По словам Полевого, психолог, работавший в ООН, исчез на пароме, шедшем от Стейтен-Айленда в Нью-Йорк, и всякие контакты с ним прекратились.

— КГБ потерял сразу несколько овец из своего стада? — с легким удивлением спросил Эммет. — Совсем новый поворот. Они начинают небрежничать.

— Полевой с этим согласен. — Броган протянул страницу. — Прочтите сами.

Эммет прочел напечатанное, потом перечитал. А когда поднял голову, в его глазах светилось торжество.

— Итак, за похищением стоят русские.

Броган кивнул.

— Да, судя по всем данным, но они не могут работать одни. Тем более если не знают, где Луговой. Им кто-то помогает, кто-то в Соединенных Штатах, причем обладающий властью, чтобы руководить операцией.

— Может, вы? — спросил Эммет.

— Нет, — рассмеялся Броган. — А вы?

Эммет покачал головой.

— Если КГБ, ЦРУ и ФБР остаются в неведении, у кого на руках карты?

— У человека, которого они называют „старой сукой“ и „китайской шлюхой“.

— Эти коммунисты дурно воспитаны.

— Кодовое название операции, должно быть, „Гекльберри Финн“.

Эммет вытянул ноги, скрестил их и удобнее устроился в кресле.

— Гекльберри Финн, — повторил он, отчетливо произнося каждый слог. — У нашего противника в Москве мрачный юмор. Но самое главное: он невольно подставил глаз, в который мы можем воткнуть кол.

Никто не обращал внимания на двух человек, удобно устроившихся в кабине грузовика, который стоял на площадке для разгрузки около здания НПМА. Дешевая пластиковая сменяемая надпись на двери кабины со стороны пассажира рекламировала „Водопроводные трубы Гаса Мура“. За кабиной, в кузове, в беспорядке лежали инструменты и несколько медных труб разной длины. Комбинезоны у обоих были перемазаны грязью и пылью, и не брились эти двое дня три или четыре. Единственной странностью были их глаза. Оба не сводили взгляда со входа в здание НПМА.

Водитель подобрался и кивком указал направление.

Второй достал из бумажного мешка с оторванным дном бинокль и посмотрел на того, кто выходил из дверей. Потом положил бинокль на колени и посмотрел на большую, одиннадцать на четырнадцать дюймов, глянцевую фотографию.

— Есть. Это он.

Водитель сверился с рядом цифр на маленьком черном передатчике.

— Обратный отсчет сто сорок секунд... время пошло.

Он подчеркнул свои слова, переведя рычажок в положение „включено“.

— Хорошо, — сказал его напарник. — Давай уносить ноги.

Когда Питт спустился по широкой каменной лестнице, грузовик с трубами проехал мимо него. Питт остановился, пропуская машину, и пошел к парковке. Он был в семидесяти ярдах от своего „Талбота-лаго“, когда обернулся, услышав гудок.

Подъехал Эл Джордино в четырехприводном „Форде-бронко“.

Его густые волосы были не расчесаны, подборок зарос щетиной. Выглядел он так, словно не спал целую неделю.

— Смываешься пораньше? — спросил он.

— Собирался, пока ты меня не поймал, — с улыбкой ответил Питт.

— Везунчик, сидишь здесь и ничего не делаешь.

— Закончил подъем „Орла“? — спросил Питт.

Джордино устало кивнул.

— Три часа назад на буксире притащил его вверх по реке и поставил в сухой док. От него за милю пахнет смертью.

— Ну, тебе по крайней мере не пришлось убирать тела.

— Нет, этой грязной работой занимались флотские ныряльщики.

— Возьми недельный отпуск. Ты его заслужил.

Джордино широко улыбнулся.

— Спасибо, босс. Это то, что мне нужно.

Но лицо его стало серьезным.

— Есть новости о „Пайлоттауне“?

— Мы нацеливаемся…

Питт не закончил фразу. Страшный взрыв сотряс воздух. Между тесно стоящими машинами поднялся столб пламени, и во все стороны полетели куски металла. Колесо с шиной — хромовые спицы блестели на солнце — высоко взлетело и с грохотом приземлилось на капот машины Джордино.

Отскочив и пролетев в нескольких дюймах над головой Питта, оно покатилось по парку и наконец застряло в кусте роз. Эхо взрыва несколько секунд гуляло по городу, пока не стихло.

— Боже! — недоверчиво и испуганно воскликнул Джордино. — Что это было?

Питт уже бежал, лавируя между тесно поставленными машинами, и остановился перед грудой искореженного металла, окутанного густым черным дымом. Асфальт под этой грудой расплавился от жары, превратившись в тяжелую жидкость. В груде трудно было узнать машину.

Подбежал Джордино.

— Боже, чья это была машина?

— Моя, — ответил Питт с горестной миной: он смотрел на остатки своего некогда прекрасного „Талбота-лаго“.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ „ЛЕОНИД АНДРЕЕВ“

Глава 45

7 августа 1989 года Майами, Флорида

Когда Лорен поднялась на борт „Леонида Андреева“, ее встретил капитан Яков Покофский, привлекательный мужчина с густыми седыми волосами и глазами круглыми и черными, как икра. Хотя он вел себя вежливо и дипломатично, Лорен чувствовала — он не очень доволен тем, что американский политик ходит по его кораблю и задает вопросы об управлении. После обычного обмена любезностями первый помощник провел Лорен в каюту для высокопоставленных пассажиров, утопающую в цветах, которых хватило бы на государственные похороны. Русские, подумала Лорен, умеют принимать важных гостей.

Вечером, когда последние пассажиры поднялись на борт и устроились в каютах, круизный лайнер отдал швартовы и по каналу вышел из залива Бискейн в Атлантический океан. Под тропическим бризом мерцали огни отелей Майами-Бич; „Леонид Андреев“ отходил все дальше от берега, и огни превратились в тонкую полосу на горизонте.

Лорен разделась и приняла душ. Вышла, вытерлась и приняла перед высоким зеркалом нарочитую позу фотомодели. Фигура вполне ничего, учитывая тридцать семь лет использования: бег и четыре часа балета еженедельно держат центробежные силы под контролем. Лорен ущипнула себя за ягодицу и с досадой заметила, что между указательным и большим пальцами более дюйма плоти. И приняла решение отказаться от спиртного и десертов.

Надела розовато-лиловый жаккардовый жакет и юбку из черных кружев и тафты. Распустила деловую прическу, позволив волосам упасть на

плечи. Довольная результатом, она решила до ужина за капитанским столом прогуляться по палубе.

Воздух был таким теплым, что она отказалась от свитера. На корме, на палубе для загара, она нашла свободное кресло и расслабилась, подняв колени и сцепив руки на икрах. Следующие полчаса она смотрела, как отражение половины луны бежит по темным волнам, и ни о чем определенном не думала. Потом огни на палубе от носа до кормы неожиданно погасли.

Лорен не видела вертолета, пока он не оказался над самым кораблем. Он летел почти над самыми волнами и без навигационных огней. Из тени показалось несколько матросов. Они быстро накрыли крышкой плавательный бассейн.

Один из офицеров посигналил фонариком, и вертолет опустился на импровизированную посадочную площадку.

Лорен встала и подошла к поручням. Она стояла палубой выше, в сорока футах от теперь закрытого плавательного бассейна. Светила луна, и это позволило Лорен видеть происходящее. Она оглянулась в поисках других пассажиров, но увидела всего пять или шесть человек; все они стояли еще пятьюдесятью футами дальше, чем она.

Из вертолета вышли трое. Лорен показалось, что с двумя обращаются очень грубо. Офицер зажал фонарик под мышкой и обеими руками резко толкнул людей в открытый проход. На мгновение луч фонарика осветил бумажно-белое лицо и выпученные в страхе глаза.

Лорен отчетливо увидела это лицо. Она вцепилась в поручень, и сердце ее словно заледенело.

Вертолет поднялся и быстро полетел к берегу. Крышку с бассейна тут же сняли, моряки исчезли. Через несколько секунд по всему кораблю снова загорелись огни.

Все произошло так быстро, что Лорен усомнилась, видела ли она приземление и взлет.

Но не узнать испуганного человека у бассейна внизу было невозможно. Лорен была уверена, что это спикер палаты представителей конгрессмен Алан Моран.

На мостике капитан Покофский, человек среднего роста и плотного сложения, всматривался в экран радара. Из угла капитанского рта свисала сигарета. Покофский выпрямился и поправил свой белый капитанский китель.

— Они по крайней мере подождали, пока мы выйдем из двенадцатимильной зоны, — гортанным голосом сказал он.

— Нет признаков слежки за ними? — спросил вахтенный офицер.

— Ни воздушного контакта, ни кораблей на море, — ответил Покофский. — Операция прошла гладко.

— Как и все остальные, — с нахальной улыбкой сказал вахтенный офицер.

Покофский не улыбнулся в ответ.

— Не люблю принимать гостей, о которых предупреждают так внезапно, да еще при свете полной луны.

— Должно быть, дело очень важное.

— А бывают не важные дела? — ядовито спросил Покофский.

Вахтенный офицер решил промолчать. Он достаточно долго служил с Покофским, чтобы видеть — тот в дурном настроении.

Покофский снова взглянул на радар и перевел взгляд на черное море впереди.

— Проследите, чтобы гостя проводили в мою каюту, — приказал он, прежде чем сойти с мостика.

Пять минут спустя второй помощник постучал в дверь его каюты и провел внутрь человека в мятом деловом костюме.

— Капитан Покофский, — сказал капитан, вставая из мягкого кожаного кресла.

— Павел Суворов.

— КГБ или ГРУ?

— КГБ.

Покофский жестом указал на диван.

— Не сообщите о причинах вашего неожиданного визита?

Суворов сел и оценивающе посмотрел на Покофского.

Его не обрадовало то, что он увидел. Закаленный моряк, таких не запугать авторитетом государственной безопасности. Суворов благоразумно решил проявить осторожность.

— Конечно. Мне приказано тайком вывезти из страны двух человек.

— Где они сейчас?

— Я взял на себя смелость попросить вашего первого помощника запереть их на гауптвахте.

— Они бежали из Советского Союза?

— Нет, они американцы.

Покофский приподнял брови.

— Вы хотите сказать, что похитили американских граждан?

— Да, — с ледяным спокойствием ответил Суворов. — Это два важнейших руководителя из правительства Соединенных Штатов.

— Не уверен, что правильно расслышал.

— Их имена не имеют значения. Один из них конгрессмен, второй сенатор.

Глаза Покофского гневно вспыхнули.

— Вы представляете себе, какой опасности подвергаете мое судно?

— Мы в международных водах, — умиротворяюще сказал Суворов. — Что может случиться?

— Войны начинались и из-за меньшего, — отрезал Покофский. — Если американцы узнают, их никакие международные воды не остановят. Они без колебаний вышлют флот и береговую охрану и обыщут судно.

Суворов встал и посмотрел прямо в глаза Покофскому.

— Вашему драгоценному судну ничего не грозит, капитан.

Покофский смотрел на него.

— Как это?

— В океане много места, — спокойно ответил Суворов. — Если обстоятельства потребуют, мои друзья на гауптвахте будут преданы глубине.

Глава 46

Разговоры за капитанским столом велись тусклые и бессодержательные, как и следовало ожидать. Соседи Лорен по обеденному столу надоедали ей историями о своих плаваниях. Покофский тысячи раз слышал такие рассказы. Он вежливо улыбался и делал вид, что слушает. Когда спросили его, он рассказал, что семнадцати лет начал службу в русском

флоте, прошел все офицерские чины, командовал военным транспортом и через двадцать лет перешел на государственные пассажирские линии.

„Леонида Андреева“ он описал как четырнадцатитонное судно, построенное в Финляндии и способное брать на борт 478 пассажиров, причем на каждых трех пассажиров приходилось два члена экипажа. На современном белоснежном лайнере были крытые и открытые плавательные бассейны, пять коктейльных баров, два ночных клуба, десять магазинов, торгующих русскими товарами и выпивкой, кинотеатр и театральный зал, а также хорошо подобранная библиотека. Летом корабль выходил из Майами в десятидневные круизы по тропическим островам Карибского моря.

В перерыве между разговорами Лорен небрежно упомянула о посадке вертолета. Капитан Покофский прикурил сигарету от деревянной спички и задул пламя.

— Вы, американцы, с вашим изобилием, — с усмешкой сказал он. — Два богатых техасца опоздали на судно в Майами и наняли вертолет, чтобы долететь на „Андреева“. Мало кто из моих соотечественников может позволить себе такую роскошь.

— Из моих тоже, — заверила Лорен.

Капитан не только очаровательный и забавный собеседник, подумала она, он еще и искусный лжец. Она оставила тему и принялась за салат.

Перед десертом Лорен извинилась и ушла в свою каюту. Сбросила туфли, разделась, повесила юбку и жакет и легла на огромную кровать. Она вспоминала испуганное лицо Алана Морана, убеждая себя, что это просто кто-то похожий на конгрессмена и, возможно, в неверном свете она ошиблась. Разум говорил, что это всего лишь игра воображения.

Но тут она вспомнила вопрос Питта в ресторане. Он спросил, не слышала ли она об исчезновении каких-нибудь важных правительственных фигур.

И теперь глубинное внутреннее чутье говорило ей, что она права.

Она положила на кровать перед собой путеводитель по судну и чертежи палуб и разгладила смятые страницы. Искать Морана в этом плавучем городе с его 230 каютами, помещениями для экипажа численностью свыше трехсот человек, с грузовыми трюмами и машинным отделением, искать на одиннадцати палубах каждая 500 футов длиной — задача совершенно невыполнимая. Нужно также помнить, что она представляет американское правительство на русской территории. Попросить у капитана Покофского разрешения обшарить все уголки корабля? Легче убедить его сменить водку на бурбон из Кентукки.

Она решила, что самое логичное — проверить, где Моран. Если он дома в Вашингтоне смотрит телевизор, можно забыть это безумие и крепко уснуть. Она снова оделась и пошла в радиорубку.

К счастью, здесь было мало народу, и ей не пришлось ждать своей очереди.

Миловидная русская девушка в аккуратной форме спросила ее, с кем она хочет связаться.

— Вашингтон, округ Колумбия, — ответила Лорен. — Личный разговор с мисс Салли Линдеманн. Я напишу номер.

— Пожалуйста, подождите в пятой кабинке. Я соединю через спутник, — сказала девушка на почти безупречном английском.

Лорен сидела терпеливо, надеясь, что ее секретарь дома. Так и оказалось.

Сонный голос ответил оператору, подтвердив, что говорит Салли Линдеманн.

— Это вы, босс? — спросила Салли, когда ее соединили с Лорен. — Ручаюсь, вы танцуете под карибскими звездами с красивым плейбоем. Я права?

— Холодно. Очень.

— Мне следовало знать, что это деловой звонок.

— Салли, мне нужно, чтобы ты кое с кем связалась.

— Секунду. — Наступила пауза. Когда голос Салли послышался снова, он был чрезвычайно деловитым. — Я взяла блокнот и ручку. С кем связаться и что сказать?

— С конгрессменом, который выступал против моего водного проекта в Скалистых горах и завалил его.

— Вы про этого старого ханжу Мо…

— Именно, — перебила Лорен. — Хочу, чтобы ты позвонила ему. Желательно поговорить с ним лично. Начни с его дома. Если его нет, спроси жену, где его можно найти. Если она не захочет отвечать, скажи, что дело очень важное и связано с работой конгресса. Говори что угодно, но найди его.

— Если я найду, что тогда?

— Ничего, — ответила Лорен. — Скажи, что это ошибка.

На несколько секунд наступило молчание. Потом Салли очень осторожно спросила:

— Вы не пьяны, босс?

Лорен рассмеялась, понимая, как изумлена Салли.

— Я абсолютно трезва.

— Дело может подождать до утра?

— Нет, мне срочно нужно знать, где он.

— Уже первый час ночи, — возразила Салли.

— Немедленно звони! — отрезала Лорен. — И сразу перезвони мне, как только увидишь его или услышишь его голос.

Она повесила трубку и вернулась в свою каюту. Луна висела прямо над головой, и Лорен на несколько минут задержалась на палубе. Ей хотелось, чтобы рядом был Питт.

Лорен наносила утреннюю косметику, когда в ее дверь постучали.

— Кто там?

— Стюард.

Она открыла дверь. Стюард, обслуживавший ее каюту, поздоровался. Он застенчиво смотрел на ложбинку, видневшуюся в вырезе ее неплотно запахнутого халата.

— Вас срочно вызывает материк, конгрессмен Смит, — сказал он с сильным славянским акцентом. — Звонок держат для вас в радиорубке.

Она поблагодарила и торопливо оделась. Новая девушка проводила ее к кабинке. В наушниках голос Салли звучал так четко, словно она была в соседней комнате.

— Доброе утро, босс, — устало сказала Салли.

— Повезло?

— Жена Морана сказала, что он отправился рыбачить с сенатором Маркусом Ларимером, — выпалила Салли, прежде чем Лорен успела остановить ее. — И клянется, что они на каком-то Гусином озере, частном курорте для славных парняг, в нескольких милях от заповедника „Квантико“ в Марин-Кор. Поэтому я села в машину и поехала туда. Уговорила типа, охранявшего вход, и осмотрела все дома, купальни и причал. Ни конгрессмена, ни сенатора. Тогда я вернулась в столицу. Позвонила и разбудила троих помощников Морана. Никогда не

просите его офис об одолжении. Они все подтверждают историю с рыбалкой. Для страховки я связалась с людьми Ларимера. Тот же вздор. На самом деле их уже неделю никто не видел. Простите, что подвела, босс, но мне все это кажется дымовой завесой.

Лорен почувствовала, как по спине пробежал холодок. Неужели вторым человеком, которого выводили из вертолета, был Маркус Лаример?

— Продолжить охоту? — спросила Салли.

— Да, пожалуйста, — ответила Лорен.

— Постараюсь, — заявила Салли. — Да, едва не забыла. Слышали последние новости?

— Как я могла их слышать в десять утра на корабле посреди океана?

— Они касаются вашего друга Дирка Питта.

— С Питтом что-то случилось? — в тревоге спросила Лорен.

— Кто-то взорвал его машину. К счастью, его в этот момент в машине не было. Но он был очень близко. Как раз шел к автомобилю, но остановился, потому что встретил друга. Согласно сообщению полиции, еще минута — и его пришлось бы отскребать от асфальта.

Все смешалось перед глазами Лорен. События происходили слишком быстро, чтобы она успела их осознать. Они мелькали перед ее глазами, как кусочки лоскутного одеяла. Но все швы сходились к одной точке. Лорен ухватилась за единственную нить, которая, кажется, у нее оставалась.

— Сал, слушай внимательно. Позвони Питту и скажи, что мне нужно…

Неожиданно в наушниках раздался резкий звонок.

— Ты меня слышишь, Сал?

Единственным ответом был шум. Лорен повернулась, собираясь пожаловаться девушке, но та исчезла.

На ее месте стояли два стюарда, точнее, два борца в форме стюардов, и первый помощник. Офицер открыл дверцу кабинки и коротко поклонился.

— Пожалуйста, пройдемте со мной, конгрессмен Смит. С вами хочет говорить капитан.

Глава 47

Пилот посадил вертолет на маленьком аэродроме на Острове Пальм близ Чарльстона. Проделал стандартную процедуру завершения полета, сбавив обороты двигателя, и подождал, пока лопасти остановятся.

Спина и руки болели — он слишком долго пробыл в воздухе, — и, идя к небольшому офису у посадочной площадки, он разминал мышцы. Открыл дверь и вошел.

В крошечном помещении сидел незнакомый человек и читал газету. Пилоту он показался китайцем или японцем.

Газета опустилась, явив дробовик с пистолетной рукоятью и двумя короткими стволами.

— Что вам нужно? — тупо спросил пилот.

— Информация.

— Вы не туда пришли, — сказал пилот, инстинктивно поднимая руки. — Здесь не библиотека, а скорая помощь на вертолетах.

— Очень остроумно, — сказал азиат. — Но еще вы перевозите пассажиров.

— Кто сказал?

— Павел Суворов. Один из ваших русских друзей.

— Никогда о таком не слышал.

— Странно. Вчера большую часть дня он сидел рядом с вами в кресле второго пилота.

— Что вам нужно? — повторил пилот, начиная ощущать страх.

Азиат злобно улыбнулся.

— У вас ровно десять секунд на то, чтобы точно ответить, куда вы отвезли Суворова и еще двоих. Если будете упрямиться, я прострелю вам колено. Еще через десять секунд можете попрощаться со своей сексуальной жизнью. — Он подкрепил угрозу, щелкнув предохранителем. — Отсчет пошел!

Три минуты спустя азиат вышел из здания и закрыл за собой дверь. Прошел к стоявшему недалеко автомобилю и поехал по песчаной дороге к Чарльстону.

Машина еще не скрылась из виду, когда из крыши офиса пилота вырвался столб оранжевого пламени и по спирали поднялся в белое облачное небо.

Мужчина, проходя в маленькую дверь, пригнул голову.

Он был в дешевом деловом костюме, уже несколько десятилетий как вышедшем из моды.

— Конгрессмен Смит, прошу прощения за условия, в которые пришлось вас поместить.

— Вряд ли я вас прощу, — дерзко ответила она. — Кто вы такой?

Целый день Питт спасался от репортеров и полицейских детективов. Он спрятался в малолюдном пабе под названием „Трезубец дьявола“ на Род-Айленд-авеню и сидел в тихом углу в кожаном кресле, задумчиво глядя на недоеденный сэндвич „Монте-Кристо“[22] и третий коктейль „Манхеттен“, который он вообще заказывал очень редко.

Миловидная официантка, блондинка в мини-юбке и чулках-сеточке, остановилась у его столика.

— Ты самый несчастный человек в заведении, — сказала она с материнской улыбкой. — Потерял любимую или жену?

— Хуже, — ответил Питт. — Машину.

Она бросила на него взгляд, каким смотрят на марсиан и придурков, пожала плечами и перешла к соседнему столику.

Питт продолжал сидеть, помешивая вишенкой „Манхеттен“ и ни на что в частности не глядя. Где-то в ходе событий он утратил над ними контроль.

Теперь события контролируют его. То, что он знал, кто пытался его убить, не утешало. Мотив был только у Бугенвилей.

Он подобрался чересчур близко. Не нужно большого ума, чтобы разгадать эту загадку. Он сердился на себя за то, что, как подросток, играл в компьютерные игры с их финансовой организацией; а ведь они выступают совсем за другую лигу.

Питт чувствовал себя так, словно обнаружил посреди Антарктики сейф, набитый валютой, но тратить валюту совершенно негде. Его единственный рычаг — знать больше, чем, как они считают, ему известно.

Загадкой оставалось участие Бугенвилей в похищении „Орла“. Он не видел мотивов для убийства команды и потопления яхты. Единственной нитью оставались многочисленные трупы корейцев.

Неважно: это проблема ФБР, и он рад от нее избавиться.

Пришла пора действовать, решил он, и прежде всего нужно собраться с силами. Для этого решения тоже большого ума не требовалось.

Он встал и подошел к стойке.

— Могу я воспользоваться твоим телефоном, Кабот?

Бармен, остролицый ирландец по имени Шон Кабот, с сомнением взглянул на Питта.

— Местный звонок или дальний?

— Дальний, но наличными не плати: я оплачу карточкой.

Кабот равнодушно кивнул и поставил телефон на угол стойки, подальше от других клиентов.

— Жаль твою машину, Дирк. Я ее как-то видел. Красавица.

— Спасибо. Купи себе выпить и впиши в мой счет.

Кабот заполнил стакан имбирным элем и поднял:

— За доброго самаритянина и гурмана.

Набирая номер, Питт не чувствовал себя ни добрым самаритянином, ни тем более гурманом. Он назвал оператору номер кредитной карточки и подождал ответа.

— „Касио и партнеры инвестигейшн“.

— Говорит Дирк Питт. Сал на месте?

— Минутку, сэр.

Положение улучшается. Он принят в клуб.

— Дирк? — послышался голос Касио. — Все утро звоню вам в офис. Кажется, я кое-что нашел.

— Что именно?

— Поиски в архивах морского профсоюза принесли плоды. На шестерых корейцев, которые нанялись на „Сан-Марино“, нашлись данные о предыдущих плаваниях.

В основном иностранные морские линии. Но у всех шестерых нашлось нечто общее. Все они в то или иное время плавали на кораблях „Морских перевозок Бугенвиль“. Слышал о такой фирме?

— Совпадает, — ответил Питт. И рассказал Касио о результатах компьютерных поисков.

— Черт возьми! — недоверчиво воскликнул Касио. — Действительно совпадает.

— А что есть в архиве профсоюза об этих корейцах после исчезновения „Сан-Марино“?

— Ничего, они исчезли из вида.

— Если Бугенвили действовали в своей обычной манере, все эти парни мертвы.

Касио замолчал, и Питт понимал, какие мысли мелькают в голове детектива.

— Я у вас в долгу, — сказал наконец Касио. — Вы помогли найти убийцу Арты. Но это мой праздник, и отныне я бы хотел действовать в одиночку.

— Не говорите, что месть — обычное дело для мученика, — резко ответил Питт. — К тому же вы не знаете, кто лично виновен.

— Мин Корио Бугенвиль, — ответил Касио, с отвращением произнося это имя. — Кто же еще?

— Старуха могла отдать приказ, — сказал Питт, — но сама рук не марала. Не секрет, что она уже десять лет в инвалидном кресле. Со времени президентства Никсона она не дает интервью, и не напечатано ни одной ее фотографии. Насколько нам известно, Мин Корио Бугенвиль — дряхлый, прикованный к постели овощ. Да ее вообще может не быть в живых. Она не могла одна разбрасывать тела по морям.

— По-вашему, этим занималась целая корпоративная армия?

— А вы можете представить себе более действенный способ устранения конкурентов?

— Теперь вы скажете, что она мафиози, — проворчал Касио.

— Мафия убивает только осведомителей и друг друга. Блеск и красота злого умысла Мин Корио в том, что, убивая целиком экипажи похищенных судов, уводя суда у других компаний, она обходилась почти без накладных расходов. Но для этого кто-то должен был создать преступную организацию и руководить ею. Не позволяйте ненависти ослепить вас. Вы должны видеть реальное положение, Сал. В одиночку вам с Бугенвилями не справиться.

— А вместе с вами?

— Армия начинается с двоих.

Снова наступило молчание, и Питту даже показалось, что связь прервалась.

— Вы еще здесь, Сал?

— Здесь, — задумчиво ответил Касио. — Что надо сделать?

— Летите в Нью-Йорк и нанесите визит в „Морские перевозки Бугенвиль".

— Вскрыть их офис?

— Мне казалось, это называется „проникнуть".

— Судья и детектив используют разные словари.

— Используйте свои способности и попытайтесь увидеть то, чего не видно в компьютерах.

— Я посажу там „жучки".

— Ну, тут вы специалист, — сказал Питт. — У нас есть преимущество: вы придете оттуда, откуда нас не ожидают. Меня уже отметили.

— Отметили? — переспросил Касио. — Каким образом?

— Бомба в машине.

— Сволочи! — выдохнул Касио. — Сегодня же вылечу в Нью-Йорк.

Питт передвинул телефон по стойке и вернулся к своему столику. После разговора с Касио он почувствовал себя лучше и прикончил сэндвич. И раздумывал, не заказать ли четвертый „Манхеттен", но к его столику подошел Джордино.

— Вечеринка для избранных? — спросил он.

— Нет, — ответил Питт. — „Ненавижу мир", „Жалею себя", „Чувствую себя на свалке" — вот такая вечеринка.

— Все равно присоединяюсь, — сказал Джордино, садясь. — Адмирал за тебя переживает.

— Скажи ему, что я заплачу за ремонт стоянки.

— Будь серьезен. Старик зол как черт. Все утро бранится с министерством юстиции, требуя расследовать, кто стоит за этим взрывом. Для него нападение на тебя — это нападение на НПМА.

— Агенты ФБР роются в моей квартире и офисе?

Джордино кивнул.

— Не меньше шести человек.

— А репортеры?

— Им я и счет потерял. А чего ты ожидал? Взрыв, который уничтожил твою машину, вывел твое имя на первые полосы газет. Первый взрыв бомбы в городе за четыре года. Нравится тебе это или нет, старина, но ты вызвал целую бурю.

Питт испытывал легкий подъем оттого, что сумел настолько возбудить интерес Бугенвилей, что его попытались устранить. Должно быть, они поняли, что он кусает их с флангов и с каждым укусом все больше вникает в их тайны. Но почему такая сильная реакция?

Ложное объявление о находке и „Сан-Марино“, и „Пайлоттауна“, несомненно, насторожило их. Но не должно было вызвать панику. То, что Мин Корио не среагировала на выдуманную историю, доказывает, что она не из тех, кого легко напугать.

Как они поняли, что он так близко?

Бугенвили не могли так быстро определить его причастность к компьютерному проникновению и спланировать убийство. И тут его осенило. Мысль все время была рядом, но он отгонял ее, потому что она не укладывалась в общую картину. Но сейчас она ярко вспыхнула.

Бугенвили связали его с „Орлом“.

Питт так глубоко задумался, что не услышал, как Джордино сказал: „тебя к телефону“.

— Твоя мысль, должно быть, блуждает за миллион миль отсюда, — сказал Джордино, показывая на бармена Кабота. Тот держал в руках трубку.

Питт подошел к стойке и сказал в трубку:

— Алло!

Послышался возбужденный голос Салли Линдеманн.

— Слава богу, я наконец вас разыскала! Весь день пытаюсь до вас дозвониться.

— Что случилось? — спросил Питт. — С Лорен все в порядке?

— Думаю, да, а может, и нет. — Салли была растеряна. — Просто не знаю.

— Не торопитесь и рассказывайте, — попросил Питт.

— Вчера ночью конгрессмен Смит позвонила мне с борта „Леонида Андреева“ и попросила установить местонахождение спикера палаты

представителей Алана Морана. Причину она не указала. Когда я спросила, что ему сказать, когда я с ним свяжусь, они ответила: „Скажи, что это ошибка“. Для вас это имеет смысл?

— Вы нашли Морана?

— Не совсем. Мне сообщили, что они с сенатором Ларимером рыбачат в месте под названием Гусиное озеро. Я поехала туда, но там никто о них ничего не знал.

— Что еще сказала Лорен?

— Ее последние слова были: „Позвони Питту и скажи, что мне нужно...“ И связь прервалась. Я много раз пыталась снова дозвониться до нее, но ответа не получила.

— Вы сказали оператору на судне, что дело чрезвычайно важное?

— Конечно. Мне ответили, что мое сообщение передали в ее каюту, но она ничего не сказала. Невероятно. Совсем не похоже на конгрессмена Смит. Безумие, да?

Питт молчал, обдумывая услышанное.

— Да, — сказал он наконец. — Это достаточно безумно, чтобы иметь смысл. У вас есть расписание „Леонида Андреева“?

— Минутку.

Салли отсутствовала почти минуту.

— Так, что вы хотите знать?

— Когда у него следующий порт?

— Посмотрим. Он прибывает в Сан-Сальвадор на Багамских островах в десять утра и в тот же день в восемь вечера отплывает в Кингстон, на Ямайку.

— Спасибо, Салли.

— Но что все это значит? — спросила Салли. — Может, объясните?

— Продолжайте попытки связаться с Лорен. Каждые два часа звоните на корабль.

— А вы позвоните, если что-нибудь узнаете, — с подозрением сказала Салли.

— Позвоню, — пообещал Питт.

Он вернулся к столику и сел.

— Кто это был? — спросил Джордино.

— Мой туристический агент, — ответил Питт, стараясь говорить небрежно. — Он взял нам билеты на круиз по Карибскому морю.

Глава 48

Кертис Майо сидел за столом в студии, изображающей кабинет в редакции газеты, и смотрел на монитор, стоящий справа от него, под камерой номер два. Оставалось десять минут до вечерних новостей, и он ждал сигнала к окончанию рекламы освежителя воздуха для туалетов. Ролик демонстрировал нью-йоркскую фотомодель, которая вряд ли хоть раз в своей жизни чистила унитаз. Девушка скромно улыбалась, прижимая к щеке рекламируемый товар.

Показался режиссер, отсчитал последние три секунды и сделал знак Майо. Мигнул красный огонек над камерой, Майо посмотрел в объектив и начал часть новой программы.

— На президентской ферме в Нью-Мексико ходят слухи, что глава государства и вице-президент пользуются услугами двойников.

Майо рассказывал, а механик в контрольной кабинке пустил запись: президент на тракторе.

— Президент на пленке, который косит люцерну, наводит кое-кого на мысль, что это не он. Манеры кажутся слегка преувеличенными, другие кольца, причем на других пальцах, часы такие, каких президент обычно не носит. К тому же у него появилась привычка почесывать подбородок — ее раньше не было.

Актера Джона Саттона, который поразительно похож на президента и часто изображает его в рекламе и на ТВ-шоу, репортеры не смогли найти в Голливуде и попросить прокомментировать этот сюжет. Возникает вопрос: „Зачем лидеру нации понадобился двойник?“. Это тайная мера безопасности, или тому есть более мрачные причины? Неужели у президента так много работы, что ему пришлось одновременно быть в двух местах? Можно только гадать.

На этой подозрительной ноте Майо закончил. Механик переключился на камеру в студии, а Майо перешел к следующему сюжету:

— Сегодня в Майами полиция объявила о ликвидации целой цепочки наркодилеров...

Закончив программу и услышав, что обрушился вал звонков с требованием дополнительной информации о двойнике президента, Майо мрачно улыбнулся. То же самое, если не хуже, творится сейчас и с

телефонами в Белом доме. И Майо с презрительной радостью подумал, как справляется с этим пресс-секретарь президента.

Программа Майо закончилась, и в Нью-Мексико Сынок Томпсон тупо смотрел на опустевший экран. Он сидел, обмякнув на стуле, безвольный как медуза. Он видел, что его тщательно выстроенный уютный мир быстро идет к краху. Когда будет доказано, что он участвовал в обмане публики, его после ухода из Белого дома не возьмет на работу ни одна газета, ни одна телевизионная станция.

За ним со стаканом спиртного в руке стоял Джон Саттон.

— Стервятники слетаются, — сказал он.

— Гигантскими стаями, — пробормотал Томпсон.

— И что теперь будет?

— Не нам решать.

— Я не сяду в тюрьму, как Лидди, Колсон[23] и другие, — язвительно сказал Саттон.

— Никто не сядет, — устало ответил Томпсон. — Это не Уотергейт. Министерство юстиции на нашей стороне.

— Я не стану страдать из-за банды политиков, — сказал Саттон. В его глазах появился алчный блеск. — На этом можно заработать тысячи, а то и несколько миллионов.

Томпсон посмотрел на него.

— Как?

— Интервью, статьи, права на книги — тут возможности бесконечные.

— Вы собираетесь уйти отсюда и все рассказать?

— А почему нет? — спросил Саттон. — Кто меня остановит?

Настала очередь Томпсона улыбнуться.

— Вам не объяснили, почему вас наняли. Вы понятия не имеете, как важно ваше маленькое представление для национальной безопасности.

— Какая разница? — равнодушно спросил Саттон.

— Можете мне не верить, мистер Саттон, но в правительстве есть немало людей, искренне обеспокоенных безопасностью нашего государства. И они не позволят вам ради выгоды подрывать эту безопасность.

— Как могут эти маньяки, хозяева вашингтонского цирка, навредить мне? Дадут мне по рукам? Призовут в армию в шестьдесят два года? Сдадут налоговикам? Никакого толка. Мою декларацию проверяют каждый год.

— Ничего столь обыденного, — сказал Томпсон. — Вас просто уберут.

— Что значит „уберут“? — спросил Саттон.

— Может, следовало сказать „вы исчезнете“, — ответил Томпсон, с радостью видя, как в глазах Саттона брезжит понимание. — Могу не объяснять, что ваше тело никогда не найдут?

Глава 49

Фосетта ничуть не вдохновлял предстоящий день. Сбривая щетину с подбородка, он время от времени поглядывал на стопку газет, лежащих на раковине в ванной. Во всей утренней прессе страны история Майо была на первой полосе. Газеты неожиданно начали задавать вопросы, почему президента уже десять дней никто не видел. Половина редакторских колонок требовала, чтобы он выступил перед нацией с заявлением. Вторая половина спрашивала: „Где настоящий президент?“.

Вытерев полотенцем остаток пены и смазав лицо кремом после бритья, Фосетт решил, что лучше всего и дальше ставить на вашингтонскую загадку, а значит, молчать. Он будет заниматься своими делами, искусно уйдет на второй план и предоставит государственному секретарю Оутсу выдерживать натиск журналистов.

Теперь счет шел не на дни, а на часы. Скоро он пойдет на минуты. Тянуть время больше не удастся.

Фосетт даже представить не мог, какие осложнения возникнут с объявлением о похищении. Никогда преступления против государства не достигали такого масштаба.

Но он был убежден, что огромный бюрократический аппарат, наделенный способностью к самосохранению, все равно будет функционировать. Только верхние слои могут меняться, только элиту способны свергнуть голоса избирателей.

Сам же институт сохраняется.

И он намерен был все свое ослабевающее влияние употребить на то, чтобы передача власти следующему президенту прошла как можно более гладко. Если повезет, ему даже удастся сохранить свою должность.

Он надел темный костюм, сел в машину и поехал в офис, всю дорогу терзаясь страхом. Когда он вошел в Белый дом через Западное крыло, его ждали Оскар Лукас и Алан Мерсье.

— Дела плохи, — только и сказал Лукас.

— Кто-то должен сделать заявление, — сказал Мерсье; вид у него был — краше в гроб кладут.

— Уже тянули короткую соломинку? — спросил Фосетт.

— Даг Оутс считает, что вы лучше всех проведете пресс-конференцию, на которой объявите о похищении.

— А остальной кабинет? — не веря собственным ушам, спросил Фосетт.

— Все согласились.

— Да пошел он, этот Оутс! — сипло произнес Фосетт. — Сама эта мысль нелепа. Я понимаю, он старается спасти нашу задницу. Но я не уполномочен взрывать эту бомбу. Что касается простых избирателей, я для них не существую. Ни один из тысячи не назовет мое имя и не скажет, каково мое положение в администрации. Вы ведь знаете, что произойдет. Публика сразу решит, что, когда лидеры нации утонули вместе с яхтой, остальные собрались за закрытыми дверьми спасать свои политические шкуры. После этого всякое уважение к Соединенным Штатам навсегда исчезнет. Нет. Простите, но самая лучшая кандидатура для такого заявления — сам Оутс.

— Понимаете, — терпеливо сказал Мерсье, — если Оутсу придется принять огонь на себя и выяснится, что он не способен ответить на массу неприятных вопросов, сразу может возникнуть подозрение, что он причастен к этому похищению. Ведь, как следующему в цепочке преемников президента, ему похищение чрезвычайно выгодно. Разоблачители-журналисты дружно начнут вопить „Заговор!“. Помните, как реагировала публика, после того как Хинкли стрелял в Рейгана, а тогдашний государственный секретарь Александр Хейг заявил, что у него все под контролем? Хотел он того или нет, но репутация человека, стремящегося к власти любой ценой, пристала к нему навсегда. Публике не понравилась мысль о том, что он управляет страной. Его влияние резко сократилось, и он вынужден был подать в отставку.

— Вы сравниваете кетчуп с горчицей, — сказал Фосетт. — Говорю вам: если я встану и заявлю, что глава государства, вице-президент и два важнейших лидера конгресса загадочно исчезли и считаются мертвыми, народ придет в ярость. Да мне просто никто не поверит.

— Мы не можем умолчать о главном событии, — твердо сказал Мерсье. — Дуглас Оутс должен войти в Белый дом чистым, как свежий снег. Он не сможет склеить разбитое, если на него будут смотреть с сомнением и злобой.

— Оутс не политик. Он никогда не проявлял ни малейшего желания стать президентом.

— У него нет выбора, — сказал Мерсье. — Ему придется быть президентом до следующих выборов.

— Могут ли члены кабинета присутствовать при объявлении, чтобы поддержать меня?

— Нет, на это они не согласны.

— Итак, меня вынесут из города на брусе,[24] — с горечью сказал Фосетт. — Это общее решение?

— Вы преувеличиваете, — успокоил Мерсье. — Никто не собирается вываливать вас в смоле и перьях. Должность остается за вами. Даг Оутс хочет, чтобы вы остались главой штата Белого дома.

— И полгода спустя попросит меня подать в отставку.

— Никто не может ничего гарантировать.

— Хорошо, — сказал Фосетт дрожащим от гнева голосом. Он прошел мимо Мерсье и Лукаса. — Возвращайтесь к Оутсу и скажите, что его жертва готова к закланию.

Не оборачиваясь, он вышел из комнаты, прошагал по коридору, вошел в кабинет и принялся расхаживать по нему, кипя от гнева. Колеса бюрократии, сердито говорил он себе, готовы переехать меня. Он был в такой ярости, что даже не заметил, как в кабинет вошла Меган Блэр, секретарь президента.

— Мерси, я никогда не видела вас таким взвинченным! — ахнула она.

Фосетт обернулся и заставил себя улыбнуться.

— Просто жалуюсь стенам.

— Я тоже иногда так делаю, особенно когда наезжающая в гости племянница сводит меня с ума своими дисками с записями. Эта проклятая музыка гремит по всему дому.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезен? — нетерпеливо спросил Фосетт.

— Кстати о жалобах, — ядовито сказала она. — Почему мне не сообщили, что президент вернулся с фермы?

— Должно быть, упустили…

Он замолчал и странно посмотрел на нее.

— Что вы сказали?

— Президент вернулся, а меня никто не предупредил.

На лице Фосетта появилось крайнее недоверие.

— Он в Нью-Мексико.

— Совершенно точно нет, — убежденно сказала Меган Блэр. — Сейчас он сидит за своим письменным столом. Отругал меня за то, что я припозднилась.

Меган была не из тех женщин, которые лгут как дышат. Фосетт посмотрел ей в глаза и понял: она говорит правду.

— С вами все в порядке?

Она удивленно смотрела на него, чуть наклонив голову.

Фосетт ничего не ответил. Он выскочил из кабинета и побежал по коридору. Навстречу ему попались Лукас и Мерсье, которые продолжали о чем-то говорить вполголоса. Они удивленно посмотрели на пробежавшего мимо Фосетта.

— За мной! — крикнул он через плечо, размахивая руками.

Лукас среагировал первым и побежал за Фосеттом, замыкал цепочку Мерсье.

Фосетт ворвался в Овальный кабинет и застыл, побелев.

Президент Соединенных Штатов взглянул на него и улыбнулся.

— Доброе утро, Дэн. Готовы просмотреть мое расписание?

Менее чем в миле от них в безопасном кабинете на верхнем этаже русского посольства Алексей Луговой сидел перед экраном и читал расшифровку волн мозга президента. На дисплее мысли были представлены по-английски, а рядом принтер уже печатал перевод на русский язык.

Луговой отпил глоток крепкого черного кофе и встал, не отрывая взгляда от зеленых букв на экране. И самодовольно поднял брови.

С большого расстояния мозг президента передавал ему каждую мысль, речевые образцы и даже слова, произнесенные другими и поступившие в память.

Вторая стадия эксперимента „Гекльберри Финн“ завершилась полным успехом.

Луговой решил подождать еще несколько дней, прежде чем перейти к заключительному и самому главному этапу. Если все пройдет хорошо,

его проект (был он уверен) продолжат люди из Кремля. И тогда генеральный секретарь компартии Антонов, а не президент будет определять политику Соединенных Штатов.

Глава 50

Когда расплавленное солнце ушло под западный берег Эгейского моря, корабль миновал Дарданеллы и двинулся сквозь лабиринт греческих островов. По поверхности катились мягкие двухфутовые волны, с Африканского побережья на юге дул горячий ветер.

Вскоре с неба исчез оранжевый цвет, а с моря — голубой; небо и море скрылись за сплошной завесой черноты. Луна еще не взошла; светили только звезды да навигационный маяк на острове Лесбос. Джеймс Мангай, капитан 540-футового грузового корабля „Венеция“, стоял на мостике, не сводя глаз с носа судна.

Время от времени он бросал взгляд на экран радара и в иллюминатор рубки, довольный тем, что на море нет других кораблей.

Одесса, порт на Черном море, остался во многих морских милях позади, но капитан беспокоился.

Впрочем, теперь ему дышалось легче. Русские мало на что посмеют решиться в греческих водах.

„Венеция“ шла порожняком — ее единственным грузом было золото, отправленное мадам Бугенвиль советским правительством, — и потому сидела в воде высоко.

Портом назначения была Генуя; там золото тайно выгрузят и переправят для хранения в Люцерн.

Капитан Мангай услышал за собой шаги на палубе и в отражении в окне узнал первого помощника Ким Чао.

— Что там у нас, мистер Чао? — спросил он, не поворачиваясь.

Чао прочел почасовой метеорологический прогноз автоматической базы данных.

— Следующие двенадцать часов спокойное плаванье, — неторопливо ответил он. — Долгосрочный прогноз тоже неплохой. Нам везет. В это время года южные ветра обычно гораздо сильней.

— Чтобы прийти в Геную по расписанию мадам Бугенвиль, нам нужно спокойное море.

— Что за спешка? — спросил Чао. — Двенадцатью часами больше или меньше — какая разница.

— Это важно для хозяйки, — сухо сказал Мангай. — Она хочет перебросить груз как можно быстрей.

— Наш механик летит быстрее, чем тайфун. Он клянется, что не может все плавание поддерживать такую скорость: сгорят двигатели.

— Он всегда видит только черные тучи.

— С самой Одессы вы не оставляли мостик, капитан. Позвольте сменить вас.

Мангай благодарно кивнул.

— Неплохо бы отдохнуть. Но сперва взгляну на нашего пассажира.

Он передал вахту на мостике Чао, спустился на три палубы, остановился перед тяжелой стальной дверью в коридоре в середине корабля и нажал на переборке кнопку переговорного устройства у двери.

— Мистер Хон, это капитан Мангай.

Дверь открылась с негромким скрипом. Из нее осторожно выглянул маленький круглолицый человек в очках с толстыми стеклами.

— А, да, капитан. Пожалуйста, заходите.

— Вы в чем-нибудь нуждаетесь, мистер Хон?

— Нет, мне вполне удобно, спасибо.

Представление мистера Хона об удобстве сильно отличалось от капитанского.

Единственными признаками того, что здесь живут, были саквояж, аккуратно задвинутый под складную полотняную койку, одно одеяло, маленькая электрическая плитка с чайником и прикрепленный к переборке откидной стол, уставленный химическим аналитическим оборудованием. Остальную часть помещения занимали ящики с золотыми слитками. Слитки были сложены по тридцать в высоту и по десять в глубину, несколькими рядами. Несколько слитков лежали на столе рядом с раскрытым ящиком с надписью на боку:

РТУТЬ В СТЕКЛЯННОЙ УПАКОВКЕ

ХИМИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ „СУЗАКА“

КИОТО, ЯПОНИЯ

— Как дела? — спросил Мангай.

— К приходу в порт проверю все ящики.

— И сколько позолоченных свинцовых слитков всунули нам русские?

— Нисколько, — ответил Хон, качая головой. — Счет сходится, и пока все проверенные слитки золотые.

— Странно, что все так гладко. Груз прибыл точно в назначенный час. Их грузчики доставили его на борт без всяких инцидентов. А мы смогли уйти без обычных бюрократических препон. Никогда в наших прежних делах в советских портах не было такой эффективности.

— Возможно, мадам Бугенвиль обладает большим влиянием на Кремль.

— Может быть, — скептически согласился Мангай. Он с любопытством поглядел на груды сверкающего металла. — Интересно, что стоит за этой транзакцией?

— Я бы не стал спрашивать, — ответил Хон, старательно оборачивая слиток в упаковочный материал и укладывая его обратно в ящик.

Прежде чем Мангай смог ответить, из динамика послышался голос:

— Капитан, вы здесь?

Капитан подошел к двери и открыл ее. За ней стоял радист.

— Да, в чем дело?

— Я подумал, вам следует знать, капитан: кто-то глушит нашу связь.

— Вы уверены?

— Да, сэр, — ответил молодой офицер. — Я засек его. Источник помех менее чем в трех милях с правого борта.

Мангай попрощался с Хоном и торопливо пошел на мостик.

Первый помощник Чао спокойно сидел в высоком вращающемся кресле и изучал данные на компьютерной панели.

— Есть какие-нибудь контакты, мистер Чао? — спросил Мангай.

Если Чао удивился внезапному возвращению капитана, то ничем этого не выдал.

— Ничего визуально и ничего на радаре, сэр.

— Наша глубина?

Чао посмотрел на шкалу глубомера.

— Пятьдесят метров, или сто шестьдесят футов.

Ужасная истина, как удар молота, обрушилась на капитана Мангая. Он наклонился над картой и отметил курс корабля. Их киль как раз проходил над отмелью Цонстона, одного из многих участков в Эгейском море, где морское дно поднимается на сто футов к поверхности. Достаточно глубоко для благополучного прохода судна, но в то же время достаточно мелко, чтобы поднять его со дна.

— Повернуть на глубокую воду! — закричал он.

Чао удивленно посмотрел на капитана.

Мангай раскрыл рот, чтобы повторить приказ, но слова застыли у него на языке. В этот миг две торпеды со звуковым наведением проникли в машинное отделение фрейтера и взорвались, вызвав опустошение.

В дне корабля появились зияющие отверстия, и в них хлынуло море. „Венеция“ содрогнулась в предсмертной муке.

Ей потребовалось всего восемь минут, чтобы погибнуть; судно кормой вперед ушло под равнодушные волны и исчезло навсегда.

Едва „Венеция“ затонула, как рядом всплыла подводная лодка и принялась освещать прожектором плавучие обломки крушения. Несколько уцелевших, цеплявшихся за эти обломки, были хладнокровно расстреляны из пулемета, и их изуродованные тела тоже ушли на дно. От субмарины в свете прожекторов отошли шлюпки.

Они обыскивали море несколько часов; убрав все следы крушения, шлюпки вернулись на борт.

Прожектор погас, и подводная лодка погрузилась во тьму.

Глава 51

В своем кабинете в Белом доме президент сидел во главе стола для совещаний, овального, из красного дерева. Кроме него, за столом собрались одиннадцать человек. Президент с улыбкой смотрел на серьезные лица присутствующих.

— Я знаю, господа, всех интересует, где я провел последние десять дней и каков статус вице-президента Марголина, Ала Морана и Маркуса Ларимера. Позвольте вас успокоить. Наше временное отсутствие — моя идея.

— Только ваша? — спросил Дуглас Оутс.

— Не совсем. Участвовал также президент Советского Союза Антонов.

Несколько мгновений главные советники президента смотрели на него удивленно, с ошеломлением.

— Вы провели тайную встречу с Антоновым без ведома кого-либо из собравшихся в этой комнате? — спросил Оутс. Лицо его побледнело от отчаяния.

— Да, — ответил президент. — Личная встреча, без вмешательства извне, без предубеждения, без международной прессы, которая будет обсуждать каждое слово, без политических ограничений. — Он помолчал и обвел взглядом сидящих перед ним. — Необычные переговоры, но, думаю, избиратели примут их, когда узнают о результатах.

— Расскажете, где и каким образом проходили переговоры, господин президент? — спросил Дэн Фосетт.

— После смены яхт мы пересели в гражданский вертолет и улетели в маленький аэропорт в пригороде Балтимора. Там мы пересели в самолет, принадлежащий моему старому другу, пересекли Атлантический океан и сели на заброшенной посадочной полосе на восточном краю пустыни Атар, в Мавритании. Там нас ждали Антонов и его люди.

— Мне казалось… сообщали, — неуверенно сказал Джесс Симмонс, — что Антонов на прошлой неделе был в Париже.

— Георгий провел короткие переговоры с президентом Л'Эстранжем в Париже, прежде чем прилететь в Атар. — Он повернул голову и посмотрел на Фосетта. — Кстати, Дэн, маскарад был великолепный.

— Нас едва не поймали.

— Поначалу я буду отрицать использование двойника как явную нелепицу. Со временем, когда я буду готов, я все объясню прессе.

Сэм Эммет оперся локтями на стол и подался к президенту.

— Сэр, вам сообщили, что „Орел“ затоплен со всем экипажем?

Президент несколько отсутствующим взглядом удивленно смотрел на него. Потом его взгляд сфокусировался, и он сказал:

— Нет, я этого не знал. Я хочу получить полный отчет, Сэм, как можно быстрей.

Эммет кивнул.

— Он будет у вас на столе раньше, чем мы разойдемся.

Оутс пытался справиться с эмоциями. То, что встреча на высшем уровне, имеющая серьезные последствия для международной политики страны,

прошла без ведома государственного департамента, просто немыслимо. Никто ничего подобного не помнит.

— Думаю, все здесь хотят знать, что вы обсуждали с Георгием Антоновым, — сдержанно сказал он.

— Очень продуктивный обмен уступками, — ответил президент. — Главным пунктом повестки было разоружение. Мы с Антоновым обсудили все аспекты и договорились прекратить производство ракет и начать разоружение. Выработана сложная формула, которая в простом изложении означает следующее: на каждую уничтоженную русскую ракету будет приходиться одна наша; инспекторы на местах будут контролировать все операции.

— Франция и Англия никогда не согласятся на это, — сказал Оутс. — Их ядерный арсенал не зависит от нашего.

— Мы начнем с ракет самого дальнего действия и постепенно перейдем к другим вооружениям, — невозмутимо ответил президент. — Европа неизбежно присоединится к нам.

Генерал Клейтон Меткалф покачал головой.

— Я бы сказал, чрезвычайно наивное предложение.

— Это начало, — решительно сказал президент. — Я верю, что Антонов сделал свое предложение искренне, и намерен проводить его программу разоружения.

— Я подожду с выводами, пока не изучу формулу, — сказал Симмонс.

— Справедливо.

— Что еще вы обсуждали? — спросил Фосетт.

— Торговое соглашение, — ответил президент. — Вкратце, если мы разрешим русским вывозить продукцию наших фермеров на их судах, Антонов обещает платить самые высокие мировые цены и, что самое главное, не закупать продукты у других государств, если мы можем выполнить заказ. Иными словами, американские фермеры становятся исключительными поставщиками продуктов Советам.

— Антонов согласился на это? — недоверчиво спросил Оутс. — Не могу поверить, что старый медведь способен отдать какому-нибудь государству исключительные права.

— У меня есть письменное согласие.

— Здорово, — сказал Мартин Броган. — Но я хотел бы, чтобы кто-нибудь мне объяснил, как русские смогут закупать исключительно нашу

продукцию. Их восточные сателлиты вынуждены были объявить дефолт, наделав огромных долгов на Западе. Советская экономика в катастрофическом состоянии. У Советов нет денег даже чтобы платить своим вооруженным силам и правительственным чиновникам; на зарплату можно купить только еду и одежду. Чем они будут платить? Наши фермеры в долг коммунистам не дадут. Им самим деньги нужны сразу, чтобы рассчитаться с долгами за год.

— Есть выход, — сказал президент.

— Ваш план по Востоку? — спросил Фосетт, предвидя ответ.

Президент кивнул.

— Антонов в принципе согласился на мой план экономической помощи.

— Прошу прощения, господин президент, — сказал Оутс, стискивая дрожащие руки, — но ваш план ничего не решает. Вы собираетесь предоставить миллиарды долларов экономической помощи коммунистическим странам, чтобы они могли потратить эти деньги на покупку у наших фермеров продовольствия. Какое-то „нос вытащишь — хвост увязнет“, а расплачиваться за все будут наши налогоплательщики.

— Я солидарен с Дагом, — сказал Броган. — Зачем нам это?

Президент осмотрел сидящих за столом; лицо его стало упрямым.

— Я знаю: это единственный способ раз навсегда показать миру, что русская система управления, несмотря на их чудовищную военную машину, неудачна и ей нельзя завидовать, ее нельзя копировать. Если мы осуществим мой план, ни одна страна в мире больше не сможет винить нас в империалистической агрессии, ни одна пропагандистская или дезинформационная кампания коммунистов не будет воспринята серьезно. Вспомните, как Соединенные Штаты после Второй мировой войны помогали своим врагам встать на ноги. А теперь мы можем сделать то же самое для государства, которое объявило крестовый поход против нас и отвергло наши демократические принципы. Я искренне верю, что нет лучшего способа обеспечить будущее человечества.

— Откровенно говоря, господин президент, — строго заговорил генерал Меткалф, — ваш грандиозный замысел ничего не изменит. Как только их экономика окрепнет, кремлевские лидеры вернутся к прежней воинственности. Они ни за что не откажутся от семидесяти лет военной экспансии и политической стратегии из благодарности за американскую щедрость.

— Генерал прав, — сказал Броган. — Последние спутниковые снимки показывают, что в эту самую минуту, когда мы сидим здесь, русские устанавливают цепь своих ракет последнего поколения, СС-30 с

разделяющимися боеголовками, вдоль северо-восточного побережья Сибири, и каждая ракета нацелена на один из городов США.

— Все они будут демонтированы, — железным голосом ответил президент. — Так как мы знаем об их существовании, Антонов не нарушит свое соглашение.

Оутс был в ярости и уже не собирался скрывать это.

— Весь этот разговор — пустая трата времени. — Он почти кричал на президента. — Ни один из ваших планов не может быть осуществлен без одобрения конгресса. А это, сэр, абсолютно невероятно.

— Государственный секретарь прав, — сказал Фосетт. — Конгресс должен одобрить расходы, а учитывая его теперешнее настроение из-за вторжения советских войск в пограничные зоны Турции и Ирана, продвижение вашей программы закончится похоронами в комитетах.

Все сидящие за столом тревожились, все чувствовали, что правительство никогда больше не будет действовать на прочной основе единодушия. Возникнут разногласия, которые до сих пор сдерживались. Команда исчезла; то, что сдерживало личные пристрастия и неприязни, убито. Исчезло уважение к президенту и его посту. Все поняли, что президент такой же человек, как все, и способен совершать гораздо больше ошибок, чем они считали возможным. Это осознание черной тучей повисло в конференц-зале. Все смотрели на президента: понимает ли он это?

Президент сидел с необычно злым лицом, осклабившись в предвкушении триумфа.

— Мне не нужен конгресс, — загадочно сказал он. — Ему в моей политике места нет.

Во время короткого перехода из зала совещаний к Южному портику Дуглас Оутс принял твердое решение подать в отставку с поста государственного секретаря. Грубое отстранение от участия в переговорах с Антоновым — это оскорбление он не собирался прощать. Решение было принято, и он не собирался от него отказываться. Он чуял катастрофу и не хотел в нее попасть.

Он стоял на ступенях в ожидании машины, когда подошли Броган и Эммет.

— Можно поговорить с вами, Даг? — спросил Эммет.

— Я не настроен болтать, — проворчал Оутс.

— Это очень важно, — сказал Броган. — Пожалуйста, выслушайте нас.

Машины на подъездной дороге еще не было, и Оутс устало пожал плечами.

— Слушаю.

Броган посмотрел мимо него и тихо сказал:

— Мы с Сэмом считаем, что президентом манипулируют.

Оутс саркастически взглянул на него.

— Манипулируют, черт побери! Он сошел с ума, и я отказываюсь участвовать в его безумии. Утонувший „Орел“ — тут полная неясность, и где Марголин, Лаример и Моран, президент тоже не сказал. Простите, господа, но вы первые, кто узнает: вернувшись в государственный департамент, я очищаю свой стол, созываю пресс-конференцию и объявляю об отставке. А потом первым же самолетом улечу из Вашингтона.

— Мы так и подозревали, — сказал Эммет. — Поэтому и решили перехватить вас, пока вы не ушли.

— Что, собственно, вы хотите мне сказать?

Эммет в поисках помощи посмотрел на Брогана, потом пожал плечами.

— Это трудно сформулировать, но мы с Мартином считаем, что мозг президента… кто-то контролирует.

Оутс не поверил своим ушам. Но логика подсказывала, что главы ФБР и ЦРУ не такие люди, чтобы делать легкомысленные заявления.

— Кто контролирует?

— Мы думаем, русские, — ответил Броган. — Но пока у нас нет доказательств.

— Мы понимаем, что это звучит фантастично, — объяснил Эммет, — но на самом деле все очень реально.

— Господи, неужели на президента кто-то влиял так, как вы полагаете, когда он летал в Мавританию на переговоры с Антоновым?

Броган и Эммет обменялись понимающими взглядами. Потом Броган сказал:

— Нет ни одного полета в мире, о котором не знало бы наше агентство. Ставлю свою работу на то, что нигде нет данных о полете из Мэриленда в Мавританию и обратно.

У Оутса округлились глаза.

— Но встреча с Антоновым...

Эммет медленно покачал головой.

— Не было никакой встречи.

— Значит всеобщее разоружение, соглашение о торговле сельхозпродуктами — все это ложь? — спросил Оутс; голос его слегка дрожал.

— Это подтверждает его расплывчатое отрицание убийств на „Орле“, — закончил Броган.

— Зачем он выдумал такой безумный кошмар? — ошеломленно спросил Оутс.

— На самом деле это неважно, — сказал Эммет. — Эти программы, вероятно, даже не его идея. Важно сейчас то, что его поведением управляют. Кто управляет его мыслями и откуда?

— Мы можем узнать?

— Да, — сказал Эммет. — Поэтому мы и хотели перехватить вас. Прежде чем вы клюнете на приманку.

— Что я могу сделать?

— Оставайтесь, — ответил Броган. — Президент не в состоянии выполнять свои обязанности. А так как Марголина, Морана и Ларимера по-прежнему нет, вы следующий по очереди.

— Президента нужно сдерживать, пока мы не закончим расследование, — сказал Эммет. — Пока вы у руля, мы сохраняем контроль над происходящим на случай, если президента потребуется отстранить от должности.

Оутс выпрямился и глубоко вдохнул.

— Боже, да это просто начало заговора с целью смещения президента.

— В конце концов, — мрачно сказал Броган, — может дойти и до этого.

Глава 52

Луговой оторвался от своих записей и посмотрел на невролога, сидевшего у приборов, принимавших телеметрические сигналы.

— Состояние?

— Субъект в стадии расслабления. Мозговые ритмы свидетельствуют о нормальном сне. — Невролог поднял голову и улыбнулся. — Он этого не знает, но он храпит.

— Наверно, знает его жена.

— Думаю, она спит в другой спальне. С самого его возвращения у них не было секса.

— Функции организма?

— Все показатели в норме.

Луговой зевнул и посмотрел на часы.

— Двенадцать минут второго.

— Вам следует поспать, доктор. Внутренние часы президента будят его каждое утро между шестью и шестью пятнадцатью.

— Проект оказался нелегким, — пожаловался Луговой. — Президенту нужно на два часа меньше сна, чем мне. Терпеть не могу тех, кто рано встает.

Он замолчал и принялся разглядывать многоцветный экран, на котором отражались физиологические функции президента во время сна.

— Кажется, он видит сон.

— Было бы интересно посмотреть, что снится президенту Соединенных Штатов.

— Мы получаем некоторое представление, когда активность мозга от координированных мыслей переходит к разрозненным абстракциям.

— Вы толкуете сны, доктор?

— Предоставляю это фрейдистам, — ответил Луговой. — Я один из тех немногих, кто считает сны бессмыслицами. Сон — время, когда мозг, утомленный дневным мышлением, уходит в отпуск. Так городская собака, живущая в квартире, вдруг оказывается на лугу: она начинает бегать в разных направлениях, наслаждаясь новыми, необычными запахами.

— Многие с вами не согласятся.

— Сны не моя специальность, поэтому не стану затевать ученый спор. Но могу утверждать, что, даже если в снах есть смысл, большая часть органов чувств обычно бездействует.

— Вы говорите об отсутствии запаха и вкуса?

Луговой кивнул.

— Звуки тоже записываются редко. То же с осязанием и болью. Сны это преимущественно зрительные ощущения. Так что мое мнение,

подкрепленное некоторым опытом личных исследований, таково: если во сне видишь огнедышащую одноглазую козу, то это просто сон об огнедышащей одноглазой козе.

— Теория сна — основа психоаналитической практики. С вашей репутацией вы своими словами о козе разобьете немало признанных икон. Подумайте, сколько наших коллег-психиатров останутся без работы, если станет известно, что сны бессмысленны.

— Неконтролируемые сны быстро забываются, — продолжал Луговой. — Но требования и инструкции, которые мы передаем в мозг президента во время сна, не будут восприниматься как сны. Это внушенные мысли, которые возникают по стимулу извне.

— Когда мне начать программировать его имплантат?

— Передавайте инструкции незадолго до его пробуждения и повторяйте их все время, пока он сидит за столом.

Луговой снова зевнул.

— Я иду спать. Позвоните, если будут неожиданные изменения.

Невролог кивнул.

— Спокойной ночи.

Перед выходом из комнаты Луговой снова взглянул на систему контроля.

— Интересно, что делается в его воображении.

Невролог небрежно кивнул на принтер.

— Все должно быть здесь.

— Неважно, — сказал Луговой. — Подождет до завтра.

Он повернулся и вышел.

Невролог, чье любопытство пробудилось, взял верхний листок с записью волн мозга президента и начал читать.

— Зеленые летние холмы, — бормотал он, читая. — Город между двух рек со множеством церквей в византийском стиле, усаженных сотнями куполов. Одна из церквей называется Святая София. На реке баржа, груженная сахарной свеклой. Антониевы пещеры. Если бы я не знал, кто видит сон, я бы сказал, что ему снится Киев.

Он стоял у тропы на холме, выходящем на реку винного цвета, и смотрел на корабли. В его руке была кисть художника. На поросшем деревьями

склоне под собой он видел большой каменный пьедестал под фигурой, закутанной в длинное одеяние и держащей высокий крест, как посох. Справа от него стоял мольберт с холстом.

Картина почти закончена. Кисть точно воспроизвела пейзаж перед глазами, вплоть до изображенной штрихами листвы деревьев. Единственное отличие, если внимательно приглядеться, в каменной фигуре.

Вместо какого-то давно забытого святого с длинной косматой бородой — точное подобие головы советского президента Георгия Антонова.

Неожиданно картина изменилась. Теперь его вытаскивали из маленького домика какие-то четверо. Стены домика покрыты готическими надписями и выкрашены в белый цвет.

Лица похитителей неразличимы, но он чувствует запах их немытых тел и пота. Он не испытывает страха, только слепой гнев и лягается.

Его начинают бить, но боль кажется далекой, словно ее испытывает кто-то другой.

В дверях дома он видит молодую женщину. Ее светлые волосы зачесаны наверх, она одета в свободную кофту и крестьянскую юбку. Подняв руки, она как будто умоляет, но слов ее он не слышит.

Его бросают на заднее сиденье машины и захлопывают дверцу.

Глава 53

Начальник судовой интендантской службы со смехом наблюдал, как два туриста поднимаются по трапу. Очень заметная пара. Женщина в свободном, до щикотолок летнем платье и, на взгляд русского интенданта, похожа на вымокший под дождем мешок украинской картошки. Лица ее он почти не видел (его частично закрывала широкополая шляпа, завязанная под подбородком шелковым шарфом), но думал, что, если лицо станет видно, стекло его часов разлетится.

Мужчина, по-видимому, ее муж, был пьян как сапожник. Он покачивался на ходу, от него несло дешевым бурбоном, и он непрерывно смеялся.

Одетый в цветастую рубашку и белые брюки, он опирался на жену и шептал ей на ухо какой-то вздор. Он заметил интенданта и в комическом приветствии поднял руку.

— Привет, капитан, — сказал он с улыбкой.

— Я не капитан. Меня зовут Петр Колодный. Я интендант этого корабля. Чем могу быть полезен?

— Я Чарли Грубер, а это моя жена Зельда. Мы здесь купили билеты в Сан-Сальвадор.

Он протянул билеты интенданту, который какое-то время внимательно их разглядывал.

— Добро пожаловать на „Леонид Андреев“, — церемонно сказал он. — Я сожалею, что мы не устраиваем для пассажиров, как обычно, торжественную праздничную встречу, но вы поздно присоединились к нашему круизу.

— Мы плавали на паруснике, и болван-рулевой посадил нас на рифы, — забормотал человек, назвавшийся Грубером. — Мы с моей женщиной едва не утонули. Но не хотели рано возвращаться домой в Су-Фоллз. И решили продолжить отпуск на вашем корабле. К тому же моя жена любит греков.

— Это русский корабль, — терпеливо объяснил интендант.

— Шутите?

— Нет, сэр, порт приписки „Леонида Андреева“ — Севастополь.

— Что вы говорите? А где это?

— В Черном море, — ответил интендант, пытаясь сохранять вежливость.

— Наверно, все грязное.

Интендант не мог понять, как с такими гражданами США могли стать сверхдержавой. Он сверился со списком пассажиров и кивнул.

— Ваша каюта номер тридцать четыре на Горьковской палубе. Я попрошу стюарда проводить вас.

Стюард увел Груберов в их каюту, а интендант взглянул на ладонь. Чарли Грубер дал ему на чай монету в двадцать пять пенсов.

Как только стюард занес багаж и закрыл за собой дверь, Джордино стянул парик и стер помаду с губ.

— Боже, Зельда Грубер! Как только я это переживу?

— Я все равно считаю, что тебе стоило подложить пару грейпфрутов на грудь, — рассмеялся Питт.

— Предпочитаю плоскую грудь. Так я хоть не выделяюсь.

— Да, наверно, это хорошо. Для четверых тут недостаточно места.

Джордино помахал руками в маленькой, без окон, каюте.

— Говори после этого об экскурсиях со скидкой. Мне приходилось бывать в больших телефонных будках. Чувствуешь дрожь? Мы, наверно, рядом с двигателями.

— Я попросил каюту подешевле, чтобы оставаться на нижней палубе, — объяснил Питт. — Здесь мы меньше заметны и ближе к рабочим помещениям корабля.

— Думаешь, Лорен заперта где-то внизу?

— Если она увидела того, кого не должна была видеть, русские не станут держать ее там, где она может общаться с другими пассажирами.

— С другой стороны, возможно, тревога ложная.

— Скоро узнаем, — сказал Питт.

— Как будем действовать? — спросил Джордино.

— Я поброжу у кают экипажа. А ты проверь список пассажиров в офисе интенданта, узнай, какая каюта у Лорен. И посмотри, там ли она.

Джордино озорно улыбнулся.

— Что мне надеть?

— Не переодевайся. Зельду будем держать в резерве.

Вечером, в одну минуту девятого „Леонид Андреев“ отошел от причала. Машины негромко работали, судно разворачивалось носом. Мимо прошли песчаные „руки“ гавани Сан-Сальвадора, судно вышло в море и поплыло в яркий закат.

Вспыхнули огни и фейерверком отразились в воде, судно наполнили смех и звуки музыки — играли два разных оркестра. Пассажиры сменили шорты и спортивные брюки на костюмы и вечерние платья и собрались в главном зале ресторана или в многочисленных коктейльных.

Джордино в строгом смокинге бродил возле люксовых кают так, словно те принадлежали ему. Остановившись у двери, он огляделся. За ним шел стюард с подносом.

Джордино подошел к противоположной двери с надписью „Массаж“ и постучал.

— Массаж делают только до шести часов, сэр, — сказал стюард.

Джордино улыбнулся.

— Хотел договориться на завтра.

— Я с радостью позабочусь об этом, сэр. Какое время для вас удобно?

— Полдень.

— Сделаю, — сказал стюард; его рука под тяжестью подноса начала прогибаться. — Скажите, пожалуйста, как вас зовут и номер вашей каюты.

— О'Каллахан, каюта 22 на Толстовской палубе, — сказал Джордино. — Большое спасибо.

Он повернулся и направился обратно, к пассажирскому лифту. Здесь он нажал кнопку „вниз" и снова посмотрел в коридор.

Стюард, держа поднос на одной руке, негромко постучал в дверь в двух каютах от каюты Лорен. Джордино не видел, кто ему ответил, но слышал, как женский голос пригласил стюарда войти.

Не теряя ни секунды, Джордино подбежал к каюте Лорен, сильно пнул замок, распахнул дверь и вошел. В каюте было темно: свет выключен.

Все аккуратно, роскошно, и ни следа обитательницы.

Он не нашел в шкафу одежды Лорен. Не нашел ни багажа, ни вообще каких-нибудь доказательств, что она здесь была. Он старательно и медленно, комнату за комнатой, прочесал каждый квадратный фут. Заглядывал под мебель и за занавеси. Проводил руками по коврам и под подушками кресел. Он даже поискал в ванне и под душем лобковые волосы.

Ничего.

Однако не совсем. Когда женщина выходит из комнаты, там все равно остаются следы ее присутствия. Джордино принюхался. И уловил очень слабый аромат. Он не мог бы отличить „Шанель № 5" от ароматизатора для ванн, но это был тонкий цветочный аромат. Джордино попытался распознать его, но не смог.

Он натер мылом деревянную щепку, которая отскочила, когда он взламывал дверь, и приложил ее на место. Держится слабо, подумал он, но достаточно, чтобы выдержать несколько открываний двери, если экипаж вздумает проверять каюту до возвращения в Майами.

Он выключил свет, вышел и защелкнул замок.

Спускаясь по лестнице к машинному отделению, Питт очень хотел есть. У него во рту не было ни крошки с самого Вашингтона, и урчание в его животе, казалось, эхом отдавалось от стен. Ему хотелось сидеть в

столовой и поедать деликатесы из меню для гурманов. Неожиданно он забыл о голоде: снизу доносились голоса.

Он прижался к лестнице и посмотрел вниз, мимо своих ступней. Всего в четырех футах под ним виднелось чье-то плечо. Потом показалось темя с косматыми светлыми волосами. Моряк сказал кому-то несколько слов по-русски. Послышался ответ, а за ним шаги по металлическому покрытию. Через три минуты голова исчезла, и Питт услышал легкий щелчок дверцы шкафчика. Затем опять шаги и тишина.

Питт перегнулся через лестницу, зацепился ногами за поручень и повис головой вниз, вглядываясь.

Он увидел перевернутое вверх тормашками помещение со шкафчиками мотористов. Помещение пока пусто. Питт быстро спустился и осматривал шкафчики, пока не нашел грязный комбинезон, который примерно подходил по размеру. Еще он взял шапку на два размера больше и надел ее. Теперь он был готов появиться в рабочих отсеках судна.

Следующая сложность: он знает около двадцати слов по-русски, и все они имеют отношение к ресторанному меню.

Прошло почти полчаса, прежде чем Питт добрался до кубрика экипажа в носу судна. Изредка мимо проходил кок с одной из кухонь, стюард катил тележку, нагруженную бутылками для коктейль-баров, или горничная возвращалась со смены. Никто на него даже не взглянул, кроме офицера, который с отвращением посмотрел на его грязную одежду.

Питту повезло: он набрел на прачечную для экипажа.

Из-за стойки на него посмотрела круглолицая девушка и что-то спросила по-русски.

Он пожал плечами и ответил:

— Нет.

На длинном столе лежали стопки выстиранных морских мундиров.

Питту пришло в голову, что прачка спросила, какая стопка его. Он несколько мгновений разглядывал их и показал на ту, в которой были три аккуратно сложенных белых комбинезона, таких же, как тот, что на нем. Сменив комбинезон, он сможет пройти по всему кораблю, делая вид, что он из машинного отделения и обслуживает какие-нибудь механизмы.

Девушка выложила стопку на стойку и снова что-то спросила.

Он лихорадочно рылся в обрывках своего русского словаря. И наконец произнес:

— Есть ли у вас сосиски?

Девушка как-то странно посмотрела на него, но протянула ему одежду, заставив расписаться, что он и сделал, оставив весьма неразборчивую подпись.

Питт с облегчением понял, что девушка смотрит скорее с любопытством, чем подозрительно.

И только найдя пустую каюту и переодевшись, Питт понял, о чем спросил девушку.

Остановившись у доски объявлений и сняв с нее схему расположения помещений на палубах „Леонида Андреева“, следующие пять часов Питт обходил нижние уровни судна. Не найдя ни следа присутствия Лорен, он вернулся в каюту и обнаружил, что Джордино предусмотрительно заказал обед.

— Ничего не нашел? — спросил Джордино, наполняя бокалы русским шампанским.

— Ни следа, — устало ответил Питт. — Что празднуем?

— Позволим себе немного роскоши в этой тюрьме.

— Осмотрел ее каюту?

Джордино кивнул.

— Какими духами пользуется Лорен?

Питт несколько мгновений смотрел на пузырьки в стакане.

— Какое-то французское название. Не могу вспомнить. А что?

— У него цветочный запах?

— Лилия… нет, жимолость. Точно, жимолость.

— Ее каюта тщательно прибрана. Русские сделали так, словно в каюте никогда никого не было, но я почуял ее запах.

Питт осушил бокал и молча налил снова.

— Нужно считаться с возможностью, что ее убили, — деловито сказал Джордино.

— Тогда зачем прятать ее одежду и багаж? Нельзя же утверждать, что она упала за борт со всем своим имуществом.

— Должно быть, ее вещи где-нибудь спрятаны, и тут ждут дурной погоды, чтобы объявить трагическое известие. Прости, Дирк, — закончил Джордино, но его голос не звучал виновато. — Нужно предвидеть все возможности, дурные и хорошие.

— Лорен жива, она где-то на корабле, — упрямо сказал Питт. — И, возможно, Моран и Лаример тоже.

— Ты слишком многое считаешь само собой разумеющимся.

— Лорен умная женщина. Она не стала бы просить Салли Линдеманн разыскать спикера палаты представителей Морана, не будь у нее веской причины. Салли говорит, что Моран и сенатор Лаример загадочно исчезли. Теперь исчезла и Лорен. Какое у тебя складывается впечатление?

— Убедительная речь, но что за ней?

Питт пожал плечами.

— Сам не знаю. У меня есть только безумная мысль, что это связано с „Морскими перевозками Бугенвиль“ и потерей „Орла“.

Джордино молчал, задумавшись.

— Да, — сказал он наконец медленно, — мысль безумная, но в то же время полная смысла и богата побочными выводами. С чего мне начинать?

— Переоденься Зельдой и пройди мимо всех пассажирских кают. Если Лорен и остальные внутри, перед дверью должна быть охрана.

— Да, и это их выдаст, — согласился Джордино. — А ты где будешь?

Питт разложил на койке схему судна.

— Часть помещений экипажа на корме. Поищу там. — Он сложил схему и сунул в карман комбинезона. — Нам лучше начать. Времени мало.

— У нас есть почти два дня: „Леонид Андреев“ придет на Ямайку только послезавтра.

— Нет, о такой роскоши только мечтать, — покачал головой Питт. — Посмотри на карту Карибского моря и увидишь, что завтра примерно в это время мы будем проходить в виду берегов Кубы.

Джордино понимающе кивнул.

— Прекрасная возможность переправить Лорен и остальных туда, где до них не добраться.

— И самое плохое: на Кубе они могут оставаться ровно столько, сколько требуется, чтобы сесть на самолет в Москву.

Джордино на несколько мгновений задумался, потом открыл саквояж, достал грязный парик и натянул на свою курчавую голову.

Посмотрел в зеркало и состроил гримасу.

— Ну, Зельда, — кисло сказал он, — прогуляемся по палубам и посмотрим, что там интересного.

Глава 54

В тот же вечер президент выступил по национальному телевидению и рассказал о своей встрече и договоре с Антоновым. В двадцатитрехминутном обращении он кратко обрисовал программу помощи коммунистическим странам. Он также подчеркнул намерение снять все ограничения на продажу русским американских высоких технологий. Ни разу не упомянул конгресс. И говорил о торговом соглашении с Восточным блоком так, словно оно уже включено в бюджет и начало действовать.

Закончил президент обещанием, что следующая его задача — все силы бросить на сокращение уровня преступности.

В результате шум в правительственных кругах заглушил все остальные новости. Кертис Майо и прочие обозреватели обрушились на президента, обвиняя его в том, что он превысил свои полномочия. Ожил призрак президента-императора.

Видные конгрессмены, оставшиеся на время отпуска в Вашингтоне, принялись названивать коллегам, призывая их вернуться из поездок и из своих родных штатов, чтобы собраться на чрезвычайную сессию.

Члены палаты представителей и сената действовали без лидеров большинства — Морана и Ларимера, до которых невозможно было дозвониться, но все объединились против президента.

На следующее утро, когда Дэн Фосетт ворвался в Овальный кабинет, лицо его было страдальчески перекошено.

— Милостивый боже, вы не можете этого сделать, господин президент!

Президент спокойно посмотрел на него.

— Вы имеете в виду мое вечернее выступление?

— Да, сэр, — взволнованно ответил Фосетт. — Вы словно открыто сказали, что будете осуществлять свою программу без одобрения конгресса.

— Так это звучало?

— Да.

— Отлично, — сказал президент, хлопнув ладонью по столу. — Потому что именно таково было мое намерение.

Фосетт был ошеломлен.

— Это противоречит Конституции. Права исполнительной власти не заходят так далеко...

— К черту права, и не пытайтесь учить меня быть президентом! — неожиданно придя в ярость, закричал президент. — Я больше не намерен уламывать этих самодовольных бюрократов с Холма, не собираюсь искать с ними компромисс. Клянусь Господом, единственный способ сделать все, что я задумал, — надеть перчатки и начать грести.

— Вы избрали опасный курс. Они будут замораживать любые ваши действия.

— Не будут! — крикнул президент, вставая и обходя стол, так чтобы оказаться лицом к лицу с Фосеттом. — У конгресса не будет возможности мешать моим планам.

Потрясенный Фосетт мог только в ужасе смотреть на него.

— Вам их не остановить. Они уже собираются, летят из всех штатов на чрезвычайную сессию, чтобы блокировать ваши действия.

— Ишь чего захотели, — сказал президент голосом, который Фосетт едва узнавал. — Ну, будет им сюрприз.

На дорогах еще было почти пусто, когда в город с разных сторон вошли три воинские колонны. Особое антитеррористическое подразделение из Форт-Бельвора двинулась с севера по шоссе Анакостия, воинская часть из Форт-Мида прошла по улицам Балтимор- и Вашингтон-парквей с юга. Одновременно части быстрого реагирования, приписанные к морской пехоте на базе в Квантико, прошли с запада по мосту Рошамбо.

Длинные колонны пятитонок с войсками собрались в федеральном центре, группа вертолетов опустилась на траву перед прудом на Капитолии и высадила отряды морской пехоты из Форт-Леджуна, Северная Каролина. Отряд в две тысячи человек постоянно находился в состоянии суточной готовности.

Окружив федеральные здания, солдаты очистили все помещения Капитолия, палату представителей и сената. Потом заняли позиции и перекрыли все входы.

Сперва изумленные законодатели и их помощники решили, что это антитеррористическое учение. Другим объяснением были незапланированные военные маневры. Узнав, что по приказу президента американское правительство прекращает работу, все собрались небольшими группами восточнее Капитолия, разгневанные и обескураженные, и переговаривались. Однажды Линдон Джонсон пригрозил закрыть конгресс, но никто не верил, что это действительно может случиться.

Целеустремленные военные в камуфляже держали в руках автоматы и ружья для подавления беспорядков и будто не слышали обращенные к ним доводы и требования. Один сенатор, известный своими либеральными взглядами, попробовал перелезть через ограду, но двое мрачных морских пехотинцев стащили его на улицу.

Правительственные агентства и независимые организации войска окружать не стали. В большинстве их шла нормальная работа. Улицы никто не перекрывал, уличное движение было таким упорядоченным, что горожане радовались.

Пресса и телевизионные съемочные группы устремились к Капитолию.

Траву почти полностью закрыли кабели и электронное оборудование. Интервью перед камерами стали такими лихорадочными и сумбурными, что сенаторам и конгрессменам приходилось стоять в очереди, чтобы высказать свое возмущение неожиданными действиями президента.

Как ни удивительно, но большинство американцев по всей стране реагировало скорее с интересом, чем с отвращением. Люди сидели перед экранами телевизоров и следили за происходящим, как за цирковым представлением.

Общее мнение было таково: президент просто хочет запугать конгресс, и через день-два войска будут отозваны.

В государственном департаменте собрались Оутс, Эммет, Броган и Мерсье. Царила тяжелая атмосфера неуверенности и напряжения.

— Президент просто болван, если считает себя главнее конституционного правительства, — сказал Оутс.

Эммет пристально смотрел на Мерсье.

— Не могу понять, как вы-то ничего не заподозрили.

— Он меня полностью отрезал, — ответил Мерсье с глуповатым выражением. — Ничем не намекнул на то, что задумал.

— Конечно, Джесс Симмонс и генерал Меткалф в этом не участвуют, — вслух рассуждал Оутс.

Броган покачал головой.

— Мои источники в Пентагоне сообщают, что Меткалф категорически отказался.

— Почему он нас не предупредил? — спросил Эммет.

— После того как Симмонс в самых определенных выражениях заявил президенту, что тот сошел с ума, президент взъярился. Военная охрана проводила Симмонса домой, где он и остается под домашним арестом.

— Боже, — раздраженно сказал Оутс. — С каждой минутой все хуже.

— А что генерал Меткалф? — спросил Мерсье.

— Я уверен, он высказал свои возражения, — ответил Броган. — Но Клейтон Меткалф солдат до мозга костей, он привык безоговорочно выполнять приказы командира. К тому же они с президентом старые друзья. Меткалф, несомненно, считает, что больше обязан человеку, который назначил его председателем Комитета начальников штабов, чем конгрессу.

Пальцы Оутса смели со стола воображаемую пылинку.

— Президент исчез десять дней назад, а вернулся совсем другим.

— „Гекльберри Финн“, — задумчиво сказал Броган.

— Судя по поведению президента в последние двадцать четыре часа, — тоже глубокомысленно сказал Мерсье, — доказательства очень убедительные.

— Появился ли доктор Луговой? — спросил Оутс.

Эммет покачал головой.

— Его нет.

— Мы получили от своих людей в России отчет о деятельности доктора, — заявил Броган. — Последние пятнадцать лет он занимался процессами влияния на мозг. Советские разведывательные службы предоставили ему неограниченные возможности. Сотни евреев и других диссидентов, исчезнувшие в психиатрических лечебницах, относящихся к системе КГБ, стали его подопытными кроликами. И он утверждает, что достиг прорыва в интерпретации мыслей и контроле над ними.

— Ведутся ли такие работы у нас? — спросил Оутс.

Броган кивнул.

— Наш проект называется „Глубина“; развивается он в том же направлении.

Оутс на мгновение схватился за голову, потом повернулся к Эммету.

— По-прежнему никаких сведений о Винсе Марголине, Ларимере и Моране?

Эммет казался смущенным.

— К сожалению, вынужден сказать, что их местонахождение неизвестно.

— Как вы считаете, Луговой осуществил вмешательство и в их мозг?

— Не думаю, — ответил Эммет. — На месте русских я держал бы их в резерве на случай, если президент не будет вести себя как запрограммировано.

— Его мозг мог ускользнуть от их влияния и действовать независимо, — добавил Броган. — Операции на мозге — все еще наука не точная. Невозможно предсказать его дальнейшие поступки.

— Конгресс не станет этого ждать, — сказал Мерсье. — Конгрессмены подыскивают место, где бы собраться начать процедуру импичмента.

— Президент это знает, и он не глуп, — ответил Оутс. — Всякий раз как члены конгресса собираются на заседание, он будет посылать войска на разгон. За ним армия, и устранить его невозможно.

— Если учесть, что президент действует буквально под диктовку недружественной державы, Меткалф и остальные члены Комитета начальников штабов не станут его поддерживать, — сказал Мерсье.

— Меткалф не станет действовать, пока мы не представим неопровержимые доказательства, что мозг президента под контролем, — говорил Эммет. — Но я подозреваю, что и сейчас он ждет лишь удобной возможности, чтобы встать на сторону конгресса.

Броган глядел озабоченно.

— Надеюсь, он не слишком промедлит.

— Итак, все сводится к тому, что мы вчетвером должны попытаться нейтрализовать президента, — размышлял Оутс.

— Вы проезжали сегодня мимо Белого дома? — спросил Мерсье.

— Нет. А что?

— Похоже на военный лагерь. На каждом дюйме военные. Говорят, президент ни для кого не доступен. Сомневаюсь, что даже вы, господин секретарь, можете войти через передний вход.

Броган немного подумал.

— Дэн Фосетт по-прежнему внутри.

— Я говорил с ним по телефону, — сказал Мерсье. — Он слишком решительно возражал президенту. Я понял, что теперь он в Овальном кабинете персона нон грата.

— Нам нужен кто-нибудь, кому президент доверяет.

— Оскар Лукас, — сказал Эммет.

— Хорошая мысль. — Оутс поднял голову. — Как глава секретной службы, он имеет туда доступ.

— Кто-то должен лично проинформировать Дэна и Лукаса, — подсказал Эммет.

— Я этим займусь, — вызвался Броган.

— У вас есть план? — спросил Оутс.

— Пока нет, но мои люди что-нибудь придумают.

— Пусть думают как следует, — серьезно сказал Эммет, — если мы не хотим, чтобы оправдались худшие опасения отцов-основателей.

— Это какие же? — спросил Оутс.

— Нечто невообразимое, — ответил Эммет. — Диктатор в Белом доме.

Глава 55

Лорен вспотела. Она никогда в жизни так сильно не потела.

Вечернее платье стало влажным и липло к телу, как вторая кожа. Маленькое помещение без окон напоминало сауну, даже дышать было трудно. Единственными удобствами были туалет и койка; тусклая лампа под решетчатым колпаком горела непрерывно. Лорен не сомневалась, что вентиляцию специально выключили, чтобы усилить дискомфорт.

Когда ее отвели на гауптвахту, она не видела никого похожего на Алана Морана. С тех пор как за ней закрыли дверь, ей не давали ни еды, ни воды, и теперь ее мучил голод. Никто ее не навещал, и она начала думать, что капитан Покофский хочет держать ее в заключении, пока она не умрет.

Наконец она решила отказаться от попыток сохранить скромность и сняла платье. И начала делать гимнастику, чтобы время шло быстрее.

Неожиданно она услышала приглушенные шаги в коридоре за дверью. Произошел короткий разговор, и дверь открылась.

Лорен схватила с койки платье и, держа его перед собой, вжалась в угол камеры.

Мужчина, проходя в низкую дверь, нагнул голову.

Он был в дешевом деловом костюме; похоже, такие костюмы уже несколько десятилетий как вышли из моды.

— Конгрессмен Смит, прошу прощения, что вынужден был поместить вас в такие условия.

— Не думаю, что я вас прощу, — вызывающе ответила она. — Кто вы?

— Меня зовут Павел Суворов. Я представляю советское правительство.

В голосе Лорен звучало презрение.

— Это пример того, как коммунисты обращаются с американскими гостями?

— В обычных обстоятельствах — нет, но вы не оставили нам выбора.

— Объясните, — сказала она, гневно глядя на него.

Он неуверенно посмотрел на нее.

— Думаю, вы и сами знаете.

— Почему бы вам не освежить мою память?

Суворов помолчал, закуривая сигарету; спичку он бросил в унитаз и не промахнулся.

— Накануне вечером, когда прилетел вертолет, первый помощник капитана Покофского видел вас возле посадочной площадки.

— И еще немало пассажиров, — ледяным тоном заметила Лорен.

— Да, но они были слишком далеко, чтобы узнать знакомые лица.

— А я, значит, была близко.

— Будьте благоразумны, конгрессмен. Вы не можете отрицать, что узнали своих коллег.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Конгрессмен Алан Моран и сенатор Маркус Лаример, — сказал он, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Глаза у Лорен округлились, и, несмотря на удушающую жару, она задрожала. Впервые с тех пор как она попала в плен, негодование сменилось отчаянием.

— Моран и Лаример тоже здесь?

Он кивнул.

— В соседней камере.

— Должно быть, это безумный розыгрыш? — ошеломленно сказала она.

— Это не розыгрыш, — с улыбкой ответил Суворов. — Как и вы, они гости КГБ.

— У меня дипломатический иммунитет, — сказала она. — Я требую освобождения.

— Здесь, на борту „Леонида Андреева“, вы никто, — равнодушно сказал Суворов.

— Когда мое правительство узнает...

— Не узнает, — перебил он. — Когда корабль уйдет с Ямайки обратно в Майами, капитан Покофский с глубочайшим сожалением и сочувствием сообщит, что конгрессмен Лорен Смит упала за борт и считается утонувшей.

Лорен ощутила обессиливающую беспомощность.

— А что будет с Мораном и Ларимером?

— Я отвезу их в Россию.

— А меня убьете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Они важные члены вашего правительства. Их знания могут оказаться очень ценными, когда мы убедим их поделиться с нами. А вы, как ни жаль говорить это, не стоите такого риска.

Лорен едва не сказала „как член комитета по вооружениям, я знаю не меньше, чем они“, но вовремя разглядела ловушку и промолчала.

Суворов прищурился. Он протянул руку, вырвал у нее платье и небрежно выбросил за дверь.

— Вы красивы, — сказал он. — Возможно, если мы поторгуемся, я смогу и вас взять с собой в Москву.

— Самая жалкая уловка в мире, — презрительно ответила Лорен. — Вы неоригинальны.

Он шагнул вперед и ударил ее по лицу. Она отшатнулась к стальной переборке и опустилась на колени, глядя на него; в глазах ее были страх и отвращение.

Он схватил Лорен за волосы и запрокинул ей голову. Всякие намеки на вежливость исчезли из его голоса.

— Мне всегда было интересно, каково это — переспать с высокопоставленной капиталистической сукой.

В ответ Лорен цапнула его между ног и сдавила изо всех сил.

Суворов завопил от боли и ударил ее кулаком в скулу, прямо под глазом. Лорен отлетела в угол, а Суворов встал и, как обезумевшее животное, метался по крошечной камере, пока боль немного не утихла. Потом схватил Лорен и грубо бросил на койку.

Наклонившись над ней, он рвал ее белье.

— Сука! — рычал он. — Я заставлю тебя молить о быстрой смерти!

Слезы боли хлынули из глаз Лорен, она была на грани обморока. Сквозь туман боли она смутно видела, как Суворов медленно снимает ремень и наворачивает на руку, оставляя пряжку свисать. Он пыталась напружинить мышцы, готовясь к удару, когда он занес руку, но была слишком слаба.

Неожиданно у Суворова словно выросла третья рука. Она поднялась над его правым плечом и обхватила горло. Ремень упал на пол, тело Суворова напряглось.

На лице Суворова появилось сначала удивление, потом ужас: он понял, что происходит, — потом боль: его дыхательное горло безжалостно сдавливали и рвали. Он сопротивлялся безжалостному давлению, метался по камере, но рука оставалась на месте. В неожиданном приступе ясности он понял, что он никогда не почувствует, как это давление ослабнет. От ужаса и недостатка кислорода его лицо перекосилось, стало багрово-синим. Легкие пытались ловить воздух, руки метались в лихорадочном безумии.

Лорен хотела спрятать лицо в ладонях, чтобы не видеть этого ужаса, но руки не слушались ее. Она могла только неподвижно сидеть и зачарованно смотреть, как жизнь покидает Суворова, как его яростные движения слабеют; наконец его глаза выкатились из орбит, и он обмяк.

Он провисел несколько секунд, поддерживаемый призрачной рукой, пока она не выпустила его горло. Тогда он безжизненным кулем упал на пол.

Место Суворова заняла другая фигура, и Лорен увидела лицо друга, зеленые глаза и кривоватую улыбку.

— Только между нами, — сказал Питт. — Никогда не думал, что появиться вовремя так приятно.

Глава 56

Полдень. Под яркой лазурью неба с легкими облаками, подгоняемыми мягким западным ветром, „Леонид Андреев“ шел в восемнадцати милях от Кабо-Маиси, восточной оконечности Кубы.

Мало кто из пассажиров, загоравших у бассейнов на палубах, обратил внимание на линию поросшего пальмами берега на горизонте. Для них это был еще один из бесчисленных островов, которые они миновали после отхода из Флориды.

На мостике капитан Покофский не отрывал от глаз бинокля.

Он заметил слева маленькую яхту, идущую от берега. Яхта была старая, с почти вертикально срезанным носом, выкрашенная в черное. Верх отделан красным деревом, на транце золотыми буквами написано „Пилар“.

Яхта казалась безукоризненно содержащимся музейным экспонатом. На корме американский звездно-полосатый флаг, но перевернутый.

Покофский подошел к панели автоматического управления и нажал кнопку „малый ход“. И почти сразу ощутил, что обороты двигателей стали реже. Подождав несколько минут, пока корабль не начал едва заметно ползти, капитан нажал кнопку „стоп машина“.

Он собирался спуститься с мостика, когда с палубы торопливо поднялся первый помощник.

— Капитан, — сказал он, с трудом переводя дух. — Я только что с гауптвахты. Пленники исчезли.

Покофский выпрямился.

— Исчезли? Вы хотите сказать — сбежали?

— Да, сэр. Я делал обычный обход, когда обнаружил, что в одной из камер закрыты двое охранников. Без сознания. Агент КГБ мертв.

— Павла Суворова убили?

Первый помощник кивнул.

— Судя по всему, задушили.

— Почему вы немедленно не известили меня по судовой связи?

— Я решил, что лучше сказать вам лично.

— Конечно, вы правы, — согласился Покофский. — В худшее время это не могло произойти. Наши люди с Кубы идут к нам на яхте, чтобы перевезти пленников на берег.

— Если вы сможете их задержать, мы обыщем корабль и, я уверен, найдем американцев.

Покофский смотрел через открытую дверь на приближающуюся яхту.

— Они подождут, — уверенно сказал он. — Наши пленники слишком важны, чтобы оставлять их на борту.

— Еще одно, сэр, — сказал первый офицер. — Американцам наверняка помогли.

— Они сбежали не сами? — удивленно спросил Покофский.

— Это невозможно. Два хилых старика и одна женщина не могли одолеть двух охранников и убить профессионала из КГБ.

— Проклятие! — выбранился Покофский. В беспокойстве и гневе он раздраженно ударил кулаком по ладони. — Это усложняет положение.

— ЦРУ могло проникнуть на борт?

— Вряд ли. Если бы правительство США хоть смутно заподозрило, что его важные члены содержатся на „Леониде Андрееве“, их флот набросился бы на нас, как бешеные медведи. Посмотрите сами: ни кораблей, ни самолетов, а ведь военно-морская база Гуантанамо всего в сорока милях отсюда.

— Тогда кто? — спросил первый помощник. — Не из нашего экипажа, конечно.

— Это может быть только пассажир, — сделал вывод Покофский. Он замолчал, размышляя. На мостике стало тихо. Наконец капитан поднял голову и начал отдавать приказы. — Соберите всех свободных офицеров и разбейте на поисковые пятерки. Разделите корабль от киля до верхней палубы на сектора. Сообщите всем работникам службы безопасности, привлеките стюардов. Если вас будут расспрашивать пассажиры, найдите правдоподобные предлоги, чтобы зайти в каюты. Смена постельного белья, ремонт канализации, осмотр противопожарного оборудования — все, что подходит по обстоятельствам. Не говорите и не

делайте ничего, что могло бы вызвать у пассажиров подозрения или заставило их задавать неудобные вопросы. Держитесь как можно вежливей и избегайте насилия, но как можно быстрей поймайте эту Смит и обоих мужчин.

— Что делать с телом Суворова?

Покофский не колебался.

— Окажите товарищу из КГБ достойные почести, — саркастически сказал он. — Как стемнеет, выбросьте тело за борт вместе с помоями.

— Да, сэр, — с улыбкой ответил старший помощник и торопливо ушел.

Покофский взял рупор и вышел на крыло мостика. Яхта была уже в пятидесяти ярдах.

— У вас неприятности? — спросил он; его голос гулко разносился над волнами.

Приземистый человек с кожей цвета старого бумажника поднес ладони ко рту и крикнул:

— У нас больные. Подозреваю отравление трупным ядом. Можем мы подняться на борт и воспользоваться вашим медицинским оборудованием?

— Конечно, — ответил Покофский. — Поднимайтесь на борт. Я спущу трап.

Питт с интересом следил за этой сценой, сразу разглядев фальшь. Двое мужчин и женщина поднялись по металлическому трапу, прижимая руки к животам и притворяясь, что у них колики. Он поставил им за представление двойку.

Он подумал, что спустя определенное время, которое должно уйти на лечебные процедуры, Лорен, Морану и Ларимеру предстояло занять места на яхте. Он также понимал, что капитан не возобновит плавание, пока корабль не обыщут и конгрессменов не найдут.

Он отошел от поручня и присоединился к другим пассажирам, которые вскоре вернулись в свои кресла и за столики вокруг бассейнов и в коктейль-барах. Питт в лифте спустился на свою палубу. Открылась дверь, и, выходя в коридор, Питт едва не столкнулся с входящим в лифт стюардом.

Питт мельком заметил, что стюард азиат, вероятно, монгол, раз уж служит на русском судне. Он прошел мимо и направился к своей каюте.

Стюард с любопытством посмотрел на Питта. Но, пока он глядел вслед Питту, на его лице отобразилось крайнее удивление. Он все еще изумленно смотрел Питту вслед, когда двери закрылись и лифт повез его вверх.

Питт свернул за угол и увидел офицера и нескольких матросов; они ждали у дверей каюты в трех дверях от его. Никто не демонстрировал обычной на судах услужливости и вежливости. Лица у всех были серьезные. Питт стал искать по карманам ключ, краем глаза продолжая наблюдать. Через несколько секунд из каюты вышел стюард, что-то сказал офицеру по-русски и отрицательно покачал головой. Все перешли к соседней каюте и постучали.

Питт быстро вошел и запер дверь. В крошечном помещении, казалось, разыгрывалась сцена из фильма братьев Маркс.[25] Лорен сидела на верхней полке, Моран и Лаример — на нижней. Все трое с жадностью пожирали закуски, которые Джордино прихватил из буфета в столовой.

Джордино, сидя на маленьком стуле, наполовину в ванной, спросил:

— Видел что-нибудь интересное?

— Прибыла кубинская связь, — ответил Питт. — Яхта ждет у борта, готовая принять пассажиров.

— Ублюдкам придется подождать, — сказал Джордино.

— Минуты четыре. Именно через такое время нас свяжут и бросят на борт яхты, идущей в Гавану.

— Им придется нас искать, — слабым голосом сказал Лаример.

Питту приходилось видеть таких обессиленных людей: восковая кожа, глаза, некогда властные, а теперь пустые, несвязные мысли.

Несмотря на возраст и долгие годы ограничений, связанной с жизнью среди политиков, Лаример оставался человеком могучего сложения. Но его сердце и сосуды больше не годились для того, чтобы поддерживать в нем жизнь во враждебном окружении. Питту не нужны были специальные знания, чтобы понять, что этому человеку нужна медицинская помощь.

— Поисковая группа русских в коридоре, — объяснил Питт.

— Нельзя позволить им снова захватить нас! — закричал Моран, вскакивая и дико озираясь. — Нужно бежать!

— Да вы и до лифта не доберетесь! — рявкнул Питт, хватая его за руку, как капризного ребенка. Ему не нравился Моран. Спикер палаты представителей напоминал ему хорька.

— Но здесь негде спрятаться, — с сомнением сказала Лорен.

Питт не ответил: он мимо Джордино прошел в ванную. Задернул занавеску и пустил горячую воду. Менее чем через минуту помещение заполнили клубы пара.

— Хорошо, — приказал Питт. — Все в душ!

Никто не шелохнулся. Все смотрели на него; он стоял в пару, как привидение или существо из иного мира.

— Шевелитесь! — резко сказал он. — Они будут здесь с минуты на минуту.

Джордино изумленно покачал головой.

— Как ты разместишь трех человек в душе? Я один едва помещаюсь там.

— Надень парик. Ты тоже туда пойдешь.

— Вчетвером? — недоверчиво спросила Лорен.

— Либо это, либо бесплатный перелет в Москву. К тому же студенты колледжей целыми братствами набиваются в телефонные будки.

Джордино натянул парик, а Питт снова вернулся в ванную и сделал воду чуть теплой. Дрожащего Морана он посадил между ног Джордино.

Лаример прижался в дальнем углу душевой кабины, а Лорен забралась Джордино на спину. Наконец все забились в душ, под теплую воду.

Питт как раз пускал горячую воду в раковину, чтобы было больше пара, когда услышал стук в дверь.

Он поспешил открыть ее, чтобы избежать лишних подозрений. Первый помощник капитана улыбнулся и слегка поклонился.

— Мистер Грубер, верно? Жаль вас беспокоить, но мы проводим обычный осмотр противопожарного оборудования. Не возражаете, если мы войдем?

— Конечно, — послушно сказал Питт. — Со мной никаких проблем, но моя жена в душе.

Офицер кивнул стюардессе, и та сделала вид, что осматривает головки разбрызгивателей на потолке. Потом показала на дверь ванной.

— Разрешите?

— Входите, — добродушно сказал Питт. — Она не станет возражать.

Стюардесса открыла дверь, и ее окутало облако пара. Питт вошел за ней.

— Милая, наша стюардесса хочет проверить пожарные разбрызгиватели. Не возражаешь?

Пар начал выходить в дверь, и стюардесса увидела копну волос; на нее из-за края занавески смотрели большие карие глаза.

— Ладно, пусть, — послышался голос Лорен. — И не могли бы вы принести пару полотенец?

Стюардесса кивнула и сказала:

— Сейчас вернусь с полотенцами.

Питт небрежно жевал канапе; одно он предложил первому помощнику, который вежливо отказался.

— Мне нравится такая забота о безопасности пассажиров, — сказал Питт.

— Мы просто выполняем свой долг, — ответил первый помощник, с любопытством глядя на закуски. — Вижу, вам нравится корабельная кухня.

— Мы с женой любим закуски, — сказал Питт. — Предпочитаем их основному блюду.

Стюардесса вышла из ванной и что-то сказала офицеру. Единственным словом, какое разобрал Питт, было „нет“.

— Простите, что побеспокоили, — вежливо сказал офицер.

— Ничего-ничего, — ответил Питт.

Как только дверь щелкнула, Питт бросился в ванную.

— Все оставайтесь на месте, — приказал он. — Не шевелитесь.

Потом лег на койку и набил рот бутербродом — икра на тонком ломтике поджаренного хлеба.

Две минуты спустя дверь внезапно распахнулась и, как бульдозер, ворвалась стюардесса; она сразу стала оглядывать каюту.

— Чем могу быть полезен? — с набитым ртом спросил Питт.

— Я принесла полотенца, — ответила она.

— Положите на раковину, — равнодушно сказал Питт.

Она послушалась и вышла, улыбнувшись Питту. Улыбка была искренней, без подозрений.

Он выждал еще две минуты, потом приоткрыл дверь и в щелку осмотрел коридор. Поисковая группа заходила в каюту в его конце. Питт вернулся в ванную и выключил воду.

Тот, кто сочинил фразу „Они были похожи на утонувших крыс“, должно быть, видел, как эти бедняги теснились в маленьком душе. Кожа на их пальцах сморщилась, одежда насквозь промокла.

Первым вышел Джордино и швырнул свой мокрый парик в раковину.

Лорен слезла с его спины и сразу принялась вытирать волосы.

Питт помог Морану встать и почти отнес Ларимера на койку.

— Отличный ход, — сказал Питт, целуя Лорен в шею. — Попросить запасные полотенца.

— Мне показалось, что это правильно.

— Теперь мы в безопасности? — спросил Моран. — Они не вернутся?

— Мы не будем в безопасности, пока не покинем корабль, — сказал Питт. — А на их повторный визит можно рассчитывать. Ничего не обнаружив, они удвоят усилия и примутся искать снова.

— У тебя в рукаве есть еще один замечательный план побега, Гудини? — спросил Джордино.

— Да, — уверенно ответил Питт. — Между прочим, есть.

Глава 57

Второй механик шел по узкому мостику между массивными баками с горючим, которые поднимались над ним на высоту двух палуб. Он проводил обычный осмотр в поисках протечек в трубах, которые перемещали горючее в котлы, дающие пар турбинам „Леонида Андреева“ мощностью в 27 тысяч лошадиных сил.

Он негромко насвистывал, а единственным аккомпанементом служил негромкий гул двигателей за переборкой.

Время от времени он проводил тряпкой по соединениям труб или по клапанам и довольно кивал, когда тряпка оставалась чистой.

Неожиданно он остановился и прислушался. Из узкого перехода справа послышался звон металла о металл. Заинтересовавшись, он медленно и тихо пошел по тускло освещенному проходу.

В конце, там, где мостик поворачивает и проходит между баками с горючим и внешним корпусом корабля, он остановился и посмотрел в полумрак.

Некто в костюме стюарда что-то прикреплял к баку с горючим. Второй механик неслышно пошел дальше и наконец оказался в десяти футах от этого человека.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Стюард медленно обернулся и выпрямился. Механик увидел, что это азиат. Его белая форма была в грязи, а за ним на мостике лежала раскрытая спортивная сумка. Стюард улыбнулся, не делая попытки ответить.

Механик подошел еще ближе.

— Тебе нечего здесь делать. Команде, обслуживающей пассажиров, сюда нет доступа.

По-прежнему никакого ответа.

И тут механик заметил на стенке бака с горючим странную шишку неправильной формы. Два медных провода тянулись от нее к часовому механизму рядом с сумкой.

— Бомба! — потрясенно выпалил механик. — Ты поставил бомбу!

Он повернулся и с криком побежал по мостику. Но не успел пробежать и пяти шагов, как в замкнутом стальном пространстве раздались звуки, похожие на быстрые аплодисменты, и выпущенные из пистолета с глушителем пули с полыми наконечниками пробили ему затылок.

Были произнесены обязательные тосты, осушены и сразу вновь наполнены стаканы с водкой. Избегая холодного проницательного взгляда человека в кожаном кресле, Покофский доставал запасы выпивки из своего личного бара.

Генерал Омбриков, резидент КГБ на Кубе, был в дурном настроении.

— Мое руководство будет недовольно вашим отчетом, — сказал он. — Потерять приданного вам агента — явная халатность.

— Это круизный лайнер, — ответил Покофский, покраснев от негодования. — Он построен и пущен в ход, чтобы приносить твердую западную валюту нашему казначейству. Мы не плавучее отделение Комитета государственной безопасности.

— Тогда как вы объясните присутствие на борту десяти агентов из наших зарубежных отделений, чья обязанность — прослушивать разговоры пассажиров?

— Я стараюсь не думать об этом.

— Вы должны об этом думать, — угрожающим тоном сказал Омбриков.

— Мне хватает управления кораблем, — быстро сказал Покофский. — В моем рабочем дне нет лишних часов, чтобы заниматься еще и сбором информации.

— Тем не менее вам следовало принять лучшие меры предосторожности. Если американские политики сбегут и расскажут свою историю, последствия самым ужасным образом скажутся на наших международных отношениях.

Покофский поставил стакан с водкой, не притронувшись к жидкости.

— На корабле им невозможно спрятаться. Через час они снова будут в наших руках.

— Надеюсь, — ядовито сказал Омбриков. — Скоро их флот заинтересуется, почему советский круизный лайнер задерживается у берегов Кубы, и вышлют патруль.

— Они не посмеют ступить на борт „Леонида Андреева".

— Да, но на моей яхте флаг США. И они без колебаний осмотрят ее.

— Любопытное старое суденышко, — заметил Покофский, пытаясь сменить тему. — Где вы его взяли?

— Личный дар нашего друга Кастро, — ответил Омбриков. — Раньше яхта принадлежала Эрнесту Хэмингуэю.

— Да, я читал четыре его книги…

Покофскому помешало договорить неожиданное появление первого помощника, который вошел, не постучав.

— Прошу прощения, капитан, но могу я поговорить с вами наедине?

Покофский извинился и вышел из каюты.

— В чем дело?

— Мы их не нашли, — неловко сказал офицер.

Покофский какое-то время молчал. Вопреки собственным распоряжениям он закурил и неодобрительно посмотрел на первого помощника.

— Тогда предлагаю вам снова обыскать корабль, на этот раз тщательнее. И присмотритесь к пассажирам на палубах. Они могут прятаться в толпе.

Первый помощник кивнул и торопливо ушел. Покофский вернулся в каюту.

— Проблемы? — спросил Омбриков.

Прежде чем Покофский смог ответить, он почувствовал, как корабль вздрогнул. Он с минуту стоял напрягшись и внимательно прислушивался, но, казалось, больше ничего не происходило.

И вдруг „Леонида Андреева“ сотряс страшный взрыв, от которого корабль накренился на левый борт, люди попадали на палубу, и взрывная волна судорогой прошла по всему кораблю. Над правым бортом поднялся столб огня, обломки стали и дождь из горючего посыпались на палубы. Взрыв отразился в воде, и наконец гром стих, оставив неестественную тишину и огромный дымный столб, поднявшийся к небу.

Семьсот пассажиров и членов экипажа не знали — а многие так никогда и не узнали, — что взорвавшийся в недрах корабля бак с горючим проделал в борту огромную дыру, наполовину выше ватерлинии, наполовину ниже, и надстройки залила струя горящей солярки, сжигая людей и распространяя огонь по палубам со скоростью лесного пожара.

Почти мгновенно из роскошного круизного лайнера „Леонид Андреев“ превратился в тонущий погребальный костер.

Питт пошевелился и задумался, что происходит. Целую минуту, пока взрывная волна не прокатилась по кораблю, он лежал на полу, куда его сбросило, и пытался сориентироваться.

Потом осторожно поднялся на четвереньки и наконец выпрямился, схватившись за внутреннюю ручку двери.

Есть ушибы, но ничего не сломано, не вывихнуто, тело функционирует нормально. Он повернулся к остальным.

Джордино полусидел, полулежал на входе в душ. Последнее, что он помнил, — он сидел в каюте. В глазах его удивленное выражение, но он как будто невредим.

Моран и Лорен упали с коек и лежат посреди каюты на полу. Они ошеломлены, и целую неделю или две у них не сойдут синяки, но в остальном все хорошо.

Лаример сидел в дальнем углу каюты. Питт подошел к нему и осторожно поднял его голову. На левом виске сенатора алела рана, и из разорванной губы текла кровь. Он был без сознания, но дышал легко. Питт подложил ему под голову подушку с нижней койки.

Первым заговорил Джордино.

— Как он?

— В отключке, — ответил Питт.

— Что случилось? — ошеломленно спросила Лорен.

— Взрыв, — ответил Питт. — Где-то впереди, вероятно, в машинном отделении.

— Котлы? — размышлял Джордино.

— Современные котлы сконструированы так, что не могут взорваться.

— Боже, — сказала Лорен. — У меня все еще звенит в ушах.

На лице Джордино появилось странное выражение. Он достал из кармана монету и покатил ее по покрытому ковром полу. Вместо того чтобы потерять инерцию и упасть, монета продолжала катиться, словно подталкиваемая невидимой рукой, пока со звоном не ударилась о дальнюю переборку.

— Корабль накренился, — спокойно сообщил Джордино.

Питт приоткрыл дверь каюты. В коридоре уже было полно пассажиров, которые выходили из кают и бесцельно брели в разных направлениях.

— Отмена плана Б.

Лорен вопросительно взглянула на него.

— Что за план Б?

— Я собирался захватить яхту с Кубы. Но, думаю, сейчас нам не хватит мест.

— О чем вы? — спросил Моран. Он неуверенно встал, держась за край койки. — Хитрость. Дешевая уловка, чтобы выманить нас.

— Очень уж дорогая уловка, если хотите знать, — язвительно заметил Джордино. — Взрыв, должно быть, серьезно повредил судно. Оно явно набирает воду.

— Мы утонем? — в тревоге спросил Моран.

Не обращая на него внимания, Питт продолжал смотреть в коридор.

Большинство пассажиров сохраняли спокойствие, но некоторые начали кричать и плакать. На глазах у Питта коридор заполнялся людьми, которые бестолково тащили пожитки и торопливо собранные сумки. Потом Питт уловил запах горящей краски, а вслед за тем увидел и струйки дыма. Он захлопнул дверь и начал срывать с коек одеяла и бросать их Джордино.

— Быстрей, намочи их и все полотенца, какие найдешь, под душем.

Джордино бросил взгляд на серьезное лицо Питта и тут же стал делать что было велено. Лорен наклонилась и попыталась приподнять с пола голову и плечи Ларимера. Сенатор застонал и открыл глаза, глядя на Лорен так, словно не узнавал ее. Моран сидел на койке и что-то бормотал себе под нос.

Питт грубо оттолкнул Лорен и поднял Ларимера на ноги, обхватив руками за плечи. Джордино вышел из ванной и раздал всем мокрые одеяла и полотенца.

— Ладно. Эл, помоги мне с сенатором. Лорен, держи конгрессмена Морана и не отставай от меня. — Он замолчал и осмотрел всех. — Ладно, идем.

Он распахнул дверь, и их окутало облако дыма, идущего как будто ниоткуда.

* * *

Не успел стихнуть грохот взрыва, как капитан Покофский стряхнул недоверчивое изумление и бросился на мостик. Молодой вахтенный офицер отчаянно колотил по судовому телеграфу.

— Закрыть все водонепроницаемые двери и привести в действие противопожарную систему! — крикнул Покофский.

— Не могу, — беспомощно ответил вахтенный. — Питания нет.

— А запасные генераторы?

— Тоже не действуют. — Лицо вахтенного офицера было искажено волнением. — Судовая связь пропала. Компьютер контроля над повреждениями вышел из строя. Ничего не отвечает. Мы даже не можем дать сигнал тревоги.

Покофский выбежал на крыло рубки и посмотрел в сторону кормы. Некогда прекрасное судно изрыгало огонь и дым из всей средней части.

А еще несколько мгновений назад тут звучала музыка и царило веселье.

Теперь перед ним открылась ужасная картина. Открытые плавательные бассейны и палубы для отдыха превратились в крематорий. Двести загоравших там человек почти мгновенно залило волной горящей солярки. Некоторые спаслись, прыгнув в бассейны, чтобы умереть, вынырнув на поверхность: огненный воздух сжег им легкие; многие перебирались через поручни и прыгали в море, их кожа и одежда горели.

Покофский стоял, потрясенный этим зрелищем массовой гибели. Вокруг царил ад. В глубине души капитан знал, что судну конец. Остановить эту

катастрофу было невозможно; море продолжало вливаться в чрево „Леонида Андреева“, и крен возрастал. Капитан вернулся в рубку.

— Передайте приказ покинуть судно, — велел он вахтенному офицеру. — Шлюпки по левому борту горят. Сажайте женщин и детей в шлюпки по правому борту, которые еще не тронуты.

Вахтенный офицер убежал, и появился главный механик Эрик Казинкин, задыхаясь после подъема с самого низа. Брови и половина волос у него сгорели. Подошвы ботинок дымились, но он как будто не замечал этого. Его оцепенелый мозг не реагировал на боль.

— Доложите, — спокойно сказал Покофский, — что вызвало взрыв?

— Взорвался танк с горючим, — ответил Казинкин. — Бог знает почему. Уничтожена генераторная, а также вспомогательный генератор. Бойлерные номер два и три затоплены. Нам удалось вручную задраить водонепроницаемые двери в машинное отделение, но вода поступает с тревожной быстротой. А без питания не работают насосы.

Он угнетенно пожал плечами и замолчал.

Не оставалось никаких возможностей спасти „Леонида Андреева“. Единственным вопросом оставалось, сгорит ли судно дотла или раньше затонет. Мало кто переживет следующий час, со страшной уверенностью осознал Покофский. Многие сгорят, многие утонут, не способные поместиться в жалкие несколько шлюпок, которые еще предстоит спустить на воду.

— Уводите своих людей снизу, — сказал Покофский. — Мы покидаем судно.

— Спасибо, капитан, — ответил главный механик. Он протянул руку. — Удачи.

Они расстались, и Покофский спустился на одну палубу, в радиорубку. Когда капитан неожиданно вошел, дежурный офицер оторвался от радио.

— Отправляйте сигнал тревоги, — приказал Покофский.

— Я взял на себя ответственность, сэр, и послал сигнал SOS сразу после взрыва.

Покофский положил ему руку на плечо.

— Благодарю за инициативу. — Потом спокойно спросил: — Удалось передать без проблем?

— Да, сэр. Когда электричество исчезло, я переключился на запасные батареи. Первым ответил корейский контейнеровоз, он в десяти милях на юго-запад.

— Слава богу, кто-то близко. Были еще ответы?

— Военно-морская база США в Гуантанамо высылает спасательные корабли и вертолеты. Единственное другое судно в нашем районе — норвежский пассажирский лайнер в пятидесяти милях.

— Слишком далеко, — задумчиво сказал Покофский. — Остается надеяться на корейца и американский флот.

Накрыв мокрым одеялом голову, Питт на ощупь прошел по коридору и по окутанной дымом лестнице. Три или четыре раза они спотыкались о тела задохнувшихся пассажиров.

Лаример мужественно пытался держаться на ногах, а Лорен и Моран шли сзади, крепко держась за ремни Питта и Джордино.

— Далеко идти? — с трудом спросила Лорен.

— Мы должны подняться на четыре палубы, прежде чем окажемся на прогулочной, — выдохнул Питт.

На второй палубе они наткнулись на сплошную стену из людей. Лестница была так забита, что окутанным дымом пассажирам невозможно было сделать ни шагу. Экипаж хладнокровно пытался направлять потоки людей на палубу к шлюпкам, но постепенно спокойствие сменяла заразительная паника, и вот уже люди начали с криком падать под натиском толпы.

— Налево! — крикнул Джордино на ухо Питту. — Проход ведет к другому трапу, на корму.

Доверяя другу, Питт свернул в проход, потащив за собой Ларимера. На твердой поверхности сенатор наконец обрел опору и теперь сам держался на ногах.

К их огромному облегчению, дыма поубавилось, а волна человеческого прибоя спала. Добравшись наконец до трапа на корме, они обнаружили, что там практически пусто. Не поддавшись стадному инстинкту, Джордино привел их к временной безопасности.

Они оказались на юте. Несколько минут откашливались, очищая легкие, потом со страхом взглянули на обреченный корабль.

„Леонид Андреев“ накренился влево на двадцать градусов. Тысячи галлонов горючего вылились в море и горели. Горела вся вода вокруг корабля. От страшного жара стальные плиты корпуса краснели и коробились, принимая причудливые гротескные формы. Белая краска почернела, доски палубы прогорели, а стекла иллюминаторов с грохотом лопались.

Огонь с невероятной скоростью распространялся в сторону мостика. Радиорубка сгорела вместе с радистом, до конца остававшимся на связи. Огонь и дым поднимались по трапам и вентиляционным шахтам. Как все современные круизные лайнеры, „Леонид Андреев“ был построен несгораемым, но никакое самое точное планирование или предвидение не могло предусмотреть последствия взрыва танка с горючим, окатившего корабль, словно из огнемета.

Огромное, пухлое облако маслянистого дыма поднялось на сотни футов; ветер вверху приплюснул его, и теперь оно накрывало корабль, словно саван. Основанием облака служил сплошной поток пламени, зыблющаяся оранжево-желтая буря.

А внизу, в недрах корпуса, бушевало ацетиленово-сине-белое пламя, раздуваемое врывавшимися в щели потоками раскаленного воздуха, игравшими роль мехов.

Хотя многие пассажиры смогли подняться по трапам, свыше ста человек погибли внизу, застигнутые пожаром в каютах или задохнувшиеся от дыма при попытке бегства. А тех, кто поднялся, огонь гнал к корме, отрезая от палубы со шлюпками.

Попытки экипажа сохранить порядок поглотил воцарившийся хаос. Пассажиры в конце концов были предоставлены сами себе и не знали, что делать. Все шлюпки по левому борту горели, с правого сумели спустить только три, и огонь отогнал экипаж. Одна шлюпка загорелась уже на воде.

Люди начали прыгать в воду, как мигрирующие лемминги.

Падая с пятидесяти футов, многие допускали ошибку, предварительно надув спасательные жилеты, и в результате при ударе ломали шею. Женщины стояли, оцепенев от ужаса; они были слишком испуганы, чтобы прыгать. Мужчины в отчаянии бранились. В воде люди плыли к нескольким шлюпкам, но там экипажи запустили двигатели и стали уходить, опасаясь перегрузки.

В разгар этой драмы подошел контейнеровоз. Капитан остановил корабль в ста ярдах от горящего „Леонида Андреева“ и поспешно спустил шлюпки. Через несколько минут появились вертолеты США и начали поднимать людей из воды.

Глава 58

Лорен как зачарованная смотрела на приближающуюся стену огня.

— Может, прыгнуть? — с некоторой рассеянностью спросила она.

Питт ответил не сразу. Он посмотрел на накренившуюся палубу и определил угол крена примерно в сорок градусов.

— Торопиться не будем, — сказал он спокойно. — Пламя еще десять минут не доберется до нас. Чем больше корабль накренится влево, тем ближе прыгать. А пока предлагаю бросать за борт шезлонги, чтобы беднягам в воде было за что держаться, пока их не подберут.

Удивительно, но первым откликнулся Лаример. Он начал собирать с палубы кресла, массивными руками поднимать их и бросать за борт. У него на лице даже появилось выражение увлеченности и довольства собой. Моран прижался к переборке и молчал; его словно парализовало страхом.

— Постарайтесь не попасть пловцам по голове, — сказал Питт Ларимеру.

— Ни в коем случае, — с вымученной улыбкой ответил сенатор. — Возможно, это избиратели. Я потерял бы их голоса.

После того как все кресла были выброшены, Питт остановился и секунды три осматривался. Жар пламени еще оставался сносным. Еще несколько минут огонь не доберется до тех, кто оказался на корме. Питт сквозь густую толпу снова пробился к левому борту. Теперь волны катились всего в двадцати футах внизу.

Он крикнул Джордино:

— Помоги этим людям прыгнуть за борт. — Потом повернулся и приложил ладони ко рту. — Больше ждать нельзя! — крикнул он испуганной толпе во весь голос, перекрывая рев катастрофы. — Прыгайте, или умрете!

Несколько мужчин услышали его и, схватив за руки протестующих жен, перебрались через поручни и исчезли за ними.

За ними последовали три девочки-подростка; без колебаний они нырнули в зеленые волны.

— Плывите к шезлонгам и держитесь за них, — бесконечно наставлял прыгающих Джордино.

Питт собрал семейные группы и, пока Лорен подбадривала детей, приказал родителям прыгать и держаться за кресла. Потом по одному,

за руки опускал детей за борт и отпускал, велев задержать дыхание; родители подхватывали детей.

Огромный огненный занавес подползал все ближе, дышать стало трудно. Теперь было жарко, как перед раскрытой топкой. Примерный подсчет подсказал Питту, что на палубе остается человек тридцать, но опасность совсем рядом.

Рослый полный мужчина остановился и отказался двигаться.

— В воде полно акул! — истерически кричал он. — Мы лучше здесь подождем вертолетов.

— Они не смогут повиснуть над палубой: из-за огня турбулентность слишком велика, — терпеливо объяснил Питт. — Вы либо сгорите дотла, либо рискнете поплавать. Что выбираете? Быстрей, вы задерживаете остальных.

Джордино сделал два шага, напряг могучие руки и поднял толстяка. В его взгляде не было ни враждебности, ни злобы; он отнес мужчину к поручню и бесцеремонно выбросил за борт.

— Пришлете мне открытку! — крикнул он вслед.

По-видимому, это подействовало на тех пассажиров, которые продолжали упираться. Один за другим — Питт помогал престарелым парам — они покидали горящий корабль.

Когда никого не осталось, Питт посмотрел на Лорен.

— Твоя очередь.

— Без коллег нет, — с женской решительностью сказала она.

Питт взглянул вниз, желая убедиться, что вода близко. Лаример так слаб, что вряд ли сможет перебраться через поручень. Джордино помог ему, а Лорен прыгнула, держа за руку Морана. Питт с тревогой смотрел, пока они благополучно не оказались в воде и не начали отплывать от судна. Он восхищался мужеством Лорен: та подбадривала Ларимера, одновременно держа за воротник Морана.

— Помоги ей, — попросил Питт Джордино.

Его друга не нужно было уговаривать. Он исчез, не сказав ни слова.

Питт бросил последний взгляд на „Леонида Андреева“. Воздух дрожал от жары, из всех отверстий вырывались языки пламени. Крен достиг пятидесяти градусов, и от гибели теплоход отделяло всего несколько минут. Правый винт уже показался над водой, в вдоль ватерлинии клубились облака белого пара.

Уже собравшись прыгнуть, Питт неожиданно замер от удивления. Краем зрения он увидел руку: кто-то махал из иллюминатора каюты в сорока футах от него. Без колебаний он поднял мокрое грязное одеяло, набросил на голову и в семь прыжков преодолел расстояние до каюты. Кто-то внутри просил о помощи. Питт всмотрелся и увидел полные ужаса женские глаза.

— О боже, помогите!

— Сколько вас?

— Я и двое детей.

— Передавайте детей.

Лицо исчезло, и сразу же Питту через иллюминатор подали мальчика лет шести. Питт поставил его между ног, накрыв его и себя одеялом, как палаткой.

Затем последовала девочка трех лет. Невероятно, но она спала.

— Дайте руку, — сказал Питт, в глубине души сознавая, что это бесполезно.

— Мне не пролезть! — воскликнула женщина. — Отверстие слишком узкое.

— Вода в ванной есть?

— Нет.

— Разденьтесь донага! — с досадой приказал Питт. — Используйте косметику. Смажьте все тело кремом для лица.

Женщина кивнула, показав, что поняла, и исчезла внутри.

Питт повернулся и, держа детей под мышками, побежал к поручню. С огромным облегчением он увидел внизу Джордино, который плыл рядом и смотрел наверх.

— Эл! — крикнул Питт. — Лови!

Если Джордино удивился, видя, как Питт держит за шиворот двух детей, он ничем этого не выдал. Он без усилий, как футбольные мячи, принял детей и крикнул Питту:

— Прыгай. Судно уходит под воду!

Не отвечая, Питт побежал назад к каюте по левому борту.

Он понимал, что попытка спасти мать — акт отчаяния. Но он был за гранью осознанных поступков; казалось, действует совсем другой, незнакомый человек.

Воздух стал таким сухим и горячим, что пот высыхал, не показавшись из пор. Горячая палуба обжигала ноги сквозь подметки. Питт споткнулся и едва не упал: по кораблю пробежала дрожь, и палуба еще сильнее накренилась влево. Агония судна, перед тем как перевернуться и уйти под воду.

Питт оказался у наклонной стены каюты; он просунул руки в иллюминатор. Две руки обхватили его запястья, и он потянул. Плечи и грудь женщины протиснулись через отверстие.

Питт еще раз сильно дернул и протащил бедра.

Пламя лизнуло ему спину. Палуба уходила из-под ног. Держа женщину за талию, Питт прыгнул за борт в тот миг, когда „Леонид Андреев" начал переворачиваться, его винты, взбивая воду, поднялись к солнцу.

Яростный поток воды подхватил их, как кукол в водовороте, и потащил вниз. Питт отталкивался одной рукой и ногами, пытаясь всплыть; он видел, как зеленая поверхность над ним медленно становится голубой.

Кровь стучала в ушах, легкие словно заполнили рассерженные осы. Черный покров начал заволакивать окружающий мир. Питт чувствовал, как висит на его руке женщина; она тянула вниз, мешая ему плыть. Он использовал последние остатки кислорода, и в глазах его вспыхнул фейерверк. Яркий оранжевый шар взорвался в его голове.

Он пробился на поверхность, и полуденное солнце осветило его поднятое лицо. Сделал глубокий вдох, которого хватило, чтобы развеять темноту перед глазами, замедлить биение сердца и уменьшить боль в легких. Потом быстро перевернул женщину животом вверх и несколько раз сильно нажал, заставляя выбросить соленую воду из горла. Женщина содрогнулась, ее начало рвать, затем последовал приступ кашля. Только когда ее дыхание стало почти нормальным и она застонала, Питт огляделся в поисках остальных.

Джордино плыл к нему, толкая перед собой один из шезлонгов. На нем сидели дети; не сознавая разворачивающейся трагедии, они весело смеялись, глядя на забавные гримасы Джордино.

— Я уже начал сомневаться, вынырнешь ли ты, — сказал Джордино.

— Кое-что никогда не тонет, — ответил Питт, поддерживая женщину; та настолько пришла в себя, что могла держаться за ручки кресла.

— Я за ними присмотрю, — сказал Джордино. — Лучше позаботься о Лорен. Кажется, сенатор ее довел.

Руки словно налились свинцом; цепенея от усталости, Питт упрямо стал делать быстрые ровные гребки, пока не добрался до обломков, за которые держались Лорен и Лаример.

С посеревшим лицом, с полными тоски глазами, Лорен упрямо удерживала голову сенатора над водой. С упавшим сердцем Питт увидел, что она могла бы и не стараться: Лаример больше никогда не будет заседать в сенате. Кожа у него покрылась пятнами и стала темно-лиловой. Он до конца держался мужественно, но полстолетия напряженной жизни без ограничений привели к неизбежному концу. Сердце не выдержало и перестало биться.

Питт осторожно отвел руки Лорен от тела сенатора и оттолкнул его. Она взглянула на Питта, хотела возразить, но отвернулась, не в силах смотреть, как уплывает тело Ларимера, подгоняемое мягкими волнами.

— Он заслуживает государственных похорон, — хриплым шепотом сказала она.

— Это неважно, — ответил Питт. — Мы и так знаем, что он умер как мужчина.

Лорен как будто приняла это. Она положила голову на плечо Питту, слезы на ее щеках смешались с соленой водой.

Питт повернулся и осмотрелся.

— Где Моран?

— Его подобрал флотский вертолет.

— И он тебя оставил? — недоверчиво спросил Питт.

— Пилот крикнул, что есть место еще только для одного.

— И великий спикер палаты представителей оставил женщину поддерживать умирающего, а сам спасся?

Питта, словно холодным пламенем, охватила неприязнь к Морану. Он был одержим мыслью обрушить кулак на лицо этого хорька.

Капитан Покофский сидел в каюте яхты, зажимая уши, чтобы не слышать криков тонущих и умирающих от ожогов. Он не в силах был заставить себя взглянуть на этот невероятный ужас, смотреть, как „Леонид Андреев“ опускается на две тысячи футов под воду. Капитан стал живым мертвецом.

Остекленелыми, безжизненными глазами он посмотрел на генерала Омбрикова.

— Зачем вы меня спасли? Почему не позволили умереть вместе с судном?

Омбриков видел, что Покофский переживает сильнейшее потрясение, но ему нисколько не было его жалко. Агентов КГБ учили спокойно принимать смерть. Долг превыше всяких соображений сочувствия.

— У меня нет времени на соблюдение морских церемоний, — холодно сказал он. — Благородный капитан стоит на мостике, салютуя флагу, пока судно погружается вместе с ним… какой вздор! Государственная безопасность нуждается в вас, Покофский, а мне вы нужны, чтобы опознать тела американских законодателей.

— Они, вероятно, погибли, — пробормотал Покофский.

— Тогда это нужно доказать! — безжалостно рявкнул генерал. — Мое руководство примет только несомненные доказательства их смерти. Нельзя упускать из виду, что они, возможно, еще живы и где-то плавают.

Покофский провел ладонями по лицу и вздрогнул.

— Я не могу…

Но он больше ничего не успел сказать: Омбриков грубо схватил его и потащил на открытую палубу.

— Черт побери! — крикнул он. — Ищите их!

Покофский стиснул зубы и посмотрел на страшную картину: масса обломков и сотни мужчин, женщин и детей. Он едва не задохнулся, лицо его побелело.

— Нет! — закричал он. И так быстро и неожиданно перебрался через борт, что ни Омбриков, ни экипаж не успели его остановить. Он прыгнул в воду и глубоко ушел под поверхность, так что его белый мундир не стало видно.

Шлюпки с контейнеровоза подбирали выживших, быстро заполнялись, отвозили людей и возвращались к плавучим обломкам. Море кишело разнообразным мусором, мертвыми телами людей всех возрастов и теми, кто еще цеплялся за жизнь. К счастью, вода была теплая и никому не грозила смерть от переохлаждения; да и угроза акул не материализовалась.

Одна шлюпка подошла к Джордино, и он помог матери с двумя детьми подняться в нее. Потом забрался сам и знаком попросил рулевого идти к Лорен и Питту. Они были среди последних, кого можно было вытащить.

Шлюпка подошла, и Питт крикнул наклонившейся через борт коренастой фигуре.

— Привет, — сказал он, широко улыбаясь. — Как мы рады вас видеть!

— Рад помочь, — ответил стюард, с которым Питт недавно разминулся у лифта. Он тоже улыбался, демонстрируя широкую щель между верхними зубами.

Он наклонился, схватил Лорен за запястья, без усилия вытащил из воды и посадил в шлюпку. Питт протянул руку, но стюард не обратил на это внимания.

— Простите, — сказал он, — но у нас больше нет места.

— Что... о чем вы говорите? — спросил Питт. — Шлюпка почти пустая.

— На борту моего судна вы нежелательная персона.

— Да оно не ваше!

— Мое.

Питт недоуменно смотрел на него, потом оглянулся на контейнеровоз. На борту виднелась название „Чалметта“, но с бортов контейнеров, уставленных на палубе, красные буквы кричали „Бугенвиль“. Питта словно ударили в живот.

— Наша встреча для меня — радость, мистер Питт, но, боюсь, вам она предвещает несчастье.

Питт уставился на стюарда.

— Вы меня знаете?

Улыбка превратилась в гримасу ненависти и презрения.

— Слишком хорошо. Ваше вмешательство дорого обошлось „Морским перевозкам Бугенвиль“.

— Кто вы такой? — спросил Питт, чтобы потянуть время, отчаянно оглядывая небо в поисках вертолетов.

— Не думаю, что доставлю вам такое удовлетворение, — сказал стюард голосом теплым, как айсберг.

Не слыша разговора, Лорен потянула стюарда за руку.

— Почему вы не поднимаете его на борт? Чего вы ждете?

Он повернулся и сильно ударил ее по щеке, отбросив назад; Лорен упала на двух ошеломленных спасенных.

Джордино, который стоял на корме шлюпки, бросился вперед. Матрос выхватил из-под сиденья автомат и прикладом ударил его в живот. Джордино разинул рот, хватая воздух, споткнулся и упал за борт, молотя руками по воде.

Губы стюарда напряглись; плоское желтое лицо ничего не выражало. Только глаза зло сверкали.

— Спасибо за сотрудничество, мистер Питт. Спасибо за то, что так предупредительно пришли ко мне.

— Будь ты проклят! — с вызовом ответил Питт.

Стюард поднял над головой весло.

— Бон вояж, Дирк Питт.

Весло опустилось и ударило Питта в грудь, заставив уйти под воду. Воздух вырвался из легких, страшная боль охватила грудную клетку. Он вынырнул, вскинув левую руку, чтобы отразить новый неизбежный удар. Но опоздал. Весло в руках стюарда отбило руку Питта и ударило его по голове. Голубое небо почернело; Питт потерял сознание, медленно ушел под лодку и исчез из виду.

Глава 59

Жена президента вошла в его кабинет на втором этаже, поцеловала мужа и отправилась в свою спальню. Президент сидел в мягком кожаном кресле с высокой спинкой и изучал статистические документы с последними экономическими прогнозами, делая многочисленные записи в большом желтом блокноте. Некоторые листочки он оставлял, другие отрывал и уничтожал, не закончив запись. Спустя почти три часа он снял очки и на несколько мгновений закрыл усталые глаза.

А когда снова их открыл, был не в своем кабинете в Белом доме, а в маленькой серой комнате с высоким потолком и без окон.

Он протер глаза и огляделся в тусклом свете.

Он по-прежнему был в серой комнате, но на этот раз сидел в жестком деревянном кресле; ноги привязаны к квадратным резным ножкам, руки — к подлокотникам.

Его охватил ужасный страх, он закричал, стал звать жену и охрану, но даже голос его сделался другим, более низким и хриплым.

Вскоре открылась дверь в нише стены и вошел маленький человек с худым интеллигентным лицом. У него были темные глаза, озадаченный вид, а в руке он держал шприц.

— Как мы сегодня, господин президент? — вежливо спросил он.

Удивительно, язык иностранный, а президент его понимает. Потом он услышал собственный крик:

— Я Оскар Белкая, а не президент Соединенных Штатов. Я Оскар...

Он замолкает: игла шприца погружается в его руку.

Озадаченное выражение не сходит с лица маленького человека, оно словно приклеено. Человек кивает в сторону двери; появляется другой, в тусклой тюремной одежде, и ставит на металлический стол, прикованный к полу, видеомагнитофон. Подключает аппарат к четырем розеткам в столе и выходит.

— Это чтобы вы не сбросили наш новый урок на пол, господин президент, — говорит худой человек. — Надеюсь, вы найдете его интересным.

Он включает запись и выходит.

Президент пытается прогнать этот кошмар, вырваться. Но все кажется слишком реальным, чтобы быть причудливым сном. Он чувствует запах своего пота, ощущает, как ремни натирают кожу, слышит эхо своих раздраженных криков. Голова его падает на грудь, и он начинает неконтролируемо всхлипывать, а магнитофон продолжает передавать сообщение. Очнувшись, президент поднимает голову, словно сбрасывая огромную тяжесть, и оглядывается.

Он сидит у себя в кабинете в Белом доме.

* * *

Секретарь Оутс позвонил Дэну Фосетту по частной линии.

— Как обстановка? — спросил он без лишних слов.

— Критическая, — ответил Фосетт. — Повсюду вооруженная охрана. Не видел столько войск со времен службы в Пятом полку морской пехоты в Южной Корее.

— А президент?

— Строчит указания, как пулемет Гатлинга. Ни одного советника больше не слушает, меня тоже. С ним все трудней встретиться. Две недели назад он уделял большое внимание противоположной точке зрения или возражениям. Теперь с этим все. Вы соглашаетесь с ним, или он

выпроваживает вас за дверь. Меган Блэр и я — единственные, кто еще допущен в его кабинет, но мои дни сочтены. Я уйду, прежде чем крыша рухнет.

— Оставайтесь, — сказал Оутс. — Для всех лучше, если вы и Оскар Лукас будете рядом с президентом. Вы наша единственная связь с Белым домом.

— Ничего не получится.

— Почему?

— Говорю вам: даже если я останусь, я ничего не смогу. Я быстро поднимаюсь на самый верх перечня тех, кто не угоден президенту.

— Тогда верните его хорошее отношение, — приказал Оутс. — Пресмыкайтесь перед ним и поддерживайте любые его идеи. Соглашайтесь на все, но постоянно сообщайте нам о его действиях.

Наступила долгая пауза.

— Хорошо. Сделаю все, чтобы у вас была информация.

— И предупредите Оскара Лукаса, пусть будет готов. Нам потребуется…

— Могу я спросить, что происходит?

— Пока нет, — коротко ответил Оутс.

Фосетт не стал настаивать. Он сменил тему.

— Хотите знать о последних решениях президента?

— Плохие?

— Очень плохие, — подтвердил Фосетт. — Он говорит о выходе из НАТО.

Оутс так сжал телефонную трубку, что побелели костяшки.

— Его надо остановить, — мрачно сказал он.

Голос Фосетта доносился как будто издалека.

— Мы с президентом давно вместе, но в интересах страны я вынужден согласиться.

— Оставайтесь на связи.

Оутс положил трубку, повернулся в кресле к окну и задумался. Полуденное небо было зловеще серым, в Вашингтоне шел дождь, и скользкие тротуары отражали странные очертания федеральных зданий.

В конце концов именно ему придется взять бразды правления, с горечью думал Оутс. Он знал, что за последние тридцать лет всех до единого президентов унижали, поносили, на них клеветали, и он ничего не мог с этим поделать. Эйзенхауэр оказался последним главой Белого дома, которого после ухода уважали так же, как при вступлении в должность. Сколь бы праведным и умным ни был каждый следующий президент, пресса и несметные вашингтонские чиновники забрасывали его камнями; и у Оутса не было никакого желания становиться их мишенью.

От размышлений его оторвало гудение селектора.

— К вам мистер Броган и еще один джентльмен.

— Пригласите, — приказал Оутс.

Когда Броган вошел, Оутс встал и вышел из-за стола. Они обменялись кратким рукопожатием, и Броган представил стоящего рядом с ним человека — доктор Реймонд Эджли. Оутс сразу распознал в нем ученого.

Модные прическа и галстук свидетельствовали, что он во всем следует обычаям кампуса. Эджли был худ, с жесткой бородой и густыми бровями, делающими его похожим на Мефистофеля.

— Доктор Эджли — начальник программы „Глубина“, — объяснил Броган. — По поручению Агентства он в университете Колорадо занимается контролем над мозгом.

Оутс жестом пригласил их сесть на диван, а сам уселся напротив, за мраморный столик для кофе.

— Мне только что звонил Дэн Фосетт. Президент хочет вывести наши войска из НАТО.

— Еще одно доказательство, подкрепляющее нашу позицию, — сказал Броган. — Такой шаг выгоден только русским.

Оутс повернулся к Эджли.

— Мартин рассказал о наших подозрениях относительно поведения президента?

— Да, мистер Броган ввел меня в курс.

— Как вы расцениваете ситуацию? Могут ли президента побуждать к предательству?

— Действия президента точно свидетельствуют о драматическом изменении личности, но пока он не пройдет целую серию тестов, мы не можем быть уверены, что имеют место изменения в мозге или внешнее влияние.

— Он никогда не согласится на обследование, — сказал Броган.

— Тут загвоздка, — согласился Эджли.

— Не расскажете, как осуществляется влияние на мозг президента, доктор? — спросил Оутс.

— Если мы действительно имеем дело с этим, — ответил Эджли, — то вначале субъекта на определенное время заключают в камеру, напоминающую матку, где нет никаких чувственных ощущений. В это время мозг пациента изучают, анализируют его сигналы, дешифруют их и переводят в язык, с которым может оперировать компьютер. Следующий шаг — создание имплантата, в данном случае микрочипа, содержащего необходимые данные, и микрохирургическое введение его в мозг.

— Вас послушать, это все так же буднично, как удаление гланд, — сказал Оутс.

Эджли рассмеялся.

— Я, конечно, излагаю сжато и сверхупрощенно, на самом деле процедура чрезвычайно тонкая и сложная.

— Что происходит после введения микрочипа в мозг?

— Следует упомянуть, что часть имплантата представляет собой трансивер, работающий на электрической энергии мозга и способный посылать схемы мыслей и других функций организма как угодно далеко, например, в Гонконг.

— Или в Москву, — добавил Броган.

— Или в советское посольство здесь, в Вашингтоне, как вы предполагали раньше? — спросил Оутс, глядя на Брогана.

— Пожалуй, я смогу ответить, — вызвался Эджли. — Коммуникационные технологии позволяют передавать мысли субъекта через спутник в Россию, но на месте доктора Лугового я бы установил поблизости свою станцию мониторинга, чтобы своими глазами наблюдать за действиями президента. Это позволит мне также быстрее менять свои приказы его мозгу в случае неожиданных политических событий.

— Может ли Луговой утратить контроль над президентом? — спросил Броган.

— Если президент совсем прекратит думать и действовать самостоятельно, он разорвет связи с нормальным миром. В таком случае он может отклониться от инструкций Лугового и довести их до абсурда.

— Поэтому он спешно запускает такое количество радикальных политических программ?

— Не знаю, — ответил Эджли. — Насколько мне известно, он точно исполняет приказы Лугового. Однако я полагаю, что процесс идет гораздо глубже.

— Как это?

— Отчеты оперативников мистера Брогана из России свидетельствуют, что Луговой проводил эксперименты с политическими заключенными, вводя жидкость из их гипоталамуса — структуры мозга, отвечающей за воспоминания, — в мозг других субъектов.

— Пересадка воспоминаний, — удивленно сказал Оутс. — Значит, доктор Франкенштейн существует.

— Перенос воспоминаний — сложное дело, — продолжал Эджли. — Невозможно с уверенностью предсказать его результат.

— Думаете, Луговой провел такой эксперимент с президентом?

— Не хочется давать положительный ответ, но если он делал то, что собирался, то мог месяцами, даже годами программировать какого-нибудь несчастного русского заключенного, внедряя в его мозг мысли, отвечающие политике Советов, а потом перенести жидкость из гипоталамуса этого бедняги в мозг президента — для подкрепления действия имплантата.

— Может ли президент при правильном лечении вернуться к норме? — спросил Оутс.

— Вы хотите спросить, может ли его мозг стать таким, каким был раньше?

— Что-то в этом роде.

Эджли покачал головой.

— Никакое известное мне лечение не устранит повреждений. Президента всегда будут преследовать чужие воспоминания.

— Нельзя ли убрать эту жидкость из его гипоталамуса?

— Я понимаю, о чем вы говорите. Но, устранив чужие воспоминания, мы сотрем и собственные воспоминания президента. — Эджли помолчал. — Как ни прискорбно, рисунок поведения президента изменился бесповоротно.

— Тогда следует отстранить его от должности… навсегда.

— Такова моя рекомендация, — без колебаний сказал Эджли.

Оутс откинулся в кресле и сцепил руки за головой.

— Спасибо, доктор. Вы укрепили нашу решимость.

— По слухам, никто не может войти в Белый дом.

— Если русские смогли его похитить, — сказал Броган, — не вижу причины, почему мы не сумеем сделать то же самое. Но вначале нужно разорвать его связь с Луговым.

— Можно внести предложение?

— Пожалуйста.

— Существует превосходная возможность повернуть дело к нашей выгоде.

— Как?

— Вместо того чтобы прерывать сигналы мозга, почему бы не настроиться на них?

— Чего ради?

— Я со своими людьми могу перенаправить сигналы в наше контрольное оборудование. Если наши компьютеры получат достаточно данных, скажем, в течение сорока восьми часов, мы займем место в мозгу президента.

— Чтобы вытеснить ложные данные русских? — спросил Броган, заражаясь воодушевлением Эджли.

— Совершенно верно! — воскликнул Эджли. — У них ведь есть все основания считать истинными данные, поступающие от президента; поэтому мы сможем вести русских по любой дорожке, какую выберем.

— Мне нравится эта мысль, — сказал Оутс. — Вопрос в том, есть ли у нас сорок восемь часов. Невозможно сказать, что предпримет президент за это время.

— Стоит рискнуть, — решительно сказал Броган.

В дверь постучали, и в кабинет просунула голову секретарша Оутса.

— Простите, что мешаю, господин секретарь, но у мистера Брогана срочный звонок.

Броган быстро встал, взял телефон со стола Оутса и нажал кнопку.

— Броган.

Почти минуту он молча слушал. Потом положил трубку и повернулся к Оутсу.

— Спикер палаты представителей Алан Моран жив и находится на военно-морской базе Гуантанамо на Кубе, — медленно сказал он.

— А Марголин?

— Никаких сведений.

— Лаример?

— Сенатор Лаример погиб.

— Милостивый боже! — простонал Оутс. — Это значит, что Моран может стать нашим следующим президентом. Не могу найти более неподготовленного и беспринципного кандидата на эту должность!

— Феджин[26] в Белом доме, — заметил Броган. — Не самая приятная мысль.

Глава 60

Питт был уверен, что умер. У него нет было оснований не быть мертвым. И тем не менее он не видел яркого света в конце туннеля, не видел лиц друзей и родственников, умерших раньше него. Ему казалось, что он лежит в своей постели дома. Рядом с ним Лорен, ее волосы разметались по подушке, она прижимается к нему, обнимает за шею, крепко держит, не позволяя уйти. Лицо ее как будто светится, фиолетовые глаза смотрят прямо в его глаза. Он думает: а что, она тоже умерла?

Неожиданно она разжала руки и начала расплываться, отдаляться, уменьшаться и наконец исчезла. Сквозь закрытые веки пробился тусклый свет, и Питт услышал далекие голоса. Медленно, с огромным усилием, словно выжимая две гири по двести фунтов, он открыл глаза. Вначале ему показалось, что он смотрит на гладкую белую поверхность. Потом пелена бесчувствия, окутывавшая мозг, исчезла, и Питт понял, что действительно смотрит на гладкую белую поверхность.

Это был потолок.

Незнакомый голос произнес:

— Он приходит в себя.

— Чтобы прикончить его, нужно нечто большее, чем три сломанных ребра, сотрясение мозга и галлон морской воды, — ответил другой голос, не узнать который было невозможно.

— Мои худшие страхи сбылись, — с трудом произнес Питт. — Я попал в ад и встретился с дьяволом.

— Только послушайте, как он говорит о лучшем друге, — сказал Джордино врачу в морской форме.

— Он в хорошей физической форме, — ответил врач. — Очень скоро поправится.

— Простите за неуместный вопрос, — сказал Питт, — но где я?

— Добро пожаловать в госпиталь военно-морского флота США на Гуантанамо, — ответил врач. — Вас и мистера Джордино подобрал один из наших вертолетов-спасателей.

Питт сфокусировал взгляд на Джордино.

— Ты в порядке?

— У него на животе шишка размером с дыню, но жить он будет, — с улыбкой сказал врач. — Кстати, он спас вам жизнь.

Питт разогнал туман, окутывавший сознание, и попытался вспомнить.

— Стюард с „Леонида Андреева“ играл моей головой в бейсбол.

— Тюкнул тебя веслом и загнал под шлюпку, — объяснил Джордино. — Я выбросился за борт с другой стороны, проплыл под шлюпкой, схватил тебя за руку и вытащил на поверхность. Стюард убил бы меня, но тут очень вовремя появился флотский вертолет; спасатели прыгнули в воду и подняли нас на борт.

— А Лорен?

Джордино отвел взгляд.

— Числится пропавшей без вести.

— Пропавшей без вести, дьявольщина! — рявкнул Питт. Он приподнялся на локте и поморщился от острой боли в груди. — Мы оба знаем, что она была жива и сидела в шлюпке.

Лицо Джордино оставалось серьезным.

— Ее имени нет в списке спасенных, который передал капитан корабля.

— Корабль Бугенвилей! — Память возвращалась к Питту. — Стюард-азиат, который пытался нас убить, показал на корабль…

— „Чалметта“, — подсказал Джордино.

— Да, „Чалметта“. Он сказал, что корабль принадлежит ему, и еще назвал меня по имени.

— Стюарды должны помнить имена пассажиров. Он знал тебя как Чарли Грубера из тридцать четвертой каюты.

— Нет, он обвинил меня в том, что я вмешиваюсь в дела Бугенвилей, и последние его слова были: „Бон вояж, Дирк Питт“.

Джордино удивленно пожал плечами.

— Не могу понять, откуда он тебя знал. Но зачем человеку Бугенвилей работать стюардом на русском корабле?

— Понятия не имею.

— А ложь о Лорен?

Питт едва заметно покачал головой.

— Значит, Бугенвили держат ее в плену, — сказал Джордино, словно его озарило. — Но зачем?

— Ты задаешь вопросы, на которые я не могу ответить, — раздраженно сказал Питт. — Где „Чалметта“ сейчас?

— Пошла в Майами, высадить спасенных.

— Сколько времени я был без сознания?

— Примерно тридцать два часа, — ответил врач.

— Время есть, — сказал Питт. — „Чалметта“ доберется до берегов Флориды еще через несколько часов.

Он сел и свесил ноги с кровати. Комната закачалась перед ним.

Врач подошел и поддержал Питта обеими руками.

— Надеюсь, вы никуда не торопитесь.

— Я намерен стоять на причале, когда подойдет „Чалметта“, — упрямо ответил Питт.

На лицо врача появилось строгое профессиональное выражение.

— Вы еще по меньшей мере четыре дня проведете в постели. Нельзя путешествовать со сломанными ребрами. И неизвестно, насколько серьезно ваше сотрясение.

— Простите, док, — сказал Джордино. — Но поступил приказ, который отменяет ваши решения и решения Питта.

Питт посмотрел на него.

— Кто может меня остановить?

— Во-первых, адмирал Сандекер. Во-вторых, государственный секретарь Даг Оутс, — ответил Джордино таким тоном, словно читал биржевую сводку. — Тебе приказано, как только придешь в себя, лететь в Вашингтон. У нас назревают большие неприятности. Кажется, мы сунули нос куда не надо, когда обнаружили конгрессмена Морана и сенатора Ларимера в плену на борту русского корабля.

— Они могут подождать, пока я не отыщу Лорен на „Чалметте“.

— Это оставь мне. Ты отправишься в столицу, а я — в Майами и сыграю роль инспектора таможни. Все уже устроено.

Отчасти умиротворенный, Питт снова лег.

— Что с Мораном?

— Не мог ждать, — сердито ответил Джордино. — Как только сошел на берег, потребовал, чтобы флот все бросил и перевез его в столицу. У меня было небольшое столкновение с ним в коридоре госпиталя, после того как его осмотрели. Я был на волос от того, чтобы вколотить его нос в желудок. Негодяй не проявил ни малейшего беспокойства о Лорен и вроде как обрадовался, когда я рассказал ему о смерти Ларимера.

— У него талант бросать тех, кто ему помогает, — с отвращением сказал Питт.

Санитар привез инвалидное кресло, и вдвоем с Джордино они усадили в него Питта. Резкая боль пронзила ему грудь, и Питт застонал.

— Вы уходите вопреки моим рекомендациям, — сказал врач. — Хочу, чтобы вы это поняли. Не могу обещать, что обойдется без осложнений, если вы станете перенапрягаться.

— Я освобождаю вас от ответственности, доктор, — с улыбкой сказал Питт. — Никому не скажу, что был вашим пациентом. Вашей репутации врача ничто не угрожает.

Джордино положил на колени Питту груду одежды — морскую форму — и небольшой бумажный пакет.

— Это приличная одежда и вещи из твоих карманов. Чтобы сэкономить время, переоденешься в самолете.

Питт открыл пакет и нашел внутри виниловый бумажник. Убедившись, что его содержимое цело и сухо, он посмотрел на Джордино и пожал ему руку.

— Доброй охоты, друг.

Джордино потрепал его по плечу.

— Не волнуйся. Я ее найду. Аты езжай в Вашингтон и отправь их ко всем чертям.

Никто не мог, проснувшись, пасть жертвой симптома Рипа ван Винкля и удивиться больше, чем Алан Моран. Он помнил, как почти две недели назад лег спать на президентской яхте, а следующим его сознательным воспоминанием было, как его втаскивают в лимузин где-то в поречье Южной Каролины. Плен и спасение с горящего русского корабля казались расплывчатым пятном. Только вернувшись в Вашингтон и обнаружив, что и конгресс, и верховный суд изгнаны из своих законных мест обитания, он очнулся и вспомнил о своем политическом влиянии.

Видя, как эмоционально и политически разбито правительство, он почуял возможность удовлетворить свое честолюбивое желание стать президентом. Не обладая достаточной популярностью и поддержкой, чтобы занять это место после выборов, он решил воспользоваться несчастьем. Марголин отсутствует, Лаример убрался с его пути, президент вот-вот будет смещен, и Морана теперь ничто не остановит.

Моран собрал пресс-конференцию посреди Джексон-сквер, на другой стороне Пенсильвания-авеню, напротив Белого дома, и ответил на вопросы множества корреспондентов. Пробил час его торжества, и он наслаждался всеобщим вниманием.

— Вы можете сказать, где находились последние две недели? — спросил Рэй Марш из „Нью-Йорк таймс“.

— С удовольствием, — ответил Моран. — Лидер большинства сенатор Лаример и я отправились в отпуск порыбачить в Карибском море; мы хотели попытать счастья и поймать рекордного марлина, но в основном чтобы обсудить проблемы нашего великого народа.

— В первых сообщениях говорится, что сенатор Лаример погиб во время трагедии „Леонида Андреева“.

— С прискорбием сообщаю, что это правда, — сказал Моран, неожиданно посерьезнев. — Мы с сенатором находились в пяти или шести милях от русского круизного лайнера, когда услышали взрыв и увидели огонь и дым. Мы сразу приказали капитану сменить курс и направиться к месту катастрофы. Когда мы прибыли, „Леонид Андреев“ уже был в огне от носа до кормы. Сотни испуганных пассажиров прыгали в море, у многих горела одежда.

Моран помолчал для усиления эффекта, потом принялся энергично описывать:

— Я прыгнул в воду, сенатор за мной, и мы стали помогать тем, кто был ранен или не умел плавать. Мы боролись за них, казалось, долгие часы,

держали на плаву женщин и детей, пока не удавалось поднять их на борт. Я потерял из виду сенатора Ларимера. А когда увидел опять, он плыл лицом вниз — явно результат сердечного приступа от перенапряжения. Можете процитировать меня: он умер героем.

— Сколько людей, по-вашему, вы спасли?

Джо Старк из „Юнайтед пресс“.

— Я потерял счет, — скромно продолжал лгать Моран. — Наша маленькая яхта была опасно перегружена обгоревшими и едва не утонувшими жертвами. Поэтому, чтобы не превратиться, так сказать, в соломинку, которая может ее потопить, я остался в воде — лишь бы еще один бедолага мог спастись. Но мне повезло: меня подобрал флот, который, надо сказать, проявил себя великолепно.

— Вы знали, что на „Леониде Андрееве“ находилась конгрессмен Лорен Смит? — спросила Марион Турнье с радиостанции „Ассошиэйтед пресс“.

— Тогда не знал, — ответил Моран, снова делаясь серьезным. — К сожалению, мне только недавно сообщили, что она числится пропавшей без вести.

Кертис Майо сделал знак оператору и подобрался поближе к Морану.

— Конгрессмен, каково ваше отношение к беспрецедентному закрытию президентом конгресса?

— Я в ужасе от того, что можно так бесцеремонно поступать с нашим правительством. Ясно, что президент не в себе. Одним страшным ударом он превратил нашу страну из демократической в фашистскую. Я намерен приложить все силы к тому, чтобы сместить его со своего поста, и как можно быстрей.

— Как вы намерены этого добиться? — подстрекал Майо. — Всякий раз как члены конгресса собираются, чтобы начать процедуру импичмента, президент посылает войска разогнать их.

— На этот раз все будет иначе, — уверенно сказал Моран. — Завтра в десять утра члены конгресса проводят объединенную сессию в Аудитории Лиснера в университете Джорджа Вашингтона.[27]

Для того чтобы избежать безнравственного и незаконного вмешательства призванной президентом армии, мы намерены противопоставить силе силу. Я посовещался в палате представителей и сенате с коллегами из соседних штатов Мэриленд и Виргиния, и те убедили правительства штатов прислать для нашей защиты национальную гвардию.

— Получит ли она приказ стрелять? — спросил Майо, чутьем газетчика угадывая кровь.

— Если на них нападут, — холодно ответил Моран, — безусловно да.

— Так начинается Вторая гражданская война, — устало сказал Оутс, выключив телевизор и повернувшись к Эммету, Мерсье и Брогану.

— Моран безумен не меньше, чем президент, — сказал Эммет, с отвращением качая головой.

— Чем, по-вашему, может кончиться столкновение в Аудитории Лиснера? — спросил Оутс у Эммета.

— Спецчасти армии и морской пехоты, патрулирующие Капитолийский холм, — хорошо подготовленные профессионалы. Можно не сомневаться, что они удержатся и не предпримут ничего глупого и безответственного. Подлинную опасность представляет национальная гвардия. Достаточно, чтобы один человек запаниковал и выстрелил. И тогда мы станем свидетелями бойни, как в университете Кент,[28] только гораздо худшей. На этот раз на огонь национальных гвардейцев ответят несущие смерть снайперы.

— И не станет легче, если под перекрестным огнем погибнет несколько конгрессменов, — добавил Мерсье.

— Президента надо изолировать. Расписание — пересмотреть, — сказал Оутс.

Мерсье не был убежден.

— Это означает, что мы не позволим доктору Эджли оценить сигналы мозга президента.

— Предотвращение массового убийства важнее попытки перехитрить русских, — сказал Оутс.

Броган задумчиво смотрел в потолок.

— Думаю, мы сможем и украсть цыпленка, и ощипать его.

Оутс улыбнулся.

— Я слышу, как крутятся колесики у вас в голове, Мартин. Какую макиавеллиевскую схему достанет из рукава ЦРУ?

— Есть способ дать Эджли преимущество, — с хитрой улыбкой ответил Броган. — Кое-что взятое из „Сумеречной зоны“.

Глава 61

Когда Питт медленно спустился по трапу из пассажирского реактивного самолета, принадлежащего ВМФ, на военно-воздушной базе Эндрюс его ждал лимузин.

В машине, не видный за тонированными стеклами, сидел адмирал Сандекер.

Он открыл дверцу и впустил Питта.

— Как прошел полет?

— К счастью, не трясло.

— Багаж есть?

— Он на мне, — ответил Питт. Садясь рядом с адмиралом, он поморщился и сжал зубы.

— Больно?

— Не очень. Сейчас не склеивают разбитые ребра, как в старину, дают им срастись самим.

— Простите, что настоял на столь поспешном возвращении, но в Вашингтоне вот-вот разразится буря, и Даг Оутс надеется, что вы располагаете информацией, которая поможет распутать кое-какие узлы.

— Понимаю, — сказал Питт. — Есть новости о Лорен?

— Боюсь, нет.

— Она жива, — сказал Питт, глядя в окно.

— Не сомневаюсь, — согласился Сандекер. — Наверно, ее имя просто пропустили в списке выживших. А может, она хотела сохранить анонимность, чтобы избежать прессы.

— У Лорен нет причин прятаться.

— Она найдется, — сказал Сандекер. — А теперь, может, расскажете, как вы оказались в центре самой большой морской трагедии за пятьдесят лет?

Питт подивился тому, как адмирал умеет менять тему разговора — с той же внезапностью, с какой из сауны прыгают в снег.

— За то короткое время, что мы провели вместе на „Леониде Андрееве“, — начал Питт, — Лорен рассказала мне, что в первую ночь прогуливалась по палубе, когда по всему кораблю вдруг погасли огни и на палубу сел вертолет. Оттуда вышли три пассажира, причем двоих грубо тащили. Лорен показалось, что в одном из них она узнала Алана Морана.

Не уверенная в том, что глаза ее не обманывают, она позвонила с корабля своей помощнице Салли Линдеманн и попросила ту узнать, где Моран. Салли обнаружила лишь ложные следы да неясные слухи, но никакого Морана. Она также узнала, что предположительно Моран куда-то отправился вместе с Маркусом Ларимером. Салли передала эти отрицательные результаты Лорен, а та попросила ее обратиться ко мне. Но разговор прервали. Русские прослушивали ее звонки и поняли, что она наткнулась на их очень деликатную операцию.

И сделали ее пленницей, как и ее коллег-конгрессменов, которые были на пути в Москву.

Только Лорен была скорее убытком, а не приобретением. Думаю, ее собирались незаметно отправить за борт.

— И что было после того, как Линдеманн связалась с вами? — расспрашивал Сандекер.

— Мы с Джордино разработали план и полетели на юг, в Сан-Сальвадоре догнали судно и поднялись на борт.

— На „Леониде Андрееве“ погибли свыше двухсот человек. Вам повезло, что вы выжили.

— Да, — задумчиво сказал Питт. — Мы едва не погибли.

Он замолчал и вспомнил лицо стюарда, стоящего на борту шлюпки; стюард смотрел на него и улыбался, как человек, который наслаждается убийствами и не испытывает при этом страха и угрызений совести.

— Если тебе интересно, — нарушил молчание Сандекер, — мы отправляемся прямо на встречу с государственным секретарем Оутсом.

— Сделайте крюк, заскочите за „Вашингтон пост“, — неожиданно сказал Питт.

Сандекер помотал головой.

— Мы не можем терять время на покупку газет.

— Если Оутс хочет узнать то, что знаю я, ему придется подождать.

Сандекер скорчил гримасу и сдался.

— У вас есть десять минут. Я позвоню Оутсу и скажу, что ваш самолет опоздал.

Питт встречался с государственным секретарем, когда занимался делом, связанным с Североамериканским договором. Аккуратно подстриженные волосы поседели; живой взгляд карих глаз привычно оценивал Питта.

На Оутсе был сшитый на заказ костюм за пятьсот долларов и начищенные черные, тоже изготовленные на заказ туфли. В нем не было агрессивности, но двигался он легко, как тренированный спортсмен.

— Мистер Питт, рад новой встрече.

— И я рад вас видеть, господин секретарь.

Оутс пожал ему руку, повернулся к остальным собравшимся в комнате и представил Питта. Собрался весь „епископат“. Броган из ЦРУ, Эммет из ФБР, советник по Национальной безопасности Мерсье, с которым Питт также был знаком, и Дэн Фосетт из Белого дома. Адмирал Сандекер оставался рядом с Питтом, настороженно поглядывая на друга.

— Прошу садиться, — обратился ко всем Оутс.

Сэм Эммет повернулся к Питту и с интересом разглядывал его; он заметил осунувшееся лицо.

— Я взял на себя смелость познакомиться с вашим досье, мистер Питт, и должен признаться: отчет о вашей службе правительству читается как приключенческий роман.

Он помолчал, перелистывая досье.

— Благодаря вам удалось спасти без счета жизней в операции „Лисица“. Вы сыграли главную роль в заключении договора об объединении с Канадой. Возглавляли операцию по подъему „Титаника“, и в дальнейшем, в Сицилийском проекте, обнаружили редкий элемент. У вас талант вмешиваться в самые трудные ситуации.

— Кажется, это называется „вездесущий“, — заметил Оутс.

— Прежде чем поступить в НПМА, вы служили в авиации, — продолжал Эммет. — В звании майора. Отлично воевали во Вьетнаме. — На его лице появилось слегка удивленное выражение. — Вижу, вы получили благодарность за уничтожение одного из наших самолетов.

— Возможно, я смогу объяснить этот эпизод, — сказал Сандекер, — потому что сидел в этом сбитом самолете.

— Я знаю, что у нас мало времени, но мне хочется услышать этот рассказ, — сказал Оутс.

Сандекер согласно кивнул.

— Я со своим штабом летел в двухмоторном транспортном самолете из Сайгона в маленький порт на севере, Дананг. Мы этого не знали, но аэродром, где мы должны были сесть, захватили северовьетнамские

войска. Наше радио вышло из строя, и пилот не получил предупреждения. Дирк оказался поблизости, он возвращался на базу после бомбардировки. Командир приказал ему перехватить нас и предупредить любыми средствами.

Сандекер посмотрел на Питта и улыбнулся.

— Должен сказать, что он использовал все, кроме неоновой рекламы. Загадывал шарады из своей кабины, несколько раз стрелял из пушки перед самым нашим носом, но не смог достучаться до нас, тупоумных. Когда мы уже готовились сесть, заходя к аэродрому со стороны моря, Питт показал пример точности стрельбы в воздухе — выстрелами вывел из строя оба наших мотора, и пилот вынужден был посадить самолет на воду в миле от берега. Дирк прикрывал нас, отгоняя шедшие от суши лодки, пока нас всех не подобрал патрульный корабль. После того как я узнал, что он спас меня от неизбежного тюремного заключения и, возможно, смерти, мы стали добрыми друзьями.

Когда несколько лет спустя президент Форд предложил мне возглавить НПМА, я убедил Дирка присоединиться ко мне.

Оутс с улыбкой взглянул на Питта.

— Интересная у вас жизнь. Завидую.

Прежде чем Питт смог ответить, Алан Мерсье сказал:

— Конечно, мистер Питт, вас интересует, зачем вас пригласили сюда.

— Я отлично знаю почему, — ответил Питт.

Он переводил взгляд с одного человека на другого. У всех был такой вид, словно они много месяцев недосыпали.

— Я знаю, кто виноват в краже и в последующем распространении нейротоксина „агент С“ в Аляскинском заливе. — Он говорил медленно и внятно. — Я знаю, кто совершил почти тридцать убийств и похитил президентскую яхту с пассажирами. Я знаю, кто эти пассажиры и почему их похитили. И, наконец, я знаю, кто взорвал „Леонида Андреева“, убив двести мужчин, женщин и детей. С моей стороны это не предположения и не догадки. Железные факты и неопровержимые улики.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Никто не пытался заговорить. Заявление Питта поразило всех до глубины души. На лице Эммета читалось смятение. Фосетт стиснул руки, чтобы скрыть, как он нервничает.

Оутс казался ошеломленным.

Броган первым задал Питту вопрос:

— Я полагаю, мистер Питт, вы намекаете на русских?

— Нет, сэр.

— А вы не могли ошибиться? — спросил Мерсье.

— Это исключено.

— Если не русские, — осторожным тоном спросил Эммет, — тогда кто?

— Хозяйка империи „Морские перевозки Бугенвиль“ Мин Корио и ее внук Ли Тонг.

— Между прочим, я лично знаком с Ли Тонгом, — сказал Эммет. — Это уважаемый бизнесмен, который щедро жертвует на политические кампании.

— Так же поступает мафия и любой проходимец, который пытается смазать колеса правительственной машины, — ледяным тоном ответил Питт. Он выложил на стол фотографию. — Я заимствовал это из архива „Вашингтон пост“. Узнаете человека на снимке, мистер Эммет? Того, что входит в дверь?

Эммет взял фотографию и стал ее разглядывать.

— Ли Тонг Бугенвиль, — сказал он. — Не очень хороший снимок, вообще один из немногих, что я видел. Ли Тонг бежит известности, как чумы. Вы допускаете серьезную ошибку, мистер Питт, обвиняя его в преступлениях.

— Никакой ошибки, — решительно сказал Питт. — Этот человек пытался меня убить. У меня есть основания считать, что он виноват во взрыве, пожаре и гибели „Леонида Андреева“ и в похищении конгрессмена Лорен Смит.

— Похищение конгрессмена Смит — это всего лишь предположение с вашей стороны.

— Разве конгрессмен Моран не рассказал, что происходило на корабле? — спросил Питт.

— Он отказался отвечать на наши вопросы, — ответил Мерсье. — Мы знаем лишь то, что он рассказал прессе.

Эммет начал сердиться. В словах Питта он увидел упрек в плохой работе ФБР. С огнем в глазах он склонился к столу.

— Вы надеетесь, что мы поверим в ваши выдумки? — резко спросил он.

— Мне наплевать, поверите вы или нет, — ответил Питт, пригвождая взглядом директора ФБР.

— Можете объяснить, как вы уличили Бугенвиля? — спросил Оутс.

— Все началось из-за гибели моего друга от нейротоксического „агента С“. Я начал искать виновных, признаюсь, исключительно из мести. А когда пришел в своем расследовании к „Морским перевозкам Бугенвиль“, неожиданно выяснились и другие подробности их преступной деятельности.

— И вы можете доказать свои обвинения?

— Конечно, — ответил Питт. — Компьютерные данные об организованных ими похищениях, торговле наркотиками и контрабанде. Все это находится в сейфе НПМА.

Броган поднял руку.

— Минутку. Вы утверждаете, что за похищением „Орла“ стоят Бугенвили?

— Да.

— И знаете, кого похитили?

— Да.

— Это невозможно, — уверенно сказал Броган.

— Мне назвать имена, господа? — спросил Питт. — Начнем с президента. Далее вице-президент Марголин, сенатор Лаример и спикер палаты представителей Моран. Марголин жив, Бугенвили где-то держат его. Моран в Вашингтоне и, несомненно, намерен стать следующим мессией. Президент сидит в Белом доме, не понимая, какую политическую катастрофу накликает, а его мозг работает по приказам советского психолога, доктора Алексея Лугового.

Если Оутс и остальные были ошеломлены, теперь они буквально окаменели. У Брогана вид был такой, словно он выпил целую бутылку соуса „Табаско“.

— Вы не можете этого знать! — воскликнул он.

— Очевидно, я все же знаю, — спокойно ответил Питт.

— Но, боже мой, откуда? — спросил Оутс.

— За несколько часов до катастрофы на „Леониде Андрееве“ я убил агента КГБ по имени Павел Суворов. У него был с собой блокнот, который я позаимствовал. На его страницах описываются действия после похищения президента с „Орла“.

Питт достал из-под рубашки табачный кисет, открыл его и небрежно положил на стол блокнот.

Несколько секунд он лежал там. Потом Оутс наконец протянул руку и осторожно, словно блокнот мог его укусить, взял его и принялся листать.

— Странно, — сказал он немного погодя. — Написано по-английски. Я ожидал какого-нибудь русского шифра.

— Ничего странного, — ответил Броган. — Хороший оперативник должен писать на языке страны, в которой работает. Необычно то, что этот Суворов вообще делал записи. Могу только предположить, что он следил за Луговым и процесс влияния на мысли оказался слишком технически сложным для него; ему трудно было запоминать, поэтому он записывал свои наблюдения.

— Мистер Питт, — спросил Фосетт, — у вас достаточно доказательств, чтобы министерство юстиции выдвинуло обвинения против Мин Корио Бугенвиль?

— Для обвинения достаточно, для осуждения нет, — сказал Питт. — Правительство никогда не посадит за решетку восьмидесятишестилетнюю женщину, к тому же такую богатую и влиятельную. Но если Мин Корио решит, что ей грозит опасность, она тут же покинет страну и перенесет руководство своими операциями в другое место.

— Учитывая ее преступления, — размышлял Фосетт, — нетрудно будет добиться ее экстрадиции.

— У Мин Корио надежные связи в Северной Корее, — сказал Питт. — Она отправится туда, и вы никогда не увидите ее под судом.

Эммет обдумал его слова и с каменным лицом сказал:

— Думаю, на этом можно закончить. — Он повернулся к Сандекеру, словно Питта больше не существовало. — Адмирал, вы сможете устроить так, чтобы мистера Питта допросили, и предоставить все собранные им данные на Бугенвилей?

— Можете рассчитывать на полное сотрудничество со стороны НПМА, — ответил Сандекер. И ядовито добавил: — Всегда рад снять ФБР с отмели.

— Решено, — сказал Оутс, вмешиваясь, как судья на ринге. — Мистер Питт, есть ли у вас какое-нибудь представление, где держат вице-президента Марголина?

— Нет, сэр. Не думаю, чтобы и Суворов это знал. Согласно его записям, после бегства из лаборатории он летал в вертолете над местностью, но не

сумел определить местоположение здания. Он упоминает только реку к югу от Чарльстона в Южной Каролине.

Оутс перевел взгляд с Эммета на Брогана, потом на Мерсье.

— Что ж, господа, у нас есть с чего начать.

— Думаю, мы должны поблагодарить мистера Питта, — сказал Броган.

— Верно, — согласился Мерсье. — Вы нам очень помогли.

„Боже! — подумал Питт. — Словно Торговая палата благодарит дворника после проведения парада“.

— Это все? — спросил он.

— На данный момент, — ответил Оутс.

— А как же Лорен Смит и Винс Марголин?

— Мы позаботимся об их безопасности, — холодно сказал Эммет.

Питт неловко встал. Сандекер подошел и взял его за руку. А Питт оперся руками о стол и наклонился к Эммету; от его взгляда увял бы и кактус.

— Да уж, — сказал он с металлом в голосе, — вам лучше об этом позаботиться.

Глава 62

Чем ближе „Чалметта“ подходила к Майами, тем лихорадочнее сыпались запросы. Радиорубку корабля затопили требования, и корейцам все труднее становилось от них уходить. В конце концов они сдались, но сообщили только список взятых на борт спасенных. Все запросы относительно подробностей катастрофы „Леонида Андреева“ оставались без ответа.

Друзья и родственники пассажиров, вне себя от тревоги, начали собираться у конторы круизных русских линий. По всей стране приспустили флаги. Трагедия стала темой разговоров во всех домах. Газеты и телевидение временно забыли даже о том, что президент закрыл конгресс; специальные выпуски и срочные новости — все было посвящено катастрофе.

Флот начал перевозить спасенных, доставленных на берег по воздуху, в больницы, расположенные близ их городов. Их допрашивали, и противоречивые рассказы о взрыве и причинах взрыва варьировались от мины времен Второй мировой войны до контрабандной поставки русскими оружия и боеприпасов в Центральную Америку.

Советские дипломатические представители обвинили американский флот в том, что в „Леонида Андреева“ попала неточно выпущенная ракета; в странах восточного блока подхватили это обвинение, но в целом его рассматривали как грубую пропагандистскую уловку.

Возбуждение достигло неслыханных размеров — такого не было со времен гибели „Андреа Дориа“ в 1956 году.[29] Молчание „Чалметты“ приводило в ярость репортеров и корреспондентов.

Чартерные яхты, самолеты и вертолеты встречали корейский пароход у побережья. По мере того как нарастало напряжение, распространялись самые дикие слухи, питаемые молчанием корейского капитана. Все политики, способные дать интервью, немедленно требовали начать расследование.

„Чалметта“ упрямилась до последнего. Когда она вошла в главный канал, ее окружила волчья стая самолетов, яхт и рыбацких лодок, набитых репортерами. Они через рупоры выкрикивали вопросы. К их ярости, корейские моряки махали им и отвечали на родном языке.

Медленно подходящую к причалу на Джодж-Айленд в порту Майами „Чалметту“ встречала стотысячная толпа, прорвавшая полицейские кордоны. Сотни видео-и кинокамер снимали, как гигантский контейнеровоз швартуется, как спускают сходни; выжившие стояли у поручней, удивленные такой встречей.

Одни радовались, что снова видят сушу, другие горевали по погибшим мужьям и женам, сыновьям и дочерям, которых никогда не увидят. Внезапно толпа ожидающих погрузилась в молчание. Ведущий вечерних новостей описал это как „тишину, в которой опускают в могилу гроб“.

Незаметная в общем волнении армия агентов ФБР в мундирах таможенников и офицеров иммиграционной службы поднялась на борт, определяя личности пассажиров и членов экипажа, допрашивая каждого по отдельности о местонахождении конгрессмена Смит и обыскивая в поисках Лорен каждый квадратный фут корабля.

Эл Джордино расспрашивал тех, кого видел в шлюпке. Никто не помнил, что случилось с Лорен или стюардом-азиатом после подъема на борт „Чалметты“. Одной женщине казалось, что она видела, как Лорен увел капитан, но она не была в этом уверена. Почти у всех спасшихся воспоминания о катастрофе были расплывчатыми и неясными.

Капитан и команда утверждали, что ничего не знают. Никто не узнал Лорен по фотографиям. Моряков расспрашивали по-корейски переводчики, но все рассказывали одно и то же. Шесть часов настойчивых поисков ни к чему не привели. Наконец на борт разрешили

подняться репортерам. Моряки стали признанными героями. В газетах прославляли „Морские перевозки Бугенвиль“ и ее доблестный экипаж, который погружался в горящее море, чтобы спасти почти четыреста душ. И Мин Корио хорошо использовала этот случай.

Было уже темно и шел дождь, когда Джордино устало спустился на опустевший причал и прошел в помещение таможни на морском вокзале.

Он сел за стол и долго молча смотрел в дождливую тьму; его темные глаза казались тенями на лице.

Потом повернулся и, как на врага, посмотрел на телефон.

Отпив бренди из полупинтовой бутылки, лежащей в кармане, и набравшись храбрости, чтобы закурить украденную у адмирала Сандекера сигару, Джордино набрал номер и слушал гудки, почти надеясь, что никто не ответит.

Потом послышался голос.

Джордино облизнул губы и сказал:

— Прости, Дирк. Мы опоздали. Ее нет.

Вертолет подлетел с юга и включил посадочные огни. Пилот занял позицию и точно посадил вертолет на крышу Всемирного торгового центра в Манхэттене. Открылась боковая дверца, и вышел Ли Тонг. Он торопливо прошел к охраняемому частному лифту и спустился в квартиру бабушки.

Наклонившись, он легонько поцеловал ее в лоб.

— Как прошел день, онуми?

— Ужасно, — устало ответила она. — Кто-то вносит сумбур в наши банковские записи, судовые транзакции, во все деловые операции, какие отражаются в компьютере. То, что совсем недавно было таким стройным и упорядоченным, теперь в хаосе.

Ли Тонг сощурился.

— Кто может это делать?

— Все следы ведут к НПМА.

— Дирк Питт.

— Он главный подозреваемый.

— Уже нет, — уверенно сказал Ли Тонг. — Питт мертв.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Ты точно знаешь?

Он кивнул.

— Питт был на борту „Леонида Андреева“. Повезло. Я сам видел, как он умер.

— Твоя карибская миссия удалась лишь наполовину. Моран жив.

— Да, но зато мы избавились от Питта, а „Леонид Андреев“ уравнивает счет за „Венецию“ и золото.

Мин Корио неожиданно напустилась на него:

— Этот скользкий ублюдок Антонов лишил нас миллиарда в золоте и отличного судна с экипажем, а ты говоришь, что мы квиты?

Ли Тонг никогда не видел бабушку в такой ярости.

— Я тоже зол, онуми, но вряд ли мы можем начать войну с Советским Союзом.

Она наклонилась вперед и так крепко взялась за ручки кресла, что сквозь тонкую кожу проступили костяшки пальцев.

— Русские еще не знают, каково это, когда террористы вцепляются в горло. Я хочу, чтобы ты немедленно начал взрывать их торговые суда, особенно нефтяные танкеры.

Ли Тонг обнял ее за плечи, как обиженного ребенка.

— Еврейская пословица „око за око“, возможно, удовлетворит душу, жаждущую мщения, но ничего не добавит к банковскому счету. Не позволяй гневу ослепить тебя.

— А чего ты ждал? — ответила она. — В руках Антонова президент и золото, там, откуда советский флот может его поднять. Мы позволили Луговому и его люди уйти от нас вместе с президентом. Годы планирования и миллионы долларов затрачены, и на что?

— Потерян не весь товар, — ответил Ли Тонг. — Вице-президент Марголин в безопасности в нашей лаборатории. И у нас есть неожиданная премия — конгрессмен Смит.

— Ты похитил ее? — удивленно спросила бабушка.

— Она была на борту круизного лайнера. После того как корабль затонул, я самолетом переправил Смит с „Чалметты“ в нашу лабораторию.

— Она может оказаться полезной, — согласилась Мин Корио.

— Не расстраивайся, онуми, — сказал Ли Тонг. — Мы по-прежнему в игре. Антонов и его напарник по постели из КГБ Полевой сильно недооценили патологическую привязанность американцев к правам личности. Приказ президенту закрыть конгресс, чтобы самим стать сильнее, — глупейшая ошибка. Через неделю президента сместят и выбросят из Вашингтона.

— Не так быстро, если его поддерживает Пентагон.

Ли Тонг вставил сигарету в длинный серебряный мундштук.

— Комитет начальников штабов в нерешительности. Армия не может вечно мешать конгрессу собраться. И едва конгрессмены проголосуют за импичмент, генералы и адмиралы тут же перейдут на сторону конгресса и нового главы государства.

— Которым станет Алан Моран, — сказала Мин Корио с таким выражением, словно съела что-то горькое.

— Если мы не отпустим Винсента Марголина.

— И перережем себе горло. Лучше ему исчезнуть навсегда. Пусть его труп найдут в Потомаке.

— Послушай, онуми, — сказал Ли Тонг; его темные глаза блеснули. — У нас две возможности. Первая. Лаборатория в полном порядке. Данные Лугового по-прежнему в ее компьютерах. Мы можем воспользоваться его техникой воздействия на мозг. Можем нанять других ученых и запрограммировать Марголина. И тогда не русские будут контролировать Белый дом, а „Морские перевозки Бугенвиль“.

— Но если Моран принесет президентскую присягу раньше, чем закончится работа, Марголин будет для нас бесполезен.

— Вторая возможность, — сказал Ли Тонг, — договориться с Мораном об устранении Марголина и заставить его заплатить за Белый дом.

— А он пойдет на это?

— Моран хитер и проницателен. Его политическое влияние основано на тайных противозаконных финансовых операциях. Поверь мне, онуми, Моран заплатит любую цену за право стать президентом.

Мин Корио с большим уважением посмотрела на внука. Он обладал почти мистическим даром ухватывать самую суть. Она едва заметно улыбнулась.

Ничто так не горячило ее кровь торговки, как возможность превратить поражение в победу.

— Договаривайся, — сказала она.

— Очень рад, что ты согласна.

— Обязательно перемести лабораторию в безопасное место, — сказала Мин Корио; ее мозг лихорадочно заработал. — По крайней мере, пока мы не узнаем, каково наше положение. Следователи скоро сопоставят все обрывочные данные и сосредоточат свои поиски на восточном побережье.

— Я тоже так думаю, — сказал Ли Тонг. — И уже под свою ответственность приказал одному из наших буксиров вывести лабораторию из вод Южной Каролины и переправить к нашему закрытому причалу.

Мин Корио кивнула.

— Отличный выбор.

— И очень практичный, — согласился внук.

— Как поступим с женщиной из конгресса? — спросила Мин Корио.

— Если она обратится к прессе, то может возникнуть много неприятных вопросов о присутствии Морана на борту „Леонида Андреева“. Он должен будет заплатить и за ее молчание.

— Да, своей ложью он сам себя загнал в ловушку.

— Или можно поставить с ней опыт по влиянию на мозг и вернуть в Вашингтон. Еще один слуга в конгрессе может оказаться полезен.

— Но если Моран откажется заключать сделку?

— Тогда мы затопим лабораторию вместе с Марголином и Лорен Смит на глубине в сто морских саженей.

* * *

Без ведома Ли Тонга и Мин Корио их разговор передавался на крышу соседнего жилого дома, где ретранслятор передавал радиосигнал записывающему устройству в пыльном пустом кабинете в нескольких кварталах от Хадсон-стрит.

Здание, построенное в конце прошлого столетия, вот-вот должны были снести, и, хотя большинство контор пустовало, обитатели некоторых офисов еще не переехали.

В распоряжении Сала Касио был весь десятый этаж. Он выбрал именно его, потому что служители никогда не выходили из лифта, а из окна открывался прямой вид на окно, за которым помещался ретранслятор. Койка, спальный мешок и небольшая плитка — этим исчерпывалось все ему необходимое, и, если не считать трансивера, единственным дополнительным предметом обстановки было старое выцветшее и рваное кресло, которое Касио нашел у помойки в переулке.

Он открыл дверь своим ключом и вошел. Руки у него были заняты бумажным пакетом с сэндвичами и тремя бутылками пива „Герман Джозеф“. В конторе было жарко и душно, поэтому Касио открыл окно и посмотрел на огни Нью-Джерси за рекой.

Касио вел наблюдение как автомат; он радовался одиночеству, которое позволяло его мыслям свободно блуждать. Он вспоминал счастливые времена своего брака, годы, когда росла дочь, и чувствовал, как размякает. Многолетние поиски виновников подходили к концу. Остается только, думал он, написать эпилог к истории Бугенвилей.

Он откусил от сэндвича и заметил, что, пока ходил в кулинарию, лента передвинулась. Утро близко, тогда можно будет перемотать и прослушать, решил он. К тому же, если во время прослушивания уловленный микрофоном голос снова активирует функцию записи, предыдущее записанное окажется стерто.

Касио не мог знать, насколько важна эта запись. Решение подождать было обычным, но отсрочка обошлась дорого.

— Могу я поговорить с вами, генерал?

Меткалф, собираясь уходить, закрывал свой „дипломат“. Он узнал стоявшего в дверях Алана Мерсье и прищурился в предчувствии.

— Конечно, заходите и садитесь.

Советник президента по национальной безопасности прошел к столу, но остался стоять.

— У меня есть новости, и они вам не понравятся.

Меткалф вздохнул.

— Дурные новости сегодня в порядке вещей. Что теперь?

Мерсье протянул ему папку без названия — в ней было несколько страниц машинописи — и заговорил тихо и быстро:

— Прямые приказы президента. До Рождества все американские части выводятся из Европы. Он дает двадцать дней на составление плана полного выхода из НАТО.

Меткалф упал в кресло, словно его ударили молотом.

— Это невозможно, — пробормотал он. — Не могу поверить, что президент отдал такой приказ!

— Когда он бросил эту бомбу в меня, я изумился не меньше вашего, — сказал Мерсье. — Мы с Оутсом пытались его урезонить, но без толку. Он требует, чтобы все было убрано — „Першинги“ и крылатые ракеты, все оборудование, все склады боеприпасов, вся организация.

Меткалф был озадачен.

— Но как же наши западные союзники?

Мерсье беспомощно развел руками.

— Его точка зрения — никогда раньше от него этого не слышал — такова: пусть Европу защищает Европа.

— Милостивый боже! — внезапно разозлился Меткалф. — Он подносит русским весь континент на золотом блюде.

— Не стану спорить.

— Будь я проклят, если подчинюсь.

— И что же вы станете делать?

— Отправлюсь в Белый дом и подам в отставку! — решительно сказал Меткалф.

— Не спешите. Советую вам сперва встретиться с Сэмом Эмметом.

— Зачем?

— Вы кое-что должны знать, — тихо сказал Мерсье, — и Сэм способен объяснить это лучше.

Глава 63

Когда Фосетт вошел в спальню, президент в пижаме и махровом халате сидел за письменным столом.

— Ну, поговорили с Мораном?

— Он отказался выслушивать какие бы то ни было ваши предложения.

— Вот как?

— Он сказал, что с вами как с президентом покончено и никакие ваши слова теперь не имеют значения. А потом отпустил несколько оскорблений.

— Я хочу их услышать, — резко потребовал президент.

Фосетт неловко вздохнул.

— Он сказал, что ваше поведение — это поведение сумасшедшего и что ваше место в психиатрической лечебнице. Он сравнил вас с Бенедиктом Арнольдом[30] и поклялся, что сотрет время вашего руководства страной из учебников по истории. Пробурчав еще что-то, он заметил, что вы бы оказали большую услугу стране, если бы покончили с собой и тем самым спасли налогоплательщиков от дорогостоящего расследования и суда.

Лицо президента превратилось в гневную маску.

— Этот нюня-пакостник считает, что может привлечь меня к суду?

— Не секрет, что Моран делает все, чтобы занять ваше место.

— Зад у него великоват для моего кресла, — процедил президент сквозь стиснутые губы. — А голова слишком мала для такой работы.

— Послушать его, так он уже поднял правую руку, чтобы дать президентскую присягу, — сказал Фосетт. — Предполагаемый импичмент — первый шаг к тому, чтобы отнять у вас власть.

— Алан Моран никогда не будет жить в Белом доме, — жестко сказал президент.

— Не будет сессии конгресса — не будет импичмента, — сказал Фосетт. — Но вы не сможете вечно держать их в загоне.

— Они не смогут встретиться, пока я не разрешу.

— А как же завтра в Аудитории Лиснера?

— Войска быстро их разгонят.

— Предположим, национальная гвардия Виргинии и Мэриленда не уступит?

— Сколько она сможет противостоять солдатам-ветеранам и морской пехоте?

— Достаточно долго, чтобы погибнуть, — сказал Фосетт.

— И что? — холодно спросил президент. — Чем дольше я не позволю конгрессу собраться, тем большего достигну. Несколько смертей — небольшая плата.

Фосетт с тревогой посмотрел на него. Это был не тот человек, который в начале своего срока торжественно поклялся, что его администрация не прикажет ни одному американскому парню сражаться и умирать. Но он более ничего не мог сделать в рамках своей роли друга и советника. Немного погодя Фосетт покачал головой.

— Надеюсь, это не приведет к катастрофе.

— Струсили, Дэн?

Фосетт почувствовал, что загнан в угол, но прежде чем он смог ответить, в комнату вошел Лукас с подносом с чашками и чайником.

— Кто-нибудь хочет травяного чаю? — спросил он.

Президент кивнул.

— Спасибо, Оскар. Вы очень заботливы.

— Дэн?

— Спасибо, не откажусь.

Лукас разлил чай и раздал чашки, оставив одну себе.

Фосетт почти немедленно осушил свою.

— Можно бы и погорячей, — пожаловался он.

— Прошу прощения, — сказал Лукас. — Остыл по пути с кухни.

— А по мне в самый раз, — сказал президент между глотками. — Мне не нужен чай, который обжигает язык. — Он помолчал и поставил чашку на стол. — Ну так о чем мы?

— Обсуждаем вашу новую политику, — сказал Фосетт, искусно отступая от темы. — В Западной Европе поднялся большой шум из-за вашего решения вывести американские войска из НАТО. Среди послов ходит шутка, что Антонов планирует праздничный вечер в отеле „Савой“ в Лондоне.

— Мне не нравятся такие шутки, — холодно сказал президент. — Президент Антонов дал мне честное слово, что будет сидеть дома.

— Помнится, Гитлер то же самое обещал Невиллу Чемберлену.

Президент как будто хотел гневно ответить, но неожиданно зевнул и покачал головой, прогоняя дремоту.

— Неважно, что все они думают, — сонно сказал он. — Я уничтожил угрозу атомной войны, а это главное.

Фосетт понял намек и заразительно зевнул.

— Если я сегодня вам больше не нужен, господин президент, я бы отправился домой и лег в мягкую постель.

— Я тоже, — сказал Лукас. — Жена и дети начинают сомневаться, существую ли я.

— Конечно. Простите, что задержал вас так долго.

Президент направился к кровати, скинул тапки и сбросил халат.

— Включите, пожалуйста, телевизор, Оскар. Хочу посмотреть кабельные новости в двадцать четыре ноль ноль. — Потом он повернулся к Фосетту. — Дэн, на утро прежде всего назначьте встречу с генералом Меткалфом. Пусть сообщит мне о передвижениях войск.

— Будет сделано, — заверил Фосетт. — Спокойной ночи.

В идущем вниз лифте Фосетт поглядел на часы.

— Двух часов хватит.

— Он будет спать как мертвый, а утром проснется еле живой.

— Кстати, как вы это сделали? Я не видел, чтобы вы что-нибудь подсыпали в чай, а ведь вы наливали все три чашки из одного чайника.

— Старый фокус, — со смехом ответил Лукас. — Чашки с двойным дном.

Дверь лифта открылась, и они увидели ожидающего Эммета.

— Были проблемы? — спросил Эммет.

Фосетт покачал головой.

— Без сучка без задоринки. Президент уснул как ребенок.

Лукас взглянул на него с тревогой.

— Теперь самое трудное: нужно обмануть русских.

* * *

— Он сегодня спит необычайно крепко, — сказал Луговой.

Психолог из утренней смены, наблюдающий за президентом, кивнул.

— Хороший знак. У товарища Белкая меньше возможностей проникнуть в сны президента.

Луговой посмотрел на монитор слежения за физиологическими функциями президента.

— Температура выше на один градус. В носовых пазухах формируется застой крови. Похоже, у нашего субъекта простуда или вирус.

— Потрясающе! Мы узнаем, что он подвергся нападению вируса раньше, чем он это почувствует.

— Не думаю, что это серьезно, — сказал Луговой. — Но следите внимательней, чтобы не развилось что-нибудь способное поставить проект под угрозу...

Вдруг ряды данных на дюжине зеленых экранов превратились в ломаные линии и исчезли в черноте.

Дежурный психолог напрягся.

— Какого дья...

Так же быстро, как исчезли, данные, четкие и ясные, вернулись на экраны. Луговой быстро проверил контрольные лампочки.

— Все нормально.

— Как по-вашему, что это было?

Луговой задумался.

— Никаких указаний на неисправность.

— Возможно, скачок температуры в передатчике имплантата.

— Может, электрические помехи?

— Конечно, какая-то помеха в атмосфере. Это все объясняет. Симптомы совпадают. Что еще это может быть?

Луговой устало провел рукой по лицу и посмотрел на монитор.

— Ничего, — сказал он. — Ничего.

* * *

Генерал Меткалф сидел в своей военной резиденции. Крутя бренди в стакане, он закрыл отчет, лежавший у него на коленях. Поднял голову и печально посмотрел на Эммета, сидящего напротив.

— Какое трагическое преступление, — сказал он. — У президента были все шансы стать великим. Лучшего человека в Белом доме никогда не было.

— Все факты здесь, — сказал Эммет, показывая на отчет. — Из-за русских президент больше не может занимать свой пост.

— Вынужден согласиться, но это нелегко. Мы с ним почти сорок лет дружим.

— Вы отзовете войска и позволите конгрессу провести заседание в Аудитории Лиснера? — настаивал Эммет.

Меткалф отхлебнул бренди и устало кивнул.

— Утром первым делом отдам приказ об отводе войск. Можете сообщить руководителям сената и палаты представителей, что завтра конгресс может провести сессию в Капитолии.

— Могу я попросить об одолжении?

— Конечно.

— Можно ли к полуночи убрать от Белого дома охрану из морских пехотинцев?

— Не вижу, почему бы нет, — ответил Меткалф. — На то есть какие-то особые причины?

— Хитрость, генерал, — ответил Эммет. — Она вам будет очень интересна.

Глава 64

В хранилище карт в здании НПМА Сандекер разглядывал в увеличительное стекло аэрофотоснимок Джонс-Айленда в Южной Каролине. Выпрямившись, он посмотрел на Питта и Джордино, стоявших по сторонам от стола.

— Не понимаю, — сказал он после короткой паузы. — Если Суворов правильно указал ориентиры, как он не смог разглядеть лабораторию Бугенвилей с вертолета?

Питт заглянул в блокнот советского агента.

— В качестве базовой точки он использовал старую покинутую заправку, — сказал он, показывая на крошечное сооружение на снимке, — которая расположена вот здесь.

— Эммет или Броган знают, что вы сняли копию перед тем, как мы вылетели из Гуантанамо? — спросил Джордино, кивая на блокнот.

Питт улыбнулся.

— А ты как думаешь?

— На твоем месте я бы им не сказал.

— Если Суворов сбежал из лаборатории ночью, — сказал Сандекер, — вполне может быть, что он перепутал ориентиры.

— Хороший оперативник-нелегал должен быть хорошим наблюдателем, — объяснил Питт. — Он точно описал ориентиры. Сомневаюсь, что он заблудился.

— Двести агентов Эммета обыскали эту местность, — сказал Сандекер. — Пятнадцать минут назад они еще ничего не обнаружили.

— Но тогда где? — спросил Джордино сразу у всех. — На снимке нет ни одного сооружения таких размеров, какие указал Суворов. Несколько старых дебаркадеров, несколько разбросанных небольших домов, пара полуразвалившихся сараев — ничего похожего на большой склад.

— Может, подземная лаборатория? — размышлял Сандекер.

Джордино задумался.

— Суворов пишет, что для побега он поднимался на лифте.

— С другой стороны, он упоминает, что шел по пандусу к гравийной дороге.

— Пандус может означать подход к кораблю, — подсказал Джордино.

Сандекер сомневался.

— Не подходит. Единственное водное пространство близ места, куда Суворов поместил лабораторию, — ручей шириной два или три фута. Слишком мелко, чтобы пропустить корабль, достаточно большой для лифта.

— Есть другая возможность, — сказал Питт.

— Какая?

— Баржа.

Джордино через стол посмотрел на Сандекера.

— Думаю, Дирк кое-что нашел.

Питт подошел к телефону, набрал номер и переключился на громкую связь.

— Информотдел, — послышался сонный голос.

— Эйгер, ты не спишь?

— А, это ты, Питт. Почему ты всегда звонишь среди ночи?

— Слушай, мне нужна информация о кораблях особого типа. Может твой компьютер определить класс корабля, если я сообщу данные?

— Это какая-то игра?

— Поверьте мне, это не игра, — проворчал Сандекер.

— Адмирал! — сразу просыпаясь, сказал Эйгер. — Готов. Давай данные.

Питт нашел нужную страницу блокнота и прочел в телефон:

— По внутренним перпендикулярам сто шестьдесят восемь футов в длину и тридцать три фута в ширину. Примерная высота десять футов.

— Негусто, — проворчал Эйгер.

— Постарайтесь, — строго сказал Сандекер.

— Минутку. Перейду к клавиатуре.

Джордино улыбнулся адмиралу.

— Хотите пари?

— На что?

— Бутылка „Чивас ригал“[31] против коробки ваших сигар: Дирк прав.

— Не пойдет, — сказал Сандекер. — Мои специально свернутые сигары стоят гораздо дороже бутылки скотча.

Они услышали, как Эйгер откашлялся.

— Вот оно. — Небольшая пауза. — Простите, данных недостаточно. Эти параметры подходят не менее чем для сотни различных судов.

Питт ненадолго задумался.

— Предположим, высота одинаковая от носа до кормы.

— Ты говоришь о плоской надстройке?

— Да.

— Подожди, — сказал Эйгер. — Ладно, ты сократил число. Твое загадочное судно похоже на баржу.

— Эврика! — воскликнул Джордино.

— Пока у вас купоны без наличных, — предупредил Эйгер. — Данные не соответствуют ни одному существующему типу барж.

— Проклятие! — выпалил Сандекер. — Еще бы чуть-чуть, и...

— Подождите, — оборвал его Питт. — Суворов дал внутренние размеры. — Он склонился к микрофону. — Эйгер, добавь два фута по всей длине и снова проверь.

— Это теплее, — послышался голос Эйгера. — Возможно, размеры сто девяносто пять футов на тридцать пять и на двенадцать.

— Ширина и высота соответствуют, — ответил Питт, — но длина слишком велика.

— Ты дал внутренние размеры между двумя перпендикулярными переборками. А я даю общую длину, включая наклонный нос, выступающий на двадцать пять футов.

— Он прав, — сказал Сандекер. — Мы не учли, что нос выступает.

Эйгер продолжал:

— Получаем баржу-сухогруз, стальная конструкция, водоизмещение от двухсот восьмидесяти до трехсот тонн, крытые отсеки для перевозки зерна, леса и тому подобного. Вероятно, производства „Нэшвилл бридж компани" из города Нэшвилл, штат Теннеси.

— Какая осадка? — спросил Питг.

— У пустой или у груженой?

— У пустой.

— Восемнадцать дюймов.

— Спасибо, приятель. Ты опять отличился.

— Как отличился?

— Можешь спать дальше.

Питт выключил связь и повернулся к Сандекеру.

— Дым рассеивается.

Сандекер улыбался.

— Умные, умные люди эти Бугенвили.

Питт кивнул:

— Вынужден согласиться. Самое последнее место, где станут искать дорогостоящую лабораторию, это старая ржавая баржа в болотах.

— И у нее есть дополнительное преимущество: она передвигается, ласточка, — добавил Сандекер. — Адмирал о любом корабле говорил с

нежностью. — Буксир может перетащить ее в любое место, где есть вода глубиной в полтора фута.

Питт задумчиво смотрел на фотоснимок местности.

— Следующая задача — определить, где Бугенвили ее спрятали.

— Ручей, где она была причалена, впадает в реку Стоно, — заметил Сандекер.

— А река Стоно — часть внутреннего водного пути, — добавил Питт. — Оттуда ее могли увезти в десятки тысяч рек, ручьев, заливов и проливов от Бостона до Ки-Уэст.

— И угадать куда невозможно, — удрученно сказал Джордино.

— В водах Южной Калифорнии ее не оставят, — говорил Питт. — Слишком очевидно. Значит, все сводится к территории протяженностью с севера на юг примерно восемьсот миль.

— Нелегко будет, — негромко сказал Сандекер, — отыскать ее среди других барж, идущих по восточному водному пути. Их тут больше, чем в Новой Англии листьев в октябре.

— Тем не менее мы получили новые сведения, — с надеждой сказал Питт.

Сандекер вернулся к снимку.

— Стоит позвонить Эммету и сообщить о нашем открытии. Кто-нибудь из его армии следователей может наткнуться на нужную нам баржу.

Слова адмирала звучали бесстрастно. Он не хотел говорить о том, что у него на уме.

Если Ли Тонг Бугенвиль заподозрит, что правительственные следователи дышат ему в затылок, единственный логичный поступок для него — избавиться от вице-президента и Лорен и спрятать их тела, чтобы запутать следы.

Глава 65

— Пациент проживет еще день, — сказал доктор Гарольд Гвинн, личный врач президента, маленький, пухлый, с лысой головой и дружелюбными голубыми глазами. — Обычная простуда. Оставайтесь несколько дней в постели, пока не спадет жар. Я пропишу вам антибиотик и что-нибудь от тошноты и рвоты.

— Я не могу лежать, — слабо возразил президент. — У меня слишком много работы.

Но в его словах не было решимости. Его утомил жар 39 градусов, а к горлу постоянно подкатывала рвота.

Горло у него болело, нос распух, и ломило все от макушки до пальцев ног.

— Расслабьтесь и успокойтесь, — приказал Гвинн. — Несколько часов планета может вращаться и без вас.

Он вонзил иглу в руку президента и дал ему стакан воды — запить пилюлю.

В спальню вошел Дэн Фосетт.

— Готово, док? — спросил он.

Гвинн кивнул.

— Не позволяйте ему вставать. Я зайду днем, около двух.

Он тепло улыбнулся, закрыл свою черную сумку и вышел.

— Генерал Меткалф ждет, — сказал Фосетт президенту.

Президент подложил под спину третью подушку и сел, потирая виски: комната начала вращаться.

Вошел Меткалф, в генеральской форме с восемью рядами многоцветных планок. В его движениях читались резкость и решительность, каких не было на последней встрече.

Президент посмотрел на него; лицо у него было бледное, глаза слезились. Он начал безостановочно кашлять.

Меткалф подошел к кровати.

— Я могу для вас что-нибудь сделать, сэр? — заботливо спросил он.

Президент покачал головой и знаком отстранил его.

— Ничего со мной не случится, — сказал он наконец. — Какова ситуация, Клейтон?

Президент никогда не обращался к председателю Комитета начальников штабов по званию, предпочитая спуститься вместе с ним с пьедестала и обходиться именами.

Меткалф неловко поерзал на стуле.

— В данный момент на улицах спокойно, но отмечены один или два случая стрельбы. Один солдат убит, два морских пехотинца ранены.

— Виновные задержаны?

— Да, сэр, — ответил Меткалф.

— Несомненно, преступники.

Меткалф разглядывал свои ноги.

— Не совсем так. Один сын конгрессмена из Южной Дакоты Джейкоба Уитмена, другой сын генерального почтмейстера Кеннета Поттера. Обоим еще нет и семнадцати.

Лицо президента на мгновение исказилось, потом отвердело.

— Ваши войска окружили Аудиторию Лиснера?

— Здание окружил отряд морской пехоты.

— Этого недостаточно, — сказал президент. — Национальная гвардия Мэриленда и Виргинии превосходит их численностью в пять раз.

— Гвардия не сможет подойти к Аудитории на расстояние выстрела, — заверил Меткалф. — Наш план предусматривает остановку и рассеивание ее на пути к городу.

— Здравая стратегия, — сказал президент, глаза его на мгновение сверкнули.

— Специальный выпуск новостей, — сказал Фосетт, сидевший у телевизора. Он прибавил звук и отошел так, чтобы изображение было видно с кровати.

На шоссе, перегороженном солдатами, стоял Кертис Майо. На втором плане виднелась вытянувшаяся вдоль дороги цепочка танков; их орудия были зловеще нацелены на приближающиеся военные фургоны с людьми.

— Части виргинской национальной гвардии, которые спикер палаты представителей Моран призвал на защиту сессии конгресса в кампусе университета Джорджа Вашингтона, сегодня утром не были пропущены специальными армейскими соединениями. Насколько мне известно, аналогичная ситуация сложилась на севере с частями национальной гвардии Мэриленда. До сих пор не было никакой угрозы стычек. Гвардия обоих штатов подчинилась — уступая не численности, а более мощному вооружению.

У Аудитории Лиснера отряд морских пехотинцев под командованием полковника Уорда Кларка, награжденного медалью чести за действия во Вьетнаме, не пропускает в здание членов конгресса.

Президент снова выступил против членов палаты представителей и сената, продолжая без их одобрения проводить свою спорную внешнюю

политику. Это Кертис Майо, новости Си-Эн-Эн, с шоссе в тридцати милях от Вашингтона.

— Достаточно? — спросил Фосетт, выключая телевизор.

— Да, да, — ответил довольный президент. — Теперь некоторое время этот маньяк Моран будет блуждать без руля.

Меткалф встал.

— Если я вам больше не нужен, господин президент, мне следует вернуться в Пентагон. Командиры наших дивизий в Европе очень обеспокоены. Они не согласны с вашим решением вернуть их части в Штаты.

— В конечном счете они согласятся с тем, что полное устранение опасности ядерного конфликта стоило временного нарушения равновесия. — Президент пожал Меткалфу руку. — Молодчина, Клейтон. Спасибо за то, что держите конгресс парализованным.

Меткалф прошел по коридору пятьдесят футов и оказался в пустом огромном помещении, похожем на склад.

Посреди старого кирпичного здания, принадлежащего флоту и не использовавшегося с самого окончания Второй мировой войны, была воссоздана точная копия спальни президента в Белом доме.

Все детали подмены были тщательно продуманы и выполнены. Звукооператор управлял стереосистемой, которая воспроизводила приглушенные звуки уличного движения нужной громкости. Освещение за окнами спальни точно соответствовало освещенному небу, по которому иногда пробегали облака.

Фильтры на лампах позволяли дублировать перемещение солнца за день. Даже канализационные трубы в соседних помещениях издавали знакомые привычные звуки, но содержимое их выливалось в специальный бак, а не в канализационную систему Вашингтона. На просторном бетонном полу собралось множество морских пехотинцев и агентов секретной службы, а над головой, на больших деревянных балках, стояли люди, управляющие осветительной системой.

Меткалф переступил через сеть электрических кабелей и вошел в трейлер, припаркованный у дальней стены. Ожидающие Оутс и Броган пригласили его в отделанный каштановыми панелями кабинет.

— Кофе? — спросил Броган, поднимая стеклянный кофейник.

Меткалф благодарно кивнул, взял чашку, от которой шел пар, и опустился на стул.

— Бог мой, в какой-то момент я готов был поклясться, что я в Белом доме.

— Люди Мартина проделали потрясающую работу, — сказал Оутс.

— Он привез команду из голливудской студии и уложился в девять часов.

— Были проблемы с перемещением президента?

— Это самое легкое, — ответил Броган. — Мы перевезли его в том же фургоне, что и мебель. Как ни странно, самой трудной задачей оказалось подобрать краску.

— Как это?

— Нужно было покрыть стены материалом, который не пахнет свежей краской. К счастью, химики в лаборатории агентства получили похожий на мел материал, который, если его примешать к краске, гасит все запахи.

— Новая программа очень изобретательна и убедительна, — заметил Меткалф.

— Нам это дорого обошлось, — объяснил Оутс. — Пришлось заключить сделку с Кертисом Майо: в обмен на его сотрудничество в выпуске программы-фальшивки мы обещали ему исключительные права на всю историю. Он также согласился не начинать журналистское расследование, пока все не уляжется.

— Сколько вы сможете обманывать президента?

— Сколько потребуется, — ответил Броган.

— С какой целью?

— Для изучения работы его мозга.

Меткалф с сомнением посмотрел на Брогана.

— Вы меня не убедили. Украсть мозг президента у русских, которые перед этим сами его украли, — в это я не в силах поверить.

Броган и Оутс переглянулись и улыбнулись.

— Хотите взглянуть сами? — спросил Оутс.

Меткалф поставил чашку.

— Я бы не пропустил такое и за пятую звезду.

— Сюда, — сказал Оутс, открывая дверь и приглашая Меткалфа войти.

Половину трейлера заполняло экзотическое электронное и компьютерное оборудование. Центр обработки данных был следующим поколением по сравнению с лабораторным оборудованием Лугового у Бугенвилей.

Доктор Реймонд Эджли заметил их появление и подошел.

Оутс познакомил его с генералом Меткалфом.

— Значит, вы тот таинственный гений, который возглавляет „Глубину“, — сказал Меткалф. — Знакомство с вами для меня честь.

— Спасибо, генерал, — сказал Эджли. — Секретарь Оутс рассказал, что у вас есть сомнения относительно проекта.

Меткалф осмотрел комплекс и многочисленных ученых, занятых чтением данных.

— Признаюсь, меня это озадачивает.

— В основе все очень просто, — сказал Эджли. — Мы с моими людьми принимаем и накапливаем данные о ритмах мозга президента, готовясь передать контроль от имплантата на наше оборудование, которое вы видите перед собой.

Скептицизм Меткалфа как рукой сняло.

— Значит, это правда. Русские действительно управляют его мыслями.

— Конечно. Это по их указке он закрывает конгресс и верховный суд, чтобы иметь возможность проводить выгодные коммунистическому блоку меры без препон со стороны законодателей. Прекрасный пример — приказ вывести наши войска из НАТО. Именно такого рождественского подарка ждут советские военные.

— И вы действительно можете занять место в мозгу президента?

Эджли кивнул.

— Не хотите отправить какое-нибудь сообщение в Кремль? Какую-нибудь дезинформацию?

Лицо Меткалфа осветилось словно лучом прожектора.

— Думаю, мои ребята могут сочинить интересную фантастику, которая заставит русских прийти к неверным заключениям.

— Когда вы надеетесь освободить президента от приказов Лугового? — спросил Броган.

— Думаю, мы сможем провести переключение через восемь часов, — ответил Эджли.

— Тогда не станем мешать. Предоставляем вам возможность работать, — сказал Оутс.

Они вышли из центра сбора данных и вернулись в кабинет, где нашли Сэма Эммета, который ждал их. Оутс видел, что выражение лица Эммета означает неприятности.

— Я только что с Капитолийского холма, — сказал Эммет. — Они ведут себя, как некормленые животные в зоопарке. В конгрессе обсуждают импичмент. Сторонники президента изображают верность, но это всего лишь показуха. Широкой поддержки у них нет. Многие дезертируют.

— Назначат комитет по расследованию? — спросил Оутс.

— Оппозиционная партия собирает голоса за то, чтобы ради экономии времени обойтись без расследования.

— Как по-вашему, каково будет решение?

— Палата представителей может сегодня же проголосовать за импичмент.

— Результаты голосования?

— Пять к одному за импичмент.

— А сенат?

— Результат тоже неизбежен. Предварительное голосование показывает, что за импичмент выскажутся больше двух третей сенаторов; этого достаточно для принятия.

— Они не теряют времени.

— Учитывая последние действия президента, импичмент, кажется, необходим немедленно.

— Кто-нибудь высказывается за вице-президента Марголина?

— Конечно, но ему ничего не поможет, если он не покажется сам. Через шестьдесят секунд после отставки президента кто-то должен дать клятву как его преемник. Говорят, Марголин будет скрываться до последней минуты, чтобы его не связали с безумной политикой президента.

— Что делает Моран?

— Вот что хуже всего. Он утверждает, будто у него есть доказательства того, что Марголин совершил самоубийство и что я скрываю этот факт.

— Кто-нибудь верит ему?

— Неважно, верят ему или не верят. Пресса набрасывается на его заявления, как муравьи на мед. Его прессконференции привлекают огромное внимание, и он требует, чтобы его защищала секретная служба. Его помощники уже составили план передачи власти и назвали имена его ближайших советников. Продолжать?

— Картина ясна, — угнетенно сказал Оутс. — Следующим президентом Соединенных Штатов будет Алан Моран.

— Этого нельзя допустить, — холодно сказал Эммет.

Все посмотрели на него.

— Если к завтрашнему утру не появится Винс Марголин, — спросил Броган, — как мы можем помешать?

— Годится любой способ. — Эммет достал объемистую папку. — Господа, взгляните на это.

Оутс открыл папку и молча принялся изучать ее, а потом передал Брогану, который, в свою очередь, отправил ее Меткалфу.

Закончив, они молча смотрели на Эммета, словно решали, кто будет говорить первым.

— То, что вы прочли, господа, — правда, — просто сказал Эммет.

— Почему это не стало известно раньше? — спросил Оутс.

— Потому что раньше никогда не возникало потребности проводить глубинное расследование, — ответил Эммет. — ФБР не раскрывает мрачных тайн наших законодателей, если улик их преступной деятельности недостаточно.

Грязь разводов, мелкие правонарушения, сексуальные извращения или нарушения правил движения — все это мы складываем в сейф и отворачиваемся. Досье Морана свидетельствовало о том, что он чист, чересчур чист для человека, поднявшегося на самый верх без преимуществ образования, ума, трудолюбия, богатства или связей. Ничто в нем не свидетельствовало о напористости или талантах. Как видите, результат расследования не может служить рекомендацией в папы.

Меткалф принялся снова просматривать папку.

— Та брокерская контора из Чикаго... как же она называлась? А, да, „Блэкфокс и Черчилль“.

— Фирма, созданная для отмывания взяток и оплаченных действий Морана. Эти имена взяты с могильных плит кладбища в городе Фарго в штате Северная Дакота.

Фальшивые транзакции ценных бумаг прикрывают взятки, полученные от тайных заинтересованных групп, оборонных фирм, чиновников штатов и городов, которым нужно федеральное финансирование и которым неважно, как они его получат. Это взятки за услуги Морана. По сравнению со спикером палаты представителей Бугенвили кажутся бойскаутами.

— Все это нужно предать гласности, — решительно сказал Броган.

— Я не стал бы торопиться, — предупредил Оутс. — Моран будет все отрицать, скажет, что его подставляют, чтобы он не смог повести страну к возрождению и единству. Так и вижу, как он, вися на кресте, просит вспомнить об американской традиции честной игры.

А к тому времени как министерство юстиции поставит его в трудное положение, он уже будет президентом.

Давайте посмотрим правде в глаза: нельзя проводить страну через две процедуры импичмента сразу.

Меткалф согласно кивнул.

— После безумной политики президента и бреда Морана о смерти Марголина это разоблачение покажет публике больше, чем она в состоянии выдержать. Полное неверие в федеральную систему вызовет при следующих выборах мятеж избирателей.

— Или что-нибудь похуже, — добавил Эммет. — Все больше граждан отказываются платить налоги: им не нравится, куда тратят их доллары. И нельзя винить их в том, что они не доверяют правительству из неумелых лидеров и плохих актеров.

К следующему пятнадцатому апреля[32] пять миллионов человек разорвут свои налоговые декларации, и федеральный механизм, каким мы его знаем, перестанет функционировать.

Четверо сидели в кабинете в трейлере, застыв, как фигуры на холсте. Картины будущего не казались им приятными.

Такого раньше никогда не бывало. И перспектива пережить эту бурю невредимыми казалась маловероятной.

Наконец Броган сказал:

— Без Винса Марголина мы погибли.

— Этот парень Питт из НПМА дал нам первую ниточку, — сказал Броган.

— Так что у вас есть? — спросил Меткалф.

— Питт установил, что лабораторию, контролирующую мозг, где содержат Марголина, прячут внутри речной баржи.

— Где? — переспросил Меткалф, как будто не расслышал.

— В речной барже, — повторил Эммет. — Стоящей бог знает где на водном пути.

— Вы ее ищете?

— Этим занимаются все агенты, каких мы с Мартином смогли выделить.

— Если сообщите больше подробностей и быстро выработаете план координации наших усилий, я направлю в эти районы части министерства обороны.

— Это очень помогло бы, генерал, — сказал Оутс. — Спасибо.

Зазвонил телефон, и Оутс снял трубку. Молча выслушав, он положил ее.

— Черт!

Эммет никогда не слышал такого от Оутса.

— Что случилось?

— Один из моих помощников звонил из палаты представителей.

— Что он сказал?

— Моран провел голосование по импичменту.

— Теперь между ним и постом президента стоит только сенат, — сказал Броган.

— Он опередил расписание на добрых десять часов, — заметил Меткалф.

— Дьявольщина, если завтра к этому времени мы не сможем предъявить вице-президента, — сказал Эммет, — можем попрощаться с Соединенными Штатами.

Глава 66

Джордино нашел Питта в гараже „Айрис“. Питт удобно устроился на заднем сиденье открытого гоночного автомобиля, упираясь ногами в заднюю дверцу. Джордино не мог не восхититься классическими линиями машины. Построенная в Италии в 1925 году, с кузовом работы Чезаре Сала, красная торпедообразная „Изотта-фраскини“

демонстрировала длинные плоские крылья, убирающуюся крышу и свернувшуюся кобру на радиаторе.

Питт задумчиво разглядывал доску, установленную на треножнике в десяти футах от машины. К доске была приколота большая карта внутреннего водного пути. На доске Питт сделал несколько надписей, Джордино они показались названиями кораблей.

— Я только что из кабинета адмирала, — сказал Джордино.

— Каковы последние новости? — спросил Питт, не отрывая взгляда от карты.

— Комитет начальников штабов бросил на поиски армию. Вместе с агентами ЦРУ и ФБР завтра к вечеру они обыщут каждый квадратный дюйм территории.

— На земле, на море и на небе, — безразлично произнес Питт. — От Мэна до Флориды.

— Почему так кисло?

— Напрасная трата времени. Баржи здесь нет, — сказал Питт, подбрасывая в воздух и ловя кусок мела.

Джордино вопросительно посмотрел на него.

— О чем ты? Баржа должна быть где-то здесь.

— Не обязательно.

— Ты говоришь, что они не там ищут?

— На месте Бугенвилей ты бы ожидал тщательных поисков, так?

— Элементарно, — высокомерно заявил Джордино. — Я бы замаскировал баржу под деревьями, спрятал внутри склада на воде или изменил внешний вид, чтобы она походила на гигантский курятник. Мне кажется, маскировка — самый логичный способ.

Питт рассмеялся.

— Твой курятник — это класс!

— У тебя есть идея получше?

Питт выбрался из „Изотты“, подошел к доске и сложил карту, под которой оказалась другая — карта береговой линии Мексиканского залива.

— Кстати да, есть.

Он показал пальцем на место, обведенное красным кружком.

— Баржа, где держат в плену Марголина и Лорен, где-то здесь.

Джордино подошел поближе и осмотрел отмеченное место. Потом посмотрел на Питта: так обычно смотрят на людей, предвещающих конец света.

— Новый Орлеан?

— Ниже Нового Орлеана, — поправил Питт. — Я считаю, что она стоит здесь.

Джордино покачал головой.

— Думаю, у тебя полетели тормоза. Ты хочешь сказать, что Бугенвили протащили баржу от Чарльстона вокруг оконечности Флориды и через Мексиканский залив к реке Миссисипи — почти семнадцать сотен миль меньше чем за четыре дня? Прости, приятель, но еще не создан буксир, способный на такое.

— Конечно, — согласился Питт. — Но если они срезали несколько сотен миль?

— Как? — спросил Джордино со смесью сомнения и сарказма. — Установив колеса и протащив ее по суше?

— Кроме шуток, — серьезно сказал Питт. — Если на буксире провести ее по недавно открытому каналу „Флорида Кросс" от Джексонвиля на Атлантическом побережье до Кристалл-ривер в Мексиканском заливе, путь сокращается на всю южную часть штата.

Джордино начал понимать. Он снова посмотрел на карту, определил масштаб. Потом, используя как ножки циркуля большой и указательный пальцы, примерно измерил сократившееся расстояние между Чарльстоном и Новым Орлеаном. А когда закончил и повернулся, на лице его была улыбка.

— Получается. — Однако улыбка тут же исчезла. — Но что это доказывает?

— У Бугенвилей должен существовать тщательно охраняемый причал и перевалочная база, где они разгружают контрабандные грузы. Вероятно, на берегу реки где-нибудь между Новым Орлеаном и входом в залив.

— Дельта Миссисипи? — удивился Джордино. — Как ты вытащил этот номер из шляпы?

— Сам посмотри, — сказал Питт, указывая на список судов на доске и читая вслух: — „Пайлоттаун", „Бель Часс", „Бурас", „Венеция",

„Бурвилль“, „Чалметта“ — все корабли иностранных регистров. Но все в то или иное время принадлежали Бугенвилям.

— Не вижу связи.

— Посмотри снова на карту. Все эти корабли названы по городам в речной дельте.

— Символический шифр?

— Единственная ошибка, допущенная Бугенвилями: код, которым они обозначили место своих тайных операций.

Джордино всмотрелся.

— Бог мой, точно, ни убавить ни прибавить.

Питт костяшками постучал по карте.

— Ставлю свою „Изотта-фраскини“ против твоего „Бронко“, что там мы и найдем Лорен.

— Ты уже выиграл.

— Отправляйся в аэропорт НПМА и закажи реактивный „Лир“. Я свяжусь с адмиралом и объясню, зачем мы летим в Новый Орлеан.

Джордино уже направлялся к двери.

— Когда приедешь туда, самолет будет готов к вылету, — сказал он через плечо.

Питт торопливо поднялся по лестнице в свою квартиру и бросил в сумку кое-что из одежды. Открыл оружейный шкаф и взял старый автоматический револьвер „Кольт Томпсон“, серийный номер 8545, две обоймы с патронами 45-го калибра и все это положил в футляр от скрипки. Потом взял телефон и позвонил в кабинет Сандекера.

Назвался личной секретарше адмирала, и та соединила его.

— Адмирал?

— Дирк?

— Думаю, я знаю, где баржа.

— Где?

— В дельте реки Миссисипи. Мы с Элом летим туда.

— Почему ты считаешь, что в дельте?

— Наполовину догадался, наполовину вычислил, но это наша лучшая нить.

Сандекер поколебался, прежде чем ответить.

— Тебе лучше подождать, — тихо сказал он.

— Подождать? О чем вы говорите?

— Алан Моран потребовал прекратить поиски.

Питт был ошеломлен.

— Какого дьявола?

— Он говорит, что это напрасная трата времени и денег налогоплательщиков, потому что Винс Марголин мертв.

— Моран сволочь.

— Он демонстрирует одежду Марголина, в которой тот исчез.

— Но все равно нужно думать о Лорен.

— Моран говорит, она тоже мертва.

Питт почувствовал, что словно погружается в зыбкий песок.

— Проклятый лжец!

— Может, и так, но, если он прав насчет Марголина, ты порочишь следующего президента Соединенных Штатов.

— В тот день, когда этот подлец принесет присягу, я откажусь от гражданства.

— Вероятно, не ты один, — мрачно сказал Сандекер. — Но твои личные чувства не меняют ситуацию.

Питт был непреклонен.

— Из Луизианы позвоню.

— Я надеялся, что ты так скажешь. Оставайся на связи. Я здесь буду делать все, что смогу.

— Спасибо, старый мошенник.

— Шевелись. И скажи Джордино, чтобы перестал красть мои сигары.

Питт улыбнулся и повесил трубку. Он закончил сборы и торопливо вышел из ангара. Через три минуты у него дома зазвонил телефон. В

двухстах милях от него Сал Касио с пепельным лицом в отчаянии напрасно ждал ответа.

Глава 67

Днем в десять минут первого Алан Моран прошел по главному коридору Капитолия, спустился по узкой лестнице и добрался до далекого кабинета, который держал для своих личных нужд.

Большинство людей его положения постоянно окружены помощниками, но Моран предпочел пойти в одиночестве, чтобы не отвлекали пустые разговоры.

У него всегда был осторожный вид антилопы, которая высматривает хищников на африканских равнинах. Глаза без выражения — такие бывают у тех, чья единственная страсть — власть, власть, полученная любыми способами и любой ценой. Чтобы достичь престижного положения в конгрессе, Моран старательно поддерживал свой имидж. В общественной жизни он был ревностным верующим, настоящим олицетворением дружелюбного застенчивого человека с теплым чувством юмора, соседа с вашей улицы, всегда готового одолжить газонокосилку; выходца из бедной семьи, всего добившегося своим трудом.

Но его частная жизнь была прямо противоположной. Тайный атеист, он смотрел на своих избирателей и вообще на людей как на невежественный сброд, который позволительно использовать к своей выгоде. Никогда не женившийся, не имея близких друзей, он жил скромно, как монах под епитимьей, в маленькой съемной квартире. Каждый доллар сверх средств к самому скромному существованию шел в его тайную корпорацию в Чикаго, где добавлялся к полученному от нелегальных вкладов, взяток и других видов коррупции.

Эти деньги использовались для усиления его влияния и власти, и постепенно политические услуги и влияние привязывали к его фалдам все больше мужчин и женщин, занимающих высокое положение в бизнесе и правительстве.

В кабинете Морана, когда он вошел, сидели Дуглас Оутс, Сэм Эммет, Мартин Броган и Джесс Симмонс, недавно освобожденный из-под домашнего ареста. Все встали, и он занял место за столом. В нем ощущалось самодовольство, очевидное посетителям. Он вызвал их на свою частную территорию, им пришлось подчиниться.

— Спасибо, что встретились со мной, господа, — сказал он с фальшивой улыбкой. — Полагаю, вы знаете, для чего приглашены.

— Обсудить ваше возможное назначение на пост президента, — ответил Оутс.

— Не возможное, — ядовито сказал Моран. — Сегодня в семь вечера сенат начнет суд над президентом. Поскольку я следующий в очереди преемников президента, я считаю своим священным долгом немедленно принести присягу и принять на себя ответственность за излечение ран, нанесенных предыдущим пагубным правлением.

— А вы не торопитесь? — спросил Симмонс.

— Нисколько, если это означает предупредить дальнейший вред.

Оутс, казалось, сомневался.

— Кое-кто истолкует ваши действия — по крайней мере, пока не будет должным образом доказано, что вице-президент Марголин мертв, — как попытку незаконно захватить власть, особенно учитывая ваши старания лишить власти президента.

Моран посмотрел на Оутса и перевел взгляд на Эммета.

— У вас одежда вице-президента, найденная в реке.

— Лаборатория ФБР идентифицировала одежду как принадлежащую Марголину, — подтвердил Эммет. — Но нет признаков того, что она две недели провела в воде.

— Вероятно, ее выбросило на берег, и она просохла.

— Вы говорили, что рыбак, который принес ее вам, утверждал, будто выловил ее в Потомаке.

— Вы директор ФБР, — разгневанно ответил Моран. — Вам и разбираться в этом. Я здесь не на суде.

— Возможно, в интересах всех присутствующих было бы лучше продолжить поиски Марголина, — тихо сказал Оутс.

— Полностью согласен, — подхватил Броган. — Нельзя считать его мертвым, пока не найдено тело.

— Несомненно, возникнет множество вопросов, — согласился Мерсье. — Например, как он умер.

— Очевидно, утонул, — ответил Моран. — Вероятно, вместе с „Орлом“.

— К тому же, — продолжал Мерсье, — вы так и не объяснили, каким образом вы с Маркусом Ларимером спаслись с „Орла“ и отправились рыбачить на еще не названный курорт на Карибском море.

— Я с радостью отвечу на вопросы комитета конгресса по расследованию, — сказал Моран. — Но не здесь и не перед людьми, явно настроенными против меня.

— Вы должны понять, что, несмотря на ошибки президента, мы верны ему, — сказал Оутс.

— Ни минуты не сомневался, — ответил Моран. — Поэтому и созвал вас сегодня утром. Через десять минут после голосования сената я принесу присягу в качестве президента. И моим первым официальным шагом станет объявление о вашей отставке или увольнении; выбор за вами. Сегодня, еще до полуночи, вы все перестанете работать на правительство Соединенных Штатов.

Узкая мощеная дорога петляла между холмами, круто спускаясь к Черному морю. На заднем сиденье „кадиллака“ сидел Владимир Полевой и читал последний отчет Алексея Лугового. Время от времени он поднимал голову и смотрел на заходящее солнце.

Где бы ни появлялся лимузин, он привлекал всеобщее внимание. Собранный вручную, с отделанным дорогой древесиной салоном, с цветным телевизором, с опускающейся перегородкой, с музыкальной стереосистемой, он был заказан Полевым под предлогом изучения его технологии. Вскоре после получения Полевой стал использовать его для личных нужд.

Длинная машина поднималась по лесистому склону холма, пока не остановилась перед деревянными воротами в высокой кирпичной стене.

Офицер в форме отдал честь главе КГБ и нажал на запор. Ворота неслышно распахнулись, за ними открылся полный цветов сад, машина проехала и остановилась у просторного одноэтажного дома, построенного в современном западном стиле.

Полевой поднялся по круглым каменным ступеням и вошел в вестибюль, где его встретил секретарь президента Антонова и проводил к столу и стульям на террасе, выходящей на море.

Немного погодя появился Антонов в сопровождении хорошенькой служанки, которая несла поднос с копченым лососем, икрой и ледяной водкой.

Антонов был как будто в хорошем настроении, он небрежно присел на металлические перила, ограждающие террасу.

— У тебя прекрасная новая дача, — сказал Полевой.

— Спасибо. Ее спроектировала французская архитектурная фирма. И не спросила с меня ни рубля. Конечно, в Госкомстрое дачу не утвердили бы. Слишком буржуазная. Но какого дьявола? Времена меняются.

Он резко сменил тему.

— Что нового в Вашингтоне?

— Президент будет смещен со своего поста.

— Когда?

— Завтра к этому времени.

— Никаких сомнений?

— Нет.

Антонов взял свой стакан с водкой и осушил его; девушка немедленно снова наполнила. Полевой подозревал, что эта девушка не только наливает водку главе Советского Союза.

— Где мы ошиблись, Владимир? — спросил Антонов. — Может, мы хотели достичь многого слишком быстро?

— Никто не может предугадать действия американцев. Они ведут себя совершенно непредсказуемо.

— Кто будет новым президентом?

— Алан Моран, спикер палаты представителей.

— Сможем мы с ним работать?

— Мои источники говорят, что он хитер, но его можно убедить.

Антонов смотрел на маленькую рыбацкую лодку далеко в море.

— Если бы пришлось выбирать, я бы предпочел Морана вице-президенту Марголину.

— Несомненно, — согласился Антонов. — Марголин убежденный враг коммунистического общества, он верит в превосходство американской военной машины над нашей.

— Могут ли наши люди что-нибудь сделать, негласно, конечно, чтобы помочь Морану попасть в Белый дом?

Полевой покачал головой.

— Слишком велик риск разоблачения и усиления враждебной пропаганды.

— А где Марголин?

— По-прежнему в руках Бугенвилей.

— Есть ли вероятность, что старая восточная сука выпустит его, чтобы помешать Морану?

Полевой беспомощно пожал плечами.

— Кто ее знает?

— А ты, Владимир, что бы сделал на ее месте?

Полевой задумчиво помолчал, потом сказал:

— Я бы договорился с Мораном, что избавлю его от Марголина.

— У Морана хватит смелости принять такое предложение?

— Если бы между тобой и властью над сверхдержавой стоял один человек, к тому же находящийся в очень уязвимом положении, как бы ты поступил?

Антонов громко рассмеялся, вспугнув птиц по соседству. Птицы улетели.

— Ты читаешь меня как открытую книгу, дружище. Я понимаю твою точку зрения. Я, без сомнения, удалил бы его.

— Американские средства массовой информации сообщают, что Моран утверждает, будто Марголин утонул.

— Значит, у твоей теории надежное основание, — сказал Антонов. — Может, старуха Стальной Лотос все-таки принесет нам пользу.

— По крайней мере, нам сделка с ней ничего не стоила.

— Кстати о цене: что с золотом?

— Адмирал Борчавский начал подъем. Обещает в течение трех недель поднять все слитки.

— Хорошая новость, — сказал Антонов. — А что с доктором Луговым? Мы сможем продолжать проект после отстранения президента от власти?

— Сможем, — ответил Полевой. — В голове президента огромные знания о тайнах Соединенных Штатов. Луговой должен еще получить их.

— В таком случае пусть проект продолжается; представь Луговому список политиков и военных, кого мы хотели бы использовать. Все американские лидеры, оставляющие должность, выступают советниками; у них большой опыт, даже если руководство было неудачным. У капиталистов короткая память. Знания, которыми располагает президент и которые только еще должны получить его преемники, для нас большая ценность. Но на этот раз мы проявим терпение и не станем спешить. Мозг президента может оказаться гусыней, целые десятилетия несущей нашей разведке золотые яйца.

Полевой поднял стакан.

— За нашего лучшего тайного агента.

Антонов улыбнулся.

— Пусть работает подольше.

* * *

За полмира от них Реймонд Эджли сидел у консоли и читал распечатку. Он поднял очки и потер покрасневшие глаза. Несмотря на усталость, в нем чувствовалась большая нервная энергия. Пробудилось чувство соперничества. Возможность опередить достойного противника в психологических играх уничтожала всякую мысль о сне.

Доктор Гарри Гринберг, тоже известный психолог, закурил длинную, изогнутую глиняную трубку. Пробудив к жизни желтую, в пятнах, головку трубки, он мундштуком показал на записывающий аппарат.

— Ждать дольше бессмысленно, Рей. Я убежден, что у нас достаточно данных для переключения.

— Не хочу торопиться, пока не буду уверен, что мы сможем перехитрить Алексея.

— Действуй, — сказал Гринберг. — Довольно ждать. Сделай это.

Эджли посмотрел на свою команду из десяти психологов.

Все выжидательно смотрели на него. Он кивнул.

— Ладно. Всем приготовиться к переключению с президентского имплантата на наш центральный компьютер.

Гринберг обошел комнату, коротко переговорил со всеми, вторично проверил все процедуры. Три человека сидели у консоли компьютера, держа руки на клавишах. Остальные следили за экранами и поступающими данными.

Сжав в руке носовой платок, Гринберг стоял за одним из психологов, чуть сбоку.

— Ни в коем случае нельзя прервать ход его мыслей или вмешаться в ту минуту, когда Луговой отдает указания, — предостерег Гринберг.

— Я понимаю, — ответил Эджли, не отрывая взгляда от экрана, передающего запись мыслей. — Нам к тому же нужно точно учесть его сердечный ритм и остальные функции организма.

Программист ввел команду и ждал. Все ждали, глядя на пустой экран, которому предстояло показать успех или неудачу. Шли минуты, все молчали, слышалось только негромкое гудение оборудования: компьютер отсчитывал миллисекунды до принятия команды.

Неожиданно на экране вспыхнула надпись:

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ СВЯЗИ ЗАВЕРШЕНО.

Все с облегчением вздохнули и заговорили, пожимая друг другу руки, как в центре управления НАСА после успешного запуска.

— Думаешь, Алексей купится? — спросил Эджли.

— Не волнуйся. Он ничего не заподозрит. Самолюбие никогда не позволит Алексею Луговому подумать, что кто-то может его перехитрить. — Гринберг помолчал, выпуская кольцо дыма. — Он проглотит все, что мы ему скормим, и отправит в Москву, решив, что это божий дар для его шпионажа.

— Надеюсь, — сказал Эджли, вытирая мокрый лоб. — Следующий шаг — перевод президента в госпиталь Уолтера Рида и извлечение имплантата.

— Всему свой черед, — сказал Гринберг, доставая бутылку шампанского. Один из сотрудников раздавал бокалы. Хлопнула пробка, и полилось вино. Гринберг подставил бокал.

— За дока Эджли, — с улыбкой сказал он, — который только что отбросил КГБ на десять лет в прошлое.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ „СТОУНУОЛЛ ДЖЕКСОН“

Глава 68

13 августа 1989 года Новый Орлеан, Луизиана

Питт большую часть дня дремал, а самолет вел Джордино. Солнце ярко светило, когда они снизились над сине-зелеными водами озера Пончартрейн и нацелились на маленький аэродром, выступающий из берега Нового Орлеана. Аквамариновый реактивный самолет НПМА коснулся асфальта полосы и остановился возле вертолета с надписью „Дельта ойл лтд.“ на борту.

Из стоявшей поблизости машины вышел человек в легком костюме из полосатой ткани и пошел к ним. Когда Питт выбрался из кабины „Лира“, человек снял темные очки и подал руку.

— Мистер Питт? — спросил он, сверкнув зубами на загорелом лице.

— Я Питт.

— Клайд Гриффин, ФБР, спецагент, начальник луизианского отделения.

На землю спустился Джордино, и Питт представил его.

— Чем можем быть полезны, мистер Гриффин?

— Директор Эммет просил меня официально заявить, что Бюро не может оказывать поддержку вашим поискам.

— Я не просил о помощи, — сказал Питт.

— Я сказал „официально“, мистер Питт. — Белые зубы сверкнули в широкой улыбке. — А неофициально… сегодня воскресенье. Директор разрешил всем агентам сегодня заниматься своими делами. В моем распоряжении восемь человек, которые считают, что ваше дело важнее их партий в гольф.

— Эммет дал благословение?

— Только не для протокола, он сказал, что, если мы очень быстро не найдем вице-президента, он даст мне такого пинка, что я очень долго не смогу сесть за пианино.

— Наш человек, — сказал Джордино.

— Вам известно, что мы ищем? — спросил Питт.

Гриффин кивнул.

— Речную баржу. Мы уже проверили примерно двести барж между этим местом и Батон-Ружем.

— Вы искали на севере. Я считаю — нужно на юге.

Гриффин с сомнением смотрел в землю.

— Большинство приходящих фрейтеров и танкеров разгружаются у городских причалов. Потом буксиры перетаскивают грузы на север. Мало барж ходят южнее, только те, что вывозят в океан мусор и отходы.

— Тем больше причин поискать там.

Гриффин приглашая показал на вертолет.

— Мои люди ждут в машинах вдоль реки. Мы сможем руководить ими с воздуха.

— „Дельта ойл“ — хорошее прикрытие? — спросил Питт.

— Вертолет нефтяной компании в этих местах дело обычное, — ответил Гриффин. — Вертолеты часто перевозят людей и припасы на далекие буровые вышки и трубопроводы. Никто не обращает на них внимания.

Питт, извинившись, вернулся в кабину самолета НПМА и минуту спустя появился с футляром от скрипки. Потом сел в вертолет и познакомился с пилотом, стройной блондинкой с сонными глазами и низким голосом, говорившей с южным акцентом. Питт ни за что не принял бы ее за

агента ФБР (а она была агентом, хотя и не соответствовала своему прозвищу — Тощая Хоган).

— Вы в полете играете на скрипке? — с любопытством спросила Хоган.

— Это помогает мне не бояться высоты, — с улыбкой ответил Питт.

— У нас всякое бывает, — пробормотала Хоган.

Все пристегнули ремни, Хоган подняла вертолет и, прежде чем повернуть на юг, пролетела над городом.

По Сент-Чарльз-авеню шел маленький зеленый трамвай; рельсы блестели, когда на них сквозь древесную листву падали солнечные лучи. Питт легко мог разглядеть массивную белую крышу Супердоума,[33] самого большого спортивного сооружения такого рода в мире. Справа от них теснились дома и уходили назад узкие улочки Французского квартала, зеленая трава Джексон-сквер и шпили собора Святого Людовика. И наконец они полетели над мутными сине-зелеными водами реки Миссисипи.

— Вот он, — провозгласила Хоган. — Старик, Великая река слишком густая, чтобы пить, и слишком жидкая, чтобы пахать.

— Бывали здесь? — спросил Гриффин Питта.

— Несколько лет назад искал затонувшие корабли времен Гражданской войны — в шестидесяти милях ниже по реке у Плакмин-Париш.[34]

— Я знаю этот маленький ресторан в приходе…

— Я тоже. Там подают отличные устрицы из залива на половинках раковины. Обязательно спросите у Тома особый острый перечный соус его мамы. С устрицами просто фантастика.

— Да, вы тут не новичок.

— Стараюсь.

— Представляете, где может прятаться баржа?

— Обращайте внимание на открытые причалы и склады, которые кажутся заброшенными или мало используемыми, но хорошо защищены большим количеством охранников, высокими заборами и, может быть, собаками. Баржа, ржавая и полуразбитая, должна быть поблизости. Мое предположение — где-то между Чалметтой и Пайлоттауном.

— В Пайлоттаун можно попасть только по воде, — сказал Гриффин. — Шоссе через дельту заканчивается в десяти милях от него, у города, который называется Венеция.

— Признаю свою ошибку.

Они замолчали; река под ними разлилась почти на четыре километра между большими дамбами, защищающими землю от наводнений. На узкой полосе за дамбами виднелись фермы, стада коров и рощи апельсиновых деревьев, а дальше начинались болота. Пролетели над Порт-Салфером, большие причалы которого вытянулись вдоль западного берега. Над плоской отравленной землей на пятьдесят футов поднимались горы желтой серы.

За следующие полчаса прошли три ложные тревоги. В нескольких милях ниже Порт-Салфера увидели заброшенную консервную фабрику с двумя стоящими рядом баржами. Гриффин по радио связался с агентами, которые двигались по западному берегу вслед за вертолетом. Быстрый обыск показал, что здание пустует, а на баржах только трюмная вода и ил.

Продолжили полет на юг, над обширными болотами и извилистыми проливами, приближаясь к заливу; заметили пасущихся оленей, много крокодилов, греющихся на солнце в грязи, и небольшое стадо коз, которые равнодушно смотрели на пролетающий вертолет.

Вверх по реке шел большой фрейтер, носом он резал волну, поднятую течением. На корме реял красный флаг с серпом и молотом.

— Русский, — заметил Питт.

— Из пяти тысяч кораблей, которые за год приходят в Новый Орлеан, большой процент советских, — сказал Гриффин.

— Хотите посмотреть, что на той барже? — спросила Хоган, показывая.

— Да, садитесь за той драгой на восточном берегу.

Гриффин кивнул.

— Мы проверим ее сами.

Хоган мотнула светлой гривой.

— Высажу вас на дамбе.

Она искусно посадила вертолет на гравийную дорогу, проходящую по верху дамбы. Три минуты спустя Гриффин по скрипучим сходням поднялся на баржу. Еще через три минуты он вернулся и пристегнулся к сиденью.

— Не повезло? — спросил Питт.

— Нет. Старая лохань наполовину заполнена соляркой. Наверно, на ней заправляли драгу.

Питт взглянул на часы. Два тридцать. Время уходит. Еще несколько часов, и Моран принесет президентскую присягу. Питт сказал:

— Продолжим шоу.

— Слышу, — сказала Хоган, подняла вертолет, резко накренила, и они снова оказались над рекой; Джордино проверил, цел ли его желудок.

Еще восемь миль, и их постигла новая неудача: возле навеса, под которым ремонтировали корабли, они заметили подозрительную баржу. Быстрый обыск, проведенный наземной командой, показал, что все здесь давно заброшено.

Пролетели мимо рыбацких городков Эмпайр и Бурас.

Неожиданно за поворотом им открылась картина из золотых времен реки, красочная, живописная и почти забытая. Длинный белый корпус, бока цвета красного вина, столб дыма над палубой — носом к западному берегу стоял колесный пароход.

— Тени Марк Твена, — сказал Джордино.

— Красавец, — подхватил Питт, восхищаясь резьбой многоэтажной надстройки.

— „Стоунуолл Джексон“,[35] — объяснил Гриффин. — Этому аттракциону семьдесят лет.

С парохода на берег был спущен трап, а на берегу высилась старая кирпичная крепость в форме пятиугольника. У крепости море машин, а в самой крепости, на плацу и на стенах множество людей. На соседнем поле над двумя рядами людей, которые как будто стреляли друг в друга, плыло синее облако дыма.

— Что за праздник? — спросил Джордино.

— Реконструкция войны между штатами, — ответила Хоган.

— Не понимаю.

— Воспроизведение исторической битвы, — объяснил Питт. — Такое хобби есть у многих: надевают мундиры времен Гражданской войны, нацепляют знаки различия подлинных частей. Мундиры — точное подобие, и стреляют из восстановленного или даже оригинального оружия. Я был на таком представлении в Геттисберге. Очень красочно, почти как на самом деле.

— Жаль, нельзя остановиться и посмотреть, — сказал Гриффин.

— Плакмин-Париш — настоящая сокровищница истории, — заметила Хоган. — Звездообразное сооружение, возле которого они разыгрывают

битвы, называется Форт-Джексон. Форт Сент-Филип, точнее, то, что от него осталось, — напротив через реку. Здесь адмирал Фаррагут из армии янки в 1862 году напал на форты и захватил Новый Орлеан.

Неожиданно Хоган собралась и стала всматриваться через стекло кабины. Не больше чем в двух милях отсюда к старому деревянному причалу было привязано носом вниз по течению судно; за причалом располагался большой металлический склад.

За кормой судна стояли баржа и буксир.

— Возможно, это оно, — сказала Хоган.

— Можете прочесть название? — спросил с пассажирского сиденья Питт.

Хоган на мгновение убрала левую руку с приборов и заслонила глаза.

— Похоже на… нет, это город, над которым мы только что пролетели.

— Какой город?

— Бурас.

— Возможно. Дьявольщина, — с торжеством в голосе сказал Питт, — это оно и есть!

— На корабле не видно команды, — заметил Гриффин. — Вот ваш высокий забор вокруг всего участка, но не вижу охраны и собак. Кажется, все очень спокойно.

— Я бы не ставил на это, — сказал Питт. — Продолжайте лететь вниз по реке, Тощая, пока нас не видно. Потом поверните назад за западной дамбой и посадите рядом с вашими людьми в машинах.

Хоган еще пять минут летела прежним курсом, потом сделала большой полукруг к северу и посадила машину на школьном футбольном поле. Приземления вертолета ждали две машины, набитые агентами ФБР.

Гриффин повернулся на сиденье к Питту.

— Я со своей командой войду через передние ворота, которые ведут на разгрузочный причал. Вы и Джордино оставайтесь с Хоган, будете наблюдать с воздуха. Похоже, нас ждет обычная операция.

— Обычная операция? — ядовито повторил Питт. — Подходите к воротам, показываете свой блестящий значок ФБР, и все перед вами склоняются? Ничего подобного. Эти люди убивают так, как мы с вами прихлопываем москитов. Пойдете открыто — напроситесь на разбитую голову. Умнее подождать и вызвать подкрепление.

Лицо Гриффина ясно говорило, что он не любит, когда ему указывают, как проводить операции. Не обращая внимания на Питта, он стал давать указания Хоган:

— Дайте нам две минуты, чтобы добраться до ворот, потом поднимайтесь и кружите над складом. Настройтесь на частоту нашего полевого штаба и доложите об операции. И пусть передадут наше сообщение в бюро в Вашингтоне.

Он вышел и сел в первую машину. Машины по еле видной дороге, ведущей к причалу Бугенвилей, обогнули школьный спортивный зал и исчезли за дамбой.

Хоган подняла вертолет и включила радиопередатчик.

Пересев в кресло второго пилота, Питт наблюдал, как Гриффин и его люди приближаются к высокой решетчатой ограде вокруг причала и склада. С растущей тревогой он увидел, как Гриффин вышел из машины и направился к воротам, но никто как будто ему не препятствовал.

— Что-то происходит, — сказала Хоган. — Баржа и буксир снимаются с места.

Она была права. Буксир начал отходить от причала, тупым носом толкая баржу перед собой.

Питт схватил запасной шлем с микрофоном.

— Гриффин! — крикнул он. — Баржа уходит. Оставьте судно и склад, возвращайтесь на дорогу и начинайте преследование.

— Слышу, — ответил Гриффин.

Неожиданно на судне распахнулись двери, на палубе появились люди и стали снимать брезент с двух пулеметных установок на носу и на корме. Ловушка захлопнулась.

— Гриффин! — закричал в микрофон Питт. — Уходите! Ради бога, уходите!

Предупреждение запоздало. Гриффин прыгнул в первую машину, которая понеслась в безопасность, за дамбу, но 20-миллиметровый пулемет „Эрликон“ уже начал сеять свой смертоносный град. Пули рвали сильно накренившуюся машину, разбивали стекла, пробивали тонкий корпус, как картон, рвали плоть и кости сидящих внутри. Задняя машина остановилась, из нее на землю выпали тела, одни лежали неподвижно, другие пытались найти укрытие. Гриффин и его люди успели перебраться через вершину дамбы, но все были тяжело ранены.

Питт раскрыл скрипичный футляр, просунул ствол „Томпсона“ в боковое окно и принялся стрелять по пулемету на носу „Бураса“.

Хоган поняла, что он делает, и наклонила вертолет, чтобы дать ему лучший угол стрельбы. Люди на палубе падали, не понимая, откуда по ним стреляют.

Пулеметчики на корме были внимательнее. Они отвернули „Эрликон“ от Гриффина и его агентов и начали стрелять в небо. Хоган сделала смелую попытку уйти от огня, и очередь прошла не в футах, а в дюймах от корпуса вертолета. Хоган вела вертолет над кораблем так, словно он зачарованный, а односторонняя дуэль продолжалась.

Но вот пулеметчики изменили траекторию, и пули попали в машину. Питт закрыл рукой лицо, защищая глаза: ветровое стекло разлетелось на мелкие кусочки.

Пули со стальными наконечниками рвали тонкий алюминиевый фюзеляж и двигатель.

— Ничего не вижу, — поразительно спокойным голосом сказала Хоган.

Лицо ее было алым от порезов, кровь со лба текла в глаза, мешая видеть.

Если не считать нескольких царапин на руке, Питт был невредим.

Он передал автомат Джордино, который оторванным рукавом обматывал рану на голени. Вертолет терял скорость и быстро снижался к воде посреди реки. Питт взял у Хоган руль и резко отвернул от неожиданного шквала огня с буксира.

На барже из рубки появились десятки людей и стреляли по поврежденному вертолету из автоматов.

Из двигателя текло горючее, лопасти винта бешено дрожали. Питт сбросил газ, чтобы не дать вертолету падать слишком быстро. Приборную панель перед ним пули разбили вдребезги. Он вел безнадежный бой; дольше держать машину в небе было невозможно. Движение вперед исключалось, контроль за боковыми движениями он терял.

На земле за дамбой Гриффин в бессильном гневе стоял на коленях, прижимая к груди разорванное запястье и глядя, как сражается вертолет, словно огромная подбитая птица. Фюзеляж был так изрешечен пулями, что невозможно было поверить, что внутри еще кто-то жив.

Он видел, как медленно умирал вертолет, таща за собой длинный шлейф дыма; едва перевалив через деревья на берегу, он скрылся из виду.

Глава 69

Сандекер сидел в кабинете Эммета в ФБР и жевал окурок сигары; он не знал, что и думать. Броган нервно колыхал в чашке давно остывший кофе.

Вошел генерал Меткалф и сел.

— Вы похожи на несущих гроб, — сказал он с деланной жизнерадостностью.

— Разве на самом деле не так? — спросил Броган. — Как только сенат примет решение, нам останется только устроить поминки.

— Я только что из приемной сената, — сказал Меткалф. — Секретарь Оутс собирает членов президентской партии и призывает их держаться.

— Каковы его шансы? — спросил Сандекер.

— Нулевые. Сенату остались формальности. Через четыре часа все будет кончено.

Броган с отвращением покачал головой.

— Я слышал, Моран уже пригласил председателя верховного суда О’Брайена, чтобы тот принял у него присягу.

— Этот скользкий ублюдок не теряет ни секунды, — пробормотал Эммет.

— Есть новости из Луизианы? — спросил Меткалф.

Эммет отрицательно покачал головой.

— Уже час ничего нет. В последнем сообщении моего агента, возглавляющего операцию, говорилось, что они нашли перспективное место.

— Есть какие-то конкретные причины считать, что Марголина прячут в дельте?

— Только пальцем в небо — догадка моего руководителя отдела особых проектов, — ответил Сандекер.

Меткалф посмотрел на Эммета.

— Что вы предпринимаете против Бугенвилей?

— Этим делом занимается свыше пятидесяти агентов.

— Вы можете их арестовать?

— Напрасная трата времени. Через час Мин Корио и Ли Тонг снова выйдут на свободу.

— Должно быть достаточно улик.

— Нет ничего такого, за что смог бы ухватиться генеральный прокурор. Большинство их незаконных операций проводится за нашими границами, в странах третьего мира, которые не слишком дружелюбно к нам относятся…

Зазвенел телефон.

— Эммет.

— На связи агент Гудман, сэр.

— В чем дело, Гудман?

— Со мной связался агент Гриффин из Луизианы.

— Очень вовремя, — нетерпеливо сказал Эммет. — Соединяйте меня.

— Минутку.

Наступило молчание, которое вскоре прервал громкий щелчок, и Эммет услышал чье-то тяжелое дыхание. Он включил громкую связь, чтобы все слышали.

— Гриффин, говорит Сэм Эммет, вы меня слышите?

— Да, сэр, слышу хорошо. — В голосе звучала боль. — Мы столкнулись… с неприятностями.

— Что случилось?

— Мы нашли грузовой корабль Бугенвилей рядом с баржей и буксиром в семидесяти милях ниже Нового Орлеана. Прежде чем мы смогли войти и провести обыск, нас обстреляли из тяжелых пулеметов с судна. Все ранены… Двое убиты, семеро ранены, я тоже. Это была бойня.

Говоривший закашлялся, и на несколько секунд воцарилась тишина. Когда голос послышался снова, он звучал гораздо слабее.

— Простите, что не позвонил раньше, но нашу связь разбило пулями, и мне пришлось идти две мили, чтобы найти телефон.

На лице Эммета появилось сочувственное выражение. Мысль о раненом, который в жару, теряя кровь, шел две мили, взломала его обычно отбивающую все переживания оболочку.

Сандекер наклонился к Эммету.

— Что с Питтом и Джордино?

— Люди из НПМА и один из моих агентов летели в вертолете, — ответил Гриффин. — Вертолет обстреляли, и он упал где-то выше по реке. Сомневаюсь, что там кто-нибудь выжил.

Сандекер отступил с помертвевшим лицом.

Эммет наклонился к микрофону.

— Гриффин?

Единственным ответом было какое-то невнятное бормотание.

— Гриффин, послушайте. Вы можете продолжать?

— Да, сэр… попытаюсь.

— Баржа… что с баржей?

— Ее увел буксир.

— Куда?

— Вниз по реке… последний раз ее видели идущей к Голове проходов.

— Голова проходов. Что это?

— Место, где река разделяется на три русла, ведущих в море, — объяснил Сандекер. — Южный проход, Юго-Западный проход и проход Лотре. Большая часть движения осуществляется через первые два.

— Гриффин, давно баржа ушла?

Ответа не было, не было и сигнала отбоя — вообще никакого звука.

— Думаю, он потерял сознание, — сказал Меткалф.

— Помощь идет. Слышите, Гриффин?

По-прежнему никакого ответа.

— Зачем вести баржу в море? — вслух удивился Броган.

— Не вижу никаких причин, — ответил Сандекер.

На столе Эммета зазвонил внутренний телефон.

— Срочно вызывают адмирала Сандекера, — сказал Дон Миллер, заместитель Эммета.

Адмирал поднял голову.

— Вызывают вас, адмирал. Если хотите, можете поговорить в приемной.

Сандекер поблагодарил и вышел в приемную, где секретарша Эммета показала ему отдельный телефон на пустом столе.

Он нажал мигающую белую кнопку.

— Говорит адмирал Сандекер.

— Минутку, сэр, — отозвался знакомый голос главного оператора штаб-квартиры НПМА.

— Алло?

— Сандекер слушает. Кто говорит?

— Вы крепкий орешек, адмирал: никак не расколешь. Если бы я не сослался на Дирка Питта, ваша секретарша ни за что меня не соединила бы.

— Кто говорит? — снова спросил Сандекер.

— Меня зовут Сал Касио. Я с Дирком работаю над делом Бугенвилей.

Десять минут спустя, возвращаясь в кабинет Эммета, Сандекер выглядел потрясенным и ошеломленным. Броган сразу почувствовал: что-то неладно.

— В чем дело? — спросил он. — На вас словно напал банши.

— Баржа, — тихо сказал Сандекер. — Бугенвили договорились с Мораном. Они отводят баржу в море, чтобы затопить.

— О чем вы?

— Лорен Смит и Винс Марголин приговорены к смерти, чтобы Алан Моран смог стать президентом. Баржа станет их могилой на глубине в семьдесят сажен.

Глава 70

— Есть признаки преследования? — спросил лоцман, управляя рулем с изяществом дирижера оркестра.

Ли Тонг отошел от открытого окна рубки и опустил бинокль.

— Ничего, кроме необычного черного дыма в двух или трех милях за кормой.

— Вероятно, горит нефть.

— Но он как будто движется за нами.

— Это иллюзия. Река играет в странные игры со зрением. То, что кажется милей, на самом деле четыре. Огни совсем не то, чем должны

быть. Когда приближаешься к судну в канале, оно вдруг исчезает. Да, река может одурачить, особенно когда она в игривом настроении.

Ли Тонг снова посмотрел на проток. Он научился пропускать мимо ушей бесконечные рассуждения лоцмана о Миссисипи, но восхищался его искусством и опытом.

Капитан Ким Пуйон давно служит лоцманом в „Морских перевозках Бугенвиль“, но сохранил суеверность азиата. Не отрывая взгляда от протоки и идущей впереди баржи, он искусно управлял четырьмя двигателями мощностью двенадцать тысяч лошадиных сил и четырьмя передними и шестью задними рулями. Внизу на полную мощность работали могучие дизели, толкая баржу со скоростью почти шестнадцать миль в час, натягивая тросы, соединяющие суда.

Они миновали застрявший шведский нефтяной танкер, и Ли Тонг напрягся, когда буксир и баржа миновали отмель.

— Сколько еще до глубокой воды?

— За десять миль отсюда мы вышли с пресной воды на соленую. Еще через пятьдесят минут минуем прибрежные отмели.

— Ищите исследовательское судно. Красный корпус и британский флаг.

— Затопив свое судно, мы захватим английское? — удивился Пуйон.

— Это бывший норвежский торговец, — объяснил Ли Тонг. — Я купил его семь лет назад и переделал в наше исследовательское судно — отличная маскировка, чтобы дурачить таможенников и береговую охрану.

— Будем надеяться, это одурачит тех, кто за нами гонится.

Ли Тонг хмыкнул.

— Почему бы нет? Американцам, которые будут о нас спрашивать, скажут — с лучшим английским акцентом, какой можно купить за деньги, — что мы задержаны и сидим под замком. Но задолго до того, как исследовательское судно придет в Новый Орлеан, вы, я и весь наш экипаж исчезнем.

Пуйон показал:

— Это огни Порт-Идса. Скоро будем на открытой воде.

Ли Тонг кивнул с мрачным удовлетворением.

— Если нас не смогут остановить сейчас, не остановят вообще: будет поздно.

Генерал Меткалф, рискуя своей долгой безупречной карьерой, не обратил внимания на угрозы Морана и объявил боевую тревогу по всем штатам Мексиканского залива. С военно-воздушной базы Эглин и военно-морской базы Хелберт-Филд во Флориде в воздух поднялись истребители и двинулись на запад корабли группы специального назначения, а с авиационной базы Корпус-Кристи в Техасе на восток полетели боевые эскадрильи.

Меткалф и Сандекер переехали в Пентагон, чтобы руководить операцией из командного центра. Машина была приведена в действие, и им оставалось только выслушивать отчеты и смотреть на огромную аэрофотокарту, которую проектор воспроизводил на экране.

Меткалф не мог скрыть свои дурные предчувствия. Он стоял, в тревоге потирая ладони, и смотрел на огоньки на карте, обозначавшие передвижение частей: самолеты сходились в круге, обозначенном красным.

— Сколько до прибытия первого самолета? — спросил Сандекер.

— Десять минут. Самое большее — двенадцать.

— А сухопутные части?

— Самое раннее — через час, — с горечью ответил Меткалф. — Нас застали врасплох. По соседству нет ни одного военного корабля, кроме атомной подводной лодки в шестидесяти милях в заливе.

— А береговая охрана?

— Один вооруженный катер-спасатель у Гранд-Айленда, он может успеть.

Сандекер посмотрел на фотокарту.

— Сомнительно. До него тридцать миль.

Меткалф платком вытер ладони.

— Ситуация выглядит мрачно, — сказал он. — С воздуха мы бессильны, можем только напугать. Мы не можем приказать самолетам напасть на буксир, не рискуя повредить баржу. Они буквально друг на друге.

— Бугенвиль в любом случае сразу затопит баржу.

— Если бы у нас был в этом районе корабль, мы решились бы на абордаж.

— И освободили Смит и Марголина живыми.

Меткалф опустился в кресло.

— Еще можно успеть. Отряд сил специального назначения должен прибыть на вертолетах через несколько минут.

— После того что случилось с агентами ФБР, их может ждать бойня.

— Это наша последняя надежда, — беспомощно сказал Меткалф. — Если они не смогут их спасти, не сможет никто.

Но первым на сцене появился не реактивный истребитель, а четырехмоторный флотский самолет-разведчик, отозванный из метеорологического патруля. Пилот, парень двадцати пяти лет с мальчишеским лицом, похлопал второго пилота по руке и показал вниз и влево.

— Буксир толкает баржу. Должно быть, то самое, из-за чего такой шум.

— Что нам теперь сделать? — спросил второй пилот, постарше, с густыми рыжими волосами.

— Сообщим радостную новость на базу. Будем надеяться, что там не хотели сохранить это в тайне.

Меньше чем через минуту после передачи сообщения по радио послышался хриплый голос:

— Кто командир самолета?

— Я.

— Кто это — я?

— Вы скажите первый.

— Говорит генерал Клейтон Меткалф, председатель Комитета начальников штабов.

Пилот улыбнулся и указательным пальцем покрутил у виска.

— Вы спятили или это шутка?

— Моя нормальность не обсуждается, и это не шутка. Ваше имя и звание.

— Вы не поверите.

— Это уж мне судить.

— Лейтенант Улисс С. Грант.[36]

— Почему это не поверю? — рассмеялся Меткалф. — Был отличный игрок на третьей базе с таким именем.

— Это мой отец, — удивленно сказал Грант. — Вы его помните?

— Четыре генеральские звезды не дают за плохую память, — сказал Меткалф. — У вас на борту есть телевизионное оборудование, лейтенант?

— Да... да, сэр, — Грант начал запинаться, поняв, с кем в действительности разговаривает. — Мы снимаем грозовые облака для метеорологов.

— Мои офицеры связи дадут вашему оператору координаты частоты для передачи непосредственно в Пентагон. Не выпускайте из виду буксир.

Грант повернулся ко второму пилоту.

— Боже мой, что ты об этом скажешь?

Глава 71

Буксир миновал лоцманскую станцию Южного прохода, последнюю точку мутной Миссисипи, и вышел в открытое море.

Капитан Пуйон сказал:

— До глубоководья тридцать миль.

Ли Тонг кивнул, не отрывая взгляда от самолета метеоразведки.

Потом поднял бинокль и принялся осматривать море. Но увидел только свое якобы исследовательское судно, идущее к ним и находящееся в восьми милях слева.

— Мы их опередили, — уверенно сказал он.

— Они еще могут взорвать нас с воздуха.

— С риском потопить баржу? Не думаю. Они хотят получить вице-президента живым.

— Откуда им знать, что он на борту?

— Они этого не знают; по крайней мере не уверены. Еще одна причина, почему они не станут нападать на невинный буксир, который тащит в море баржу с мусором.

По ступенькам поднялся моряк и заглянул в рубку.

— Сэр, — сказал он, указывая, — вертолет с кормы.

Ли Тонг повернул бинокль туда, куда показывал моряк. Флотский вертолет приближался к буксиру на высоте всего пятнадцати футов над водой.

Ли Тонг нахмурился и сказал:

— Общая тревога.

Моряк козырнул и исчез.

— Военный вертолет? — с тревогой спросил Пуйон. — Он может потопить нас, не задев баржу.

— К счастью, нет. Это десантный вертолет. Вероятно, на нем группа специального назначения. Они хотят высадиться на буксир.

Лейтенант Хомер Доддс высунул голову в боковую дверь вертолета и посмотрел вниз. Оба судна выглядят достаточно мирно, подумал он, когда из рубки вышел моряк и приветственно помахал рукой. Ничего необычного или подозрительного. Оружия, о котором его предупредили, не видно.

Он спросил в микрофон:

— Установили радиоконтакт?

— Мы испробовали все морские частоты в справочнике, но ответа нет, — ответил пилот из каюты.

— Хорошо, зависните над баржей.

— Есть.

Доддс взял рупор и сказал:

— Эй, на буксире! Мы представляем флот США. Сбросьте скорость и остановитесь. Мы поднимемся на борт.

Внизу человек покачал головой, прижимая руки к ушам: показал, что не слышит из-за шума турбин вертолета. Доддс повторил сообщение, и моряк сделал приглашающий жест рукой. Теперь Доддс был достаточно близко, чтобы разглядеть, что это азиат.

Буксир и баржа сбросили скорость и закачались на волнах. Пилот вертолета учел направление и скорость ветра и завис над палубой баржи, готовясь еще больше снизиться, чтобы группа Доддса смогла спрыгнуть с высоты в три-четыре фута.

Доддс повернулся и в последний раз взглянул на своих людей. Подтянутые и закаленные, вероятно, самая подготовленная группа убийц во всем флоте. Единственный отряд из тех, какими приходилось командовать Доддсу, который действительно любил схватки. У всех оружие наготове, и все настроены решительно и готовы ко всему.

Кроме, может быть, полной неожиданности.

Вертолет висел в десяти футах над палубой баржи, когда двери на буксире распахнулись, брезент сорвали с установок, и двадцать человек из экипажа открыли огонь из карабинов „Стейр-манлихер“. В корпус вертолета со всех сторон устремились 223-миллиметровые пули; повалил дым, послышались выкрики.

Доддс и его люди среагировали мгновенно; они срезали всех моряков, которые на мгновение показывались на буксире, но поток пуль заливал внутренности вертолета, как вода из шланга, превращая его в бойню. Спасения не было. Бойцы были беспомощны, словно стояли у стены в тупике.

Звуки сосредоточенного огня заглушали рев турбин вертолета. Пилота убило первым же залпом; снаряд разорвался в кабине, разнеся капот на осколки металла и плексигласа. Вертолет задрожал и резко повернулся на оси.

Второй пилот бился над управлением, но оно отказало.

Появились истребители военно-воздушных сил и мгновенно оценили обстановку. Командир эскадрильи торопливо отдал приказ, нырнул и пролетел над самой кормой буксира, стремясь отвлечь огонь от разбитого, дымящегося вертолета. Но уловка не сработала. Артиллеристы Ли Тонга не обращали внимания на самолет. Раздосадованные приказом не нападать, летчики снижались все больше, и один самолет задел антенну буксира.

Больше не в состоянии держаться в воздухе, израненный вертолет со своим грузом мертвых и раненых наконец отказался от борьбы и упал в море рядом с баржей.

Сандекер и Меткалф сидели потрясенные: они видели картину боя, переданную видеокамерой метеорологического самолета. В командном центре стояла мертвая тишина; все молчали и ждали, когда камера покажет уцелевших. На синеве моря они насчитали шесть голов.

— Конец игры, — сказал с ледяной решительностью Меткалф.

Сандекер не ответил. Он отвернулся от экрана и тяжело обмяк в кресле за длинным столом для совещаний; дерзость и боевой дух оставили его.

Меткалф бесстрастно слушал голоса пилотов. Их гнев из-за невозможности ответить превратился в ярость. Они не знали о том, что на барже держат пленных, и без стеснения высказывались в адрес командования, не зная, что их голоса записывают в Пентагоне за тысячи миль от них.

Тень улыбки пробежала по лицу Сандекера. Он не мог не сочувствовать летчикам.

И тут послышался дружелюбный голос:

— Говорит лейтенант Грант. Разрешите обратиться, генерал?

— Все в порядке, сынок, — негромко ответил Меткалф. — Говори.

— К району приближаются два судна, сэр. Держите изображение первого.

С новой надеждой все устремили взгляды на экран. Вначале изображение было мелким и неразличимым. Потом оператор увеличил картинку: судно с красным корпусом.

— Отсюда кажется, что это исследовательское судно, — сказал Грант.

Порыв ветра подхватил флаг судна и показал его синие тона.

— Британский, — уныло сказал Меткалф. — Мы не можем просить иностранных моряков рисковать ради нас жизнью.

— Вы, конечно, правы. Но я никогда не видел, чтобы на океанографическом судне были автоматы.

Меткалф повернулся и сказал:

— Грант.

— Да, сэр?

— Свяжитесь с англичанами и попросите подобрать спасшихся с вертолета.

Прежде чем Грант смог ответить, видеоизображение задрожало и экран потемнел.

— Мы потеряли вашу картинку, Грант.

— Минутку, генерал. Оператор, управляющий камерой, докладывает, что сели батареи. На замену ему нужна минута.

— Какова ситуация на буксире?

— Буксир и баржа снова пошли, но на этот раз медленней.

Меткалф повернулся к Сандекеру.

— Удача не на нашей стороне, верно?

— Да уж, Клейтон, совсем не на нашей. Разве что второе судно — вооруженный катер береговой охраны.

— Грант? — взревел Меткалф.

— Сейчас-сейчас, сэр.

— Неважно. Вы докладывали о втором судне. Какого оно типа? Береговая охрана или флот?

— Ни то ни другое. Судно гражданское.

Меткалф признал поражение, но тут искра надежды вспыхнула в Сандекере.

Он наклонился к микрофону.

— Грант, говорит адмирал Джеймс Сандекер. Можете описать это судно?

— Ничего подобного не ждешь увидеть в океане.

— Какая национальность?

— Национальность?

— Какой на судне флаг?

— Вы мне не поверите, сэр.

— Да говорите!

— Что ж, генерал, я родился и вырос в Монтане, но читал достаточно книг по истории, чтобы узнать флаг Конфедерации, когда его вижу.

Глава 72

Словно из прошлого, пронзая воздух звуками медного свистка, взбивая колесами морскую воду в пену и волоча за собой длинный шлейф дыма из двух одинаковых труб, к буксиру с изяществом беременной красавицы, которая подбирает юбки, чтоб перейти через лужу грязи, приближался „Стоунуолл Джексон“.

Порывы ветра развевали на корме огромный звездно-полосатый флаг Конфедерации Южных Штатов, а на крыше рубки человек яростно колотил по клавишам старинной паровой каллиопы, выводя мелодию гимна южан „Дикси“. Вид речного судна, отважно бороздящего морские волны, трогал сердца летчиков в небе. Они знали, что становятся свидетелями невиданного события.

В изысканно украшенной рубке Питт и Джордино смотрели на баржу и буксир, которые с каждым оборотом тридцатифутовых колес делались все ближе.

— Этот парень был прав.

Джордино перекрикивал свисток и звуки каллиопы.

— Какой парень? — громко спросил Питт.

— Тот, что сказал: „Храните деньги Конфедерации: Юг снова восстанет“.

— К счастью для нас, он действительно восстал, — с улыбкой согласился Питт.

— Мы их догоняем.

Это сказал маленький человек, обеими руками поворачивавший шестифутовое рулевое колесо.

— Они потеряли скорость, — заметил Питт.

— Если котлы не взорвутся и наша старушка выдержит эти проклятые воды... — Человек за штурвалом замолчал на середине фразы, чуть повернул седобородую голову и с абсолютной точностью послал струю желтой табачной слюны в медную плевательницу, после чего закончил: — Мы догоним их на следующих двух милях.

Из своих шестидесяти двух лет капитан Мелвин Белчерон тридцать два года водил „Стоунуолл Джексон“. Он наизусть знал все буи, повороты, отмели и речные берега от Сент-Луиса до Нового Орлеана.

Но он впервые вывел свой корабль в открытое море.

„Старушка“ была построена в 1915 году в кентуккийском городе Коламбус, на реке Огайо. Она была последней вспышкой огня воображения в золотые годы колесных пароходов, и после таких, как она, уже не было. Запах горящего угля, паровой свисток и ритмичный плеск колес ныне остались только в книгах по истории.

У судна был низкий деревянный корпус, длинный и широкий, двести семьдесят на сорок четыре фута. Горизонтальные неконденсирующие двигатели давали сорок оборотов в минуту. Водоизмещение составляло чуть больше тысячи тонн, а осадка в воде, несмотря на большую массу, — всего тридцать два дюйма.

Внизу под главной палубой четыре человека, потные, перемазанные сажей, яростно бросали уголь в топки под четырьмя котлами высокого давления. Когда стрелка на циферблате начала приближаться к красной отметке, старший механик, старый сварливый шотландец по имени Макгин, повесил на манометр свою шляпу.

Макгин первый проголосовал за преследование, когда после падения вертолета в реку близ Форт-Джексона Питт выбрался вместе Джордино и Хоган из воды и описал ситуацию. Вначале рассказ Питта был встречен с откровенным недоверием, но, когда все увидели их раны и

изрешеченный пулями вертолет и услышали рассказ помощника шерифа о мертвых и раненых агентах ФБР в нескольких милях ниже по реке, Макгин приказал разводить огонь в топках, Белчерон собрал экипаж, и сорок человек из Шестого Луизианского полка с громкими возгласами поднялись на борт, таща за собой две старинные полевые пушки.

— Подбросьте угольку, парни! — кричал Макгин своим чумазым кочегарам. В мерцании огня за открытыми дверцами топок он со своей козлиной бородкой и косматыми бровями походил на дьявола. — Если мы хотим спасти вице-президента, надо поддать пару.

„Стоунуолл Джексон“ шел за буксиром и баржей так, словно чувствовал необходимость торопиться. Когда пароход был новым, он развивал скорость до пятнадцати миль в час, но на протяжении последних сорока лет его ни разу не заставляли двигаться быстрее двенадцати миль в час. Сейчас же он несся вниз по реке на четырнадцати, пятнадцати, шестнадцати... восемнадцати милях в час. Вырвавшись из Южного прохода, он делал двадцать миль, изрыгая из труб дым и искры.

Бойцы Шестого Луизианского полка: дантисты, водопроводчики, бухгалтеры, чьим хобби было воспроизводить сражения Гражданской войны, — потели в неприметных шерстяных серых мундирах, в которых когда-то ходили солдаты армии Конфедерации Соединенных Штатов. Под командованием майора они сооружали из тяжелых тюков хлопка брустверы. На носу были установлены две двенадцатифунтовые пушки „Наполеон“[37] из Форт-Джексона, их гладкие, без нарезки, стволы заряжались шариками от подшипников из кладовой машинного отделения Макгина.

Питт смотрел на растущие стены тюков. Хлопок против стали, думал он, мушкеты на один выстрел против автоматов.

Схватка предстоит интересная.

Лейтенант Грант оторвал взгляд от невероятной картины у себя под крылом и по радио связался с кораблем, идущим под английским флагом.

— Самолет-разведчик метеослужбы ноль-четыре-ноль вызывает океанографическое исследовательское судно. Вы меня слышите?

— Слышим, янки. Слышим отчетливо, — ответил свежий голос, только что с поля для игры в крикет. — Говорит корабль ее величества „Патфайндер“. Чем можем быть полезны, ноль-четыре-ноль?

— В трех милях от вас хлебнул воды вертолет. Сможете попытаться спасти выживших, „Патфайндер“?

— Конечно. Нельзя дать беднягам утонуть.

— Я буду кружить над сектором катастрофы, „Патфайндер“. Направляйтесь на меня.

— Хорошо. Идем. Конец связи.

Грант занял позицию над людьми в воде.

Вода в заливе была теплая, так что переохлаждение им не грозило, но кровь могла привлечь акул.

— Не очень-то тебя слушают, — сказал второй пилот.

— Ты о чем? — спросил Грант.

Скорость на внутренних маршрутах всегда указывается в милях в час и никогда — в узлах.

— Английский корабль не послушался. Он уходит.

Грант подался вперед и повернулся, чтобы посмотреть в боковое окно. Второй пилот прав. „Патфайндер“ отвернул нос от выживших с вертолета и нацелился на буксир.

— „Патфайндер“, говорит ноль-четыре-ноль, — вызвал Грант. — В чем дело? Повторяю. В чем дело?

Ответа он не получил.

— Если мне не мерещится, — сказал Меткалф, удивленно глядя на изображение, — этот реликт времен Тома Сойера собирается напасть на буксир.

— Да, все указывает на это, — согласился Сандекер.

— Как по-вашему, откуда он взялся?

Сандекер стоял перед генералом, скрестив руки; его лицо выражало радостное волнение.

— Питт, — прошептал он, — ах ты безответственный сукин сын!

— Вы что-то сказали?

— Просто размышляю.

— Чего они хотят добиться?

— Думаю, протаранить буксир и взять его на абордаж.

— Безумие, чистое безумие! — мрачно пробормотал Меткалф. — Пулеметы буксира разнесут их на куски.

Неожиданно Сандекер подобрался: он кое-что увидел в глубине экрана. Меткалф этого не заметил; не заметили и остальные зрители.

Адмирал схватил Меткалфа за руку.

— Английский корабль!

Меткалф удивленно посмотрел на него.

— А что с ним?

— Милостивый боже, вы не видите? Он собирается потопить пароход.

Меткалф увидел, что расстояние между кораблями быстро сокращается, увидел, как за бортом „Патфайндера“ забурлила пена: английский корабль увеличил скорость.

— Грант! — взревел он.

— Слушаю, сэр!

— Корабль англичан — почему он не идет к людям в воде?

— Не могу сказать, генерал. Его капитан принял мою просьбу о спасении, но вместо этого погнался за старым колесным пароходом. И я не смог снова с ним связаться. Он не обращает внимания на мои вызовы.

— Открывайте огонь! — приказал Сандекер. — Вызовите воздушную поддержку и стреляйте по ублюдкам!

Меткалф медлил, не решаясь отдать приказ.

— Но ради бога, на нем же английский флаг!

— Ставлю свое звание на то, что это корабль Бугенвилей, а флаг — обман.

— Вы не можете этого знать.

— Может быть. Но я знаю, что, если он разрубит колесный пароход на дрова, наша последняя надежда на спасение вице-президента погибнет.

Глава 73

В рубке буксира огонь спецназа разбил приборную панель и повредил руль. Капитану Пуйону пришлось сбавить скорость и вести корабль, работая рычагами.

Ли Тонг не смотрел на него. Он отдавал по радио приказы капитану „Патфайндера“, с опаской поглядывая на пароход.

Наконец он повернулся к Пуйону.

— Можете увеличить скорость?

— Могу делать всего восемь миль, чтобы идти прямым курсом.

— Далеко еще? — в десятый раз за час спросил Ли Тонг.

— Согласно глубиномеру дно начинает опускаться. Еще две мили — и хватит.

— Две мили, — задумчиво повторил Ли Тонг. — Пора устанавливать детонаторы.

— Я извещу вас гудком, когда мы выйдем на глубину сто саженей, — сказал Пуйон.

Ли Тонг смотрел на темное море в пятнах от стока реки Миссисипи. Замаскированное исследовательское судно отделяло от хрупких бортов „Стоунуолла Джексона“ всего несколько сотен ярдов. Ли Тонг услышал сквозь вой ветра звуки каллиопы. Он недоверчиво покачал головой, не понимая, откуда взялся этот старый речной пароход.

Он уже собирался выйти из рубки и перейти на баржу, когда заметил, как один из самолетов, кружащих в небе, неожиданно покинул строй и устремился к морю. На высоте двухсот футов призрачно-белый штурмовик морской авиации F/A 21 выровнялся и выпустил две противокорабельные ракеты. Ли Тонг с ужасом смотрел, как управляемые лазером боеголовки пронеслись над водой и ударили в красный корпус судна-ловушки, остановив его на полном ходу. Взрыв превратил все надстройки в груду металла. Потом последовал второй, еще более сильный взрыв, после которого все судно охватило пламя. На мгновение оно словно повисло в остановившемся времени.

Ли Тонг в отчаянии смотрел, как разбитое судно переворачивается и уходит на дно залива, унося с собой все надежды на бегство.

„Стоунуолл Джексон“ осыпали огненные обломки „Патфайндера“, вызвав несколько небольших пожаров, тут же погашенных экипажем. Поверхность моря над затонувшим судном почернела от маслянистых пузырей, в воздух поднялось облако дыма и пара.

— Господи! — удивленно ахнул капитан Белчерон. — Только посмотрите. Эти флотские настроены серьезно.

— Кто-то за нами присматривает, — с благодарностью заметил Питт и снова устремил взгляд к барже. Лицо его оставалось бесстрастным; если бы не легкое покачивание тела — так он гасил качку, — он мог бы сойти за скульптуру из прочной древесины. Расстояние сократилось до трех

четвертей мили, и Питт видел крошечные фигурки людей, переходившие с носа буксира на баржу и исчезавшие в люке на палубе.

Мужчина огромного роста, сложенный как Оливер Харди,[38] поднялся с палубы и вошел в рубку.

На нем был серый мундир с золотыми нашивками майора армии Конфедерации.

Рубашка под расстегнутым кителем промокла от пота, и он тяжело дышал. Постоял мгновение, вытирая лоб рукавом и переводя дух.

Наконец он сказал:

— Проклятие, не знаю, что предпочесть: получить пулю в голову, утонуть в море или умереть от сердечного приступа.

Днем Лерой Ларош руководил туристическим агентством, вечером и ночью становился любящим мужем и отцом, а по уик-эндам командовал Шестым Луизианским полком армии Конфедерации Соединенных Штатов. Он пользовался популярностью, и каждый год его выбирали командиром, чтобы он вел полк в реконструкциях боев. То, что теперь предстоял настоящий бой, его как будто не слишком беспокоило.

— Нам повезло, что у вас на борту нашлись тюки с хлопком, — сказал он капитану.

Белчерон улыбнулся.

— Мы держим их на палубе как память об историческом прошлом нашей старушки.

Питт взглянул на Лароша.

— Ваши люди заняли позиции, майор?

— Ружья заряжены, люди под завязку заправились „Дикси“ и рвутся в бой.

— Какое у них оружие?

— Мушкеты „Спрингфилд“ сорок восьмого калибра: такие были у большинства мятежников во время войны. Посылают пулю на пятьсот ярдов.

— Как быстро они стреляют?

— Большинство моих парней могут сделать три выстрела в минуту. Некоторые — четыре. Но я ставлю на баррикаду лучших стрелков, а остальные заряжают.

— А пушки? Из них действительно можно стрелять?

— Конечно. Свалят дерево мешком цемента за полмили.

— Каким мешком?

— Это дешевле, чем настоящий выстрел.

Питт обдумал эти слова и улыбнулся.

— Удачи, майор. Попросите своих людей не высовываться. Пулеметам нужно меньше времени для перезарядки, чем мушкетам.

— Думаю, они умеют укрываться, — сказал Ларош. — Когда нам открыть огонь?

— Предоставляю решать вам.

— Прошу прощения, майор, — вмешался Джордино. — Нет ли у ваших людей запасного оружия?

Ларош расстегнул кожаную кобуру и протянул Джордино большой пистолет.

— Револьвер „Ле Ма“, — сказал он. — Выпускает через нарезной ствол девять пуль сорок второго калибра. Но, если вы заметили, внизу есть второй ствол, гладкий, и заряд дроби. Берегите его. Мой прапрадед пронес его от Бул-Рана[39] до Аппоматтокса.[40]

На Джордино это произвело впечатление.

— Не хочу оставлять вас безоружным.

Ларош извлек из ножен саблю.

— Мне сгодится и это. Ну, мне пора к моим людям.

После того как рослый жизнерадостный майор покинул рубку, Питт раскрыл скрипичный футляр, достал „Томпсон“ и вставил полную обойму. Одной рукой он держался за бок и выпрямлялся осторожно, поджав губы от боли в груди.

— Вы здесь справитесь? — спросил он Белчерона.

— Обо мне не беспокойтесь, — ответил капитан. Он кивком указал на пузатую чугунную печь. — Когда начнется фейерверк, у меня будет своя броня.

— Слава богу! — воскликнул Меткалф.

— Что это? — спросил Сандекер.

Меткалф протянул документ.

— Ответ из Британского адмиралтейства в Лондоне. Единственный „Патфайндер“ в королевском флоте — эскадренный миноносец с ракетным вооружением. Исследовательского судна с таким названием нет, и вообще в районе залива нет английских кораблей.

Он с благодарностью взглянул на Сандекера.

— Хорошая игра, Джим.

— Ну, нам наконец повезло.

— Бедняги на пароходе — вот кому сейчас нужна удача.

— Мы больше ничего не можем сделать? Ничего не упустили?

Меткалф покачал головой.

— Здесь — нет. Катер береговой охраны в пятнадцати минутах, а сразу за ним атомная подводная лодка.

— И никто не придет вовремя.

— Может, люди на пароходе смогут как-то задержать буксир, пока...

Меткалф не договорил.

— Вы ведь не верите в чудеса, Клейтон?

— Нет, не верю.

Глава 74

Люди Ли Тонга открыли огонь с расстояния в триста ярдов, и на „Стоунуолла Джексона“ обрушился огненный поток. Пули свистели и гудели, они рвали белую древесину и резьбу перил в каютах и на палубе, со звоном отлетали рикошетом от бронзовой судовой рынды. Огромные окна рубки разлетелись множеством осколков. Пуля задела голову капитана Белчерона, оглушив его и окрасив седые волосы алым. Перед его глазами все поплыло, но он упрямо держался за штурвал, выплевывая табачную жижу в разбитое окно.

Человек за каллиопой, защищенный лесом медных труб, заиграл „Желтую розу Техаса“; в паровых свистках каллиопы появилось несколько пулевых отверстий, и звук стал намного ниже.

На главной палубе майор Ларош, его люди, а также Питт и Джордино не показывались. Тюки с хлопком стали отличной защитой, ни одна пуля их не пробила. Хуже всего пришлось на открытом пространстве у котлов за главным трапом. Два кочегара Макгина были ранены; пули пробили трубы, и оттуда вырывался обжигающий пар. Макгин снял свою шляпу с манометра. Стрелка давно перешла красную черту. Макгин испустил

протяжный вздох. Чудо, что мы еще не взорвались, подумал он. Заклепки на котлах едва держались. Макгин, готовясь к столкновению, стал быстро открывать запасные клапаны, чтобы сбросить огромное давление.

Колеса по-прежнему гнали „Стоунуолл Джексон“ со скоростью двадцать миль в час. Если корабль погибнет, то не как другие пароходы, сгнившие в каких-нибудь затонах или разрубленные на дрова. Он станет легендой и достойно закончит свой путь.

Раздвигая носом волны, содрогаясь под потоком свинца, от которого разлетались хрупкие надстройки, пароход продолжал двигаться вперед.

* * *

Ли Тонг как зачарованный смотрел на неумолимо приближающийся пароход. Он стоял в открытом люке на барже и поливал корабль пулями, надеясь попасть в жизненно важную часть и замедлить его ход. Но с таким же успехом он мог надеяться остановить выстрелом из пневматического оружия нападающего слона.

Он отставил карабин „Стейер-манлихер“ и взял бинокль. За баррикадами из тюков никого не было видно. Даже издырявленная, как решето, рубка казалась пустой. На покосившейся доске с названием виднелись золотые буквы, но он разобрал только слово „Джексон“.

Плоский нос был нацелен точно в левый борт буксира. Ли Тонг понимал, что это глупый и бессмысленный жест, попытка потянуть время: несмотря на свои размеры, деревянный колесный пароход не сможет повредить стальные борта буксира.

Он снова взял карабин, вставил новую обойму и, пытаясь повредить руль, сосредоточил огонь на рубке.

Сандекер и Меткалф тоже наблюдали эту картину.

Их захватило величие этой безнадежной попытки. Старания связаться с пароходом по радио ничего не дали. Капитан Белчерон был слишком занят, чтобы отвечать; к тому же старая речная крыса не думала, что ей есть что сказать.

Меткалф вызвал лейтенанта Гранта.

— Спуститесь ниже, — приказал он.

Грант подтвердил приказ и сделал несколько резких разворотов над кораблями. Стал во всех подробностях виден буксир. Огонь по пароходу вели не меньше тридцати человек.

А вот пароход был окутан дымом из труб и паром.

— Он разлетится на куски, когда ударит, — сказал Сандекер.

— Доблестно, но бессмысленно, — пробормотал Меткалф.

— Надо отдать им должное. Они делают больше, чем удалось нам.

Меткалф медленно кивнул.

— Да, этого у них не отнять.

Сандекер встал со стула и показал:

— Посмотрите, ветер отогнал дым от борта парохода.

— Что это?

— Кажется, пара пушек?

Меткалф оживился.

— Клянусь богом, вы правы. Точь-в-точь старые памятники из городского парка.

За двести ярдов от них Ларош поднял саблю.

— Батареи один и два: заряжай! Цельсь!

— Батарея один заряжена и нацелена! — крикнул в ответ мужчина в старинных очках в проволочной оправе.

— Батарея два готова, майор!

— Пли!

Потянули за вытяжные шнуры, и две старинные пушки с раздирающим уши грохотом изрыгнули заряд шрапнели — шариков от подшипников. Первый залп пробил борт буксира, попал в камбуз и разбил печи. Второй пробил рубку, оторвав голову капитану Пуйону и руль. Ошеломленные неожиданными залпами, люди Ли Тонга на несколько секунд прекратили стрельбу, но скоро пришли в себя и возобновили огонь с прежней яростью, сосредоточившись на узких щелях между тюками, откуда торчали стволы мушкетов.

Мушкеты убрали, а артиллеристы быстро протерли стволы банниками и снова начали заряжать. Пули свистели и у них над головами и плечами, одному пуля попала в шею. Но меньше чем через минуту старые пушки „Наполеон“ были готовы к стрельбе.

— Цельтесь в тросы! — крикнул Питт. — Надо отрезать баржу!

Ларош кивнул и передал приказ Питта. Пушки развернули, и следующий залп пришелся буксиру в нос, отчего во все стороны полетели бухты веревок и тросов, но баржа оставалась привязанной к буксиру.

Хладнокровно, почти с презрением не обращая внимания на смертоносный вихрь, обрушивающийся на „Стоунуолл Джексон“, ряженые солдаты зарядили мушкеты и ждали приказа открыть огонь.

Всего двести ярдов разделяло корабли, когда Ларош снова поднял саблю.

— Стрелки — целься! Ну, ребята, отправьте их в ад! Пли!

Передняя часть парохода извергла страшный поток огня и дыма. На буксир словно обрушилась сплошная стена пуль. Результат был опустошительный. Разлетелись все стекла в дверях и иллюминаторах, от переборок отлетали щепки, люди падали, заливая палубу кровью.

Прежде чем стрелки Ли Тонга опомнились, Питт обрушил на буксир от носа до кормы огонь из „Томпсона“.

Джордино присел за тюками с хлопком; он ждал, когда расстояние сократится, чтобы можно было стрелять из пистолета, и с интересом наблюдал, как один за другим второй и третий ряды стрелков отступают и перезаряжают мушкеты.

Конфедераты продолжали вести убийственный огонь. Залп следовал за залпом, и почти каждый выстрел поражал плоть и кости. Сквозь дым и грохот доносились крики раненых. Ларош, увлеченный бойней и хаосом, кричал во все горло, требуя, чтобы стрелки лучше целились, а пушкари быстрее перезаряжали.

Прошла минута, две, три, и битва достигла жестокого равновесия. На палубе „Джексона“ возник пожар, пламя охватило деревянные борта. В рубке капитан Белчерон потянул за веревку парового свистка и в голосовую трубу передал приказ Макгину. Стрелки прекратили огонь, все приготовились к столкновению.

Когда прекратился огонь и стихли звуки каллиопы, странная, нездешняя тишина окутала пароход.

Пароход был подобен боксеру, избитому намного превосходящим его противником, но вновь собравшему все силы для последнего удара.

Удар пришелся в середину буксира. От сотрясения баррикады из тюков опрокинулись, борт, доски, балки на протяжении шести футов лопнули, как тонкие рейки. Обе трубы парохода повалились вперед, окутав возобновившуюся схватку дымом и паром. Теперь стрельба велась в

упор. Поддерживающие канаты перегорели, и на палубу буксира опустились сходни, точно огромными когтями сцепив оба корабля.

— Штыки примкнуть! — крикнул Ларош.

Кто-то поднял знамя полка и начал размахивать им. Мушкеты перезарядили, штыки примкнули.

Тот, кто играл на каллиопе, вернулся за клавиши и снова грянул „Дикси". Питта поразило, что ни один человек не выказал страха. Напротив, всех словно охватило неуправляемое боевое безумие.

Питту показалось, что он перенесся в прошлое.

Ларош сорвал свою офицерскую шляпу, надел на кончик сабли и поднял в воздух.

— Шестой Луизианский! — воскликнул он. — Вперед, на врага!

Завывая, точно дьяволы, появившиеся из-под земли, люди в сером бросились на буксир.

Ларош был ранен в подбородок и в ногу, но, хромая, продолжал наступать. Питт прикрывал наступающих огнем, пока не истратил последнюю обойму. Тогда он положил автомат на тюк хлопка и бросился вслед за Джордино, который, не щадя раненую ногу, бежал по палубе, яростно стреляя из револьвера. За ними, размахивая лопатами, как дубинами, бежали Макгин и его кочегары.

Люди Бугенвилей не выдержали натиска. Эти наемные убийцы, жестокие, не знавшие пощады и не ждавшие ее для себя, не были готовы к безумному натиску южан и допустили ошибку: вышли из-под защиты стальных бортов и попытались встретить нападающих лицом к лицу.

„Стоунуолл Джексон" горел. Артиллеристы дали последний залп; они стреляли мимо схватившихся на палубе людей, и залп разорвал тросы, привязывавшие баржу. Подталкиваемая буксиром, баржа зарыскала в сторону, и два стальных корабля с обеих сторон зажали разбитый деревянный нос парохода.

Орудуя штыками и продолжая стрелять, Шестой Луизианский захватил палубы. В десятках рукопашных пятифутовые мушкеты и двухфутовые штыки оказались смертоносным оружием ближнего боя. Никто из раненых не останавливался, все сражались с необычной бесшабашностью, слишком захваченные невообразимым и чересчур взбудораженные, чтобы бояться.

Джордино не почувствовал удара. Он продолжал наступать, стреляя по всем восточным лицам, но внезапно ткнулся лицом в палубу: пуля пробила икру его здоровой ноги.

Питт поднял Джордино и отнес в пустой коридор.

— Знаешь, ты ведь не бронированный.

— А ты где был?

Боль нарастала, и голос Джордино звучал все напряженнее.

— Старался уворачиваться, — ответил Питт. — Я не вооружен.

Джордино протянул ему револьвер „Ле Ма“.

— Возьми это. Я с боями покончил — по крайней мере на сегодня.

Питт улыбнулся другу.

— Прости, что бросаю тебя, но мне нужно попасть внутрь баржи.

Джордино открыл рот, собираясь ответить, но Питт уже исчез. Спустя десять секунд он уже пробирался по изуродованному носу буксира. Он едва не опоздал. Сорвавшись с привязи, баржа отошла на двадцать футов. Из трюма показалась чья-то голова и плечи, раздались выстрелы. Питт чувствовал, как поднятый пулями ветер развевает его волосы, касается щек. Он перевалился через поручень и упал в воду.

На корме экипаж Бугенвилей оказывал упорное сопротивление, но в конце концов не устоял перед серыми мундирами.

Крики и выстрелы затихли и совсем прекратились. На радиомачте буксира подняли флаг конфедератов, и бой окончился.

„Солдаты“ из Шестого Луизианского полка проявили себя молодцами. Как ни удивительно, никто из них не погиб в схватке.

Пятнадцать были ранены, двое серьезно. Ларош выбрался из толпы приветствующих его людей и опустился на палубу рядом с Джордино. Два окровавленных человека торжественно пожали друг другу руки.

— Поздравляю, майор, — сказал Джордино. — Вы выиграли решающую битву.

Широкая улыбка осветила окровавленное лицо Лароша.

— Клянусь богом, мы задали им перцу, верно?

Ли Тонг расстрелял все пули по фигуре на носу буксира и видел, как человек упал за борт. Опираясь на край люка, он смотрел, как ветер развевает знамя конфедератов.

Он принял неожиданную катастрофу, разрушившую его так тщательно спланированную операцию, с непонятной отчужденностью. Его люди мертвы или в плену; судно, на котором он собирался бежать, утонуло.

Но он не собирался сдаваться неведомому противнику. Он выполнит условия сделки бабушки с Мораном, а потом попытается спастись.

По боковой лестнице, идущей возле шахты лифта, он спустился в помещения лаборатории и бежал по главному коридору, пока не оказался перед дверью в комнату с коконами. Он вошел и посмотрел на человека в первом коконе. На него смотрел вице-президент Марголин; слишком ослабевший, чтобы действовать, слишком одурманенный, чтобы соображать.

Ли Тонг прошел ко второму кокону и посмотрел в спокойное лицо спящей Лорен Смит. Ей ввели большую дозу успокоительного, и она была без сознания. Ее смерть будет напрасной тратой неплохих возможностей, подумал Ли Тонг. Но нельзя позволить ей жить… и давать показания. Он наклонился, открыл крышку и погладил Лорен по волосам, глядя в ее полуоткрытые глаза.

Он убил бесчисленное количество мужчин, забывая их лица через секунду после смерти. Но лица убитых женщин оставались в памяти.

Он помнил первую такую женщину много лет назад на грузовом пароходе посреди Тихого океана: ее изумление, когда ее, нагую, связанную цепями, выбросили за борт.

— Отличное у вас здесь место, — послышался голос от двери, — вот только лифт не работает.

Ли Тонг повернулся и удивленно уставился на человека, который нацелил ему в грудь ствол старинного пистолета; человек был весь мокрый, и с него текла вода.

— Вы! — воскликнул он.

Усталое, осунувшееся, в темной щетине лицо Питта улыбалось.

— Ли Тонг Бугенвиль. Какое совпадение!

— Вы живы!

— Банальное наблюдение!

— И во всем этом виноваты вы: эти безумцы в старых мундирах, этот речной пароход…

— Времени не было искать других, — виновато объяснил Питт.

Мгновенное смятение Ли Тонга прошло, и он медленно согнул палец на курке „стейер-манлихера“, который некрепко держал, направив ствол в пол.

— Что вы привязались к нам с бабушкой, мистер Питт? — спросил Ли Тонг в попытке потянуть время. — Почему вы решили уничтожить „Морские перевозки Бугенвиль“?

— Все равно что Гитлер спросил бы у союзников: „Почему вы вторглись в Европу?“. Вы виновны в смерти моего друга.

— Кого?

— Неважно, — равнодушно сказал Питт. — Вы с ней никогда не встречались.

Ли Тонг поднял карабин и нажал на курок.

Питт был проворнее, но Джордино использовал последний патрон, и курок только глухо щелкнул. Питт напрягся в ожидании пули.

Но выстрела не было.

Выпустив обойму в Питта на буксире, Ли Тонг забыл вставить новую. Он опустил карабин, губы его растянулись в непостижимой улыбке.

— Похоже, ничья, мистер Питт.

— Только временная, — ответил Питт, взводя нижний курок и целясь. — В любую минуту на борту будут мои люди.

Ли Тонг вздохнул и расслабился.

— Ну, значит, мне остается только сдаться и ждать суда.

— Вы никогда не предстанете перед судом.

Улыбка превратилась в насмешливую гримасу.

— Это уж не вам решать. К тому же у вас вряд ли получится...

Неожиданно он перехватил карабин, зажал в руке ствол и поднял приклад, как дубину. Приклад с размаху опускался, когда Питт нажал на курок, и заряд дроби попал Ли Тонгу в горло. Карабин застыл в воздухе, потом выпал у него из руки, Ли Тонг отлетел назад, ударился о стену и тяжело опустился на пол.

Питт оставил его и поднял крышку кокона Лорен. Он осторожно поднял ее на руки и понес к открытому лифту.

Он проверил предохранители. Они были в порядке, но, когда он нажал кнопку „вверх“, лифт по-прежнему не действовал.

Питт не знал, что у генераторов, подававших электричество на баржу, кончилось топливо и они не работали. Лампочки над головой работали на батареях.

Порывшись в кладовой с припасами, Питт отыскал веревку и обвязал ею Лорен. Затем поднялся через люк в крышке кабины лифта и взобрался по трапу на палубу баржи.

Медленно и осторожно он поднял Лорен наверх, и вскоре она лежала на ржавой палубе. Усталый Питт на минуту присел, чтобы перевести дух и оглядеться. „Стоунуолл Джексон“ продолжал гореть, но теперь с пламенем боролись пожарные шланги с буксира.

Примерно в двух милях к западу по легким волнам к ним шел белый катер береговой охраны, на юге виднелась башня атомной подводной лодки.

Привязав короткой веревкой Лорен к крюйсову, чтобы она не скатилась в море, Питт вернулся вниз.

Но когда снова вошел в помещение с коконами, Ли Тонга там не было.

Кровавый след вел в коридор и заканчивался у открытого люка, ведущего вниз, к трюмной палубе. Питт не видел причин тратить время на умирающего убийцу и повернулся к кокону с вице-президентом. Но не успел сделать и двух шагов, как страшный взрыв поднял его в воздух и отбросил на двадцать футов. От удара воздух вырвался у него из легких, а звон в ушах помешал услышать рев моря, врывающегося сквозь дыру в корпусе баржи.

Питт с трудом поднялся на четвереньки и попытался сориентироваться. Туман перед глазами рассеялся, и Питт понял, что произошло и что его ожидает. Перед смертью Ли Тонг привел в действие взрыватель; вода уже показалась в коридоре.

Покачиваясь, как пьяный, Питт встал и вернулся к коконам. Вице-президент посмотрел на него и попробовал что-то сказать, но, прежде чем он произнес хоть звук, Питт взвалил его на плечо и пошел к лифту.

Воды было ему по колено, она плескалась о стены. Питт понимал, что через несколько секунд баржа уйдет на дно. Когда он дошел до лифта, вода поднялась ему по грудь и он наполовину шел, наполовину плыл.

Слишком поздно было повторять фокус с веревкой. Он лихорадочно протолкнул Марголина через люк в крышке лифта, прижал к груди и начал по металлической лестнице подниматься к крошечному светлому квадрату над головой, до которого были словно бы мили.

Тут он вспомнил, что привязал Лорен на верхней палубе, чтобы она не упала в море. Когда баржа утонет, Лорен утонет вместе с ней.

За страхом таится отчаяние, а за отчаянием безумное стремление выжить, способное вырваться за все пределы страдания и усталости.

Некоторые сдаются перед безнадежностью, некоторые пытаются забыть о ее существовании, и лишь немногие признают ее, но отказываются сдаваться.

Глядя, как пена гонится за ним по шахте лифта, Питт напрягал всю волю, чтобы спасти Марголина и Лорен. Ему казалось, что руки вырываются из плечевых суставов.

Белые пятна мелькали перед глазами, боль в треснувших ребрах перестала быть просто болью и превратилась в нестерпимую муку.

Руки скользнули по ржавчине, и Питт едва не опрокинулся в воду, бурлящую у его ног. Так легко было отказаться от борьбы, сдаться, разжать руки и упасть в забвение, избавиться от муки, терзающей тело. Но он держался. Скоба за скобой поднимался он наверх, и с каждым шагом Марголин становился все тяжелее.

Слух у Питта частично сохранился, и он услышал странный звук, который принял за гудение крови в голове. Море поднялось выше его ног, баржа содрогнулась, грозя вот-вот уйти под воду.

Кошмарный мир сомкнулся вокруг него. Вверху показалась какая-то черная тень, Питт протянул руку, и ее ухватила другая рука.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ „ЛИФТОНИК QW-607“

Глава 75

Спикер Алан Моран, непрерывно улыбаясь, ходил по Восточному залу Белого дома, беседуя с помощниками и советниками из ближнего круга. Он ждал заседания сената.

Он поздоровался с группой партийных руководителей, но потом извинился, заметив, что в зал вошли государственный секретарь Дуглас Оутс и министр обороны Джесс Симмонс. Моран направился к ним, протягивая руку; Оутс не ответил на этот жест.

Моран пожал плечами. Он мог позволить себе не обращать внимания на подобные оскорбления.

— Что ж, похоже, вы не настроены приветствовать Цезаря, но у вас нет и возможности похоронить его.

— Вы напомнили мне старый гангстерский фильм, который я видел мальчишкой, — ледяным тоном сказал Оутс. — Название фильма вам очень подходит.

— Правда? И что это за кино?

— „Маленький Цезарь“.

Улыбка Морана превратилась в свирепый оскал.

— Вы принесли заявление об отставке?

Оутс частично извлек конверт из внутреннего нагрудного кармана.

— Оно у меня с собой.

— Можете оставить его себе! — рявкнул Моран. — Я не доставлю вам удовольствия благородно уйти. Через десять минут после принятия присяги я проведу пресс-конференцию. Заверю нацию в законности смены власти и сообщу, что вы и остальные члены правительства президента вступили в заговор с целью установления диктатуры, и первым моим приказом станет ваша отставка.

— Иного мы и не ожидали. Честность никогда не была вам свойственна.

— Никакого заговора не было, и вы это знаете, — гневно сказал Симмонс. — Президент стал жертвой советского заговора с целью контроля над Белым домом.

— Это совершенно не важно, — злорадно ответил Моран. — К тому времени как станет известна правда, ущерб, нанесенный вашей репутации, будет невосполнимым. Вам больше никогда не работать в Вашингтоне.

Прежде чем Оутс и Симмонс смогли ответить, подошел помощник и что-то сказал Морану на ухо. Моран злобно отмахнулся от своих недругов и обернулся. Потом прошел в центр зала и поднял руку, призывая к тишине.

— Леди и джентльмены! — провозгласил он. — Мне только что сообщили, что сенат проголосовал за осуждение необходимыми двумя третями голосов. Наш больной президент смещен со своего поста, а вице-президент отсутствует. Пришло время привести наш дом в порядок и начать все заново.

Словно по сигналу, со своего места встал председатель верховного суда Нельсон О’Брайен, разгладил черную мантию и откашлялся. Все окружили Морана, а его секретарь протянул Библию, которая уже была объявлена как его настольная книга.

В этот миг в дверях показались Сэм Эммет и Дэн Фосетт. Они вошли и остановились. Потом увидели Оутса и Симмонса и подошли.

— Есть новости? — с тревогой спросил Оутс.

Эммет покачал головой.

— Никаких. Генерал Меткалф приказал перекрыть связь. Я не смог дозвониться до Пентагона и выяснить, почему он это сделал.

— Значит, все кончено.

Никто не ответил. Все повернулись и в бессильном гневе смотрели, как Моран поднял правую руку, чтобы принести присягу. Его левая рука лежала на Библии.

— Повторяйте за мной, — монотонно заговорил председатель верховного суда О'Брайен. — Я, Алан Роберт Моран, торжественно клянусь…

— Я, Алан Роберт Моран, торжественно клянусь…

— …верно исполнять обязанности президента Соединенных Штатов, — бубнил О'Брайен.

Неожиданно зал за Оутсом стих. Моран перестал повторять за судьей текст клятвы. Оутс с любопытством повернулся и осмотрел толпу. Все, оцепенев, смотрели на вице-президента Винсента Марголина, шедшего сквозь толпу. Перед ним шел Оскар Лукас. За ним — генерал Меткалф и адмирал Сандекер.

Поднятая рука Морана медленно опустилась, лицо стало пепельно-серым. Тишина заполнила зал, как изолирующее облако. Марголин шел к верховному судье, и потрясенная публика расступалась перед ним. Бросив на Морана ледяной взгляд, Марголин улыбнулся остальным.

— Спасибо за репетицию, — сердечно сказал он. — Думаю, я могу начать с этого места.

Глава 76

13 августа 1989 года Нью-Йорк

Питт медленно вошел в просторный вестибюль Всемирного торгового центра. Сал Касио ждал его. Он оценивающе посмотрел на Питта. Ему не приходилось видеть человека, столь близкого к физическому истощению.

Питт шел устало, волоча ноги, как человек, слишком многое испытавший. На нем был чужой плащ, на два размера меньше, чем нужно. Левая рука висела на перевязи, правую он прижимал к груди,

словно не давая ей рассыпаться, а на его лице было смешанное выражение боли и торжества. Глаза его зловеще блестели, и Касио узнал огонь мщения.

— Рад, что вы смогли прийти, — сказал Касио, не комментируя состояние Питта.

— Это ваш праздник, — ответил Питт. — Я лишь сопровождающий.

— Будет правильно, если мы завершим дело вместе.

— Я ценю вашу вежливость. Спасибо.

Касио повернулся и провел Питта к частному лифту. Достав из кармана маленький передатчик, он набрал нужный код, и дверь открылась. Внутри ждал лифтер. Он был без сознания и связан кожаным ремнем. Касио перешагнул через него и раскрыл полированную медную дверцу, на которой было выгравировано „Лифты Лифтоник, QW-607“. Касио перестроил управление и нажал кнопку 100.

Лифт поднимался как ракета, и в ушах у Питта трижды щелкнуло, прежде чем кабина замедлила ход и остановилась. Дверь открылась, впуская их в роскошно обставленную прихожую „Морских перевозок Бугенвиль инк.“.

Прежде чем выйти, Касио с помощью своего передатчика снова перенастроил управление лифтом. Потом повернулся и ступил на толстый ковер.

— Мы пришли для переговоров с Мин Корио, — самым прозаичным тоном сказал Касио.

Женщина подозрительно осмотрела их, особенно Питта, и раскрыла журнал записи в кожаном переплете.

— В расписании мадам Бугенвиль сегодня вечером нет никаких встреч.

На лице Касио появилось обиженное выражение.

— Вы уверены? — спросил он, наклоняясь над столом и заглядывая в журнал.

Женщина показала на пустую страницу.

— Тут ничего не...

Касио ребром ладони ударил ее по шее, и она упала головой и плечами на стол. Касио сунул руку ей под блузку и извлек карманный автоматический пистолет 25-го калибра.

— По ней не скажешь, — объяснил он, — но она из службы безопасности.

Бросив пистолет Питту, Касио пошел по коридору, увешанному картинами с изображением кораблей флота Бугенвилей. Питт узнал „Пайлоттаун“, и его усталое лицо стало суровым. Вслед за мускулистым частным детективом он по винтовой, покрытой сложной резьбой лестнице розового дерева поднялся в жилые помещения. На верху лестницы Касио встретился с очаровательной восточной женщиной, только что вышедшей из ванны.

На женщине были шелковая пижама и кимоно.

Глаза ее округлились, и, мгновенно реагируя, она ударила Касио ногой в пах. Однако тот предвидел это, чуть переместился, и удар пришелся в бедро.

Женщина приняла классическую стойку дзюдо и сделала несколько выпадов в голову Касио.

Она могла бы причинить больший ущерб стволу дуба. Касио принял ее нападение, пригнувшись, и действовал, как защитник на боковой линии. Женщина, проявляя чудеса кошачьей грации, ушла в сторону, но Касио ударом плеча лишил ее равновесия. Потом выпрямился и страшным ударом слева пробил защиту азиатки, едва не оторвав ей голову. Ноги женщины оторвались от пола, она отлетела и упала на пятифутовую вазу династии Сун. Ваза разлетелась в пыль.

— Вы умеете обращаться с женщинами, — небрежно заметил Питт.

— К счастью для нас, кое-что мы все еще умеем лучше их.

Касио направился к большой двойной двери, украшенной резными драконами, и неслышно отворил ее.

Мин Корио сидела в своей просторной кровати и просматривала груду бухгалтерских отчетов. Несколько мгновений двое мужчин стояли неподвижно, ожидая, когда она поднимет голову и увидит их. Она выглядела такой жалкой, такой хрупкой, что любой дрогнул бы. Но только не Питт и не Касио.

Наконец она подняла на лоб очки для чтения и посмотрела на незваных гостей без тени смущения или страха. В ее глазах было только любопытство.

— Кто вы такие? — просто спросила она.

— Меня зовут Сал Касио. Я частный детектив.

— А второй?

Питт вышел из тени и встал под лампой, висящей над кроватью.

— Думаю, вы меня знаете.

В ее голосе прозвучало легкое удивление, но и только.

— Мистер Дирк Питт.

— Да.

— Зачем вы пришли?

— Вы отвратительный паразит, отнявший жизнь у великого множества невинных людей, чтобы построить свою грязную империю. Вы виновны в смерти моего близкого друга и дочери Сала. Вы пытались убить меня. И вы спрашиваете, зачем я пришел?

— Вы ошибаетесь, мистер Питт. Я не совершала никаких преступлений. Мои руки чисты.

— Игра слов. Вы живете в своем музее артефактов Востока, закрывшись от внешнего мира, а ваш внук выполняет за вас грязную работу.

— Говорите, я причина смерти вашего друга?

— Ее убил нейротоксический агент, украденный вами у правительства и оставленный на „Пайлоттауне“.

— Я сожалею о вашей потере, — мягко сказала она. В ее вежливости и сочувствии не было ни следа иронии. — А вы, мистер Касио? Как я могу быть виновна в смерти вашей дочери?

— Ее вместе с экипажем убили на корабле, который тогда назывался „Сан-Марино“.

— Да, вспоминаю, — сказала Мин Корио, перестав притворяться. — Девушка с украденными деньгами.

Питт внимательно смотрел в лицо старухе. Голубые глаза ярко блестят, кожа ровная, лишь легкий намек на старческие морщины. Когда-то она, наверное, была очень красива. Но под этой внешностью Питт видел уродство, выгребную яму, затянутую льдом. Там таилась черная злоба, наполнившая его презрением.

— Вы, наверно, отняли столько жизней, — сказал он, — что теперь невосприимчивы к человеческим страданиям. Загадка в том, как вам удавалось так долго уходить от ответа.

— Вы пришли арестовать меня? — спросила она.

— Нет, — ответил Касио. — Убить.

Пронзительные глаза мгновенно сверкнули.

— Сейчас войдут мои охранники.

— Мы уже устранили двух женщин: в приемной и у ваших дверей. А что касается остальных... — Касио замолчал и показал пальцем на телевизионную камеру, укрепленную над кроватью. — Я перепрограммировал записи. Ваши охранники смотрят запись недельной давности.

— Мой внук найдет вас, и умирать вы будете медленно.

— Ли Тонг мертв, — сообщил Питт, с удовольствием выговаривая каждый звук.

Лицо изменилось. Кровь отлила от него, и оно стало бледно-желтым. Но не от потрясения и боли, подумал Питт. Она ждет, она чего-то ждет. Но тут огонек ожидания исчез так же быстро, как появился.

— Я вам не верю, — сказала она наконец.

— Он утонул вместе с баржей-лабораторией, после того как я его застрелил.

Касио подошел к кровати.

— Сейчас вы должны пойти с нами.

— Могу я спросить, куда вы меня забираете?

Голос по-прежнему мягкий и милый. Голубые глаза спокойны.

Они не заметили, что ее правая рука подвинулась под одеялом.

Питт никогда не мог объяснить, какой инстинкт спас ему жизнь. Может, он вдруг понял, что телекамера не очень похожа на обычную. Может, подсказало полное отсутствие страха в Мин Корио и такое ощущение, словно она продолжает оставаться хозяйкой положения, но, когда над ее головой возник тонкий луч, Питт бросился на пол.

Он повернулся на бок, вытягивая пистолет из кобуры. Краем глаза он видел, как луч лазера прошелся по комнате, разрезая мебель, поджигая занавеси и обои тонким, как игла, потоком энергии. Пистолет был у него в руке, и Питт начал стрелять по камере. После четвертого выстрела луч погас.

Касио продолжал стоять. Он протянул руки к Питту и упал. Лазер разрезал ему живот, аккуратно, как скальпель хирурга. Повернувшись на спину, Касио смотрел вверх.

Через несколько секунд он умрет. Питт хотел что-то сказать, но не находил слов.

Старый детектив поднял голову, говорил он с трудом и шепотом.

— Код лифта четыре-один-один-шесть.

Глаза его остекленели, и он перестал дышать.

Питт достал из кармана Касио передатчик, встал и направил пистолет в сердце Мин Корио. Та бесстрашно улыбалась. Тогда Питт опустил пистолет, сунул руки под одеяло, молча поднял ее и усадил в инвалидное кресло.

Она не сопротивлялась, не говорила дерзостей. Сидела молча, высохшая, маленькая. Питт вывез ее в коридор, подвез к маленькому лифту и спустил вниз, в офис. Когда они добрались до приемной, она увидела лежащую без сознания охранницу и посмотрела на Питта.

— Что сейчас, мистер Питт?

— Занавес над „Морскими перевозками Бугенвиль“ опускается, — сказал он. — Завтра ваш грязный бизнес перестанет существовать. Ваши шедевры восточного искусства разойдутся по музеям. Придет новый жилец и переустроит вашу контору и жилое помещение. Весь ваш флот будет распродан. Отныне имя Бугенвиль станет лишь далеким воспоминанием в газетных микрофишах. Ни друзья, ни родственники не будут вас оплакивать, и я лично позабочусь, чтобы вас похоронили на кладбище для нищих и бродяг.

Наконец он ее задел, и на лице старухи появилась неприкрытая, обжигающая ненависть.

— А ваше будущее, мистер Питт?

Он улыбнулся.

— Собираюсь восстановить машину, которую вы взорвали.

Она кое-как приподнялась в кресле и плюнула в него.

Питт не сделал попытки стереть слюну. Он продолжал стоять и, улыбаясь, смотрел на нее, а она проклинала его по-корейски.

Питт набрал на передатчике код, который сообщил ему Касио, и смотрел, как открывается дверь лифта „Лифтоник QW-607“.

Но кабины не было, только пустая шахта.

— Бон вояж, старая дьяволица.

Он толкнул кресло в отверстие и стоял, слушая, как оно отскакивает от стен шахты, пока на сто этажей ниже не послышался слабый удар.

Лорен сидела на скамье в вестибюле, когда он вошел через главный вход Торгового центра. Она пошла ему навстречу, они встретились и обнялись. Несколько мгновений стояли, вцепившись друг в друга, и молчали.

Она видела его усталость и боль. И чувствовала в нем нечто большее — какой-то странный внутренний мир, которого она никогда раньше не ощущала. Лорен несколько раз поцеловала его. Потом взяла за руку и отвела к ждущему такси.

— А где Сал Касио? — спросила она.

— С дочерью.

— А Мин Корио Бугенвиль?

— В аду.

Она видела его отстраненный взгляд.

— Тебе нужно отдохнуть. Лучше отвезу тебя в больницу.

Неожиданно на его лице появилось знакомое дьявольское выражение.

— У меня на уме кое-что другое.

— Что именно?

— Вся следующая неделя в номере лучшего отеля на Манхэттене. Шампанское, еда для гурманов, поданная в номер, и мы с тобой занимаемся любовью.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Почему я должна на все это согласиться?

— Очевидно, потому, что я не в состоянии отдавать приказы.

Она прижалась к нему.

— Вероятно, это самое малое, что я могу сделать, после того как ты спас мне жизнь.

— Семпер паратус, — сказал он.

— Семпер что?

— Девиз береговой охраны. Всегда готов. Если бы вертолет охраны не пришел к барже вовремя, мы оба лежали бы на дне Мексиканского залива.

Они дошли до такси, и Лорен помогла Питту сесть. Она села рядом с ним и принялась целовать ему руки, а шофер терпеливо всматривался куда-то через ветровое стекло.

— Куда? — спросил он наконец.

— В отель „Хелмсли пэлас“, — ответил Питт.

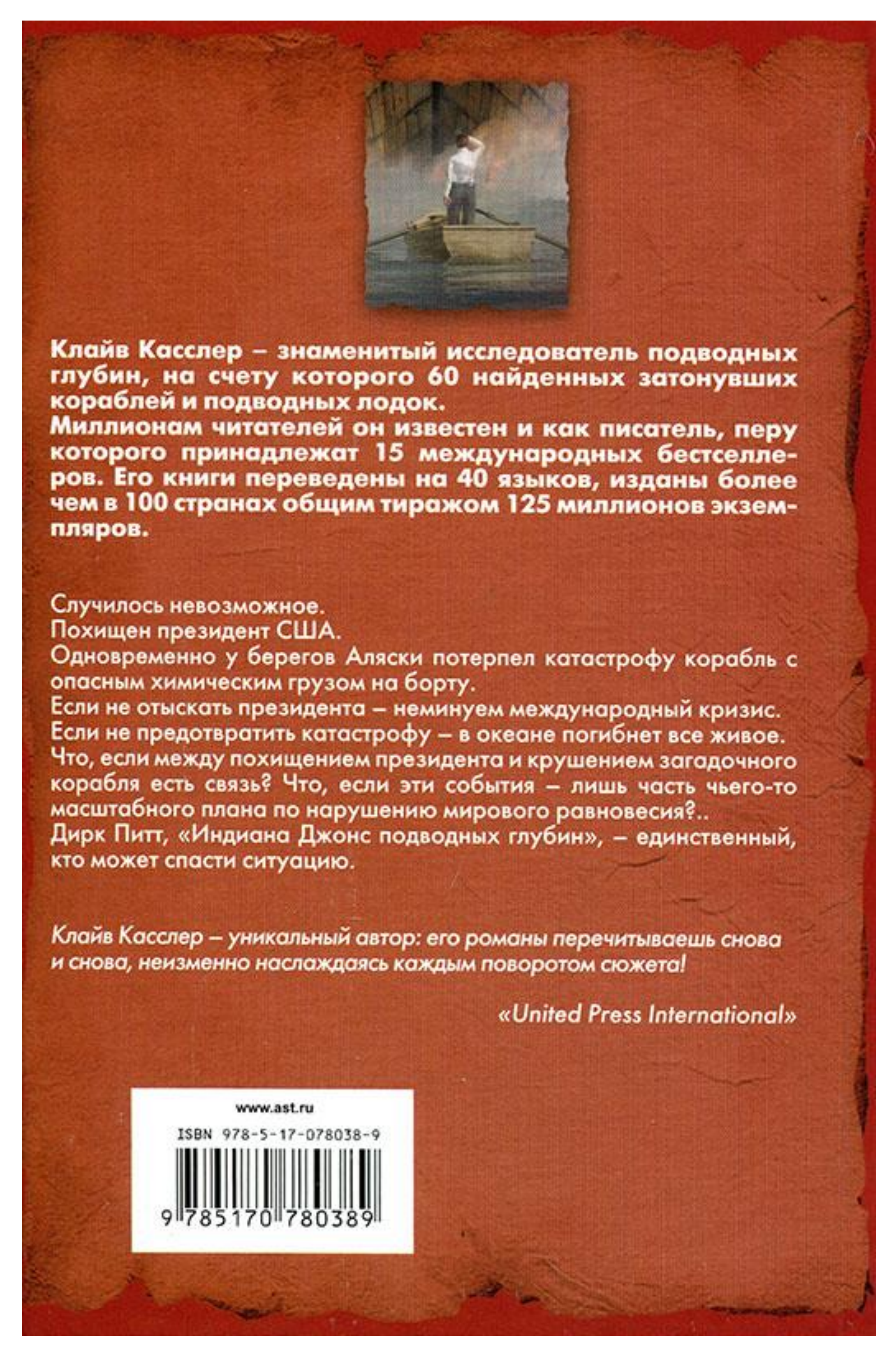
Лорен посмотрела на него.

— Ты снял номер в „Хелмсли“?

— Пентхаус, — поправил он ее.

— А кто будет платить за эту роскошную интерлюдию? Питт взглянул на нее с деланным изумлением.

— Как кто? Конечно правительство!

Примечания

1

„Либерти“ (англ. Liberty Ship) — типовой проект транспортного судна Второй мировой войны, по которому в 1941–1945 годах 18 верфей США построили серию из 2751 судна. — Здесь и далее примеч. пер.

2

Эбенезер Скрудж — персонаж повести Чарльза Диккенса „Рождественская песнь“, а также многочисленных фильмов, поставленных по этому литературному произведению; олицетворение скупости.

3

Джон Пол Джонс (1747, Керкубри, Шотландия — 1792) — шотландский моряк, служивший в Великобритании, США и России. Наиболее известен участием в Войне за независимость США.

4

Литтл-Бигхорн (англ. Little Bighorn) — приток реки Биг-хорн, протекающий по территории американских штатов Вайоминг и Монтана. Этот небольшой проток известен прежде всего произошедшим здесь 25–26 июня 1876 года сражением между индейским союзом лакота — северные шайенны и Седьмым кавалерийским полком армии США.

5

Горацио Алджер — американский писатель XIX века. Его герои, обычно из бедной семьи, благодаря труду, решимости, храбрости и честности добивались благополучия и хорошего положения в жизни.

6

„Гранд нэшнл“ — ежегодные скачки в Великобритании, под Ливерпулем.

7

Macy's — одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

8

Лондонский Ллойд, или просто Ллойд, — известный рынок страхования, называемый иногда (ошибочно) страховой компанией.

9

Имеется в виду „Марш победы“, гимн университета Норт-Дам. Университет Нотр-Дам (University of Notre Dame du Lac) — католический частный элитный университет, расположен в городе Саут-Бенд (Индиана) в США, в двух часах езды от Чикаго.

10

Военно-морская обсерватория США — астрономическая обсерватория, основанная в 1893 году в г. Вашингтон (округ Колумбия), США. С 1974 года обсерватория является официальной резиденцией вице-президента США.

11

Яков (Жак) Савчик — французский дизайнер украинского происхождения, основатель и владелец известного в первой половине XX в. ателье по производству кузовов для легковых автомобилей.

12

National Mall — комплекс разнообразных памятников и музеев в историческом центре Вашингтона.

13

Клуб 21, или просто 21, — известный ресторан в Нью-Йорке.

14

Известная английская фирма по производству корпусов автомобилей.

15

Фильм Питера Селлерса „Таинственный заговор доктора Фу Манчу“, 1980 г.

16

Национальный мемориал Гора Рашмор (англ. Mount Rushmore National Memorial) в Южной Дакоте, США. Гора известна тем, что в ее гранитной горной породе высечен гигантский барельеф высотой 18,6 метра, который является скульптурными портретами четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

17

„Музыкальные стулья“ — игра, в ходе которой играющие под музыку движутся вокруг стульев. Стульев на один меньше, чем играющих. Как только музыка прекращается, нужно сесть на стул. Тот, кто не успел, проиграл.

18

„Форчун“ и „Форбс“ — экономические журналы; „Дан энд Брэдстрит“ — фирма, составляющая отчеты о кредитных операциях.

19

Город Самтер находится в штате Южная Каролина.

20

Строки из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло „Стрела и песня“, в пер. Г. Кружкова.

21

„Братья Брукс“ — старейшая и очень распространенная марка мужской одежды в США.

22

Сэндвич с жареной свининой и сыром.

23

Гордон Лидди, спецагент, и Чарльз Колсон, советник президента Никсона, из числа осужденных по делу „Уотергейт“.

24

Традиционное наказание в южных штатах до Гражданской войны. Провинившегося сажали на брус (из ограды) и проносили по всему городу, потом сбрасывали за городскими пределами. Иногда преступника предварительно вываливали в смоле и перьях.

25

Братья Маркс (Marx Brothers) — популярный в США комедийный квинтет, специализировавшийся на кинофильмах „комедии абсурда“ — драк, пощечин, флирта и „метания тортов“.

26

Персонаж романа Чарльза Диккенса „Приключения Оливера Твиста“, скупщик краденого, крестный отец лондонских воров и мошенников.

27

Аудитория Лиснера — зал на полторы тысячи мест, где проходят театральные постановки и другие массовые мероприятия.

28

В 1970 году четыре студента университета штата Огайо были застрелены национальными гвардейцами, которые утверждали, что перед этим слышали пистолетный выстрел.

29

„Андреа Дориа“ — итальянский трансатлантический лайнер, флагман „Италиан лайн“. 26 июля 1956 года затонул через 11 часов после столкновения с лайнером „Стокгольм“ у побережья Нью-Йорка.

30

Бенедикт Арнольд (1741–1801) — генерал-майор, участник войны за независимость США, перешедший на сторону Великобритании. В США считается символом предательства.

31

Марка шотландского виски.

32

В США 15 апреля — крайний срок подачи налоговых деклараций за прошлый год.

33

Крытый стадион в Нью-Орлеане.

34

Плакмин Париш — историческая территория в штате Луизиана. Париш — приход; некогда это был один церковный приход.

35

Томас Джонатан Джексон „Каменная Стена“, с 1861-го также Стоунуолл Джексон (Thomas Jonathan „Stonewall“ Jackson) (21 января 1824 — 10 мая 1863) — генерал Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской войны. Один из самых талантливых генералов Юга.

36

Улисс Симпсон Грант (1822–1885) — американский политический и военный деятель, полководец северян в годы Гражданской войны в США, генерал армии. С 4 марта 1869 г. по 4 марта 1877 г. — 18-й президент США.

37

Пушка французского производства середины девятнадцатого века, активно использовавшаяся в Гражданской войне.

38

Американский комический актер.

39

Первое сражение при Бул-Ране, также Первое сражение при Манассасе (последнее название употреблялось конфедератами и до сих пор используется на Юге), — первое крупное сухопутное сражение Американской Гражданской войны. Произошло 21 июля 1861 года возле Манассаса, штат Виргиния.

40

Сражение при Аппоматтоксе произошло утром 9 апреля 1865 года и стало последним сражением, в котором участвовала Северовиргинская армия генерала Ли, и последним крупным сражением американской Гражданской войны.